g 2/6

Г 2/6

РОССІЙСКІЙ

ЦАРСТВЕННЫЙ ДОМЪ

РОМАНОВЫХЪ.

Тетрадь

I.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

1852.

РОССІЙСКІЙ
ЦАРСТВЕННЫЙ ДОМЪ
РОМАНОВЫХЪ.

Изданіе Г. К. Фридебургъ.
С. ПЕТЕРБУРГЪ.

ОЧЕРКЪ ИСТОРІИ

БОЯРСКАГО ДОМА

РОМАНОВЫХЪ-ЮРЬЕВЫХЪ-ЗАХАРЬИНЫХЪ,

ДО ГОНЕНІЙ

ЦАРЯ БОРИСА ГОДУНОВА,

съ 1280 *по* 1602 *годъ.*

Родоначальникомъ Царствующаго нынѣ въ Россіи Дома Романовыхъ родословныя наши книги согласно именуютъ Андрея Ивановича, прибывшаго въ Русскую Землю изъ прусскихъ прибалтійскихъ юго-восточныхъ владѣній (1). Судя по фамильному гербу бояръ Романовыхъ-Юрьевыхъ-Захарьиныхъ, помѣщенному въ началѣ этой статьи, на которомъ изображены: княжеская корона, два серебренныхъ креста, скипетръ, держава и, кромѣ того, дубъ, составлявшій самое почетное украшеніе герба Пруссовъ и Литовцевъ; можно съ большою достовѣрностью заключить, что Андрей Ивановичъ происходилъ отъ древнихъ пруско-литовско-самогитскихъ владѣтельныхъ князей, и что переселеніе его

(1) Родосл. кн. Княз. и Двор. Ч. II, ст. 327.

въ Россію послѣдовало, въ эпоху всеобщаго движенія западныхъ народовъ Европы, во время крестовыхъ походовъ.

Новѣйшіе повѣствователи утверждаютъ, что Андрей Ивановичъ былъ сынъ владѣтельнаго князя Глянды или Гландала Дивоновича Камбила, потомка Князя Недрона, четвертаго сына перваго латышскаго, по другимъ прусскаго, а по инымъ литовскаго царя, Видвута или Вейдевута, и владѣтеля Судовіи, Самогиціи и другихъ земель, которому старшій братъ Прутено уступилъ престолъ въ 330 году по Р. Х., принявъ званіе верховнаго жреца при религіозныхъ служеніяхъ, совершавшихся около священнаго дуба [1].

Князь Глянда Дивоновичъ Камбило, утомленный долговременною борьбою съ *крыжаками* [2], побѣжденный Конрадомъ, Герцогомъ Мазовскимъ, съ его союзниками, Меченосцами и рыцарями Тевтонскаго Ордена, наконецъ утѣсняемый ими въ своемъ отечествѣ, онъ, вмѣстѣ съ прочими туземными владѣтельными князьями, долженъ былъ искать убѣжища въ иноземныхъ государствахъ. Слава и доблести Великаго Князя Александра Ярославича Невскаго побудили его удалиться въ Русскую Землю.— Глянда прибылъ сюда, съ двумя малолѣтными своими сыновьями и вассалами, какъ должно полагать, въ послѣднюю четверть XIII столѣтія, около 1280 года, въ княженіе Александра Ярославича Невскаго, или сына его, Великаго Князя Дмитрія I Александровича, и убѣдившись въ истинахъ христіанской религіи принялъ, вмѣстѣ со своими дѣтьми, святое крещеніе, въ 1287 году. При крещеніи, Князь Глянда былъ нарѣченъ Іоанномъ, а сыновьямъ его даны имена: старшему Андрея, а младшему Ѳеодора [3].

Именитый родъ Князя Глянда Камбила быстро возвышался въ Русской Землѣ, въ поколѣніи Романовыхъ, и именно:

Сынъ Глянды, *Андрей Ивановичъ*, вступивъ въ службу при Іоаннѣ Даніловичѣ, былъ въ большомъ почтеніи и вскорѣ пожалованъ въ бояре [4]. Въ княженіе сына Іоанна Даніловича, Симеона Іоанновича Гордаго, въ 1347 году, онъ былъ посланъ, вмѣстѣ съ Алексѣемъ Босоволковымъ, въ Тверь за невѣстою Великаго Князя Симеона, дочерью Великаго Князя Тверскаго Александра II, Маріею Александровною [5], и вскорѣ послѣ того, въ томъ же 1347 году, отправленъ въ Тверь воеводою.

Сынъ Андрея, *Ѳеодоръ Андреевичъ*, служилъ при Великихъ Князьяхъ: Дмитріи Іоанновичѣ Донскомъ и сынѣ его Василіи Дмитріевичѣ; въ послѣдствіи онъ былъ бояриномъ и намѣстникомъ новгородскимъ [6].

Ѳеодоръ Андреевичъ пользовался такою довѣренностію и уваженіемъ Дмитрія Іоанновича, что при выступленіи Великаго Князя на борьбу съ Мамаемъ, въ 1380 году, оставался воеводою въ Москвѣ, блюсти столицу и семейство княжеское [7]. Имя Ѳеодора, въ числѣ немногихъ бояръ, значится въ обѣихъ духовныхъ грамотахъ Дмитрія Донскаго [8].

Въ 1389 году, онъ избранъ былъ умирающимъ Дмитріемъ, въ числѣ девяти вельможъ, *совѣтникомъ* къ юному наслѣднику Московскаго Велико-Княжескаго Престола, Василію Дмитріевичу [9].

Въ 1391 году, Ѳеодоръ Андреевичъ породнился съ владѣтельнымъ Домомъ Рюрика, выдавъ дочь свою Анну за Князя Ѳеодора Михаиловича, сына Михаила Андреевича, Князя Тверскаго [10].

Наконецъ, въ 1393 году въ княженіе Великаго Князя Василія Дмитріевича, этотъ знаменитый бояринъ въ качествѣ велико-княжескаго посла, усмирилъ, безъ всякаго кровопролитія, возмутившійся Новгородъ [11].

---

[1] Гербов. Рос. Двор. кн. II, отд. I, листъ 27. Genealogisch-chronologische Geschichte des Allerdurchlauchtigsten Hauses Romanow und seines voralterlichen Stammhauses, von Campenhausen. стр. 14—18.—[2] Такъ назывались въ Польшѣ Крестоносцы.—[3] Истор. Рос. Госуд. Карамз. Т. VIII, пр. 164.—Род. кн. Княз. и Дв. Ч. II стр. 327.—[4] Geneal.-chronol. Gesch. des Allerdurch. Hauses Romanow. von Campenhausen. стр. 79.—[5] Повѣствов. о Россіи, Арцыбашева. Ч. II стр. 100, пр. 722; Истор. Карамз. Т. IV, пр. 365.—[6] Geneal.-chronol. Gesch. des Allerdurch. Hauses Romanow. von Campenhausen. стр. 79.—[7] Истор. Карамз. Т. V стр. 37; Повѣст. о Россіи, Арцыб. Т. II стр. 131, но здѣсь сказано: «попеченію воеводы Ѳеодора Андреевича (Свибла).» —[8] Истор. Карамз. Т. V пр. 116.—[9] Тамъ же, стр. 60 и пр. 118.—[10] Тамъ же, пр. 254.—[11] Тамъ же, пр. 149.—Повѣств. о Рос. Арцыб. Т. II стр. 147.—Кратк. описан. Дома Юрьевыхъ-Ром. Воейкова, стр. 6.

Сынъ Ѳеодора, *Иванъ Ѳеодоровичъ*, извѣстенъ не менѣе: онъ служилъ при Великихъ Князьяхъ Дмитріи и сынѣ его, Василіи Дмитріевичѣ, у котораго былъ казначеемъ, пользуясь не только его довѣренностію, но даже дружбою [1]. Имя его, вмѣстѣ съ именемъ отца, было также помѣщено въ духовныхъ грамотахъ Дмитрія Донскаго [2] и въ такой же грамотѣ Василія Дмитріевича [3].

Сынъ Ивана, *Захарій Ивановичъ*, служилъ при Великомъ Князѣ Василіи Васильевичѣ Темномъ бояриномъ и большимъ воеводою [4].

Сынъ Захарія, *Юрій Захарьевичъ*, служилъ при Великомъ Князѣ Іоаннѣ III Васильевичѣ воеводою и въ 1493 году пожалованъ въ бояре [5]. Въ особенности прославился онъ, вмѣстѣ съ старшимъ братомъ своимъ, Яковомъ Захарьевичемъ, во время войны Іоанна III, въ 1500 году, противъ Александра Литовскаго. Оба брата были въ числѣ главныхъ предводителей московской рати, и ознаменовали первыя дѣйствія побѣдами [6]. Но съ пріѣздомъ въ Дорогобужъ Князя Даніила Щени, котораго Іоаннъ III прислалъ предводительствовать большимъ полкомъ, открылись споры о мѣстахъ: Юрій Захарьевичъ считалъ для себя унизительнымъ начальствовать сторожевымъ полкомъ, и только гнѣвное слово Государя заставило примириться обоихъ полководцевъ [7]. Слѣдствіемъ этого примиренія была знаменитая побѣда, одержанная ими на берегахъ Ведроши, надъ Княземъ Константиномъ Острожскимъ.

Сынъ Юрія, окольничій и воевода времени Царя Іоанна Васильевича Грознаго, *Романъ Юрьевичъ* [8], былъ отецъ столь памятной въ нашей исторіи Царицы Анастасіи Романовны, первой супруги Царя Іоанна IV.

Достойно замѣчанія, что Св. Геннадій, Костромской Чудотворецъ, предсказалъ матери Анастасіи Романовны, Іуліаніи, что дочь ея будетъ *первою* царицею въ Русскомъ Государствѣ [9]. Предсказаніе сбылось, и Анастасія Романовна всегда питала особенное усердіе къ этому угоднику.

Надѣленная всѣми женскими добродѣтелями и необыкновенною красотою, она, въ продолженіе тринадцати лѣтъ, имѣла благотворное вліяніе на пылкій характеръ своего супруга. Лѣтописи говорятъ: *предобрая* Анастасія *наставляла и приводила* Іоанна *на всякія добродѣтели* [10], и это вліяніе было, какъ извѣстно, весьма важно для всего государства. Съ кончиною Царицы Анастасіи Романовны, послѣдовавшею 7 августа 1560 года, началась перемѣна не только въ характерѣ Іоанна, но и государственныя отношенія приняли другой видъ.

Весьма естественно, что близкое родство съ Царемъ должно было возвысить Домъ Захарьиныхъ-Юрьевыхъ. Дѣйствительно, члены этого Дома являются, съ тѣхъ поръ, всюду на первыхъ государственныхъ мѣстахъ и приближенными совѣтниками Царя Іоанна Васильевича; но къ чести ихъ должно сказать, что никогда не употребляли они во зло своего могущества для личныхъ видовъ: напротивъ, большая часть изъ нихъ ознаменовали себя важными заслугами государству, на военномъ и гражданскомъ поприщахъ. Такъ, думный бояринъ и дворецкій Царя Іоанна Васильевича, Даніилъ Романовичъ Захарьинъ-Юрьевъ, родной братъ Анастасіи Романовны, бывъ воеводою въ казанскомъ походѣ, усмирилъ вмѣстѣ съ Князьями Серебрянымъ и Микулинскимъ, нагорную сторону Волги [11], взялъ при содѣйствіи Князя Александра Горбатаго-Суздальскаго, приступомъ укрѣпленный Арскій Острогъ, 6 сентября 1552 г. [12], и, по паденіи Казани, былъ посланъ Іоанномъ въ Москву, съ вѣстью къ Царицѣ и народу о завоеваніи Казанскаго Царства [13].

Младшій братъ Царицы Анастасіи Романовны, *Никита Романовичъ* Захарьинъ-Юрьевъ, дѣдъ Царя Михаила Ѳеодоровича Романова, бояринъ и воевода, пользовался особенною любовію и довѣренностію Царя; онъ, подобно сестрѣ своей Царицѣ Анастасіи, умѣлъ укрощать порывы гнѣва Іоаннова. Народная любовь увѣковѣчила его имя въ пѣсняхъ.

---

(1) Истор. Карамз. Т. V стр. 116.—(2) Тамъ же Т. V пр. 116.—(3) Тамъ же пр. 227. — (4) Собр. зап. Ѳ. Туманскаго Ч. II стр. 4. Кампенгаузенъ стр. 106. — (5) Зерц. Рос. Госуд. Мальгина стр. 475. Древ. Рос. Вивл. Т. XX стр. 7.—(6) Истор. Карамз. Т. VI стр. 184.—(7) Тамъ же стр. 185 пр. 489.—(8) Собр. зап. Ѳ. Туманскаго Ч. II, стр. 10.—(9) Взглядъ на исторію Костромы, Кн. Козловскаго стр. 147, пр. 44.—(10) Истор. Карамз. Т. VIII пр. 165.—(11) Тамъ же стр. 175.—(12) Повѣств. о Рос. Арцыб., Т. II, отд. I стр. 201.—(13) Тамъ же стр. 210.

Никита Романовичъ, отличавшійся добродушіемъ, благочестіемъ и усердіемъ къ украшенію храмовъ Божіихъ [1], прославилъ свое имя также на поприщахъ военномъ и гражданскомъ. Въ 1547 году, онъ былъ, въ разныхъ походахъ, воеводою; въ 1552 году, первымъ воеводою на войнѣ противъ Шведовъ, подъ Нарвою; въ 1559 году, окольничимъ и воеводою въ лифляндскомъ походѣ [2]; потомъ участвовалъ въ казанскомъ походѣ [3]. Въ 1562 году пожалованъ въ бояре [4]. Въ 1566 году, онъ былъ пожалованъ дворецкимъ [5]; въ 1573 году, ходилъ подъ Пайду (нынѣшній Вейсенштейнъ), вмѣстѣ съ Княземъ Иваномъ Андреевичемъ Шуйскимъ, и командовалъ передовымъ полкомъ [6]; въ томъ же году, въ числѣ прочихъ воеводъ, былъ посланъ въ Казанскую Землю, для усмиренія взбунтовавшихся Черемисъ [7]. Въ 1574 году, Никита Романовичъ получилъ важное мѣсто главнаго начальника надъ сторожевою и станичною службою Московскаго Государства, въ которой ввелъ весьма многія улучшенія: обезпечилъ подчиненныхъ достаточными помѣстными окладами, ввелъ строгую дисциплину въ станичную службу, построилъ много новыхъ укрѣпленій, посылалъ разъѣзды въ степи Ногайцевъ и Крымцевъ, такъ, что въ слѣдствіе его распоряженій линія украинскихъ городовъ вытянулась въ 1586 году уже до Сосны и устья Воронежа [8]. Въ 1575, 1576 и 1577 годахъ, онъ участвовалъ въ ливонской войнѣ, въ продолженіе которой, въ 1575 году подъ Колыванью, командовалъ большимъ полкомъ [9], и въ томъ же году, послѣ взятія г. Пернова, единственно своимъ великодушіемъ къ жителямъ покореннаго города, доставилъ Царю нѣсколько замковъ, сдавшихся войскамъ безъ всякаго сопротивленія [10]. Въ 1576 году, былъ посланъ въ Москву *для осаднаго времени* [11]. Въ 1577, предводительствовалъ особеннымъ полкомъ подъ Новгородомъ [12]. Въ 1579, онъ былъ въ литовскомъ походѣ [13], а въ 1582 году, назначенный Намѣстникомъ Новгородскимъ, велъ переговоры съ папскимъ посломъ Антоніемъ Поссевиномъ [14].

Умирая, Царь Іоаннъ IV Васильевичъ избралъ Никиту Романовича въ члены Верховной Думы, при наслѣдникѣ престола Ѳеодорѣ Іоанновичѣ, вмѣстѣ съ четырьмя другими боярами: Княземъ Иваномъ Ѳеодоровичемъ Мстиславскимъ, Княземъ Иваномъ Петровичемъ Шуйскимъ, Борисомъ Ѳедоровичемъ Годуновымъ и Богданомъ Яковлевичемъ Бѣльскимъ [15]. Въ думѣ этой, Никита Романовичъ и Мстиславскій носили званіе *правителей* [16].

Боярин Никита Романовичъ былъ женатъ два раза. По смерти, 18 іюня 1552 года, первой супруги своей, Варвары [17], происхожденіе которой неизвѣстно, онъ вступилъ во второй бракъ съ Евдокіею, дочерью Князя Александра Борисовича Горбатаго-Суздальскаго, умершей въ 1581 году [18]; слѣдовательно вдвойнѣ былъ связанъ родствомъ съ владѣтельнымъ великокняжескимъ Домомъ Рюрика: 1) бракомъ Царя Іоанна Васильевича съ его сестрою, Анастасіею Романовною и 2) собственнымъ послѣднимъ бракомъ, съ Княжною Евдокіею Александровною.

Отъ втораго брака у Никиты Романовича было семь сыновей: 1) Ѳеодоръ, умершій 1 октября 1633 г. [19] 2) Александръ, умершій 12 марта 1606 г. 3) Михаилъ, умершій 13 марта 1606 г. 4) Никита, умершій въ 1598 г. 5) Иванъ, умершій 13 іюля 1640 г. 6) Василій, умершій 13 февраля 1601 г. и 7) Иванъ (прозванный Левъ), умершій 5 февраля 1595 г. [20], и шесть дочерей: 1) Іулианія, умершая малолѣтною, 2) Анна, въ супружествѣ за Княземъ Иваномъ Ѳеодоровичемъ Троекуровымъ, умершая 5 декабря 1585 г. [21] 3) Евфимія, за Княземъ Иваномъ Васильевичемъ Сицкимъ, умершая 8 апрѣля 1601 г. [22] 4) Марѳа, въ супружествѣ за Княземъ Борисомъ Камбулатовичемъ Черкасскимъ, умершая 28 февраля 1610 г. [23] 5) Ирина, за Иваномъ Ивановичемъ Годуновымъ, умершая 6 іюня 1639 г. [24] и 6) Анастасія, за Княземъ Борисомъ Михайловичемъ Лыковымъ-Оболенскимъ, умершая въ 1655 году.

---

[1] Древ. Рос. Вивліоѳ. Т. XI стр. 55. — [2] Собр. зап. Ѳ. Тум. Ч. II, стр. 13.—[3] Военно-Энцикл. Лекс. стр. 487.—[4] Древ. Рос. Вивл. Т. XX стр. 45.—[5] Тамъ же стр. 47.— [6] Истор. Карам. Т. IX, пр. 412. —[7] Тамъ же пр. 417. — [8] Военно-Энцикл. Лексик. стр. 487.—[9] Истор. Карам. Т. IX пр. 246.—[10] Тамъ же стр. 133.—[11] Древ. Рос. Вивл. Т. XIV, стр. 295.—[12] Ист. Карам. Т. IX, стр. 149 пр. 460.—[13] Тамъ же пр. 516.—[14] Тамъ же пр. 621.—[15] Тамъ же Т. IX стр. 256.—[16] Повѣств. о Рос. Арцыб. Т. III стр. 3 пр. 8.—[17] Собр. зап. Ѳ. Туманскаго Ч. II стр. 12.—[18] Зерц. Рос. Госуд. Мальг. стр. 476.—[19] См. жизнеоп. Ѳеодора Никитича сего изданія.—[20] Собр. зап. Ѳ. Туманскаго Ч. II стр. 15 и 16.—[21] Тамъ же, стр. 16.—[22]—Тамъ же стр. 17.—[23] Ист. Карам. Т. X пр. 273.—Собр. запис. Ѳ. Туманскаго Ч. I стр. 17.—[24] Исторія Карам. Т. XI стр. 69 и пр. 144.

Въ началѣ 1609 года, Поляки, соединившись съ жителями г. Переяславля-Залѣсскаго, признавшими втораго Лже-Димитрія, устремились на Ростовъ, остававшійся, по внушенію своего архипастыря, вѣрнымъ Царю Василію Іоанновичу Шуйскому. Ростовцы, испуганные вѣстію о приближеніи непріятеля, спѣшили искать спасенія въ бѣгствѣ, убѣждая также своего уважаемаго владыку оставить вмѣстѣ съ ними беззащитный городъ и удалиться въ Ярославль. Мужественный Филаретъ не только не согласился покинуть митропольный градъ свой, но еще убѣждалъ малодушныхъ жителей противустать богоотступникамъ: *аще мы побіенны будемъ отъ нихъ*, говорилъ онъ, *то отъ Бога воспріимемъ мученическіе вѣнцы; аще претерплю многія муки, но дома Пресвятыя Богородицы и Ростовскихъ Чудотворцевъ не покину* (1). Христіанскіе слова эти подѣйствовали однако на немногихъ рѣшительныхъ людей; съ ними-то, пришелъ Митрополитъ въ соборный храмъ Богородицы, и положилъ твердое намѣреніе защищаться до послѣдней крайности. Тамъ, онъ облачился въ святительскія ризы, отслужилъ молебенъ и приготовляясь къ славной смерти причастился, со всѣми, Св. Таинъ.

Въ тотъ же день Переяславцы и Ляхи, вступили въ беззащитный городъ, разграбили его, и бросились къ собору, но здѣсь они встрѣтили упорное сопротивленіе. Съ отчаяннымъ мужествомъ, вѣрные Ростовцы, одушевляемые присутствіемъ Митрополита, обороняли Храмъ Божій, однако естественно не могли устоять противъ многочисленнаго скопища: ветхія деревянныя двери были выломаны, и грабители ворвались въ церковь. Почти всѣ защитники пали подъ ихъ мечами, однако ни одна вражья рука не посягнула на жизнь неустрашимаго святителя, удовлетворяя лишъ своей алчности хищники сняли съ него богатое облаченіе (2). Разграбивъ Соборъ, изверги выжгли городъ, а доблестнаго архипастыря отправили какъ плѣнника, подъ стражею въ Тушино, ко второму Лже-Димитрію; дорогою надѣли на обнаженную его голову татарскую шапку, накинули, сверхъ свиты, литовское платье, и когда утомленный Митрополитъ не могъ пѣшкомъ продолжать дороги, то посадили его на возъ, и въ такомъ видѣ представили въ станъ самозванца (3).

Тушинскій Воръ былъ весьма обрадованъ прибытію Филарета Никитича, какъ ближняго родственника убіеннаго Димитрія, и, желая привлечь его на свою сторону, встрѣтилъ съ знаками величайшаго уваженія, возвратилъ ему богатое святительское одѣяніе, назначилъ къ нему служительскихъ чиновъ, далъ златой поясъ и чествовалъ какъ архипастыря (4); но Филаретъ Никитичъ (передаетъ пасторъ московской лютеранской церкви Беръ), отблагодаривъ самозванца за пріемъ драгоцѣннымъ восточнымъ яхонтомъ изъ своего жезла (5), не измѣнилъ присягѣ Царю Василію. Тогда Тушинскій Воръ, зная, какое важное вліяніе могъ имѣть Митрополитъ на умы, держалъ его подъ строгимъ присмотромъ (6), заставляя даже присутствовать въ своихъ засѣданіяхъ (7).

Около года провелъ Филаретъ въ такомъ заключеніи, и только послѣ бѣгства Тушинскаго Вора, устрашеннаго приближеніемъ Михаила Васильевича Скопина-Шуйскаго, былъ отбитъ у Рожинскаго подъ стѣнами монастыря Св. Іосифа Волокъ-Ламскаго, въ мартѣ 1610, отрядомъ Григорія Валуева, съ которымъ и прибылъ въ Москву (8).

Тамъ, послѣ низверженія Царя Шуйскаго, когда осиротѣвшее Русское Царство поступило въ правленіе Боярской Думы, въ числѣ немногихъ патріотовъ, желавшихъ царя самодержавнаго, законнаго, находился и Митрополитъ Филаретъ. По своему вліянію, а еще болѣе по близкому родству съ угасшею династіею, онъ могъ бы содѣйствовать избранію на царство юнаго своего Михаила, котораго уже тогда благомыслящіе люди, по совѣту Патріарха Гермогена, желали видѣть на престолѣ. Но происки не были свойственны благородной душѣ Филарета Никитича: не думая о личныхъ выгодахъ, онъ ждалъ, чтобы образумившійся народъ самъ единогласно избралъ себѣ государя.

Дѣла, къ несчастію, приняли оборотъ совершенно противный видамъ и намѣреніямъ истинныхъ сыновъ отечества: на Русскій Престолъ приглашенъ былъ сынъ Польскаго Короля Сигизмунда, Владиславъ. Тщетно Митрополитъ Филаретъ убѣждалъ народъ, съ лобнаго мѣста, въ опасностяхъ, угро-

(1) Сказаніе о осадѣ Троицко-Сергіева Монастыря Палицына, стр. 50 и 51; Лѣт. по Ник. списку Т. VII и VIII стр. 103.—(2) Тамъ же стр. 103—105.—(3) Сказ. о осадѣ Троиц. Серг. мон. Палицына стр. 44. Дополн. къ дѣян. Петра Велик. стр. 385. Акты Археогр Экси. Т. II № 88. Грам. Уст. Юж. Д. Г. Г. № 3.—(4) Ист. Кар. Т. XII стр. 72.—(5) Ист. Карам. Т. XII пр. 301. Лѣт. Моск. Бера стр. 144.—(6) Ист. Карам. Т. XII стр. 72. — (7) Коберзицкаго стр. 148; Нарушевича стр. 283. — (8) Ист. Карам. Т. XII стр. 121 пр. 509; Повѣств. о Рос. Арцыб. Т. III стр. 232.

жавшихъ Россіи и Православной Церкви отъ столь необдуманнаго выбора [1]. Приближеніе къ Москвѣ гетмана Жолкѣвскаго, съ войскомъ Поляковъ, и Тушинскаго Вора, съ буйнымъ скопищемъ мятежниковъ, рѣшило выборъ.

На Дѣвичьемъ Полѣ, въ станѣ гетмана Жолкѣвскаго, Москвичи спѣшили принести торжественную присягу Владиславу.

Быстро производились приготовленія къ торжественному посольству къ Королю Сигизмунду III, который стоялъ въ то время подъ стѣнами осажденнаго имъ Смоленска, и тщетно старался овладѣть симъ городомъ, находившимся подъ защитою знаменитаго боярина Шеина. Затруднялись только въ выборѣ главныхъ представителей, облеченныхъ довѣренностію духовенства и гражданъ; ожидали также благословенія Патріарха, не одобрявшаго выборъ Королевича.

Хитрый гетманъ Жолкѣвскій умѣлъ воспользоваться нерѣшительностію престарѣлаго іерарха. Представляя въ избраніи Королевича Владислава единственный залогъ благоденствія двухъ враждебныхъ державъ, гетманъ клялся за Королевича въ ненарушимомъ соблюденіи имъ всѣхъ условій, предлагаемыхъ Боярскою Думою, и достигъ своей цѣли: Гермогенъ, увлеченный священнымъ патріотическимъ чувствомъ, согласился на отправленіе посольства.

Главами посольства избраны были, по стараніямъ гетмана, со стороны духовенства—Митрополитъ Филаретъ, сыну котораго Патріархъ и лучшіе граждане желали предоставить корону Русскаго Царства, и со стороны бояръ—Князь Василій Васильевичъ Голицынъ, самъ имѣвшій виды на престолъ [2].

Жолкѣвскій зналъ нерасположеніе знаменитыхъ сихъ представителей къ Королевичу и вліяніе на духовенство и на народъ, а потому, видя въ нихъ опасныхъ для себя противниковъ, былъ весьма радъ представившему благовидному случаю, не только удалить ихъ изъ Москвы, но даже передать въ руки Короля Сигизмунда, аманатами, что въ двоинѣ его обезпѣчивало. Въ посольство назначено было еще нѣсколько лицъ, извѣстныхъ любовію къ отечеству; въ числѣ ихъ встрѣчаются имена Келаря Троицко-Сергіевской Лавры Авраамія Палицына, Вознесенскаго Протоіерея Кирилла, Окольничаго Князя Мезецкаго и Дьяка Луговскаго.

Всѣмъ даны были нужныя наставленія, а представителямъ, грамоты и богатые подарки для поднесенія Королевичу и отцу его. Митрополиту Филарету поручалось также совершить Святое Крещеніе Королевича въ православную вѣру, до прибытія въ Москву.

11 сентября, 1611 года, назначено было днемъ отбытія, за нѣсколько дней передъ симъ, члены посольства явились къ Патріарху Гермогену, и когда іерархъ, благословляя ихъ, заклиналъ не измѣнять отечеству и вѣрѣ православной, *не льститься мірскою лестію*, Митрополитъ Филаретъ произнесъ торжественную клятву—не щадить живота своего за отечество [3].

Въ день отъѣзда, всѣ собрались въ Успенскомъ Соборѣ, и, по отслуженіи молебствія съ колѣнопреклоненіемъ, при колокольномъ звонѣ, великолѣпное русское посольство отправилось къ Смоленску. Однако при тогдашней повсемѣстной неурядицѣ, сопровождавшейся грабежами на большихъ дорогахъ, путешествіе посольства совершалось весьма медленно, такъ что оно, съ большимъ трудомъ и лишеніями, прибыло къ мѣсту не прежде 7 октября.

Сигизмундъ III, извѣщенный Жолкѣвскимъ о цѣли посольства и о лицахъ, его составлявшихъ, принялъ представителей Русской Земли съ соблюденіемъ всѣхъ наружныхъ приличій. Онъ велѣлъ встрѣтить ихъ за пять верстъ отъ города нѣсколькимъ вельможамъ и королевскому писарю, и назначилъ къ нимъ почетный караулъ, но, въ то же время, приказалъ размѣстить пословъ, не смотря на позднюю осень, въ шатрахъ, за версту отъ своего стана, на противуположномъ берегу Днѣпра. Мало этого: члены посольства терпѣли нужду даже въ продовольствіи. Ссылаясь на недостатокъ въ припасахъ, по случаю продолжительной осады Смоленска, Поляки надѣялись этою мѣрою побудить пословъ къ склоненію Смольянъ сдать Королю городъ.

Начались съѣзды пословъ русскихъ съ панами радными: въ продолженіе полугода, было болѣе

---

[1] Дополн. къ дѣян. Петра Великаго Т. I. стр. 437.—[2] Доп. къ дѣян. Петра Вел. Т. II стр. 20. — [3] Лѣт. по Никон. спис. Т. VII и VIII стр. 143.

девятнадцати съѣздовъ, но всѣ они не повели ни къ чему: съ одной стороны, были надменныя требованія Сигизмунда, совершенно противныя договору, заключенному гетманомъ Жолкѣвскимъ въ Москвѣ, на основаніи котораго допущена присяга Королевичу Владиславу; съ другой, послы русскіе противупоставляли свою непоколебимую вѣрность въ соблюденіи статей договора. Между прочимъ, гетманъ Сапѣга, желая отклонить вопросъ о крещеніи Владислава, по обрядамъ православія, доказывалъ неосновательность будтобы такого требованія тѣмъ, что Владиславъ уже получилъ христіанское крещеніе при рожденіи; но Митрополитъ Филаретъ опровергнулъ его доводы, и доказалъ, при этомъ случаѣ, свое глубокое знаніе догматовъ православной Церкви (1).

Безуспѣшность переговоровъ и тяжкая жизнь побудили нѣкоторыхъ членовъ посольства, болѣе слабодушныхъ, перейти на сторону Короля Сигизмунда; только Митрополитъ Филаретъ, Князь Голицынъ, Дьякъ Луговскій и еще немногіе пребыли вѣрными долгу и присягѣ, хотя положеніе ихъ становилось день отъ дня стѣснительнѣе. Даже когда Боярская Дума, устрашенная возстаніемъ народа на освобожденіе отечества, предписала посламъ положиться на волю Польскаго Короля и ѣхать въ Вильно просить Владислава о немедленномъ прибытіи въ Москву, Филаретъ, не видя на грамотѣ подписи Патріарха Гермогена, отъ котораго на многія прежнія свои донесенія не получалъ отвѣта, рѣшительно отказался исполнить присланное повелѣніе (2).

Раздраженный такимъ упорствомъ, и беззуспѣшностію осады, Сигизмундъ приказалъ посламъ, готовиться къ отъѣзду на сеймъ въ Литву, а чрезъ нѣсколько дней послѣ, узнавъ о тайныхъ ихъ сношеніяхъ съ жителями города, велѣлъ заключить ихъ подъ караулъ. 24 марта, въ бытность пословъ на съѣздѣ, ихъ не пустили уже обратно въ станъ, и размѣстивъ по разнымъ избамъ, приставили караулъ; вскорѣ послѣ того послѣдовало повелѣніе Короля отправить ихъ въ Литву.

13 апрѣля 1611 года, Поляки силою посадили русскихъ пословъ на лодку, разграбили лучшее ихъ имущество, побили многихъ слугъ, и подъ крѣпкимъ карауломъ повезли въ Минскъ, изъ Минска въ Вильно, наконецъ въ Каменку, подъ Львовъ. Дорогою съ ними обходились жестоко и едва снабжали ихъ пищею (3). Въ началѣ слѣдующаго года, измѣннически захваченные послы были, по приказанію Короля, переведены изъ Львова въ Варшаву, и отсюда чрезъ полъгода размѣщены по разнымъ городамъ (4).

Митрополитъ Филаретъ былъ заключенъ въ Маріенбургѣ (5); въ заточеніи своемъ онъ терпѣлъ крайнее угнетеніе отъ Поляковъ, но христіанскимъ смиреніемъ вскорѣ заслужилъ всеобщее уваженіе, такъ, что многіе приходили просить его благословенія и искали его бесѣды (6).

Слишкомъ два года терзали Поляки сердце узника то ложными, то правдивыми слухами о бѣдствіяхъ Россіи и объ участи его семейства. Наконецъ, въ октябрѣ 1614 года, юный Царь Михаилъ Ѳеодоровичъ, воспользовавшись стѣснительнымъ положеніемъ Польши, желавшей мира съ Россіею, послалъ къ своему родителю для бесѣды іеромонаха Ефрема съ грамотою и разными вещами, а для услугъ особаго человѣка. Съ дозволенія польскаго правительства, іеромонахъ Ефремъ и прислужникъ оставались при Митрополитѣ до его возвращенія въ отечество.—Съ ними же польскій полковникъ Струсь, находившійся въ плѣну у Русскихъ, писалъ къ своей женѣ и пріятелямъ о снабженіи Филарета Никитича деньгами, платьемъ, рухлядью и всякими потребностями, за что получилъ должное вознагражденіе изъ казны царской (7).

Въ декабрѣ того же года, получена была грамота отъ пановъ радныхъ съ предложеніемъ вѣчнаго мира. Царь Михаилъ Ѳеодоровичъ еще разъ поспѣшилъ воспользоваться благопріятными обстоятельствами, и, отправивъ для предварительныхъ переговоровъ Ѳеодора Желябужскаго, далъ ему грамоты къ родителю отъ себя и отъ бояръ (8). Допущенный къ свиданію съ Митрополитомъ, въ присутствіи Гетмана Сапѣги, Желябужскій не могъ удержаться отъ слезъ, при видѣ страдальческаго положенія знаменитаго узника. Переданныя имъ грамоты, были предварительно прочтены Сапѣ-

(1) Дополн. къ дѣян. Петра Велик. Т. II стр. 72—83.—(2) Тамъ же стр. 186 и 187.—(3) Повѣст. о Рос. Арцыб. Т. III стр. 285, пр. 1503.—(4) Записки Жолкѣвскаго, изд. Мухановымъ стр. 203. — (5) Чтенія въ Имп. Общ. Исторіи при Моск. Унив., годъ третій, № 1, стр. 20. — (6) Лѣт. по Никон. спис. Т. VII и VIII стр. 160 и 161. (7)—Собр. грам. и дог. Т. III № 25.—(8) Тамъ же № 26.

гою, который желая явить свою благосклонность, позволилъ Филарету Никитичу писать къ сыну, съ условіемъ однако, чтобы въ письмѣ не именовать Михаила царемъ. Нужно ли говорить, что доблестный страдалецъ не подчинился такому унизительному условію? *Не могу сего исполнить*, отвѣчалъ Митрополитъ Сапѣгѣ, *боюсь наказанія отъ Бога: Онъ нарекъ сына моего Царемъ, какъ же мнѣ отнять это? Ступай*, примолвилъ онъ, обратясь къ Желябужскому, *свези моему сыну мое отцовское благословеніе, и возвѣсти Царю, какое житіе мое, которое видишь ты самъ* (1).

Миръ съ Польшею не состоялся и въ началѣ слѣдующаго 1617 года, возобновилась война. Съ этого времени прекратилось, всякое сношеніе русскихъ плѣнниковъ съ соотечественниками, и положеніе родителя царскаго дошло до крайней степени. Въ этомъ тяжкомъ плѣну Филаретъ Никитичъ провелъ около девяти лѣтъ, и только по деулинскому перемирію (1 декабря 1619 года) постановлено было размѣняться плѣнными. Мѣстомъ взаимнаго размѣна была назначена рѣчка Поляновка, между Вязьмою и Дорогобужемъ, куда привезенъ былъ Филаретъ Никитичъ одѣтый въ ветхомъ польскомъ кунтушѣ (2). Находясь уже на предѣлахъ отечества, знаменитый узникъ явилъ новый примѣръ самоотверженія для общаго блага: узнавъ, что привезшій его на границу панъ Александръ Гонсѣвскій, не смотря на утвержденныя уже условія перемирія, требуетъ за него, какъ за родителя царскаго, уступки Польшѣ еще нѣкоторыхъ земель, онъ соглашался лучше возвратиться въ мучительный плѣнъ, нежели быть причиною утраты древняго достоянія Россіи. Митрополитъ писалъ присланнымъ изъ Москвы, Ѳеодору Ивановичу Шереметеву, Князю Михаилу Ивановичу Мезецкому и Окольничему Артемію Васильевичу Измайлову, чтобы они *отнюдь за него не поступалися ни пяденію Земли Русской* (3).

Мужество и твердость Митрополита побудили Гонсѣвскаго отказаться отъ дальнѣйшихъ притязаній, и размѣнъ плѣнныхъ послѣдовалъ 14 іюня 1619 года. По распоряженію царскому, Филарету Никитичу сдѣланы были торжественныя встрѣчи, избранными духовными и гражданскими особами, въ Можайскѣ, Вязьмѣ и Звенигородѣ, а на послѣдней въ Москвѣ станціи собрались многіе бояре и дворяне, одни по назначенію, другіе по собственному желанію. Въ пяти верстахъ отъ столицы, за Пресненю, ожидалъ его сынъ, Царь Всероссійскій, со всѣми государственными чинами и народомъ (4).

Трогательно было ихъ свиданіе, передаютъ современные лѣтописцы: юный Царь, едва увидѣвъ приближающагося родителя, сошелъ съ коня и поспѣшилъ къ нему на встрѣчу. Въ избыткѣ чувствъ, отецъ и сынъ, заливаясь слезами, то припадали другъ къ другу къ стопамъ, то обнимались, и въ эти минуты забывали, казалось, перенесенныя ими страданія. Между тѣмъ, вся окрестность оглашалась криками народнаго восторга... Державный сынъ и доблестный отецъ сѣли потомъ вмѣстѣ въ колымагу, и въѣхали въ Москву (5). За Каменнымъ Городомъ ихъ встрѣтило духовенство съ крестами и иконами. Отсюда, при колокольномъ звонѣ во всѣхъ церквахъ, при радостныхъ восклицаніяхъ народа, они шли пѣшкомъ до большаго Успенскаго Собора, и по отслуженіи благодарственнаго молебна, отправились въ церковь Благовѣщенія Бородицы. Изъ церкви Митрополитъ Филаретъ проводилъ своего сына въ его царскія покои, а самъ, не пожелавъ остановиться въ приготовленныхъ для него патріаршихъ чертогахъ, удалился на Троицкое Подворье (6).

Въ ознаменованіе столь приснопамятнаго дня, Царь Михаилъ Ѳеодоровичъ освободилъ изъ подъ стражи опальныхъ, даровалъ прощеніе заключеннымъ въ темницы, и заложилъ, между улицъ Никитскою и Тверскою, церковь во имя св. Пророка Елисея, котораго память совершалась въ день размѣна плѣнныхъ (7).

21 іюня 1619 года, по настоятельному убѣжденію Царя и всего духовенства, Митрополитъ Филаретъ былъ возведенъ на праздный въ то время престолъ Святѣйшаго Московскаго и всей Россіи Патріарха (8), и 24 того же мѣсяца совершено было торжественное его посвященіе, рукоположеніемъ находившагося тогда въ Москвѣ Патріарха Іерусалимскаго и всей Палестины, Феофана, съ архіереями (9).

---

(1) Лѣт. о мят. стр. 234. — (2) Дополн. къ дѣян. Петра Велик. Т. II стр. 441.—(3) Лѣт. по Никон. спис. Т. VII и VIII стр. 242;—Дополн. къ дѣян. Петр. Т. II стр. 441.—(4) Лѣт. по Никон. спис. Т. VII и VIII стр. 243 и 244.—(5) Собр. Гос. грам. и догов. Т III, № 43.—(6) Дворц. Разряды Т. I стр. 399.—(7) Дополн. къ дѣян. Петр. Велик. Т. II стр. 441.—(8) Собр. Госуд. грам. и догов. Т. III № 45.—(9) Тамъ же № 46. Древ. Рос. Вив. Т. VI стр. 125.

9 августа 1632 года, русское войско, подъ главнымъ начальствомъ доблестнаго боярина Шеина, выступило въ походъ подъ Смоленскъ, гдѣ, за двадцать лѣтъ, этотъ же боярин спасъ честь Россіи. Первые успѣхи Шеина были блистательны: онъ постепенно выгонялъ Поляковъ изъ русскихъ городовъ, распоряжался въ Литвѣ какъ завоеватель, и обрадованный Государь посылалъ къ боярину и къ воеводамъ *съ милостивымъ словомъ, со своимъ Государевымъ жалованьемъ и о здоровьѣ спрашивать* (1). Однако Смоленскъ, уже нѣсколько мѣсяцевъ находившійся въ осадѣ, не сдавался. Это обстоятельство имѣло пагубное вліяніе на всю кампанію. Владиславъ, провозглашенный королемъ, явился въ августѣ 1633 года подъ Смоленскомъ съ немногочисленнымъ (20,000 человѣкъ), но благоустроеннымъ войскомъ, отбилъ шестидесяти-тысячную рать Шеина и до того стѣснилъ его въ укрѣпленномъ лагерѣ, что заставилъ положить оружіе (въ февралѣ 1634 года). Дорога въ Москву была теперь открыта Владиславу. Онъ, дѣйствительно, двинулся на столицу Русскаго Царя, взялъ Вязьму, осадилъ Бѣлой, но, потерпѣвъ здѣсь уронъ, и узнавъ, что войско ропщетъ на невыдачу жалованья, уѣхалъ на сеймъ, и вскорѣ потомъ согласился на открытіе мирныхъ переговоровъ (2). 5 іюня 1634 года, въ селѣ Семлевѣ (3), на рѣкѣ Поляновкѣ (между Вязьмою и Дорогобужемъ), заключенъ былъ миръ на основаніяхъ деулинскаго договора, съ прибавленіемъ одного только условія, именно, чтобы Михаилъ Ѳеодоровичъ исключилъ изъ своего титула Ливонію, Эстляндію и Курляндію. Владиславъ, съ своей стороны, отказался отъ дальнѣйшихъ притязаній на русскій престолъ, и обязался возвратить грамоту объ избраніи своемъ на царство. Онъ даже предлагалъ Михаилу Ѳеодоровичу осуществить мысль Стефана Баторія касательно соединенія Россіи съ Польшею, то есть, чтобы, въ случаѣ смерти Царя, Король Польскій наслѣдовалъ Россію, и на оборотъ, что бы Михаилъ утвердился на польскомъ престолѣ послѣ Владислава (4).

Много было причинъ несчастнаго исхода этой войны: въ войскѣ Шеина открылись повальныя болѣзни; иноземные офицеры, на которыхъ возлагали столько надеждъ, перессорились между собою; многіе русскіе ратники разбѣжались по домамъ, когда узнали, что Крымскіе Татары, возбужденные Владиславомъ, ворвались въ Украйну и разорили ихъ домы. Шеинъ подвергся суду, и былъ казненъ вмѣстѣ съ помощникомъ своимъ Артеміемъ Измайловымъ. Однако Государь былъ доволенъ окончательнымъ замиреніемъ съ Польшею, и, при пріемѣ польскихъ пословъ, цѣловалъ, по тогдашнему обычаю, крестъ Господень, во свидѣтельство того братства и той любви, которыя отнынѣ должны были существовать между обоими государствами (5).

Испытавъ столько неудачъ въ дѣлахъ внѣшней политики, Михаилъ Ѳеодоровичъ былъ, въ то же время, огорченъ кончиною своего родителя и мудраго соправителя, послѣдовавшею 1 октября 1633 года, спустя слѣдовательно три года послѣ смерти Маѳы Іоанновны. Къ довершенію скорби Царя, страшный пожаръ превратилъ большую часть Москвы въ пепелъ. Всѣ эти печальныя событія до такой степени подѣйствовали на Михаила Ѳеодоровича, что онъ положилъ твердое намѣреніе болѣе не воевать, отпустилъ иноземныхъ офицеровъ, приказалъ укрѣпить бѣлгородскую черту, границу русской Украйны, отъ набѣговъ Крымцевъ, старался поддерживать миръ съ Турецкимъ Султаномъ, какъ главою крымскихъ хищниковъ, и даже отказался отъ Азова, которымъ овладѣли Донскіе Казаки вмѣстѣ съ Запорожцами, потому что это событіе могло бы послужить поводомъ къ разрыву съ Турціей (6).

Какъ бы въ вознагражденіе за утраты, понесенныя въ войнѣ съ Польшею, Царь видѣлъ постепенное утвержденіе своей власти въ далекой Сибири, гдѣ смѣлые промышленники и отважные казаки покорили ему пространство отъ Оби до Камчатки.

---

(1) Дворц. Разр. Т. II стр. 304.—(2) *Берха* Царствов. Михаила Ѳеодоровича ч. I стр. 208. — (3) Дворц. Разр. II, 373. — (4) Польск. Ист. *Павлищева* стр. 177.—(5) Дворц. Разр. Т. II стр. 432.—(6) Повѣтств. о Россіи, *Арцыб.* Т. III стр. 81.

Для вѣрной оцѣнки заслугъ Царя Михаила Ѳеодоровича и для опредѣленія мѣста, принадлежащаго ему въ исторіи, должно вспомнить и строго сообразить обстоятельства, при которыхъ онъ вступилъ на прародительскій престолъ, и то положеніе, въ которомъ была Россія при его воцареніи и въ какомъ онъ оставилъ государство своему преемнику. Только тогда можно убѣдиться, какое важное вліяніе имѣло его царствованіе на всю будущую судьбу Русской Земли. Никогда не готовился Михаилъ Ѳеодоровичъ къ великимъ трудамъ и необъятнымъ заботамъ, сопряженнымъ со священнымъ саномъ царя и самодержца; но, возложивъ на себя корону, онъ, не смотря на свою юность и неопытность, скоро созналъ то, къ чему надлежало ему стремиться для упроченія блага государства и народовъ, надъ которыми поставилъ его Всеблагій Промыслъ. Все вниманіе богоизбраннаго вѣнценосца устремилось на приведеніе въ порядокъ, на развитіе и упроченіе тѣхъ основныхъ началъ, безъ которыхъ не можетъ существовать никакое гражданское общество. Эти начала были потрясены жестоко, и частію вовсе уничтожены въ бѣдственную эпоху смутъ. Удивительно ли, что государство, находившееся въ подобномъ положеніи, пожертвовало нѣсколькими областями, и тѣмъ стѣснило частію свои предѣлы?... Михаилу Ѳеодоровичу предстояло прежде всего рѣшить вопросъ не о расширеніи границъ, но другую, важнѣйшую задачу—спасти Россію отъ враговъ внутреннихъ и внѣшнихъ, упрочить ея самобытность. Этотъ тяжкій подвигъ онъ совершилъ въ теченіе своего слишкомъ тридцатилѣтняго царствованія: крамола пала предъ могуществомъ самодержавія; иноземцы были изгнаны; государство было введено въ обычную колею своего развитія, стало пріобрѣтать силы подъ законною властію, и преемникамъ перваго царя изъ благословеннаго Дома Романовыхъ уже не трудно было, опираясь на внутреннее могущество Россіи, возвратить утраченное въ годину бѣдствій. Первый основной камень будущему величію нашего отечества положилъ Царь Михаилъ Ѳеодоровичъ, и вотъ его неоспоримое право на безсмертіе!...

Чувства истиннаго христіанскаго благочестія и трогательной преданности волѣ Отца Небеснаго глубоко были вкоренены въ душѣ Михаила Ѳеодоровича, какъ качества, наслѣдованныя имъ отъ благочестивой матери. Во всѣхъ своихъ дѣлахъ онъ обращался съ молитвами о помощи къ Тому, Кто держитъ въ рукахъ сердце Царево. Часто ходилъ на богомолье въ ближайшіе къ Москвѣ монастыри, особенно въ Троицкую Лавру [1], строилъ храмы Божіи, кормилъ нищую братію, посылалъ благостыню узникамъ. Съ кротостью и снисхожденіемъ къ человѣческимъ слабостямъ, онъ соединялъ строгую справедливость. Когда ему предлагали удалить гробъ Царя Бориса Ѳеодоровича, онъ отвѣчалъ: *Борисъ былъ врагъ отцу, матери, мнѣ и всему моему роду, но онъ былъ отъ всего народа избранный и благопризнанный Царь* [2]. Онъ приказалъ также перевезти тѣло несчастной царевны-монахини Ольги (Ксеніи) Борисовны, скончавшейся въ 1622 году, въ Троицо-Сергіевъ Монастырь, и похоронить вмѣстѣ съ тѣлами ея родителей [3]. По повелѣнію же Михаила Ѳеодоровича смертные останки Царя Василія Іоанновича Шуйскаго, привезенные изъ Польши, были положены рядомъ съ гробами прочихъ Царей и Великихъ Князей Россіи, въ Архангельскомъ Соборѣ. Царь самъ встрѣчалъ, у дворцовыхъ воротъ, со всѣмъ дворомъ и духовенствомъ, гробъ своего несчастнаго предшественника [4]. Нелицепріятіе Михаила Ѳеодоровича было такъ велико, что, въ 1614 году, слѣдовательно спустя едва годъ послѣ изгнанія изъ Москвы Поляковъ, онъ повелѣлъ выдать головою князя Дмитрія Михайловича Пожарскаго боярину Борису Михайловичу Салтыкову за безчестье [5]. Такими душевными качествами, Михаилъ Ѳеодоровичъ успокоивалъ и примирялъ строптивыхъ и честолюбивыхъ бояръ, окружавшихъ царскій престолъ, что, при тогдашнихъ обстоятельствахъ, было чрезвычайно важно. Говорить ли о благотворномъ вліяніи его царствованія на народъ? Одна мысль, что на престолѣ былъ царь законный, православный, уже служила для всѣхъ Русскихъ вѣрнымъ залогомъ счастія, и они еще сильнѣе привязались къ кроткому Государю послѣ своего временнаго и безсознательнаго ослѣпленія.

---

[1] Въ первомъ и во второмъ томахъ Дворц. Разр. исчислены всѣ посѣщенія Царемъ ближайшихъ и отдаленныхъ монастырей.—[2] *Берха* Царств. Алексѣя Михайл. ч. I стр. 30 и Дополн. къ дѣян. Петра Великаго Т. II стр. 484. — [3] Повѣств. о Россіи *Арцыб.* Т. III стр. 47.—[4] *Берха* Царств. Алексѣя Михайл. ч. I стр. 30 и Дополн. къ дѣян. Петра Великаго Т. II стр. 474.—[5] Дворц. Разр. Т. I стр. 123.

Тѣмъ горестнѣе была для народа преждевременная и неожиданная кончина виновника общаго благоденствія. 17 мая 1645 года, Царь Михаилъ Ѳеодоровичъ еще отпускалъ персидскаго посла, во во время всенощнаго бдѣнія на праздникъ св. Михаила Малеина (своего ангела), почувствовавъ первые припадки болѣзни, приказалъ отнести себя въ деревянный дворецъ, и на слѣдующую ночь, 12 іюля скончался въ день своего рожденія, не доживъ одного года до пятидесяти лѣтъ. Погребенъ въ Архангельскомъ Соборѣ.

Лѣтописецъ, выражая народную печаль, говоритъ: *И многъ бысть плачъ христіаномъ Московскаго Государства.*

Отъ брака съ Евдокіей Лукьяновной Стрѣшневой, Царь Михаилъ Ѳеодоровичъ имѣлъ трехъ сыновей: *Алексѣя*, *Іоанна* и *Василія*, и семь дочерей: *Ирину*, *Пелагею*, *Анну*, *Марѳу*, *Софію*, *Татьяну* и *Евдокію*.

Два вѣка перешли въ вѣчность послѣ кончины перваго царя изъ благословеннаго Дома Романовыхъ. Россія возвеличенная, прославленная, облагодѣтельствованная вѣнценосными преемниками Михаила Ѳеодоровича, не только возвратила все, утраченное ею въ несчастныя времена, но и далеко расширила свои предѣлы, заняла первостепенное мѣсто въ системѣ европейскихъ государствъ, и утвердила на незыблемомъ основаніи свое благотворное вліяніе на судьбы всего образованнаго міра. Достигнувъ столь высокой степени славы, могущества и благоденствія, Россія свято чтитъ память царя, который однимъ именемъ своимъ, какъ олицетвореніемъ *права* и *законности*, исторгнулъ ее изъ бездны анархіи, и водворилъ на престолѣ династію, такъ много совершившую для Русской Земли.

Въ 1834 году, при посѣщеніи Костромы Государемъ Императоромъ Николаемъ Павловичемъ, костромское дворянство, желая увѣковѣчить приснопамятный день 14 марта 1613 года, испросило у Его Императорскаго Величества соизволеніе соорудить, на добровольныя подписки, два памятника: одинъ Царю Михаилу Ѳеодоровичу, другой крестьянину Сусанину, положившему свой животъ за царя, спасителя вѣры и отечества. Въ 1838 году, Государь Императоръ повелѣть соизволилъ: соединивъ собранныя суммы, соорудить одинъ памятникъ Царю Михаилу Ѳеодоровичу и поселянину Сусанину, по рисунку, составленному въ Академіи Художествъ, и поставить его на главной площади города Костромы, наименовавъ оную *Сусанинскою*. 14 марта 1851 года, памятникъ сей открытъ торжественно. Видъ его слѣдующій: на четырехугольномъ гранитномъ піедесталѣ, окруженномъ чугунною рѣшеткою, возвышается гранитная колонна, на верху которой стоитъ бронзовый, увѣнчанный короною, бюстъ Царя Михаила Ѳеодоровича, изображеннаго въ томъ возрастѣ, когда онъ былъ при избраніи на царство. У подножія ея, съ лѣвой стороны, молящійся на колѣняхъ Сусанинъ, вылитый изъ бронзы, а съ правой его родословная и двѣ грамоты, роду его пожалованныя; въ барельефѣ, на лицевой сторонѣ піедестала, обстоятельства смерти Сусанина и убіеніе его Поляками. Въ верху колонны, гербъ Россіи; нѣсколько ниже, гербъ Костромской Губерніи. На задней сторонѣ піедестала надпись: *Ивану Сусанину*, *за Царя*, *спасителя вѣры и царства*, *животъ положившему*, *благодарное потомство*. На двухъ боковыхъ противоположныхъ сторонахъ піедестала, годы: 1613 и 1851. Высота всего памятника отъ основанія *двадцать одинъ аршинъ*; вѣсъ его *семнадцать тысячъ пудовъ*, а съ фундаментомъ *сто сорокъ тысячъ пудовъ* [1].

Сколько думъ, умилительныхъ, отрадныхъ и высокихъ, воскрешаетъ въ душѣ Русскаго сія трогательная дань потомства памяти Царя и поселянина!

---

[1] Сѣверн. Пчела 1851 г. № 80.

Въ предъидущихъ выпускахъ вкрались нѣкоторыя ошибки и опечатки:

1) Въ біографіи Ксеніи Іоанновны на стр. 4 и 5 показаны годы 1609 и 1610, вмѣсто которыхъ должны быть 1610 и 1611 годъ.

2) Въ очеркѣ исторіи Дома Романовыхъ-Юрьевыхъ-Захарьиныхъ на стр. 6 и 7 сказано г. Ныборъ, а должно быть Ныробъ

3) Въ біографіи Ѳеодора Никитича на стр. 9 сказано *Грекославной*, а должно быть *Грекославянской*.

Въ Типографіи II Отдѣленія Собственной Е. И. В. Канцеляріи. С. Петербургъ, Февраля 13 дня 1853 г. Цензоръ *А. Крыловъ*.

РОДОСЛОВІЕ
БЛАГОСЛОВЕННАГО
ЦАРСТВЕННАГО ВЪ РОССІИ
ДОМА
РОМАНОВЫХЪ
СЪ ИХЪ
Августѣйшими
СУПРУГАМИ.

Ксенія Іоанновна,
Шестова.
(въ монашествѣ Марѳа)

Марія Владиміровна,
Долгорукая.

Ирина.

Марія Ильинишна
Милославская.

Дмитрій. Евдокія. Марѳа, (въ монашествѣ Маргарита) Алексѣй. Анна. Екатерина. Марія. Ѳеодосія.

Агафія Симеоновна,
Грушецкая.

Илія.

Ѳеодоръ.
(съ 30 Января 1676
по 27 Апрѣля 1682)

Софія.
соправительница
(въ монашествѣ Сусанна)

Прасковія Ѳеодоровна,
Салтыкова.

Марія. Ѳеодосія. Екатерина. Карлъ Леопольдъ,
Принцъ Мекленбургъ-
Шверинскій.

Фридрихъ Вильгельмъ,
Герцогъ Курляндскій.

Анна.
(съ 19 Января 1730
по 17 Октября 1740)

Анна.
соправительница.

Антонъ Ульрихъ,
Герцогъ Брауншвейгъ-
Люнебургскій.

Іоаннъ.
(съ 17 Октября 1740
по 25 Ноября 1741)

Екатерина. Елисавета. Петръ.

Наталія Алексѣевна,
Принцесса Гессенъ-Дармштатская

Елисавета Алексѣевна,
Принцесса Баденъ-Бадènская

Александръ I.
(съ 11 Марта 1801
по 19 Ноября 1825)

Анна Ѳеодоровна,
Принцесса Саксенъ-
Вейфрейбъ-Кобургская.

Константинъ.

Александра. Іосифъ,
Эрцъ-Герцогъ Австрій-
скій, Палатинъ Венгерскій.

Елена. Фридрихъ Людвигъ,
Наслѣдный Герцогъ
Мекленбургъ-Шверинъ-
Гюстровъ.

Марія.

Елисавета.

Марія Александровна,
Принцесса Гессенъ-Дармштадтская,
Цесаревна.

Александръ,
Наслѣдникъ Цесаревичъ.

Марія.

Максимиліанъ,
Герцогъ Лейхтенбергскій.

Ольга.

Фридрихъ, Карлъ, Александръ,
Наслѣдный Принцъ
Вюртембергскій.

Александра.

Александра. Марія. Николай. Евгенія. Евгеній. Сергѣй. Георгій.

Александра. Николай. Александръ. Владиміръ. Алексѣй.

Лит. М. О. Иванова.

Феодоръ Никитичъ,
Романовъ-Юрьевъ-Захарьинъ.
въ монашествѣ Филаретъ.

Михаилъ.
*(съ 21 Февраля 1613 г.
по 12 Іюля 1645)*

Евдокія Лукьяновна,
Стрѣшнева.

Пелагея. | Анна. *(въ Монашествѣ Анисья)* | Марѳа. | Іоаннъ. | Софія. | Матьяна. | Евдокія. | Василій.

Алексій.
*(съ 12 Іюля 1645
по 30 Января 1676)*

Наталія Кириловна,
Нарышкина.

Симеонъ. | Евдокія.

Наталія. | Ѳеодора.

Марѳа Матвѣевна,
Апраксина.

Іоаннъ.
*(съ 26 Мая 1682
по 29 Января 1696)*

Евдокія Ѳеодоровна,
Лопухина.
(въ монашествѣ Елена)

Петръ I.
*(съ 27 Апрѣля 1682
по 28 Января 1725)*

Екатерина I.
Алексѣевна Скавронская.
*(съ 28 Января 1725
по 7 Мая 1727)*

Прасковія.

Шарлотта, Софія, Алексѣй, Александръ, Павелъ.
Принцесса Вольфенбюттельская

Екатерина. | Анна. | Карлъ Фридрихъ, | Наталія. | Маргарита. | Петръ. | Павелъ. | Наталія. | Петръ.
Герцогъ Шлезвигъ-Голштейнъ-Готторпскій.

Наталія.

Петръ II.
*(съ 7 Мая 1727
по 19 Января 1730)*

Елисавета.
*(съ 25 Ноября 1741
по 25 Декабря 1761)*

Алексѣй.

Екатерина II.
Алексѣевна,
Принцесса Ангальтъ-Цербстская.
*(съ 28 Іюня 1762
по 6 Ноября 1796)*

Петръ III.
*(съ 25 Декабря 1761
по 28 Іюня 1762)*

Анна.

Павелъ I.
*(съ 6 Ноября 1796
по 11 Марта 1801)*

Марія Ѳеодоровна,
Принцесса Виртембергъ-Штутгардская

Марія. | Карлъ Фридрихъ, *Наслѣдный Принцъ Саксенъ-Веймарскій.* | Георгъ Петръ, *Принцъ Голштейнъ-Ольденбургскій.* | Екатерина. | Фридрихъ Вильгельмъ, *Король Виртембергскій.* | Ольга.

Анна. | Вильгельмъ II, *Король Нидерландскій.*

Елена Павловна, *Принцесса Виртембергская* | Михаилъ.

Терезія Вильгельмина, *Принцесса Нассау Вейльбургская.*

Петръ Фридрихъ, *Принцъ Голштейнъ Ольденбургскій.*

Марія. | Елисавета. | Адольфъ, *Владѣтельный Герцогъ Нассаускій.* | Екатерина. | Георгъ, *Герцогъ Мекленбургъ-Стрелицкій.* | Александра. | Анна.

Александра Ѳеодоровна,
Принцесса Прусская

Николай I.
съ 19 Ноября 1825.

Фридрихъ, *Принцъ Гессенскій.* | Александра Іосифовна, *Принцесса Саксенъ-Альтенбургская.* | Константинъ. | Николай. | Михаилъ.

Вильгельмъ.

Николай. | Ольга.

Составилъ Г. Фридебургъ

Печат: д'Арленгъ. Рис: съ портр: ИМП: Романовской Галлерей. Изд. Г. Фридебургъ.

ѲЕОДОРЪ НИКИТИЧЬ РОМАНОВЪ-ЮРЬЕВЪ-ЗАХАРЬИНЪ.

ВЪ МОНАШЕСТВѢ

ФИЛАРЕТЪ.

Время рожденія и супружества неизвѣстны	Погребенъ въ Московскомъ Большомъ
[illegible] 1633 [illegible]	[illegible]

ѲЕОДОРЪ НИКИТИЧЪ

РОМАНОВЪ-ЮРЬЕВЪ-ЗАХАРЬИНЪ,

ВЪ МОНАШЕСТВѢ

ФИЛАРЕТЪ,

СВЯТѢЙШІЙ ПАТРІАРХЪ МОСКОВСКІЙ И ВСЕЯ РОССІИ.

Изъ очерка исторіи боярскаго Дома Романовыхъ-Юрьевыхъ-Захарьиныхъ видно, что Ѳеодоръ Никитичъ былъ старшій сынъ боярина и воеводы Никиты Романовича Юрьева-Захарьина и ближайшій родоначальникъ царствующаго нынѣ Дома Романовыхъ. Но личность этого именитаго вельможи, двоюроднаго брата Царя Ѳеодора Іоанновича, еще замѣчательнѣе для насъ, Русскихъ, тѣмъ, что, будучи Патріархомъ Московскимъ и всея Россіи, онъ раздѣлялъ съ своимъ сыномъ, Царемъ Михаиломъ Ѳеодоровичемъ, бремя царственныхъ заботъ, и мудрымъ участіемъ въ правленіи увѣковѣчилъ свое имя въ отечественной исторіи.

Къ сожалѣнію, не сохранилось почти никакихъ извѣстій о молодости Ѳеодора Никитича; неизвѣстны даже время его рожденія, мѣсто жительства и вообще весь періодъ его боярской жизни. Причины такой скудости свѣдѣній о достопамятномъ мужѣ должно отнести: во-первыхъ, къ преждевременной смерти большей части членовъ боярскаго Дома Романовыхъ-Юрьевыхъ-Захарьиныхъ и ихъ родственниковъ, во время гоненія отъ Царя Бориса Годунова, и во-вторыхъ, къ смутамъ и повсемѣстнымъ пожарамъ во время междуцарствія, истребившимъ много драгоцѣнныхъ письменныхъ памятниковъ. За всѣмъ тѣмъ, по нѣкоторымъ соображеніямъ, можно приблизительно опредѣлить время рожденія Ѳеодора Никитича слѣдующимъ образомъ:

1) Тезоименитство его праздновалось въ день преподобнаго Ѳеодора, иже въ Пергіи, 21 апрѣля [1], а по обычаямъ тогдашняго времени, строго соблюдавшимся, особенно въ домахъ людей сановныхъ, можно почти съ достовѣрностію полагать, что Ѳеодоръ Никитичъ родился восемью днями ранѣе означеннаго числа [2], т. е. 13 апрѣля; и 2) въ службу онъ вступилъ, при Царѣ Ѳеодорѣ Іоанновичѣ, какъ это будетъ объяснено ниже, и въ 1586 году былъ уже бояриномъ и Намѣстникомъ Нижегородскимъ. Нельзя допустить, чтобы это почетное званіе было пожаловано человѣку незрѣлаго возраста; и такъ, предположивъ, что тогда ему было не менѣе 30 лѣтъ, найдемъ, что годъ его рожденія будетъ около 1556 года. Это также весьма правдоподобно, потому что первая супруга отца Ѳеодора Никитича скончалась 18 іюня 1552 года, а Ѳеодоръ Никитичъ родился отъ втораго брака Никиты Романовича [3].

Съ такою же вѣроятностію можно допустить, что Ѳеодоръ Никитичъ, какъ старшій въ семействѣ боярина Никиты Романовича, провелъ первое время молодости при своемъ родителѣ, который, состоя въ званіи дворецкаго при своемъ шуринѣ, Царѣ Іоаннѣ Васильевичѣ Грозномъ, проживалъ, безъ сомнѣнія, большею частію въ Москвѣ, или въ одномъ изъ подмосковныхъ своихъ селъ, Измайловѣ и Преображенскомъ, столь извѣстныхъ въ нашей исторіи [4]. Въ Москвѣ, у Никиты Романовича былъ домъ въ Китаѣ-городѣ, въ Зарядьѣ, въ первой или городской части, на Варваркѣ, на томъ мѣ-

---

[1] По смерти Ѳеодора Никитича, въ этотъ день и въ день его кончины, обыкновенно служили ему память. См. Выходы Госуд. Царей и Вел. Кн., изд. Строева въ указателѣ стр. 67 и 100. — [2] О Россіи, соч. Котошихина стр. 12 § 26. — [3] См. очеркъ Ист. Дома Ром.-Юрьев.-Зах. сего изданія.— По этому выводу ошибка можетъ быть только въ немногихъ годахъ.—[4] Воспо. о селѣ Измайловѣ, соч. Снегирева, стр. 1. Собр. древ. Рус. пѣсень Кирши Данилова стр. 335 и 336.

стѣ, гдѣ нынѣ находится Знаменскій мужескій 3 класса Монастырь. Этотъ домъ обращенъ Царемъ Михаиломъ Ѳеодоровичемъ въ обитель, названную Знаменскою, въ честь иконы Знаменія Пресвятыя Богородицы, находившейся въ домовой церкви [1].

Здѣсь кстати замѣтить, что Домъ Романовыхъ издавна признавалъ икону Знаменія Богоматери своею заступницею и покровительницею: по преданію, какое-то чудное событіе совершено было этою иконою въ семействѣ ихъ предковъ.

Изъ послѣдующихъ обстоятельствъ жизни Ѳеодора Никитича можно съ достовѣрностію заключить, что онъ былъ воспитанъ въ строгихъ правилахъ христіанскаго благочестія и получилъ тщательное, по тогдашнему времени, образованіе.

Какъ старшій сынъ дяди царскаго, онъ въ молодыхъ лѣтахъ былъ опредѣленъ родителями на службу ко Двору, и вскорѣ пріобрѣлъ расположеніе своего вѣнценоснаго родственника; Царь называлъ его обыкновенно *братомъ* [2].

Отличаясь усердіемъ и преданностію Царю, юный Ѳеодоръ Никитичъ быстро возвышался на поприщѣ государственной службы, и послѣ смерти родителей, какъ достойный представитель именитаго Боярскаго Дома Романовыхъ-Юрьевыхъ-Захарьиныхъ, онъ былъ пожалованъ, въ 1586 году, въ бояре, съ назначеніемъ Намѣстникомъ Нижегородскимъ [3]; въ 1590 году, въ знаменитую шведскую войну, Ѳеодоръ Никитичъ является въ числѣ избранныхъ бояръ, находившихся во время похода при Царѣ, именуясь дворовымъ и ближнимъ воеводою [4], а въ 1596 году онъ былъ уже отдѣльнымъ воеводою въ крымскомъ походѣ [5].

Личныя достоинства и ближайшее родство съ Царемъ, давали ему значительный перевѣсъ надъ прочими именитыми боярами, окружавшими царскій престолъ, только шуринъ Царя, бояринъ Борисъ Годуновъ могъ состязаться въ первенствѣ съ Ѳеодоромъ Никитичемъ, но и тотъ искалъ расположенія любимаго и уважаемаго народомъ двоюроднаго брата Государя. Носились даже слухи, что въ случаѣ смерти Ѳеодора Іоанновича бездѣтнымъ, онъ наслѣдуетъ престолъ. — Такъ блистательно было начало службы Ѳеодора Никитича.

Оставшись, послѣ кончины родителей, главою дома, молодой бояринъ Ѳеодоръ Никитичъ, вступилъ въ бракъ съ добродѣтельною Ксеніей Іоанновной Шестовой. Богъ благословилъ ихъ многочисленнымъ семействомъ, но изъ пятерыхъ сыновей: Бориса, родившагося 20 ноября 1592 г., Никиты, родившагося въ 1593 г., Михаилы, родившагося 12 іюля 1596 г., Льва, родившагося 21 сентября 1597 г. и Ивана, родившагося 7 іюня 1599 года, и дочери Татьяны, время рожденія которой неизвѣстно [6], только сынъ Михаилъ и дочь остались въ живыхъ; прочіе умерли въ малолѣтствѣ и погребены въ Московскомъ Новоспасскомъ Монастырѣ, подъ церковью [7]. Дочь, бывшая въ супружествѣ за княземъ Катыревымъ-Ростовскимъ, скончалась также въ молодыхъ лѣтахъ, 21 іюня 1611 года, и погребена въ томъ же монастырѣ, подъ соборною церковью Преображенія Господня [8].

Таковы были обстоятельства жизни Ѳеодора Никитича до кончины Царя Ѳеодора Іоанновича. На смертномъ одрѣ, Царь передалъ престолъ супругѣ своей Иринѣ Ѳеодоровнѣ, а *душу свою праведную*, какъ говорятъ лѣтописи, *приказалъ брату своему Ѳеодору Никитичу, вмѣстѣ съ патріархомъ Іовомъ и бояриномъ Борисомъ Годуновымъ* [9], т. е. избралъ ихъ совѣтниками при супругѣ своей [10]. Однако чрезъ 9 дней, дѣла государственнаго управленія совершенно измѣнились: Царица Ирина Ѳеодоровна отказалась отъ престола, и братъ ея, бояринъ Борисъ Годуновъ, былъ избранъ Царемъ Русскимъ.

Съ этого времени совершенно измѣняется судьба знатнаго боярина Ѳеодора Никитича. Въ первые годы царствованія Годунова, имя его еще разъ встрѣчается въ спискѣ бояръ, бывшихъ въ

---

[1] Ист. Рос. Іерар. Т. IV стр. 201. Древ. Рос. Госуд. отд. 1 стр. 16.—[2] Древ. Рос. Вивліоѳ. Т. VII стр. 136.—[3] Ист. Карамз. Т. X пр. 140 и 418, Древ. Рос. Вивліоѳ. Т. XX, стр. 62, изб. Грам.—[4] Царств. Царя Мих. Ѳеод. Берха Т. II стр. 73. — [5] Оклад. кн. Новосп. Мон. листъ 33, на обор.— [6] Тамъ есть надгробная надпись.—[7] Ист. Карамз. Т. X стр. 64. — [8] Крат. опис. род. Ром.-Юрьевыхъ Воейкова 1798 г. стр. 16. — [9] Древ. Рос. Вивліоѳ. Т. VII стр. 136; Собр. грам. и догов. Т. I № 203. — [10] Ист. Карамз. Т. X стр. 125.

крымскомъ походѣ; онъ ходилъ, въ 1598 году, въ Серпуховъ для защиты границъ отъ Татаръ [1], но этимъ походомъ оканчивается военное и гражданское поприще именитаго боярина, и начинается рядъ долгихъ и тяжкихъ страданій Ѳеодора Никитича, перенесенныхъ имъ съ необыкновеннымъ мужествомъ, терпѣніемъ и самоотверженіемъ изъ любви къ отечеству.

Въ концѣ 1599 года, по ложному доносу на брата его, боярина Александра Никитича, въ злоумышленіи на жизнь Царя, Ѳеодоръ Никитичъ, обвиненный въ соучастіи, былъ разлученъ съ супругою и дѣтьми, и заключенъ въ тюрьму. [2]. Онъ содержался въ заключеніи около года, какъ бы дѣйствительный преступникъ, и много разъ его приводили съ поруганіемъ къ допросамъ, заставляя присутствовать при пыткахъ, которымъ подвергали его служителей. Наконецъ по приговору боярской думы, состоявшемуся въ началѣ 1601 года, Ѳеодора Никитича сослали, съ ратманомъ Дуровымъ, въ нынѣшнюю Архангельскую Губернію, въ Холмогорскій Уѣздъ, въ Монастырь Антоніево-Сійскій [3].

Этотъ монастырь, основанный въ царствованіе Іоанна Васильевича Грознаго преподобнымъ Антоніемъ, находится въ 165 верстахъ отъ г. Архангельска, вверхъ по рѣкѣ Двинѣ, на петербургскомъ трактѣ. Мѣстоположеніе его самое пустынное; вся окрестность покрыта лѣсами, озерами и болотами. Онъ выстроенъ на небольшомъ низменномъ островѣ озера Большое Михайлово, обнесенъ оградою, и только съ одной стороны имѣетъ сообщеніе съ материкомъ, такъ что издали представляется плавающимъ; названіе Сійскаго Монастырь получилъ по рѣкѣ Сіи, близъ него протекающей [4].

По царскому указу запрещено было пускать въ монастырь богомольцевъ, для отвращенія всякаго сношенія съ ссыльнымъ *измѣнникомъ* (такъ названъ былъ Ѳеодоръ Никитичъ въ указѣ). Тамъ его неволею постригли въ монашество и нарекли *Филаретомъ*, [5] именемъ вполнѣ соотвѣтствовавшимъ качествамъ боярина Ѳеодора Никитича. Для жительства ему отвели отдѣльную отъ другихъ небольшую келью, подъ церковью Благовѣщенія Богородицы, рядомъ съ погребами [6], а для надзора за нимъ помѣстили въ той же кельѣ бѣльца, которому внушено было доносить не только о поступкахъ, но даже о самыхъ обыкновенныхъ словахъ узника.

Тяжка была жизнь инока Филарета въ Обители Сійской. Дуровъ, почитая его дѣйствительнымъ измѣнникомъ, обходился съ нимъ грубо, и давалъ только самое необходимое для поддержанія его существованія. Смѣнившій Дурова приставъ, Богданъ Воейковъ, поступалъ еще хуже. Желая выказать предъ Царемъ свое усердіе, онъ старался очернить Филарета. Въ историческихъ актахъ, изданныхъ Археографическими Коммисіею и Экспедиціею, помѣщены два свидѣтельства неблагонамѣренности сего пристава, одно 1602 года [7], другое 1605 года [8]; безъ сомнѣнія, были и другія донесенія.

Съ христіанскимъ смиреніемъ переносилъ безвинный инокъ Филаретъ Никитичъ свою участь; въ постѣ и молитвѣ онъ трудился какъ простой монахъ, и вскорѣ заслужилъ любовь и уваженіе всего монастыря [9]. Лишь изрѣдка душевныя страданія, переполнявшія его душу, вырывались въ скорбныхъ выраженіяхъ о супругѣ и дѣтяхъ, о которыхъ, въ первое время своего заключенія, онъ не имѣлъ никакого извѣстія [10]. Вскорѣ однако, не взирая на строгій, по царскому наказу, надзоръ, нашлись добрые люди, которые, соболѣзнуя о безвинномъ страдальцѣ, приняли въ немъ живое участіе, и утѣшали его не только извѣстіями о его семействѣ, но иногда передавали даже взаимную переписку [11].

Въ 1602 году, Царь Годуновъ, побуждаемый политическими видами, рѣшился смягчить участь оставшихся въ живыхъ членовъ Дома Романовыхъ-Юрьевыхъ-Захарьиныхъ. Въ это же время облегчено было положеніе и инока Филарета. Указомъ царскимъ приставу Воейкову, 3 декабря 1602 года, велѣно было: *покой всякой къ нему* (Филарету) *держать, чтобъ ему ни въ чемъ нужи не было;* дозволено было, *буде захочетъ, стоять на крылось,* однако съ тѣмъ, *чтобы никто съ нимъ ни о чемъ не разговаривалъ;* въ кельѣ съ нимъ, согласно его желанію, велѣно жить, вмѣ-

(1) Ядр. Рос. Ист. Хилкова, Т. II стр. 124.—(2) См. Очеркъ Ист. Боярскаго Дома Романовыхъ-Юрьевыхъ-Захарьиныхъ сего изданія. — (3) Рус. Лѣт. по Никон. списку, Т. VIII стр. 44—45.—(4) Истор. Рос. Іерарх. Т. VI стр. 115. Рукопись А. Пошмана, Арханг. Губ. 1802 г. стр. 204 въ Стат. Отд. М. В. Д.—(5) Имя это греческое и значитъ *любитель добродѣтели.*—(6) Опис. Арханг. Губ. Молчанова, стр. 140.—(7) Акты Археогр. Ком. Т. II № 38, § XXXIII.—(8) Тамъ же № 54.—(9) Лѣт. по Никон. списку Т. VIII стр. 44.—(10) Акты Археогр. Ком. Т. II № 38 § XXXIII.—(11) См. жизнеоп. Ксеніи Іоанновны въ этомъ изданіи.

сто бѣльца, *старцу, въ которомъ бы воровства какого не чаять.* Самый монастырь былъ вновь открытъ для богомольцевъ, *со строгимъ впрочемъ наблюденіемъ, чтобы посътители не имьли сношеній съ ссыльнымъ измьнникомъ* (слова царскаго указа) [1].

Въ 1605 году, Годуновъ, желая еще болѣе явить свою мнимую милость, повелѣлъ посвятить достойнаго инока Филарета сперва въ іеромонахи, а потомъ въ архимандриты той же пустыни [2]; но въ посвященіи этомъ можно скорѣе видѣть намѣреніе Годунова еще болѣе удалить Филарета отъ свѣта и мірской жизни, потому что, не взирая на санъ архимандрита, Филаретъ находился подъ строгимъ надзоромъ: при немъ были безотлучно два старца, Иринархъ и Леванидъ. Эти старцы, конечно по внушенію пристава Воейкова, умышленно оскорбляли и ожесточали Филарета. Наконецъ 22 марта 1605 года, по доносу Воейкова, о которомъ упоминается выше, послѣдовала царская грамота игумену Іонѣ о подчиненіи архимандрита неослабному надзору и о внушеніи ему правилъ монастырской жизни, не дѣлая однако никакого безчестія. Въ грамотѣ, между прочимъ, было сказано, что Филаретъ бранитъ приставленныхъ къ нему старцевъ, не велитъ ходить за собою, живетъ неприлично, не бываетъ на духу, говоритъ про жизнь мірскую, о птицахъ и о собакахъ [3]. Въ слѣдствіе этого, повелѣно было *жить Филарету вмьстъ съ игуменомъ въ одной кельи, и безотлучно быть при немъ, даже провожать его въ церковь, старцу Леониду; когда же къ игумену будутъ приходить посторонніе, то принимать ихъ въ передней, а Филарету быть въ это время въ комнатъ или чуланъ, такъ чтобы онъ нигдъ съ прихожанами не сообщался* [4].

Столь стѣснительныя мѣры, по счастію, были непродолжительны. Въ іюнѣ 1605 года, на престолѣ Русскаго Царства утвердился Лже-Димитрій. Новый Царь, для большаго удостовѣренія народа въ мнимомъ своемъ родствѣ съ Іоанномъ Васильевичемъ Грознымъ, вызвалъ, въ числѣ другихъ родственниковъ покойнаго Царя, изъ Сійской Обители и опальнаго архимандрита. Вмѣстѣ съ тѣмъ, Самозванецъ разрѣшилъ перевезти изъ разныхъ мѣстъ въ Москву тѣла всѣхъ братьевъ Филарета Никитича, погибшихъ въ ссылкахъ, которыя съ должною честію были положены, рядомъ съ предками, въ Московскомъ Новоспасскомъ Монастырѣ [5].

Въ маѣ 1606 года, не стало Лже-Димитрія, и Царемъ Русскимъ былъ избранъ Василій Іоанновичъ Шуйскій. Зная лично достоинства Архимандрита Филарета Никитича, онъ повелѣлъ Патріарху Гермогену посвятить его въ Митрополита Ростовскаго и Ярославскаго [6].

Какъ ревностный архипастырь, Митрополитъ Филаретъ не медлилъ пребываніемъ въ Москвѣ, и послѣ торжественнаго перенесенія, 5 іюня, вмѣстѣ съ другими духовными и гражданскими чинами, изъ г. Углича въ Москву нетлѣнныхъ останковъ родственнаго ему Царевича Димитрія, онъ отправился въ свою епархію, избравъ постояннымъ своимъ пребываніемъ г. Ростовъ. Только здѣсь, послѣ долголѣтней разлуки, Филаретъ Никитичъ имѣлъ отраду увидѣть бывшую свою супругу и юнаго сына, и съ этого времени усердно старался помогать Маѳѣ Іоанновнѣ своими совѣтами въ образованіи кроткаго и умнаго Михаила.

Не долго однако наслаждался онъ мирною жизнью: по смерти Лже-Димитрія безпрерывно являлись новые самозванцы, и въ Россіи настала эпоха всеобщихъ смутъ. Въ это печальное время, Митрополитъ Филаретъ, вѣрный долгу и присягѣ Шуйскому, много содѣйствовалъ ему въ сборѣ, по своей епархіи, даточныхъ людей противъ втораго Лже-Димитрія (Тушинскаго Вора) [7]. Но при тогдашнихъ обстоятельствахъ, когда весь государственный порядокъ былъ ниспровергнутъ, никакія частныя мѣры не могли возстановить спокойствія, и вскорѣ самъ Митрополитъ Филаретъ долженъ былъ испытать ужасъ тогдашнихъ неустройствъ.

---

(1) Акты Археогр. Ком. Т. II № 38 § XXXIV.—(2) Ист. Карамз. Т. XI стр. 63.—(3) Боярин Ѳеодоръ Никитичъ, какъ и всѣ старинные бояре, любилъ псовую и соколиную охоту.—(4) Акты Археогр. Ком. Т. II № 54.—(5) Собр. Гос. грам. и догов. Т. II № 115.—(6) Др. Рос. Вивліоѳ. Т. XI стр. 359. Хотя въ Ист. Рос. Іерарх., Т. I стр. 122, и въ другихъ историческихъ источникахъ сказано, что Филаретъ Никитичъ хиротонисанъ въ Митрополита Ростовскаго и Ярославскаго при Лже-Димитріи въ 1605 году, однако это едва ли справедливо, потому что Гермогенъ возведенъ въ патріаршество только въ 1606, при Царѣ Василіи Іоанновичѣ, и къ тому же до 1606 года Митрополитомъ Ростовскимъ и Ярославскимъ былъ Кириллъ IV.—(7) Акты Археогр. Экси. Т. II № 48, Акты Археогр. Ком. Т. II № 98.

Бракъ Ирины Никитичны совершился уже послѣ смерти Никиты Романовича, по видамъ боярина Бориса Ѳеодоровича Годунова, который всѣми мѣрами старался сблизиться съ Домомъ Романовыхъ-Юрьевыхъ-Захарьиныхъ, а Анастасія Никитична вступила въ супружество послѣ возвращенія изъ ссылки.

Никита Романовичъ дожилъ до глубокой старости, и, предъ кончиною, вступивъ въ монашество, подъ именемъ Нифонта [1], поручилъ свое семейство покровительству и попеченію Бориса Годунова, сильнаго уже въ то время при Дворѣ Царя Ѳеодора Іоанновича.

Дорожа дружбою Никиты Романовича, какъ дяди царскаго, стоявшаго ближе всѣхъ къ Престолу, какъ именитаго боярина, Борисъ Годуновъ успѣлъ снискать не только его довѣренность, но даже дружбу, и находился при смертномъ его одрѣ [2].

Добродѣтельный старецъ Никита Романовичъ, успокоенный участіемъ, обѣщаніями и клятвенными увѣреніями Годунова, заботиться объ осиротѣвшемъ его семействѣ, какъ о собственномъ [3], съ спокойною душею перешелъ въ жизнь вѣчную, въ началѣ царствованія Ѳеодора Іоанновича, по боярскому списку въ 1585 году [4], а по другимъ извѣстіямъ 23 апрѣля 1586 года [5].

Флетчеръ пишетъ, будто, по носившимся тогда слухамъ, Никита Романовичъ былъ отравленъ [6].

Не чистосердечны однако были слова и клятвы Бориса Годунова: честолюбивый этотъ бояринъ, видѣвшій въ членахъ Дома Захарьиныхъ-Юрьевыхъ, ближайшихъ родственниковъ Царю Ѳеодору Іоанновичу, не могъ ихъ любить, какъ преграду къ своему собственному возвышенію. Онъ желалъ бы погубить ихъ; но, зная обширное ихъ родство, ихъ связи, всеобщее къ нимъ уваженіе и народную любовь, скрывалъ свои чувства подъ личиною дружественнаго расположенія, и во все время царствованія Ѳеодора Іоанновича ласкалъ, покровительствовалъ Романовыхъ-Юрьевыхъ-Захарьиныхъ и возвышалъ ихъ при Дворѣ: такъ, напримѣръ, Ѳеодоръ Никитичъ былъ пожалованъ въ бояре, Александръ Никитичъ въ кравчіе, Михаилъ, Иванъ и Василій Никитичи служили стольниками [7]. Борисъ достигъ своей цѣли, пріобрѣлъ довѣренность и расположеніе Романовыхъ-Юрьевыхъ, которое было ему нужно, на случай кончины бездѣтнымъ Царя Ѳеодора Іоанновича, и за тѣмъ ему уже не было равносильныхъ соперниковъ.

7 января 1598 года, Царь Ѳеодоръ Іоанновичъ скончался, и, не имѣя прямыхъ наслѣдниковъ, передалъ престолъ, конечно по внушенію Годунова, супругѣ своей Иринѣ Ѳеодоровнѣ. Черезъ девять дней, Царица отказалась отъ верховной власти, и боярин Годуновъ, какъ родной братъ ея, какъ первый бывшій совѣтникъ царскій, *правитель* государства, испытанный въ дѣлахъ государственнаго управленія, избранъ былъ Царемъ Русскимъ.

Достигнувъ главной цѣли своихъ стремленій, Годуновъ возъимѣлъ мысль объ утвержденіи престола въ своемъ родѣ и тогда-то во всѣхъ боярскихъ домахъ, связанныхъ болѣе или менѣе близкимъ родствомъ съ Домомъ Рюрика, онъ видѣлъ опасныхъ противниковъ.—Больше всего страшился Борисъ Романовыхъ-Юрьевыхъ-Захарьиныхъ, зная, какія права они имѣли на престолъ, и положилъ твердое намѣреніе устранить отъ себя эту преграду.

Клевреты и льстецы новаго Царя, также недоброжелатели Романовыхъ-Юрьевыхъ, со всеусердіемъ обносили ихъ передъ Борисомъ [8]; но не было никакого повода къ ихъ обвиненію, не было никакихъ уликъ. Романовы-Юрьевы-Захарьины отличались такимъ примѣрнымъ усердіемъ и дѣятельностью на службѣ, такою преданностью царю и отечеству, что, въ первые два года царствованія Бориса, не только торжествовали надъ злобою и коварствомъ своихъ враговъ, но даже были по прежнему возвышаемы при Дворѣ: такъ, напримѣръ, въ 1598 году, Александръ Никитичъ былъ пожалованъ въ бояре, а Михаилъ Никитичъ въ окольничіе [9].

Тѣмъ не менѣе Царь Годуновъ, мучимый совѣстью и страхомъ, не былъ спокоенъ: подозрѣвая всюду ковы и злоумышленія, онъ, для предупрежденія ихъ, сталъ поощрять доносы: благосклон-

(1) Собр. зап. Ѳ. Туманскаго Ч. II, стр. 344.—(2) Ист. Карам. Т. X, стр. 22, Т. XI пр. 143.—(3) Тамъ же.—(4) Тамъ же, Т. X пр. 59. — Повѣств. о Рос. Арцыб. Т. III отд. 1 стр. 3.—(5) Собр. зап. Туманскаго Ч. II.—(6) Ист. Карамз. Т. X пр. 59.—(7) Тамъ же, пр. 140.—(8) Тамъ же Т. XI, стр. 59 пр. 146.—(9) Древ. Рос. Вивліоѳ. Т. XX, стр. 69 и 70.

но самъ выслушивалъ доносчиковъ, даже награждалъ ихъ деньгами, надѣлялъ землями и возводилъ изъ холопей въ бояре, что, безъ сомнѣнія, увеличивало число доносовъ, и слѣдствіемъ ихъ были повсемѣстныя пытки и казни.

Въ это печальное для Россіи время, когда никто немогъ поручиться за свою жизнь, одинъ изъ слугъ боярина Александра Никитича Романова-Юрьева-Захарьина, по прозванію *второй Бартеневъ*, соблазнившись подарками и обѣщаніями Симеона Годунова, родственника Царя и вѣрнаго его клеврета, изъявилъ готовность донести на своего господина, у котораго онъ служилъ казначеемъ [1]. По наущенію Симеона Годунова, Бартеневъ, котораго современники прозвали *вторымъ Іудою* [2], показалъ, будто Александръ Никитичъ замышляетъ отравить Царя, и уже приготовилъ для того разныя зелья.

По доносу Бартенева, немедленно посланъ былъ въ домъ Александра Никитича Михаилъ Салтыковъ, съ нѣсколькими приверженцами Годунова, произвести нечаянный обыскъ. Въ кладовой, въ сундукахъ съ деньгами, ключи отъ которыхъ постоянно хранились у Бартенева, найдены были мѣшки съ разными травами и кореньями, заранѣе положенные туда доносчикомъ. Мѣшки эти тотчасъ были отправлены на Патріаршій Дворъ; туда же собрались бояре, большею частію клевреты Годунова [3], и по совѣщаніи съ патріархомъ Іовомъ, приверженцемъ Бориса, положено было, что всѣ травы и коренья волшебные, приготовленные для отравы Царя. Какъ ни казалось нелѣпо это гнусное обвиненіе, но никто не смѣлъ сомнѣваться въ его справедливости. Немедленно схватили всѣхъ Романовыхъ-Юрьевыхъ-Захарьиныхъ, находившихся въ Москвѣ, и привели на судъ къ патріарху [4].

Обвиненные спокойно предстали предъ своихъ обвинителей и смѣло опровергали неправдоподобный доносъ; но судьи не дали имъ говорить, боясь ихъ оправданія, и называя ихъ злодѣями и измѣнниками, обвинили не только всѣхъ Романовыхъ, но и близкихъ ихъ родственниковъ, въ покушеніи на жизнь Царя [5].

Вслѣдствіе этого Романовы и ихъ родственники, за приставами, были заключены въ тюрьму [6]. Вмѣстѣ съ ними пострадали: Князья Черкасскіе, Сицкіе, Шестуновы, Репнины и Карповы [7], одна Ирина Никитична Годунова была исключена изъ числа опальныхъ [8]; слугъ же подвергли мучительнымъ пыткамъ, отъ которыхъ многіе умерли. Къ пыткамъ много разъ приводили самихъ Романовыхъ-Юрьевыхъ, стращая и ихъ подвергнуть такимъ же истязаніямъ, въ случаѣ запирательства [9]; но все было напрасно: и вѣрные слуги, умирая въ мученіяхъ, провозглашали невинность и добродѣтель своихъ господъ [10].

Дѣло это, начавшееся въ концѣ 1599 года, тянулось слишкомъ годъ. Въ концѣ іюня и въ началѣ іюля 1601 года, состоялся приговоръ Боярской Думы. *Измѣнниковъ* — такъ были названы Романовы-Юрьевы-Захарьины въ приговорѣ—присудили къ лишенію имуществъ, поступившихъ частію въ казну, частію въ распоряженіе царское, и за приставами разослали въ заточеніе, въ разныя отдаленныя мѣста Россіи [11].

Александра Никитича, съ приставомъ Леонтіемъ Ладыженскимъ, сослали въ Усолье Луду, на Бѣлое Море [12], гдѣ потомъ его удавили [13]; Михаила Никитича, съ приставомъ Михайломъ Тушинымъ, заточили въ Великую Пермь, въ ныборскую волость. Его привезли зимою 1601 года, и какъ Тушинъ, сообразно данному наказу, не нашелъ близъ Ныбора удобнаго помѣщенія для узника, то велѣлъ выкопать для него землянку; не довольствуясь этимъ, онъ заковалъ Михаила Никитича въ цѣпи и приказалъ давать ему только хлѣбъ да воду. Землянка была тѣсная и сырая; однако въ ней устроена была небольшая печь и пробито отверстіе для свѣта.

Добродушные Ныборцы, соболѣзнуя о страдальцѣ, научили своихъ дѣтей носить ему, скрытно

---

(1) Повѣст. о Рос. Арцыб. Т. III, отд. I стр. 56 пр. 329 и 330.—Истор. Карамз. Т. XI ст. 59, 60 пр. 148.—(2) Кратк. опис. Дома Юрьевыхъ-Роман. Воейкова, 1798. стр. 18.—(3) Повѣст. о Рос. Арцыб. Т. III стр. 56 пр. 331 и 332.—(4) Ист. Карамз. Т. XI стр. 60.—(5) Тамъ же.—(6) Тамъ же, Т. XI стр. 60.—Лѣт. о мят. стр. 58. — (7) Повѣст. о Россіи Арцыб. Т. III, отд. I стр. 57 пр. 334. — (8) Ист. Карамз. Т. XI пр. 144. — (9)Тамъ же Т. XI пр. 149.—(10) Лѣт. о мят. стр. 58; — Доп. къ дѣян. Петра Велик. ч. I стр. 73. — (11) Ист. Карамз. Т. XI, стр. 60 и 61. — (12) Акты Археогр. Ком. Т. II, N 38. — (13) Ист. Кн. Щерб. Т. III, ч. I стр. 75. — Доп. къ дѣян. Петра Великаго Т. I стр. 74.—Ник. Лѣт. Т. VIII стр. 44.

квасъ, молоко, масло и проч. и малютки исполняли это, какъ бы играя около землянки, но эта хитрость была скоро открыта, и шесть человѣкъ Ныборцевъ пострадали за свое христіанское человѣколюбіе: посланные приставомъ въ Москву, какъ злоумышленники, они были пытаны, и только двое изъ нихъ, въ царствованіе уже Шуйскаго, возвратились на родину; остальные умерли въ пыткахъ. Михаилъ Никитичъ жилъ въ землянкѣ довольно долго; преданіе говоритъ, будто онъ былъ уморенъ голодомъ сторожами, соскучившимися смотрѣть за узникомъ.

Онъ былъ высокъ ростомъ, дороденъ и необыкновенной силы. Цѣпи, бывшія на немъ, сохраняются въ ныборской церкви: плечныя, или такъ называемый стулъ, вѣсомъ въ 39 фунтовъ, ручныя — въ 12 фунтовъ, кандалы или ножныя желѣза—въ 19 фунтовъ, замокъ—въ 10 фунтовъ. Тѣло безвиннаго страдальца погребено было въ 7 верстахъ отъ Чердыни, близъ села Ныбора, въ пустынномъ мѣстѣ. Тамъ, надъ могилою его, высятся два кедра [1].

Въ царствованіе Михаила Ѳедоровича, 17 ноября 1627 года, крестьяне села Ныбора были милостиво награждены обѣльною грамотою [2].

Боярина Ивана Никитича, съ приставомъ Иваномъ Смирнымъ-Мамонтовымъ, сослали 30 іюля 1601 года, въ Пелымъ [3]. Василія Никитича, съ сотникомъ стрѣлецкимъ Иваномъ Некрасовымъ, отправили 1 іюля 1601 года, въ Яренскъ [4], откуда, въ ноябрѣ 1602 года, перевели къ брату, въ Пелымъ. Здѣсь они сидѣли въ одной избѣ, прикованные цѣпями къ разнымъ угламъ [5]. Въ 1602 году января 15-го, по повелѣнію царскому, съ нихъ были сняты цѣпи; но Василій былъ *чуть живъ* (слова указа), и 15 февраля скончался на рукахъ своего брата Ивана, который также былъ болѣнъ *черною немочью* (параличомъ); онъ не владѣлъ рукою и ногою [6].

Ѳеодоръ Никитичъ, сосланный въ Антоніевъ-Сійскій Монастырь, Архангельской Губерніи, былъ постриженъ въ монахи [7].

Тещу Ѳеодора Никитича, дворянкуШестову, отправили 1 іюля 1601 года, съ приставомъ Яковомъ Вельяминовымъ, въ Чебоксары, въ Никольскій дѣвичій Монастырь, гдѣ и постригли въ монашество [8].

Дочь ея, супругу Ѳеодора Никитича, Ксенію Іоанновну, сослали въ заточеніе въ одинъ изъ заонежскихъ погостовъ [9].

Зятя ихъ, Князя Бориса Черкасскаго, съ Княгинею Марѳою Никитичною, и съ дѣтьми Ѳеодора Никитича, Михаиломъ и Татьяною, съ сестрою, дѣвицею Анастасіею Никитичною, и дѣтьми Александра Никитича, послали на Бѣлое Озеро [10]. Здѣсь они терпѣли крайнюю нужду въ пищѣ и одеждѣ, такъ что Князь Черкасскій вскорѣ умеръ отъ *комчюга* (водяной), [11] а Марѳа Никитична, тою же болѣзнію, была долго больна [12].

Князь Иванъ Борисовичъ Черкасскій былъ отправленъ въ Малмыжъ, за Вятку [13].

Князя Ивана Васильевича Сицкаго, съ приставомъ Тимофѣемъ Грязнымъ, сослали въ Кожеозерскій Монастырь, а жену его, Евфимію Никитичну, постриженную въ монашество и названную Евдокіею, въ пустынь Сумскаго Острога. Тамъ они, говоритъ современная лѣтопись, были насильственно лишены жизни [14]. Другихъ Сицкихъ, Ѳедора и Василія, Шестунова, Карповыхъ и Князей Репниныхъ заключили въ темницы разныхъ городовъ [15].

Такъ совершилось, въ 1601 году, паденіе знаменитаго боярскаго дома Романовыхъ-Юрьевыхъ-Захарьиныхъ, положившее неизгладимое пятно на царствованіе Бориса Годунова. Самъ Борисъ сознавалъ, въ душѣ своей, всю несправедливость этого гоненія, и въ мартѣ 1602 года, когда большей части изъ гонимыхъ уже не было въ живыхъ, желая явить свое милосердіе, и какъ бы списходя просьбамъ Ивана Ивановича Годунова, возвратилъ изъ ссылки Ивана Никитича, сперва въ Уфу [16], потомъ, вмѣстѣ съ племянникомъ его, Княземъ Иваномъ Черкасскимъ, 28 мая 1602 года, послалъ на

(1) Геогр. Слов. Ч. IV, статья Ныробъ.—Ист. Карамз. Т. XI пр. 155.—(2) Акты Археогр. Ком. ч. II № 149.—(3) Тамъ же Т. II № 38 § I. — (4) Тамъ же § II—(5). Тамъ же § XI, XII, XIII, XIV, XV.—(6) Тамъ же, § XVI, XVII и XXI. — (7) См. жизнеоп. Ѳеодора Никитича сего изд.—(8) Акты Археогр. Ком. Т. II N° 38 § V, VI и VII.—(9) См. жизнеоп. Ксеніи Іоанновны сего изд. — (10) Ист. Карамз. Т. XI стр. 61 пр. 151. — (11) Акты Археогр. Ком. Т. II № 38 § XXV, XXVI.—(12) Тамъ же, § XXV. О Мих. Ѳеод. говорится подробнѣе въ отдѣльномъ жизнеоп. сего изд. — (13) Акты Археогр. Ком. Т. II № 38 § IV.—(14) Ист. Кн. Щерб. Т. VII Ч. I стр. 78.—(15) Ист. Карамз. Т. IX стр. 69.—(16) Акты Археогр. Ком. Т. II, № 38, § XVII, XXII-

службу въ Нижній Новгородъ [1], и наконецъ 17 сентября 1603 года, въ Москву [2]. Овдовѣвшей Княгинѣ Маѳѣ Никитичнѣ Черкасской, съ невѣсткою, сестрою и дѣтьми Ѳеодора Никитича, Царь дозволилъ, въ концѣ 1602 года, жить въ отчинѣ Ѳеодора Никитича Романова, Владимірской Губерніи, Юрьево-Польскаго Уѣзда, въ селѣ Клинѣ, находящемся въ недальнемъ разстояніи отъ Владиміра, на зимней дорогѣ въ Москву [3]. Эта отчина, при заточеніи Романовыхъ-Юрьевыхъ-Захарьиныхъ, была отписана на Царя Бориса Годунова, и хотя Кампенгаузенъ удостовѣряетъ, что она передана была Иринѣ Никитичнѣ, однако показаніе это опровергается слѣдующимъ свидѣтельствомъ: въ дѣлѣ о ссылкѣ Романовыхъ сказано ясно: *въ Ѳеодоровскую Вотчину Романова, что была отписана на насъ* [4] (т. е. на Царя). Облегчена была нѣсколько и участь инока Филарета [5].

Между тѣмъ событія необыкновенныя, никѣмъ непредвидѣнныя, быстро смѣняли другъ друга. Внезапная кончина Бориса, насильственная смерть его сына Ѳеодора, успѣхи самозванца, раздражительное волненіе умовъ, дошедшее до крайней степени, и цѣлый рядъ величайшихъ смутъ, все это должно было довести Россію до погибели.

Но Провидѣніе уже готовило сей спасителя въ потомкѣ того самаго Дома Романовыхъ-Юрьевыхъ-Захарьиныхъ, на который Борисъ Годуновъ воздвигъ такое ожесточенное гоненіе! . . . .

---

(1) Акты Археогр. Ком. § XVIII, XIX и XXIV. — (2) Тамъ же, § XXVII, XXX, XXXI, XXXII. —(3) Geneal.-chronol. Gesch. des Allerdurchl. Hauses Romanow, von Campenhausen стр. 27.—(4) Акты Археогр. Ком. Т. II № 38 § XXVIII, XXIX.—(5) См. жизнеоп. Ѳеод. Ник. сего изд.

Въ Типографіи II Отдѣленія Собственной Е. И. В. Канцеляріи. С. Петербургъ, Августа 31 дня 1852 г. Цензоръ *А. Крыловъ*.

Печат. д'Арленъ. Рис. съ портр. ИМП. Романовской Галлереи. Изд. Г. Фрилебургъ.

КСЕНІЯ ІОАННОВНА урожд. ШЕСТОВА,

ВЪ МОНАШЕСТВѢ

МАРѲА.

Супруга Бояpина Ѳеодора Никитича Романова Юрьева-Захарьина.

Время рожденія и супружества неизвѣстны
Скончалась 26 Января 1631 года.

Погребена въ Московскомъ Новодѣвичьемъ монастырѣ.

ВЕЛИКАЯ ГОСУДАРЫНЯ СТАРИЦА,

МАРѲА,

УРОЖДЕННАЯ

КСЕНІЯ ІОАННОВНА ШЕСТОВА,

СУПРУГА БОЯРИНА

ѲЕОДОРА НИКИТИЧА РОМАНОВА-ЮРЬЕВА-ЗАХАРЬИНА,

МАТЕРЬ ЦАРЯ И ВЕЛИКАГО КНЯЗЯ

МИХАИЛА ѲЕОДОРОВИЧА.

Ксенія Іоанновна, какъ нынѣ достовѣрно извѣстно, была урожденная Шестова. (1)

Изъ родословныхъ книгъ видно, что домъ Шестовыхъ происходилъ отъ знатнаго мужа Михаила, выѣхавшаго въ Русскую Землю изъ Пруссіи, въ XIII столѣтіи, въ княженіе Св. Александра Ярославовича Невскаго (2).

Хотя Шестовы всегда славились своимъ богатствомъ, древностію происхожденія и родственными связями съ именитыми домами боярскими, однако, въ эпоху преобладанія мѣстничества, домъ этотъ не успѣлъ занять мѣсто между домами сановными. Не видно даже, чтобы родитель Ксеніи Іоанновны, дворянинъ Иванъ Васильевичъ Шестовъ, бывшій въ родствѣ съ Романовыми-Юрьевыми-Захарьиными, Князьями Черкасскими и Салтыковыми, или дѣдъ ея, дворянинъ Василій Михаиловичъ Шестовъ, занимали какую нибудь важную должность въ государственной службѣ. Все это заставляетъ предполагать, что домъ Шестовыхъ не былъ многочисленъ по мужескому колѣну, и что Ксенія Іоанновна лишилась родителя во время своего дѣвичества.

По скудости историческихъ свѣдѣній, весьма немногое можно сказать объ обстоятельствахъ жизни Ксеніи Іоанновны, до вступленія ея въ замужество; не извѣстно даже были ли у нея братья; впрочемъ, судя по тому, что отчины Шестовыхъ перешли въ собственность Ксеніи Іоанновны, можно думать, что братья ея, если они и были, умерли въ малолѣтствѣ, и это кажется тѣмъ вѣроятнѣе, что, во время гоненія на Домъ Романовыхъ, при Царѣ Борисѣ Годуновѣ, пострадала только родительница Ксеніи, дворянка Марья Шестова. (3) Шестовыхъ не видно и въ царствованіе Михаила Ѳеодоровича.

Наконецъ, самое время рожденія Ксеніи Іоанновны не извѣстно. Слѣдующія соображенія заставляютъ полагать, что она родилась въ январѣ, между 1570 и 1576 годами: 1. тезоименитство ея праздно-

---

(1) Акты Археогр. Ком. Т. II, N 37. Берха, Царствованіе Царя Михаила Ѳеодоровича, Ч. II. пр. 1.—(2) Ист. Рос. Госуд. Карамзина Т. IV пр. III.—(3) Акты Археогр. Ком. Т. II, N 38.—Исторія Дома Романовыхъ, сего изданія.

валось 24 января, на память преподобныя матери нашея Ксенiи, и 2. первый сынъ Ксенiи Іоанновны родился въ 1592 году, а второй въ 1595 году. И такъ, если допустить, что первый сынъ родился чрезъ годъ послѣ брака, а Ксенія Іоанновна вступила въ супружество не моложе 16 лѣтъ, то годъ ея рожденія будетъ 1575-тый.

Самое значительное и древнее имѣніе Шестовыхъ, которымъ владѣли дѣдъ и отецъ Ксенiи Іоанновны, была Отчина Домнинская, въ нынѣшней Костромской Губернiи, въ Буйскомъ Уѣздѣ, около 100 верстъ отъ г. Костромы, на сѣверо-востокъ. Къ этой Отчинѣ приписано было болѣе 50 деревень и починковъ, и много пустошей (1). Названіе свое Домнинская Отчина получила отъ находящагося въ ней, драгоцѣннаго для насъ Русскихъ, села Домнина, родины крестьянина Ивана Сусанина (2). Это село расположено на высокой горѣ, омываемой, съ одной стороны, рѣчкою Шачею, съ другой безыменнымъ ручьемъ. Боярскія хоромы были выстроены на самомъ живописномъ и возвышенномъ мѣстѣ; слѣды ихъ сохранились до настоящаго времени.

Принимая въ соображеніе, что въ село Домнино удалился Михаилъ Ѳеодоровичъ послѣ освобожденія своего изъ польскаго плѣна въ Московскомъ Кремлѣ, какъ это объяснено ниже, съ вѣроятностію можно допустить, что Ксенія Іоанновна, до замужества своего, проживала въ этомъ же селѣ.

Важнѣйшее событіе въ жизни Ксенiи Іоанновны, имѣвшее вліяніе на всю ея судьбу, есть, конечно, вступленіе ея въ бракъ съ боярином Ѳеодоромъ Никитичемъ, двоюроднымъ братомъ Царя Ѳеодора Іоанновича, слѣдовательно и въ домъ Романовыхъ - Юрьевыхъ - Захарьиныхъ, который въ то время, по близкому родству съ Царскимъ Домомъ, возвышался надъ всѣми боярскими родами.

Трудно рѣшить вопросъ: какія причины заставили боярина Ѳеодора Никитича избрать себѣ невѣсту изъ дома незнатнаго, въ такое время, когда все честолюбіе, достоинство и гордость бояръ требовали родственныхъ связей съ людьми именитыми. Остается догадываться, что Ѳеодоръ Никитичъ, явившій столько примѣровъ своего возвышеннаго образа мыслей въ періодъ преобладанія мѣстничества (3), не подчинился вѣковымъ предразсудкамъ, не увлекся никакими посторонними расчетами, но избралъ себѣ спутницу въ жизни по влеченію сердца.—И онъ не ошибся въ своемъ выборѣ.

Добродѣтельная, кроткая и умная Ксенія Іоанновна была предметомъ нѣжнѣйшей любви своего супруга, и наслаждалась полнымъ семейнымъ счастіемъ.

Истинная христіанка, проникнутая высокими чувствами Православной Вѣры, благоговѣйною и трогательною любовію къ Отцу Небесному, Ксенія Іоанновна, испытавъ, уже въ первые годы супружества, горькую утрату дѣтей, находила сладостное утѣшеніе въ молитвѣ и въ подвигахъ благочестія.

По обычаю того времени, она часто хаживала на поклоненіе къ Святому Угоднику Сергію, въ Троицкую Лавру, въ Угрѣшскій Монастырь Святаго Николая Чудотворца и въ другія обители.

Неопровержимое свидѣтельство доказываетъ, какимъ уваженіемъ пользовалась Ксенія Іоанновна между своими родными, и въ особенности отъ старшей своей невѣстки, Княгини Марѳы Никитичны Черкасской.

Въ чертѣ дома Князя Черкасскаго, въ огородѣ за Сухаревою Башнею, возлѣ храма Знаменія Божіей Матери, построеннаго Княгинею Черкасскою, находилась другая церковь, ею же сооруженная, въ которой былъ придѣлъ въ честь преподобныя Ксенiи, Святой Угодницы, тезоименитой Ксенiи Іоанновны (4).

Вотъ все, что, по недостатку сохранившихся извѣстій, можно сказать о жизни Ксенiи Іоанновны до 1601 года. Въ этотъ годъ, супругѣ боярина Ѳеодора Никитича суждено было, вмѣстѣ съ прочими членами именитаго Боярскаго Дома Романовыхъ - Юрьевыхъ - Захарьиныхъ, испытать тяжкую участь (5).

---

(1) Ист. Рос. Іерархіи ч. II, стр. 290, и Описаніе жизни Филарета Никитича соч. *Воейкова*, 1798 года.—(2) См. жизнеописаніе Царя Михаила Ѳеодоровича, сего изданія.—(3) См. жизнеописаніе Ѳеодора Никитича сего изданія—(4) Древняя Россійская Вивліоѳика Т. XI, стр. 313.—(5) См. Исторію Дома Романовыхъ сего изданія.

Обвиненная въ соучастіи будто бы по дѣлу о злоумышленіи на жизнь Царя Бориса Годунова, Ксенія Іоанновна разлучена была съ супругомъ и дѣтьми, и сослана въ Новгородскій Уѣздъ, въ Обонежскую Пятину, въ Толъ-Егорьевскій Погостъ, принадлежавшій Вяжицкому Монастырю [1]. Здѣсь ее неволею постригли въ монашество и нарекли Марѳою. Имя это, какъ полагать можно, новопостриженная приняла въ память любезной своей невѣстки, Княгини Марѳы Никитичны Черкасской.

Трудно вообразить себѣ что нибудь мрачнѣе и суровѣе мѣста ссылки Марѳы Іоанновны: это былъ низменный полуостровъ, врѣзывающійся съ сѣверо-запада въ Онежское Озеро, почти до его половины, и самъ покрытый множествомъ озеръ.

Полуостровъ этотъ и въ настоящее время заселенъ весьма слабо Корелами, потому что низменная почва его, обилующая желѣзною рудою, доставляетъ скудное пропитаніе, а за два съ половиною вѣка, онъ былъ почти пустынею: лишь кое-гдѣ видѣлись на немъ жилища Русскихъ, завлеченныхъ сюда по какимъ нибудь неблагопріятнымъ обстоятельствамъ, или удалившихся для подвиговъ отшельнической жизни.

Сюда-то, на отдаленный берегъ Онежскаго Озера, въ негостепріимный край, людская злоба бросила кроткую, богобоязливую и безвинную боярыню, на жертву жестокихъ испытаній и тяжкихъ страданій.

Марѳа Іоанновна была привезена въ Толъ-Егорьевскій Погостъ за приставомъ, имя котораго осталось неизвѣстнымъ, и какъ въ погостѣ не было монастыря и не оказалось удобнаго помѣщенія для узницы, то для нея было выстроено особое небольшое зданіе, обнесенное кругомъ высокою изгородою. — Мѣсто для этой постройки было избрано нѣсколько возвышенное, вдали отъ жилыхъ строеній, близъ церкви погоста; оно обращено на сѣверъ. Окрестности его низменныя, самыя печальныя: кругомъ болото, поросшее густымъ разноцвѣтнымъ мхомъ и покрытое кое-гдѣ желѣзистою ржавчиною; вся растительность ограничивается мелкимъ кустарникомъ и болотною сосною; озеро Онега, всегда бурное, наводящее тоску однообразнымъ прибоемъ мутныхъ своихъ волнъ, прилегаетъ къ самому погосту; за нимъ, вдали, на горизонтѣ, едва замѣтно синѣютъ берега Чолмужской Волости, и наконецъ, влѣво къ сѣверо-западу, видѣнъ островъ, принадлежавшій Палеостровскому Монастырю. До настоящаго времени сохранились камни, составлявшіе основаніе этого мрачнаго заключенія [2].

Столь неожиданный переворотъ въ жизни, разлука съ милыми сердцу, невѣдѣніе о судьбѣ ихъ, лишеніе свободы и строгій присмотръ, конечно должны были переполнить чашу горечи для той, которая еще такъ недавно наслаждалась тихимъ семейнымъ счастіемъ. Но гонители инокини Марѳы не удовольствовались ея нравственными страданіями. По словамъ лѣтописи, *Марѳа Іоанновна была заключена въ тюрьму* [3], *гдѣ ее морили голодомъ* [4], гдѣ она вытерпѣла *великія скорби*, какъ выражается царская грамота, и только глубокое христіанское благочестіе, твердое упованіе на помощь Отца Небеснаго и увѣренность въ своей невинности, поддерживали нѣжную душу страдалицы.—Лѣтопись говоритъ: *Богъ видѣлъ ея правду и невинное терпѣніе, и укрѣплялъ ея душу* [5].

Вскорѣ Господь послалъ Марѳѣ Іоанновнѣ утѣшителя въ лицѣ священника Егорьевскаго Погоста, отца Ермолая. *Непоколебимый умомъ и твердый разумомъ* [6], постигнувъ весь ужасъ положенія безвинной узницы, *памятуя Бога, свою душу и житіе православнаго христіанства* (слова царской грамоты), отецъ Ермолай рѣшился, не страшась опасностей, *доброхотствовать и*

---

[1] Акты Археогр. Ком. Т. II № 9.—Ист. Росс. Госуд. Карамзина, Т. VIII.— Ист. Рос. Госуд. Щербатова, Т. VII, ч. 1, стр. 70. — [2] Карелія, соч. Ѳ. Глинки, стр. 101.—[3] Подъ этимъ словомъ должно понимать жилище Марѳы Іоанновны.—[4] Рус. лѣт. по Никоновскому списку, Т. VIII, стр. 45. [5] Лѣт. о Мятежахъ, Ник. Лѣт. Т. VIII стр. 45.—[6] Характеристика отца Ермолая Герасимова помѣщена въ обѣльной грамотѣ, см. Акты Археогр. Ком. Т. III, № 9.

прямить ей [1]. Онъ, вмѣстѣ съ сыномъ своимъ, Исаакомъ, помогалъ и радѣлъ во всемъ Маѳѣ Іоанновнѣ.

Въ царствованіе Михаила Ѳеодоровича (13 марта 1614 г.), священнику этому и сыну его пожалована была, въ вѣчное потомственное владѣніе, дворцовая волость въ Обонежской Пятинѣ, Вышегорскаго Стана, освобожденная отъ всякихъ податей [2].

Вѣроятно, по внушенію почтеннаго отца Ермолая Герасимова, служили Маѳѣ Іоанновнѣ, въ бытность ея въ Егорьевскомъ Погостѣ, еще три семейства: 1) Петра Тарутина, изъ Погоста Толъ-Егорьевскаго; 2) Глездуновыхъ, изъ того же погоста, и 3) Андреевыхъ, Сѣно-Губской Волости, изъ Погоста Кижскаго, при чемъ упоминается также женщина, по имени Наталія [3].

Эти добрые крестьяне, узнавъ, что Маѳа Іоанновна скорбѣла болѣе всего невѣдѣніемъ о судьбѣ своего супруга, Ѳеодора Никитича, и дѣтей, изъявили безкорыстную готовность усладить горесть узницы. Легко понять, сколько нужно было смышлености и отваги, чтобы открыть прежде всего мѣста заключенія узниковъ, сколько требовалось усердія, чтобы пуститься потомъ въ дальній путь, за пять сотъ верстъ и болѣе, увидѣть заключенныхъ и быть посредниками въ передачѣ извѣстій и переписки между разлученными навѣки супругами и ихъ дѣтьми? Но все это было исполняемо добродѣтельными людьми *съ усердіемъ непоколебимымъ* (слова грамоты), и заслуги сихъ трехъ семействъ были щедро награждены Государями: всѣ они были надѣлены землями и обѣлены [4].

Сколько времени Маѳа Іоанновна провела въ Толъ-Егорьевскомъ Погостѣ, въ точности неизвѣстно; но если и предположить, что она находилась тамъ все время царствованія Бориса и Ѳеодора Годуновыхъ, то, вѣроятно, въ послѣдніе годы судьба ея, какъ и участь другихъ членовъ Дома Романовыхъ, была значительно облегчена.

Въ 1606 году, по воцаренін Лже-Димитрія и поставленія архимандрита Филарета Никитича Митрополитомъ Ростовскимъ и Ярославскимъ, Маѳа Іоанновна, съ юнымъ сыномъ Михаиломъ Ѳеодоровичемъ, поселилась въ епархіи Филарета, въ Костромской Области. Многіе полагаютъ мѣстомъ ея жительства Ипатьевскій *мужескій* Монастырь; но догадка эта едва ли справедлива: достовѣрнѣе, что она имѣла пребываніе въ Костромскомъ Крестовоздвиженскомъ *женскомъ* (Анастасьевскомъ дѣвичьемъ) Монастырѣ, находящемся въ самой Костромѣ. — Этотъ монастырь основанъ добродѣтельною Царицею Анастасіею Романовною, которая имѣла особенное усердіе къ Преподобному Геннадію, Костромскому Чудотворцу, и обогащала обитель многими вкладами [5].

Здѣсь, успокоенная послѣ тяжкихъ скорбей, Маѳа Іоанновна дѣлила время между подвигами благочестія и воспитаніемъ своего сына, достигшаго тогда десятилѣтняго возраста; подъ руководствомъ умной и нѣжной родительницы, юный Михаилъ сроднился своею прекрасною душею съ благоговѣйнымъ усердіемъ къ святой Православной Вѣрѣ и съ добрыми обычаями Русскаго Народа.

Недолго, однако, наслаждалась Маѳа Іоанновна мирною жизнію въ обители. Настали смутныя времена царствованія Шуйскаго и новаго самозванца.

Въ 1608 году, вооруженныя толпы бродягъ явились въ окрестностяхъ Костромскаго и Галичскаго Уѣздовъ, взяли Кинешму, Шую, Суздаль, и наконецъ, желая завладѣть самою Костромою, утвердились въ Ипатьевскомъ Монастырѣ. Отсюда разбойники безпрестанно вторгались въ городъ, грабили церкви, монастыри и обывательскіе дома, между тѣмъ какъ другая толпа Ляховъ и измѣнниковъ русскихъ разорили Ростовъ и захватили въ плѣнъ митрополита Филарета, котораго съ поруганіемъ отвели въ Тушино ко второму Лже-Димитрію [6].

Въ это несчастное для Россіи время, одна Москва наслаждалась наружнымъ спокойствіемъ, и была безопаснымъ мѣстомъ для вѣрныхъ сыновъ отечества. Сюда, должно полагать, удалилась Великая Старица Маѳа Іоанновна съ своимъ сыномъ, и здѣсь (14 марта 1609 г.), спустя десять

---

[1] Акты Археог. Ком. Т. III, № 9.—[2] Акты Археог. Экспед. Т. III, № 30.—[3] Тамъ же. Т. III, стр. 6 и Т. IV.—[4] Тамъ же. Т. III, № 30; Т. IV, № 11.—Акты Археогр. Ком. Т. III, № 105. — [5] Взглядъ на Исторію Костромы Князя Козловскаго стр. 83, прим. 55 и житіе Препод. Геннадія: Прологъ.—Ист. Рос. Іерархіи Т. III, стр. 285. — [6] См. Жизнеоп. Ѳеодора Никитича сего изданія.

дней послѣ торжественнаго вступленія въ Москву юнаго полководца Скопина-Шуйскаго, она имѣла отраду увидѣть митрополита Филарета, освобожденнаго изъ плѣна у Тушинскаго Вора [1].

Но едва сердце Маѳы Іоанновны успѣло насладиться этимъ утѣшеніемъ, какъ ее постигло новое жестокое испытаніе.

Въ 1609 году, печальныя событія смѣнялись безпрерывно, и бѣдствія Россіи, казалось, были нескончаемы: 23 апрѣля, не стало Скопина-Шуйскаго; 24 іюня, проиграна клушинская битва; 18 іюля, Царь Василій Шуйскій низложенъ съ престола и постриженъ въ монахи, а 11 сентября 1610 года, по происканъ польскаго гетмана Жолкѣвскаго, митрополитъ Филаретъ, сыну котораго, патріархъ Гермогенъ и лучшіе граждане желали царскаго вѣнца, отправленъ, съ Княземъ Василіемъ Голицынымъ и другими боярами, отъ Боярской Думы, управлявшей тогда Московскимъ Государствомъ, вручить Польскому Королю Сигизмунду III грамоту на избраніе сына его, Владислава, на Московскій Царскій Престолъ [2].

Вскорѣ по отбытіи посольства, Поляки заняли Москву, а Великая Старица Маѳа, съ юнымъ Михаиломъ Ѳеодоровичемъ, вѣроятно подъ предлогомъ скораго возвращенія посольства, задержаны были тѣмъ же Жолкевскимъ въ Москвѣ, для вѣрнѣйшаго обезпеченія престола Королевичу Владиславу.

При отъѣздѣ Жолкѣвскаго изъ Москвы, матерь и сынъ переданы были преемнику его, Гонсѣвскому, который 19 марта 1611 года, при всеобщемъ возстаніи Русскаго Народа, явно увидѣвшаго обманъ Поляковъ и желаніе Короля Сигизмунда покорить Россію и самому въ ней царствовать, будучи вынужденъ, со всѣми Поляками и приверженцами Сигизмунда, запереться въ Московскомъ Кремлѣ, сдѣлалъ Маѳу Іоанновну, съ Михаиломъ Ѳеодоровичемъ и другими вѣрными сынами отечества, своими плѣнниками.

Среди страха и надеждъ, слишкомъ полтора года, они терпя всѣ лишенія, выдержали осаду столицы, сначала Прокопіемъ Ляпуновымъ, потомъ нижегородскимъ ополченіемъ, приведеннымъ Козьмою Мининымъ и Княземъ Пожарскимъ, и только въ октябрѣ 1613 года, когда Поляки принуждены были сдаться, Маѳа Іоанновна и Михаилъ Ѳедоровичъ, вмѣстѣ съ прочими плѣнниками, 28 числа выданы были освободителямъ Москвы [3].

Страшно было смотрѣть на выходцевъ кремлевскихъ, пишутъ очевидцы: истомленные, обезображеные голодомъ и страданіями, они, будто тѣни, возставшія изъ могилъ, едва переступали и падали отъ изнеможенія. Невольный ужасъ и состраданіе наполняли сердца добраго Русскаго Народа не только къ соотечественникамъ, но и къ врагамъ.

Князь Пожарскій, съ должною честію принялъ всѣхъ Русскихъ, снабдилъ ихъ необходимымъ и поручилъ попеченію родственниковъ, а Маѳу Іоанновну, съ Михаиломъ Ѳеодоровичемъ, князь отправилъ, по желанію ихъ, въ тотъ же день въ Кострому [4].

Но какъ и здѣсь не было безопасности отъ разъѣздовъ литовскихъ, разсылаемыхъ Маскѣвичемъ, то Великая Старица поселилась въ укрѣпленной обители Св. Ипатія [5], лежащей близъ самого города, на правомъ берегу рѣки Костромы, при впаденіи въ Волгу. — Въ монастырѣ этомъ, Маѳа Іоанновна избрала себѣ для жительства небольшія келіи, въ такъ называемой *братской келіи*, возлѣ западныхъ воротъ двухъ-яруснаго зданія, построеннаго иждивеніемъ бояръ Дмитрія Ивановича и Бориса Ѳеодоровича Годуновыхъ, келіи эти благоговѣйно сохраняются до настоящаго времени, въ прежней своей простотѣ [6]; а Михаилъ Ѳедоровичъ проживалъ болѣе въ Домнинской Отчинѣ [7]. Къ этому времени относится сказаніе, сохранившееся въ Унженскомъ Монастырѣ, о путешествіи Маѳы Іоанновны, съ юнымъ сыномъ своимъ, въ монастырь, на поклоненіе преподобному Макарію, Унженскому и Желтоводскому Чудотворцу [8].

---

(1) См. жизнеоп. Ѳеодора Никитича сего изданія.—(2) См. жизнеоп. Ѳеодора Никитича сего изданія.—(3) Допол. къ Дѣян. Петра Великаго, Т. II, стр. 325.—(4) Тамъ же, Т. II, стр. 328.—(5) Кн. Козловскаго, Взглядъ на Исторію Костромы, прим. 55.—(6) Описаніе Ипатіевскаго Монастыря стр. 23.—(7) Допол. къ Дѣян. Петра Великаго Т. II, стр. 328 и 346, и записки Маскѣвича.—(8) Взглядъ на Исторію Костромы Князя Козловскаго, стр. 87.

Монастырь этотъ, основанный преподобнымъ Макаріемъ въ 1439 году, въ 15 верстахъ отъ бывшаго г. Унжи, на рѣкѣ того же названія, впадающей въ Волгу, былъ перестроенъ дядею Михаила Ѳеодоровича, Царемъ Ѳеодоромъ Іоанновичемъ. У раки сего просвѣтителя Фивановъ, великаго подвижника во время нашествія Татаръ (1), обрѣтали всѣ, притекавшіе съ вѣрою, утѣшеніе и исцѣленіе въ скорбяхъ душевныхъ и недугахъ тѣлесныхъ, и сюда пришли инокиня Марѳа и юный Михаилъ благодарить Господа за счастливое свое освобожденіе отъ мучительнаго плѣна, и молить Его о спасеніи митрополита Филарета, плѣненнаго Сигизмундомъ во время посольства.

Вскорѣ по возвращеніи въ Костромской Ипатіевскій Монастырь, Марѳа Іоанновна была встревожена внезапнымъ прибытіемъ изъ Домнинской Отчины Михаила Ѳеодоровича.—Спасенный отъ смерти Иваномъ Сусанинымъ (2), онъ привезъ родительницѣ неожиданную вѣсть объ избраніи своемъ на престолъ Русскаго Царства.

Не будемъ удивляться, что это извѣстіе не только не обрадовало Марѳу Іоанновну, напротивъ, наполнило сердце ея тяжкою скорбію. Умудренная продолжительными несчастіями, зная тогдашнее смутное положеніе Русской Земли и неопытность юнаго, смиреннаго и добродушнаго сына своего въ дѣлахъ государственнаго управленія, она страшилась за будущую судьбу своего Михаила.—Что могъ совершить онъ, никогда не готовившійся къ столь высокому и трудному сану, въ государствѣ, отданномъ въ жертву враговъ внѣшнихъ и внутреннихъ? чего могъ ожидать кроткій юноша, посреди ужасовъ сокрушительной безурядицы, когда сокровища царскія и казна были расхищены, города, веси, храмы Божіи, разграблены и опустошены пожарами, когда народъ не въ состояніи былъ платить податей, когда даже Священный Царскій Престолъ, цѣль стремленія властолюбивыхъ бояръ, не разъ былъ святотатственно ими поруганъ низложеніемъ царей, ими же избранныхъ? Всѣ такіе вопросы, естественно, должны были представиться умной Марѳѣ Іоанновнѣ, и, кромѣ того, она могла страшиться за жизнь бывшаго супруга своего, плѣнника Сигизмундова.

Послѣ горячей молитвы Вседержителю и Сердцевѣдцу, Марѳа Іоанновна твердо рѣшилась отклонить избраніе своего юнаго сына на престолъ.

15-го марта 1613 года, въ вечерню, прибыли въ Кострому, съ московскими чудотворными иконами, послы (челобитчики) отъ Земскаго Совѣта, просить юнаго Михаила Ѳеодоровича на Московскій Царскій Престолъ, а благочестивую матерь его о благословленіи любезнаго ей сына на царствованіе (3).

14-го марта, получивъ позволеніе предстать предъ Богоизбраннаго, послы, отслуживъ молебенъ въ соборной церкви Пресвятой Богородицы, и взявъ оттуда Образъ Богоматери Ѳеодоровскія и другія иконы, въ сопровожденіи духовенства, дворянства и множества народа, при колокольномъ звонѣ во всѣхъ церквахъ, отправились въ Ипатіевскій Монастырь (4).

Съ душевнымъ безпокойствомъ встрѣтили Марѳа Іоанновна и Михаилъ Ѳеодоровичъ это торжественное шествіе, внѣ ограды монастыря, и съ благоговѣніемъ приложившись къ святымъ иконамъ, они едва были упрошены слѣдовать въ монастырскую церковь, для слушанія литургіи и молебствія.

Ни мольбы, ни убѣжденія посланныхъ, ни слезы народа, не могли поколебать ихъ твердой рѣшимости.

Съ трехъ до девяти часовъ вечера (5), безвыходно пребывая въ церкви, Михаилъ Ѳеодоровичъ не принималъ предлагаемаго ему вѣнца Мономахова, а родительница его не благословляла сына своего на царство. Казалось, всякая надежда была потеряна . . . но пути Провидѣнія неисповѣдимы!

Самъ Богъ внушилъ благую мысль Архіепископу Рязанскому, Ѳеодориту, находившемуся въ главѣ посольства, со стороны духовенства, поднять святыя и чудотворныя иконы и предстать

---

(1) Словарь Историч. о Св. Правосл. въ Рос. церквахъ 1836 г. стр. 137.—(2) См. жизнеоп. Царя Михаила Ѳеодоровича сего изданія.—(3) Дворц. Разр. Т. I, стр. 53.—(4) Тамъ же.—(5) Тамъ же, Т. II, стр. 362.

предъ Михаила Ѳеодоровича и Марѳу Іоанновну. Онъ воззвалъ къ юному избраннику и его родительницѣ именемъ Бога живаго и Матери Дѣвы не отказывать, изъ любви къ Святой Православной Вѣрѣ, попираемой иноплеменниками, осиротѣвшему и бѣдствующему государству, и покориться волѣ Отца Небеснаго.

Въ эту торжественную минуту, Великая Старица не могла противорѣчить: она поверглась на колѣна, и, покоряясь волѣ Господней, со слезами произнесла: *Владыко жизни, да будетъ воля Твоя! . . . Се тебѣ, о Богомати, Пречистая Дѣва Богородица! Въ твои пречистыя руце, Владычице, чадо свое предаю, и, яко же хощеши, устрой ему полезная и всему Православному Христіанству! . . .* (1).

Приложившись послѣ того къ святымъ иконамъ, Марѳа Іоанновна благословила сына своего, Михаила Ѳеодоровича, и, представляя его первостатейному боярину Шереметеву, бывшему въ главѣ посольства со стороны гражданъ, сказала: *Вотъ вамъ жертва, отъ меня требуемая отечеству, вами и мною обреченная! Онъ небылъ приготовленъ къ такому важному и высокому сану; но вы хотѣли, чтобы онъ былъ государемъ вашимъ, то вы и повинны отвѣчать Богу за все, чего, по молодости лѣтъ и неопытности, онъ на пользу общую содѣлать не успѣетъ.* (2).

Такъ совершилось приснопамятное благословеніе на царство, благоразумною матерью и благочестивою инокинею, Великою Старицею Марѳою Іоанновною, Михаила Ѳеодоровича, ближайшаго потомка послѣдней царственной отрасли изъ Дома Рюрика. Въ память этого великаго событія, установленъ 14 марта праздникъ чудотворной иконѣ Пречистой Богородицѣ Ѳеодоровской (3).

Вскорѣ потомъ (19 марта), Марѳа Іоанновна, вмѣстѣ съ Богоизбраннымъ Царемъ, сыномъ своимъ, отправилась въ Москву; но, по причинѣ повсемѣстной неурядицы, грабежей, разбоевъ и неустройствъ, даже по дорогѣ отъ Костромы до Москвы, путь ихъ весьма замедлялся. Государь и матерь его прибыли въ Свято-Троицкую Сергіевскую Лавру только 26 апрѣля (4).

Трудно и опасно было первое время царствованія юнаго и неопытнаго Государя; надлежало избавить Россію отъ враговъ внѣшнихъ и внутреннихъ, водворить въ ней порядокъ, повиновеніе, собрать государственную казну и предупредить народную нищету. Для достиженія этой цѣли нужны были сильныя и рѣшительныя мѣры, и здѣсь совѣты благоразумной и добродѣтельной Марѳы Іоанновны имѣли важное значеніе. Она была главною руководительницею вѣнценоснаго своего сына въ первое время его царствованія. *Государь былъ младъ* говоритъ псковскій лѣтописецъ; *когда онъ вступилъ на царство, ему было около 18 лѣтъ. . . . . Ему не доставало царственой мудрости, и боголюбивая его мать, инокиня великая старица Марѳа, правила подъ нимъ и поддерживала царство съ своимъ родомъ: еще бо сущу отцу его въ плѣну у Короля Польскаго.* (5).

По прибытіи въ Свято-Троицкую Сергіевскую Лавру, Государь и матерь его, видя повсѣмѣстные безпорядки, остановились и не пошли далѣе.

Сюда, по приказанію Царя, собралась вся походная его свита и всѣ именитые люди, духовные и свѣтскіе: Ефремъ, Митрополитъ Казанскій и Свіяжскій, Ѳеодоритъ, Архіепископъ Рязанскій, и весь освященный чинъ; боярин Ѳеодоръ Шереметевъ и другіе бояре, окольничіе, чашники, стольники, стряпчіе и прочіе. . . . .

Когда они предстали предъ Царя и родительницу его, *гнѣвъ и скорбь выражались на лицѣ юнаго избранника и Марѳы Іоанновны, слезы текли по ихъ ланитамъ; Государь и матерь его,* скорбя душею о бѣдствіяхъ Русской Земли, *впали въ сомнѣніе великое* (6), и обратились къ посламъ съ слѣдующею рѣчью: *вы послы Совѣта Земскаго, били намъ челомъ, говорили, что Московскаго Государства люди всѣ пришли въ чувство и отъ воровства отстали и опомнились, отстали отъ неустройствъ; но вы намъ били челомъ и говорили ложно!* . . . . . .

---

(1) Дополненіе къ Дѣян. Петра I, Т. II, стр. 365.—(2) Достоп. повѣст. о великихъ Государяхъ XVII стол. соч. Львова стр. 26.—(3) Русская лѣтопись по списку Т. 8, стр. Никон. 203. — Болѣе подробное описаніе сего событія смотри въ жизнеописаніи Царя Михаила Ѳеодоровича, сего изданія.—(4) Дворц. Разр. Т. I, стр. 158. — (5) Полное Собраніе Лѣтописей Рус. Т. V, стр. 64 и 65. — (6) Дворц. Разр. Т. I. отр. 1139 и 1163.

Государь Вашъ и родительница его не прежде выступятъ изъ Сергіева Монастыря Живоначальныя Троицы, когда всего Московскаго Государства, всѣхъ чиновъ люди, въ соединеніе и любовь не прійдутъ, и кровь христіанская литься не престанетъ, и не прекратятся грабежи. (1)

Въ такомъ смыслѣ отправлена была царская грамота къ Земскому Совѣту, и о томъ же писали къ нему Архіепископъ Рязанскій и бояринъ Шереметевъ.

Царская грамота и отписки пословъ были прочитаны всенародно въ Успенскомъ Соборѣ, и произвели самое благотворное дѣйствіе.

Народъ откликнулся на призывъ Государя—стать подъ защиту законовъ государства и охранять ихъ по данной присягѣ. *Мы дали Царю свои души*, кричали казаки, наиболѣе обвиняемые въ неурядицѣ, *мы крестъ цѣловали, потому и поступать намъ рены.* (2)

Вслѣдъ затѣмъ, Совѣтъ принялъ дѣятельныя мѣры къ искорененію разбоевъ. Со всѣхъ сторонъ слышались убѣжденія и клятвы—не стоять за воровъ, не бить за нихъ челомъ; казаки обѣщали даже выдавать грабителей.

Вскорѣ Москва могла отправить къ Государю новыхъ пословъ, просить его о прибытіи въ Москву. 1-го мая, умилостивленный Царь писалъ Земскому Совѣту: *Намъ ваша правда* и *радѣніе къ намъ и ко всей землѣ вѣдомо, а приходъ нашъ и матери нашей будетъ къ Москвѣ мая во второй день, въ Воскресенье.* (3)

Еще изъ стана своего въ Переяславлѣ-Залѣскомъ (25 апрѣля), Михаилъ Ѳеодоровичъ послалъ грамоту къ боярину Ѳеодору Ивановичу Мстиславскому съ товарищами, чтобы, для жительства Маріы Іоанновны, отдѣланы были, до его прибытія, деревянныя хоромы Царицы Маріи Петровны, супруги Царя Василія Іоанновича Шуйскаго. (4)

Мстиславскій, ссылаясь на недостатокъ въ деньгахъ, работникахъ и лѣсѣ, представлялъ Государю, что хоромъ прежней Царицы, въ столь короткое время, приготовить не возможно, и что онъ, съ товарищами своими, устроилъ въ Вознесенскомъ Дѣвичьемъ Монастырѣ домъ, въ которомъ жила инокиня Царица Маріа Годунова. (5)

Однако Государь рѣшилъ, какъ это видно изъ другой грамоты къ Князю Мстиславскому (29 апрѣля), что хоромы Царицы Маріы Годуновой, для жительства родительницы его, не пригодятся, (6) и чтобы, къ пріѣзду его, непремѣнно отдѣланы были деревянныя хоромы супруги Царя Василія Іоанновича. Между тѣмъ, царскія хоромы не понравились, кажется, смиренной инокинѣ. Предпочитая тихую и уединенную жизнь, Маріа Іоанновна, по прибытіи въ Москву, проводивъ вѣнценоснаго своего сына до царскихъ его покоевъ, удалилась въ Вознесенскій Дѣвичій Монастырь, (7) гдѣ для нея отдѣлано было нѣсколько келій. Здѣсь, преисполненная христіанскаго благочестія, она, въ постѣ и молитвѣ, провела остальные годы своей жизни, испытанной столькими треволненіями.

Съ этихъ поръ, имя Маріы Іоанновны уже не принадлежало міру; нѣтъ ни одного указанія, что бы Великая Старица когда либо торжественно посѣщала Кремлевскій Дворецъ своего вѣнчаннаго сына; она не присутствовала и при большихъ столахъ ни у первой, ни у второй супруги Михаила Ѳеодоровича. Участіе ея въ правленіи едва замѣтно. Въ дѣловыхъ бумагахъ сохранилась только одна грамота, писанная отъ имени Великой Старицы, въ которой она рѣшаетъ своею властію споръ о земляхъ между Галицкимъ Пансіевскимъ Монастыремъ и какимъ-то Аѳанасіемъ Кащеевымъ. (8) Заключеніе мира съ Шведами 1617 г. и съ Поляками 1618 г., приписывается счастію Государя и молитвамъ матери его, Маріы Іоанновны.

Напротивъ, въ семейномъ кругу, ясно видна ея дѣятельность. Въ 1617 году, по благословенію родительницы своей, Михаилъ Ѳеодоровичъ наименовалъ Царицею дѣвицу Марію Хлопову, которая, послѣ своего избранія, приняла имя Анастасіи, въ память добродѣтельной супруги Царя

---

(1) Дворцовые Разряды Т. I, стр. 1164. — (2) Тамъ же, Т. I, стр. 1086, 1198. — (3) Тамъ же, Т. I, стр. 124. — (4) Тамъ же, Т. I, стр. 1142. — (5) Тамъ же, Т. I, стр. 1179 — (6) Тамъ же, Т. I, стр. 1154. — (7) Дополненія къ Дѣяніямъ Петра Великаго, Т. II, стр. 380. Царств. Царя Михаила Ѳеодор., Берха Т. I, стр. 60. — (8) Акты Археогр. Ком. Т. III. № 5.

Іоанна Васильевича. Къ несчастію, невѣста Государя заболѣла. Соборъ чиновъ духовныхъ и свѣтскихъ опредѣлилъ: снять съ Маріи Хлоповой санъ Царицы. (1) Въ послѣдствіи, по выздоровленіи Маріи, Марѳа Іоанновна уже не согласилась благословить сына своего на вступленіе съ нею въ бракъ, но открыла переговоры о сочетаніи Михаила Ѳеодоровича съ Принцессою Датскою, дочерью Герцога Голштейнъ-Готторпскаго Іоанна-Адольфа, Доротеею-Августою (2). Вліяніе и совѣты Марѳы Іоанновны замѣтны также при вступленіи Государя въ первый бракъ съ Княжною Маріею Владиміровною Долгорукою, а по смерти ея, во второй бракъ съ Евдокіею Лукьяновною Стрѣшневою. При этомъ она благословила царственнаго сына своего иконами Спаса и Богородицы Одигитріи, въ серебряныхъ чеканныхъ окладахъ. Вторая икона была, кромѣ того, украшена дорогими самоцвѣтными камнями (3).

Въ 1619 году, кончились всѣ горести Марѳы Іоанновны: въ этотъ годъ послѣдовало торжественное прибытіе въ Москву доблестнаго страдальца, митрополита Филарета, послѣ девятилѣтняго плѣна въ Польшѣ (4).

Въ томъ же 1619 году, вслѣдъ за поставленіемъ Филарета Никитича Патріархомъ Московскимъ и всея Россіи, 22 августа, Царь Михаилъ Ѳеодоровичъ, съ матерью своею, вѣроятно по обѣту, отправились пѣшкомъ на богомолье въ Унженскій Монастырь Св. Макарія (5).

На обратномъ пути, 30 Октября, они посѣтили Кострому, и въ тамошнемъ Богоявленскомъ Монастырѣ, Государь приложилъ къ образу Богоявленія Господня золотой угорской, а родительница его пожаловала золотой панагійный крестъ. Въ писцовыхъ книгахъ 1628 и 1630 годовъ, этотъ крестъ описанъ такъ: *Крестъ золотой съ распятіемъ; въ головѣ его Спасъ Нерукотворенный; на пробоѣ, двѣ жемчужины бурмитскія, даръ Великія Государыни Старицы Марѳы Іоанновны* (6).

Въ 1625 году, Марѳа Іоанновна пожаловала Новоспаскому Монастырю купленную свою Отчину, деревню Увесъ, Касимовскаго Уѣзда на рѣкѣ Увесѣ, и поставила въ церковь образъ Пресвятыя Богородицы умиленія въ кіотѣ, вѣнецъ съ короною, съ каменьями и жемчугомъ, да пожаловала еще серебряное большое кутейное блюдо (7), вѣроятно по случаю болѣзни супруги Царя Михаила Ѳеодоровича, Царицы Маріи Владиміровны.

Марѳа Іоанновна скончалась въ преклонныхъ лѣтахъ 1631 г. января 28 дня (8), въ тотъ самый день, въ который спустя 93 лѣтъ, не стало Великаго правнука ея, ПЕТРА I. Въ Уставѣ Патріаршемъ сказано: *28 Января, день преподобнаго Ефрема Сирина. Въ Успенскомъ Соборѣ звонъ въ шесть колоколовъ; въ сей день бысть панихида по инокинѣ, Марѳѣ Ивановнѣ у Спаса на Новомъ.* (9).

Не задолго до кончины своей, (1631 г. января 6) Марѳа Іоанновна, принявъ схимонашество, пожертвовала Московскому Новоспасскому Монастырю, какъ видно изъ вкладной его книги, Домнинскую свою Отчину, со всѣми принадлежащими къ ней деревнями, починками и пустошами (10).

Тѣло сей блаженной памяти Великой Старицы погребено въ Новоспаскомъ Монастырѣ, подъ соборною церковію Христа (11).

Благоговѣйная память о родительницѣ перваго Государя, изъ благословеннаго Дома Романовыхъ, должна жить въ сердцахъ всѣхъ признательныхъ сыновъ отечества.

Прилагаемый портретъ Ксеніи Іоанновны, урожденной Шестовой (въ монашествѣ Марѳы), супруги боярина Ѳеодора Никитича Романова-Юрьева-Захарина, снятъ съ портрета, находящагося въ ИМПЕРАТОРСКОЙ Портретной Галлереѣ Зимняго Дворца, именуемой Романовскою.

---

(1) См. жизнеописаніе Царя Мих. Ѳеод. сего изданія.—(2) Полн. собр. лѣт. V прибав. стр. 65.—Дополн. къ дѣян. Петра Великаго Т. II стр. 456.—(3) Дворц. Разр. Т. I. стр. 765.—(4) См. жизнеоп. Ѳеод. Ник. сего изданія.—(5) Дворц. Разр. Т. I, стр. 413.—(6) Опис. Богояв. Монаст. Архим. Аѳанасія.—(7) Ист. Рос. Іерар. часть II стр. 289.—(8) Дворц. Разр. Т. II, стр. 157.—(9) Древн. Рос. Вивл. Т. X стр. 207.—(10) Ист. Рос. Іерар. ч. II, стр. 290.—(11) Тамъ же стр. 288.

Въ Типографіи II Отдѣленія Собственной Е. И. В. Канцеляріи. С. Петербургъ, Марта 27 дня 1852 г. Цензоръ *А. Крыловъ.*

Печат: д'Арленгъ. Рис: съ портр: ИМП: Романовск[illegible] Изд: Г. Фридебургъ.

МИХАИЛЪ ѲЕОДОРОВИЧЪ РОМАНОВЪ

ГОСУДАРЬ, ЦАРЬ и ВЕЛИКІЙ КНЯЗЬ

САМОДЕРЖЕЦЪ ВСЕРОССІЙСКІЙ.

Родился 12 Іюля 1596 года.
Вступилъ на Престолъ 14 Марта 1613 года.

Скончался 12 Іюля 1645 года
Погребенъ въ Московскомъ Архангельскомъ Соборѣ.

ЦАРЬ И ВЕЛИКІЙ КНЯЗЬ

МИХАИЛЪ ѲЕОДОРОВИЧЪ

РОМАНОВЪ,

САМОДЕРЖЕЦЪ ВСЕРОССІЙСКІЙ.

Михаилъ Ѳеодоровичъ Романовъ, сынъ боярина Ѳеодора Никитича Романова-Юрьева-Захарьина и Ксеніи Іоанновны, урожденной Шестовой, родился въ царствованіе дяди своего, Царя Ѳеодора Іоанновича, 12 іюля 1596 года.

Будущій Царь Русскій рано познакомился съ горемъ; можно сказать, что онъ не зналъ ни веселаго дѣтства, ни безпечной юности. На шестомъ году жизни, его разлучили съ родителями и отправили съ теткою, княгинею Марѳою Никитичною Черкасскою, на Бѣлоозеро. Возвращенный матери своей въ мартѣ 1602 года, по повелѣнію Бориса Годунова, убѣдившагося въ невинности Романовыхъ, юный Михаилъ, съ тѣхъ поръ, до избранія своего на царство, въ продолженіе одиннадцати лѣтъ, дѣлилъ всѣ горести, всѣ страданія, выпавшія на долю великой старицы (1).

Божественный Промыслъ готовилъ, между тѣмъ, высокое назначеніе юношѣ. Еще по низверженіи Шуйскаго (17 іюля 1610 года), многіе бояре и народъ, наученные бѣдствіями, неразлучными съ избирательнымъ правленіемъ, хотѣли, по совѣту патріарха Гермогена, предложить корону сыну боярина Ѳеодора Никитича, двоюроднаго брата Царя Ѳеодора Іоанновича, какъ ближайшему его родственнику и единственному потомку, по женской линіи, древняго Царскаго Дома (2). Но, при тогдашнемъ отчаянномъ положеніи Россіи, потрясенной смутными временами самозванцевъ, эта благая мысль не могла быть приведена въ исполненіе. Послѣ несчастной клушинской битвы, въ которой коронный гетманъ, Станиславъ Жолкѣвскій, разсѣялъ пятидесяти-тысячную московскую рать, поль-

(1) См. жизнеоп. Маѳы Іоанновны въ этомъ изд.—(2) См. жизнеоп. Филарета Никитича и очеркъ ист. Дома Романовыхъ въ этомъ изд.

ская партія восторжествовала надъ всѣми прочими. Жолкѣвскій явился подъ Москвою, и, 17 августа 1610 года, заключилъ съ боярами договоръ, на основаніи котораго Владиславъ, сынъ Сигисмунда, долженствовалъ вступить на престолъ Св. Владиміра. Въ то же время, митрополитъ Филаретъ удаленъ былъ, подъ благовиднымъ предлогомъ изъ Москвы для того, чтобы, своимъ присутствіемъ, онъ не могъ дать перевѣса той сторонѣ, которая желала имѣть царемъ сына его Михаила [1], а тринадцатилѣтній Михаилъ Ѳеодоровичъ, вмѣстѣ съ своею матерью, былъ какъ извѣстно задержанъ въ Москвѣ, подъ предлогомъ скораго возвращенія митрополита изъ посольства. По отъѣздѣ Жолкѣвскаго, мать и сынъ были отданы подъ особенный надзоръ Гонсѣвскаго [2], и, при возстаніи Русскаго Народа на освобожденіе отечества, содержались, какъ плѣнники, въ Кремлѣ, во все время осады столицы.

18 октября 1612 года, когда безсмертные подвиги гражданина Минина и князя Пожарскаго спасли православную Русскую Землю отъ иноплеменниковъ, Михаилъ Ѳеодоровичъ, освобожденный изъ мучительнаго плѣна, уѣхалъ въ костромскую отчину своей родительницы, въ село Домнино, а Марѳа Іоанновна удалилась, какъ извѣстно, въ Ипатіевскій Монастырь. Вскорѣ послѣ того, по призыву бояръ, воеводъ и всего христолюбиваго воинства [3], съѣхались, въ освобожденную отъ Поляковъ столицу, выборные лучшіе люди, духовные и свѣтскіе, почти отъ всѣхъ городовъ, на земскій совѣтъ, для избранія царя, *кого Богъ дастъ, опричь литовскаго и нѣмецкаго короля и королевича* [4], и приступили къ этому великому дѣлу съ теплыми молитвами. Пренія о выборѣ законнаго царя продолжались около трехъ недѣль. Много было искателей короны, много образовалось партій, и столь важный вопросъ, казалось, не могъ быть рѣшенъ по причинѣ разномыслія; но, послѣ трехдневнаго строгаго поста, наконецъ было произнесено имя Михаила Романова, и мгновенно общій голосъ призналъ Государемъ того, *кто уже самымъ рожденіемъ былъ исключенъ изъ круга подданныхъ* [5]. Всѣ партіи умолкли, всѣ личныя стремленія, всѣ страсти оказались безсильными предъ несокрушимымъ могуществомъ *права*. 21 февраля 1613 года, великій земскій совѣтъ рѣшилъ просить Михаила Ѳеодоровича, *благоцвѣтущую и неувядаемую отрасль царскаго благороднаго корени*, принять державу сиротствующаго государства. Десятилѣтнія бѣдствія убѣдили всѣхъ, что никакіе таланты, никакія заслуги не спасутъ державы отъ неустройствъ, если верховная власть будетъ вручена лицу не царской крови [6].

Но въ то самое время, когда совершилось это великое событіе, когда Русь, избраніемъ законнаго царя, была спасена отъ погибели, самъ *Богоизбранный* едва не палъ жертвою гнусныхъ бродягъ. Начальникъ одной изъ польскихъ шаекъ, шатавшихся по Костромской Области, узнавъ о провозглашеніи Михаила Ѳеодоровича царемъ, вознамѣрился захватить его въ Домнинѣ, и увезти въ Польшу или умертвить. Поляки пришли въ Деревнищи, селеніе, находившееся въ трехъ верстахъ отъ Домнина. Здѣсь они остановились у престарѣлаго крестьянина Ивана Сусанина, и, разсказывая о происшествіяхъ въ Москвѣ, объ избраніи Михаила Ѳеодоровича Царемъ Русскимъ, спрашивали о мѣстѣ его жительства и о дорогѣ въ его село, какъ будто желали принести ему поздравленіе и даже поступить къ новому Государю на службу. Не трудно было смѣтливому старику догадаться о цѣли этихъ распросовъ: онъ понялъ опасность, угрожавшую его доброму помѣщику, теперь Царю Русскому, и благодатная мысль мелькнула въ умѣ почтеннаго поселянина. Иванъ Сусанинъ охотно вызвался быть проводникомъ Ляховъ, угостилъ ихъ, а между тѣмъ успѣлъ послать своего племянника въ Домнино съ предостерегательною вѣстію. Затѣмъ онъ повелъ бродягъ, окольными дорогами, въ противоположную отъ села сторону, и хотя зналъ, что идетъ на вѣрную смерть, но чтобы не внушить подозрѣнія, притворялся бодрымъ и веселымъ, постепенно завлекая Поляковъ въ непроходимыя мѣста. Увидѣвъ себя въ дремучемъ лѣсу, посреди глубокихъ снѣговъ, Поляки поняли умыселъ своего проводника; съ изступленіемъ бросились они на Сусанина, били, мучили его, но не могли исторгнуть священной завѣтной тайны. Благородный крестьянинъ испустилъ духъ подъ

---

[1] См. жизнеоп. Филарета Никитича въ этомъ изд.—[2] См. жизнеоп. Марѳы Іоанновны. въ этомъ изд.—[3] Собр. грам. и догов. I, 612.—[4] Дворц. Разр. Т. I стр. 12.—[5] *Устрялова*, Русская Истор., глава объ избраніи Михаила Ѳеодоровича.—[6] Тамъ же.

жесточайшими истязаніями злодѣевъ, и своею кровію спасъ юнаго избранника: Михаилъ Ѳеодоровичъ имѣлъ время удалиться въ Ипатіевскій Монастырь (1).

При отправленіи пословъ (челобитчиковъ) въ Кострому, съ грамотами къ избранному Государю и къ матери его, инокинѣ Маѳѣ, великій земскій совѣтъ далъ архіепископу Ѳеодориту, боярину Ѳедору Ивановичу Шереметеву, князю Владиміру Ивановичу Бахтеярову-Ростовскому и окольничему Ѳедору Васильевичу Головину, какъ главнымъ представителямъ посольства, особый наказъ о томъ, что слѣдуетъ имъ говорить родительницѣ и ея державному сыну, и какъ неотступно просить и молить избранника о принятіи царскаго вѣнца. *А будетъ*, сказано было между прочимъ въ наказѣ, *Царь Михаилъ Ѳеодоровичъ учнетъ разсуждать объ отцѣ своемъ, митрополитѣ Филаретѣ... и ему на Московскомъ Государствѣ быти нельзя для того, чтобъ отцу его за то какого зла не учинили... и архіепископу и архимандритамъ и окольничему бити челомъ и говорити, чтобъ онъ, Государь, про то не размышлялъ: бояре и вся земля посылаютъ къ Литовскому Королю, и отцу твоему, Государю нашему, даютъ на обмѣну литовскихъ многихъ лучшихъ людей* (2).

Въ то же время, разосланы были во всѣ, безъ исключенія, города окружныя грамоты объ избраніи Михаила Ѳеодоровича, вмѣстѣ съ образцами присяжныхъ записей, для убѣжденія народа соединиться подъ одною державою. Дворянинъ Денисъ Оладьинъ былъ отправленъ къ Королю Сигисмунду съ грамотою, въ которой государственные чины, изложивъ всѣ бѣдствія, нанесенныя Поляками Русской Землѣ, предлагали заключить миръ и размѣняться плѣнными. Къ Германскому Императору Матіасу былъ посланъ гонецъ просить о воспрещеніи Королю Польскому имѣть притязанія на Московскій Престолъ (3).

Нѣтъ надобности объяснять, почему великій земскій совѣтъ, вручая верховную власть законному наслѣднику престола Св. Владиміра, даже не думалъ о какихъ либо условіяхъ или ограниченіяхъ ея. Дорого поплатилась Русская Земля за неисповѣреніе того правленія, которое спасло, скрѣпило и возвеличило ее послѣ удѣльныхъ усобицъ и монгольскаго погрома. Всѣ убѣдились, что и теперь одно самодержавіе, основанное на наслѣдственномъ правѣ, могло исцѣлить тяжкія раны, нанесенныя неслыханными бѣдствіями правленія избирательнаго. Всѣ желали, чтобы *впредь царская степень укрѣпилась навыки*, и всего Государства Московскаго люди были въ покоѣ и въ благоденствѣ, *подъ однимъ кровомъ и подъ царскою высокою рукою* (4). Неудивительно также, что и весь добрый Русскій Народъ, искони отличавшійся любовію и привязанностію къ своимъ государямъ, радостно присягнулъ законному царю. Единственный примѣръ неповиновенія показалъ дьякъ Никаноръ Шульгинъ, который, находясь съ казанскимъ войскомъ въ Арзамасѣ, хотѣлъ возмутить Казань; но сами Казанцы не пустили его въ свой городъ, а вскорѣ потомъ онъ былъ схваченъ и сосланъ въ Сибирь (5).

---

(1) Такъ говоритъ объ этомъ событіи народное преданіе. Въ рукописномъ сказаніи, хранящемся въ Костромскомъ Ипатіевскомъ Монастырѣ, оно полагается иначе, и именно такимъ образомъ. Михаилъ Ѳеодоровичъ, вскорѣ по пріѣздѣ изъ Москвы въ Домнино, узналъ о появленіи шайки Поляковъ, въ окрестностяхъ своего помѣстья, на большой вологодской дорогѣ, и, въ первыхъ числахъ ноября 1613 года, что бы не попасться въ руки бродягъ, ушелъ изъ Домнина къ деревнѣ Перевозу. Не доходя до этой деревни за полверсты, онъ направился глубокимъ оврагомъ, вверхъ по рѣчкѣ Корбѣ, обогибающей Домнино, съ сѣверовостока верстъ на десять, не замѣтивъ отъ смущенія и страха, что такимъ путемъ не удалялся отъ вологодской дороги, но приближался къ ней. Дѣйствительно, онъ вскорѣ достигъ своей деревни Деревницъ, между вологодской дорогой и Домнинымъ, въ разстояніи отъ села и дороги около трехъ верстъ. Здѣсь былъ одинъ только дворъ вдоваго крестьянина Ивана Сусанина, проживавшаго съ незамужнею дочерью, которая, во время прихода Михаила Ѳеодоровича, находилась на полѣ, гдѣ, по причинѣ разбоевъ польскихъ бродягъ, работы еще не были кончены. Узнавъ объ опасности, грозившей молодому помѣщику, Сусанинъ скрылъ его въ ямникѣ овина, сгорѣвшаго наканунѣ. Въ тотъ же день Поляки наѣхали въ село Домнино, обыскали господскій домъ, и, не найдя въ немъ Михаила Ѳеодоровича, отправились къ деревнѣ Перевозу, куда, какъ показали допрошенные ими обыватели, удалился помѣщикъ. По дорогѣ, они замѣтили слѣды на выпавшемъ недавно снѣгѣ, которые шли по верховью Корбы къ Деревницамъ, поспѣшили сюда и принялись допрашивать и жестоко пытать Сусанина. Не смотря на мучительныя истязанія, благородный поселянинъ не открылъ убѣжища спасеннаго имъ Михаила Ѳеодоровича, и испустилъ духъ подъ саблями Поляковъ. Когда злодѣи удалились, дочь Сусанина воротилась съ сосѣдями въ Деревницы; ея плачъ при видѣ обезображеннаго тѣла отца и крики крестьянъ заставили Михаила Ѳеодоровича выйти изъ убѣжища, и онъ немедленно былъ провожденъ въ Кострому, къ своей родительницѣ.—(2) Дворц. Разр. Т. I стр. 45 и Собр. Гос. грам. и догов. Т. III № 6.—(3) Собр. Гос. грам. и догов. Т. III №№ 5 и 6. — (4) Дворц. Разр. Т. I стр. 49. —(5) Повѣствов. о Россіи *Арцыб.* Т. III стр. 99.

Когда посольство прибыло въ Кострому и предстало предъ Богоизбраннаго, Михаилъ Ѳеодоровичъ долго не хотѣлъ принимать предложенный ему царскій вѣнецъ по тѣмъ же причинамъ, по которымъ Марѳа Іоанновна отказывалась благословить своего сына на престолъ; однако трогательныя убѣжденія архіепископа Ѳеодорита, слезы народа, поразительное зрѣлище воздвигнутыхъ чудотворныхъ иконъ и наконецъ согласіе самой родительницы показали кроткому юношѣ, что избраніе его на царство есть дѣло Промысла Божія. *Когда есть на то воля Божія, да буди тако,* сказалъ Богоизбранный, и со слезами повергся на колѣна передъ образами Спасителя и Ѳеодоровскія Божіей Матери. Архіепископъ возложилъ на Государя животворящій крестъ царскій, боярин Шереметевъ вручилъ ему жезлъ (скипетръ), и вслѣдъ за тѣмъ Михаилъ Ѳеодоровичъ былъ провозглашенъ царемъ и самодержцемъ всея Россіи [1].

Въ память этого великаго событія, установлено было праздновать, 14 марта, явленіе чудотворныя иконы Ѳеодоровскія Божіей Матери, находящейся въ Успенскомъ Костромскомъ Соборѣ, что до того совершалось 16 марта. *И бысть въ тотъ день,* говоритъ лѣтопись о мятежахъ, *на Костромѣ радость велія,* и *составиша празднество чудотворной иконѣ пречистыя Богородицы Ѳеодоровской.*

19 марта 1613 года, по отслуженіи напутственнаго молебна, Царь Михаилъ Ѳеодоровичъ выѣхалъ, со своею родительницею, изъ Костромы въ Москву.

На пути онъ останавливался, для подвиговъ набожности, въ Ростовѣ, въ Переяславлѣ-Залѣсскомъ и въ Троицко-Сергіевской Лаврѣ, и, проживъ въ этой обители недѣлю, поѣхалъ отсюда, сопровождаемый многочисленною ратью, въ столицу, на свой царскій престолъ. Въ селѣ Братовщинѣ, находящемся на половинѣ дороги между Лаврою и Москвою, гдѣ обыкновенно отдыхали Русскіе Цари во время своихъ путешествій въ обитель Св. Сергія, Михаилъ Ѳеодоровичъ былъ встрѣченъ высшими духовными и свѣтскими чинами: со стороны Священнаго Собора—Кирилломъ, Митрополитомъ Московскимъ, отъ бояръ—княземъ Иваномъ Михайловичемъ Воротынскимъ съ окольничими, стольниками, дворянами, дѣтьми боярскими, атаманами, казаками и множествомъ всякаго званія людей. Подобныя встрѣчи продолжались до самой столицы. Особенно умилительна была встрѣча при въѣздѣ Государя въ царствующій градъ: на срѣтеніе ему вышли Архіепископъ Суздальскій Герасимъ и Архіепископъ Галасунскій Арсеній, со всѣмъ духовенствомъ, съ крестомъ, хоругвями и иконами, князья, бояре, воеводы, воины, и безчисленное множество разнаго званія людей, даже жены и дѣти. Вся Москва огласилась колокольнымъ звономъ. Общій восторгъ былъ такъ великъ, что встрѣчавшіе проливали радостныя слезы и, воздѣвая руки, приносили хвалу и благодареніе Господу [2].

Вѣнчаніе Михаила Ѳеодоровича на царство, въ Успенскомъ Соборѣ, послѣдовало 11 іюля. Священный обрядъ совершалъ Митрополитъ Казанскій и Свіяжскій Ефремъ; вѣнецъ царскій (шапку Мономахову) держалъ Иванъ Никитичъ Романовъ; скипетръ князь Дмитрій Тимоѳеевичъ Трубецкой; державу князь Дмитрій Михайловичъ Пожарскій; золотомъ и серебромъ, въ церковныхъ дверяхъ Успенскаго и Архангельскаго Соборовъ и на Золотой Лѣстницѣ, подлѣ Грановитой Палаты, осыпалъ князь Ѳедоръ Ивановичъ Мстиславскій [3]. Въ продолженіе трехдневныхъ празднествъ, по случаю столь радостнаго для всей Русской Земли событія, Царь наградилъ нѣкоторыхъ своихъ вѣрныхъ слугъ помѣстьями, утвердилъ за княземъ Д. Т. Трубецкимъ отчину Вагу (нынѣшній городъ Шенкурскъ съ уѣздомъ), назначенную ему Земскимъ Соборомъ и принадлежавшую прежде Борису Годунову; пожаловалъ въ бояре князей Ивана Борисовича Черкасскаго и Дмитрія Михайловича Пожарскаго, а гражданина Козьму Минина наименовалъ думнымъ дворяниномъ [4].

Вскорѣ послѣ коронованія, Государь отправилъ съ повѣщеніями, о восшествіи своемъ на прародительскій престолъ, пословъ и гонцовъ къ Императору Германскому, къ Королямъ Англійскому, Шведскому и Датскому, къ Турецкому Султану и къ Персидскому Шаху.

Возложивъ на свою главу царскій вѣнецъ, юный монархъ вмѣстѣ съ нимъ возложилъ на себя такое бремя, какое едва ли до него выпадало на долю другому государю. Онъ вступилъ въ управ-

---

(1) Дополн. къ дѣян. Петра Велик. Т. II стр. 372, на основаніи лѣтописи Палицына. — (2) Повѣствов. о Россіи *Арцыб.* Т. III Кн. VI стр. 2—3. — (3) Тамъ же Т. III стр. 95—99.—(4) Тамъ же.

леніе царствомъ, но это царство, въ буквальномъ смыслѣ, находилось во власти враговъ внѣшнихъ и внутреннихъ. На сѣверѣ, на западѣ, на югѣ, въ самомъ средоточіи Россіи, повсюду были непріятели, противъ которыхъ надлежало дѣйствовать одновременно силою оружія: въ Новгородѣ, въ Орѣшкѣ, въ Копорьѣ, въ Кексгольмѣ—Шведы; въ Смоленскѣ, въ Дорогобужѣ, въ Путивлѣ, въ Черниговѣ—Поляки; въ пригородахъ Пскова—Лисовскій; ближайшіе къ Москвѣ города, Рязань, Тула, Кошира, были тревожимы Татарами; въ Астрахани распоряжался разбойникъ Заруцкій. Кромѣ того, бродили, по всѣмъ направленіямъ, шайки разнаго сословія людей; онѣ грабили, жгли города, села, монастыри. Вокругъ престола неопытнаго монарха толпились представители самыхъ враждебныхъ партій; разграбленная казна была пуста, потому что никто не платилъ податей; своевольство глубоко пустило свои корни.

Одна всемогущая десница Царя Царей могла поддержать Михаила въ исполненіи подвига, превышавшаго, по видимому, человѣческія силы.

Къ счастію юнаго Царя, Польша не могла начать открытой войны. Сигисмундъ, со стыдомъ воротившійся изъ подъ Вязьмы, когда узналъ о воцареніи Михаила Ѳеодоровича, не имѣлъ никакихъ денежныхъ средствъ къ набору новой арміи, да и сами Поляки желали мира. Однако ему не хотѣлось отказаться отъ Московскаго Престола, и онъ прибѣгнулъ къ посредничеству Германскаго Императора Матіаса. Все было напрасно: бояре, съ которыми польскіе магнаты переговаривались о мирѣ, отвергли всякое постороннее вмѣшательство. Пока шли безполезные переговоры о мирѣ, царскія войска выгнали Поляковъ изъ Дорогобужа, изъ Вязьмы, изъ Бѣлаго; но Смоленскомъ не могли овладѣть, и даже нашлись вынужденными снять осаду этого города, будучи разбиты Гонсѣвскимъ (1616).

Истребленіе шайки разбойниковъ, подъ начальствомъ Заруцкаго, кончилось скоро. Воевода князь Одоевскій вытѣснилъ этого отчаяннаго атамана изъ Астрахани, а 6 іюля 1614 года Терскіе Казаки захватили злодѣя на Яикѣ, вмѣстѣ съ Мариною и ея сыномъ.

Казнь Заруцкаго и сына Марины въ Москвѣ, и смерть въ темницѣ пресловутой дочери Мнишка, провозглашенной въ Астрахани царицею, прекратили волненія на Дону, и послужили грознымъ урокомъ для тѣхъ, которые еще надѣялись употребить въ свою пользу новыхъ самозванцевъ.

Въ сентябрѣ 1615 года, посланъ былъ князь Лыковъ съ сильною ратью противъ скопищъ Литовцевъ, Поляковъ, Шведовъ, казаковъ и бѣглыхъ холопей, наводнявшихъ, подъ предводительствомъ Баловня (или Палладія), все пространство отъ Москвы до Архангельска. Дѣятельными мѣрами и благоразумнымъ распредѣленіемъ силъ, Лыковъ разсѣялъ шайки разбойниковъ подъ Балахною, подъ Москвой, близъ Дорогомиловской Слободы, и наконецъ въ окрестностяхъ Холмогоръ. Послѣ этого сѣверовосточный край былъ усмиренъ.

Въ особенности озабочивалъ Царя бывшій пособникъ Тушинскаго Вора Лисовскій, предводитель разноплеменныхъ скопищъ, который, послѣ провозглашенія Владислава Московскимъ Царемъ, утвердился въ Исковской Области. Теперь Лисовскій дѣйствовалъ по наущенію Сигисмунда. Знаменитый князь Пожарскій, высланный противъ этого прошлеца, хотя и разбилъ его подъ Орломъ, но, по причинѣ болѣзни, не могъ продолжать дѣятельнаго преслѣдованія, такъ что Лисовскій, переходя изъ города въ городъ, и поражая всюду царскія войска, угрожалъ даже Москвѣ. Окруженный наконецъ при Алексинѣ, онъ, послѣ перѣшительнаго боя съ княземъ Куракинымъ, успѣлъ уйти въ Комарицкую Волость, и тамъ умеръ (въ 1616 году).

Въ то время, когда воеводы управлялись съ нарушителями внутренняго спокойствія государства, князь Дмитрій Тимофеевичъ Трубецкой получилъ приказаніе очистить занятую Шведами Новгородскую Область, которую Густавъ-Адольфъ хотѣлъ удержать за собою, послѣ того что братъ его, Филиппъ, которому присягнули Новгородцы во время междуцарствія, уже не могъ быть Русскимъ Царемъ. Война эта была несчастлива. Делагарди нанесъ (14 іюля 1614 г.) Трубецкому сильное пораженіе при селеніи Бронницахъ, а 8 іюля слѣдующаго года самъ Король осадилъ Псковъ. Однако Псковичи, въ продолженіе семи недѣль, защищали городъ съ отчаяннымъ мужествомъ, и принудили шведскія войска, предводимыя искуснѣйшимъ полководцемъ того времени, снять осаду. Тѣмъ

не менѣе Михаилъ Ѳеодоровичъ поспѣшилъ открыть мирные переговоры со Шведскимъ Королемъ, и 13 февраля 1617 года, при посредничествѣ англійскаго посла Джона Мерика, заключенъ былъ въ деревнѣ Столбовой (между Тихвиномъ и Ладогою) миръ, по которому Россія уступила Швеціи Иванъ-городъ, Яму, Копорье, Орѣшекъ и Кексгольмъ съ Ингерманландіей. Густавъ-Адольфъ возвратилъ древнѣйшее достояніе Россіи, Новгородскую Область, и обязался не помогать Польшѣ.

Поспѣшное заключеніе мира въ Столбовой на столь невыгодныхъ условіяхъ зависѣло отъ весьма важныхъ, при тогдашнемъ положеніи дѣлъ, причинъ. Между тѣмъ какъ послы наши переговаривались съ Делагарди о заключеніи вѣчнаго мира, польскій сеймъ рѣшилъ послать войско въ Россію, подъ личнымъ начальствомъ Владислава. Весною 1617 года, сынъ Сигисмунда, вступивъ въ Русскую Землю, двинулся къ Москвѣ, овладѣлъ Дорогобужемъ и Вязьмою, но, остановленный подъ Можайскомъ бояриномъ Лыковымъ, отступилъ къ Вязьмѣ. Получивъ здѣсь подкрѣпленіе изъ двадцати тысячъ Запорожскихъ Казаковъ, приведенныхъ гетманомъ Сагайдачнымъ, Владиславъ пошелъ, прямо на Москву. Въ ночь на первое октября 1619 (индиктіоннаго) года, Поляки сдѣлали приступъ къ Бѣлому Городу, къ Арбатскимъ и Тверскимъ Воротамъ. По счастію, наканунѣ приступа, явились въ Москву, изъ польскаго стана, два французскіе инженера (петардщики) и передали Царю и боярямъ планъ аттаки. Поляки не только были отбиты, но и потеряли до трехъ тысячъ человѣкъ убитыми [1]. Обрадованный симъ успѣхомъ, Михаилъ Ѳеодоровичъ щедро наградилъ французскихъ инженеровъ, оставилъ за женами и дѣтьми всѣхъ убитыхъ воиновъ помѣстья ихъ мужей и отцовъ, и по данному обѣту построилъ каменную церковь во имя Покрова Пресвятыя Богородицы, въ дворцовомъ селѣ Рубцовѣ [2].

Владиславъ, убѣдившись въ невозможности лишить Михаила Ѳеодоровича прародительскаго престола, и видя, *что люди Московскаго Государства на его королевичеву прелесть не прельщаются,* [3] предложилъ съѣздъ для заключенія мира или перемирія. Послѣ долгихъ преній, перемиріе было заключено на четырнадцать съ половиною лѣтъ. Условія, подписанныя 1 декабря 1619 года въ селѣ Деулинѣ, не подалеку отъ Троицкой Лавры, были тяжки для Россіи: Царь уступилъ Польшѣ Смоленскую, Черниговскую и Сѣверскую Области, и исключилъ изъ своего титула названія: Ливонскаго, Черниговскаго и Смоленскаго. Владиславъ отказался только отъ русской короны, на которую не имѣлъ никакихъ правъ, далъ слово не титуловаться Царемъ и Великимъ Княземъ Московскимъ, и согласился отпустить знаменитыхъ русскихъ плѣнниковъ, митрополита Филарета, боярина Михаила Борисовича Шеина, дворянъ и дѣтей боярскихъ [4].

И такъ, въ продолженіе первыхъ пяти лѣтъ своего царствованія, Михаилъ Ѳеодоровичъ не влагалъ меча въ ножны. Онъ долженъ былъ употребить величайшія усилія для того, чтобы утвердить свой престолъ, отвсюду угрожаемый. Все это было куплено дорогою цѣною; но, по крайней мѣрѣ, юный Царь увидѣлъ наконецъ свою землю очищенною отъ чужеплеменниковъ, и, какъ сынъ, имѣлъ несказанную радость обнять своего родителя, возвращеннаго изъ польскаго плѣна. Всегда готовый награждать вѣрныхъ и усердныхъ слугъ своихъ, Михаилъ Ѳоодоровичъ, въ ознаменованіе столь достопамятнаго событія, пожаловалъ богатыми помѣстьями князя Дмитрія Михайловича Пожарскаго и истинно по-царски наградилъ крестьянина дворцоваго села Домнина, Богдана Сабинина, зятя Ивана Сусанина. Уволенный отъ всѣхъ податей, Богданъ Сабининъ получилъ въ потомственное владѣніе половину деревни Деревницъ *за службу къ намъ* (т. е. къ царю) *и за кровь и за терпѣніе тестя его,* сказано въ жалованной грамотѣ [5]. Преимущества сіи были подтверждаемы потомству Сусанина всѣми державными преемниками перваго царя изъ Дома Романовыхъ. О награжденіи племянника Сусанина, принесшемъ Михаилу Ѳеодоровичу вѣсть объ умыслѣ Поляковъ, не упоминается, вѣроятно, потому, что его уже не было въ живыхъ.

Успокоеніе Россіи съ внѣшней стороны позволило Царю заняться дѣлами семейными и внутреннимъ устройствомъ государства. Изъ жизнеописанія Маріы Іоанновны извѣстно, что, еще въ

(1) Дворц. Разр. Т. I стр. 365.—(2) Лѣтоп. о многихъ мятежахъ стр. 319. Рубцово извѣстно нынѣ подъ названіемъ Покровскаго, входящаго въ составъ Лефортовской Части. (3) Дворц. Разр. Т. I стр. 365. —(4) См. жизнеоп. Филарета Никитича въ этомъ изданіи.—(5) Собр. Гос. грам. и догов. Т. III, 214. О другихъ наградахъ упомянуто въ жизнеоп. Маріы Іоанновны и Филарета Никитича.

1617 году, Михаилъ Ѳеодоровичъ имѣлъ намѣреніе вступить въ бракъ съ дѣвицей Маріей Хлоповой, но что, по причинѣ внезапной болѣзни нареченной Государевой невѣсты, бракъ сей не состоялся, и что, по опредѣленію собора чиновъ духовныхъ и свѣтскихъ, положено было снять съ Маріи Хлоповой санъ Царицы [1]. Вмѣстѣ съ родственниками своими, она была послана на жительство въ Тобольскъ, въ августѣ 1619 года переведена въ Верхотурье, а въ декабрѣ слѣдующаго года отправлена въ Нижній Новгородъ съ бабкою своею и дядями, Иваномъ и Александромъ Желябужскими [2].

Послѣ этого происшествія, Михаилъ Ѳеодоровичъ вознамѣрился искать себѣ невѣсты между иноземными принцессами. Въ Данію былъ посланъ боярин Львовъ просить у Короля Фридриха руки принцессы Доротеи-Августы, дочери покойнаго Герцога Голштейнъ-Готторпскаго, Іоанна-Адольфа. Посольство это не имѣло успѣха: боярин Львовъ не могъ лично объясниться съ Королемъ, по причинѣ его болѣзни, и не согласился вступить въ переговоры съ министрами [3].

Царь посылалъ (1621) еще за границу, въ Германію, во Францію и въ Англію, московскаго купца Юрія Родіонова собирать свѣдѣнія о невѣстахъ у западныхъ государей. Юрію Родіонову, долженствовавшему вездѣ называться торговымъ человѣкомъ, велѣно было тайнымъ наказомъ привезти съ собою *персоны* (портреты) государскихъ дочерей и сестеръ *безъ приписи* (безъ прикрасы), и передъ отъѣздомъ онъ присягалъ надъ Крестомъ и Евангеліемъ, что будетъ Государю *въ томъ дѣлѣ радѣти и служити вседушно и промышляти накрѣпко по его Государеву наказу* [4].

Какъ исполнилъ Родіоновъ данное ему порученіе—неизвѣстно; но Царь Михаилъ Ѳеодоровичъ оставилъ, по видимому, мысль о вступленіи въ бракъ съ иноземною принцессою, и 16 сентября 1624 года приказалъ, по совѣту родителя своего, патріарха Филарета, боярамъ Ивану Никитичу Романову, князю Ивану Борисовичу Черкасскому и Ѳедору Ивановичу Шереметеву произвести слѣдствіе о болѣзни дѣвицы Маріи Ивановны Хлоповой. По слѣдствію оказалось, что кратковременная болѣзнь бывшей Государевой невѣсты была представлена въ другомъ видѣ Михаиломъ и Борисомъ Салтыковыми (двоюродными братьями Царя), и что съ 1617 года Марія Хлопова не страдала никакими недугами. За несправедливое донесеніе Салтыковы подверглись гнѣву Государя [5], однако Марѳа Іоанновна не изъявила согласія на вступленіе своего царственнаго сына въ бракъ съ дѣвицею Хлоповой [6].

19 сентября 1624 года, Михаилъ Ѳеодоровичъ вступилъ въ бракъ съ дочерью боярина князя Владиміра Тимоѳеевича Долгорукаго, княжною Маріею Владиміровною. Къ несчастію, молодая Царица заболѣла на другой же день свадьбы, и скончалась невступно черезъ четыре мѣсяца [7].

5 Февраля 1626 года, совершилось вторичное бракосочетаніе Михаила Ѳеодоровича съ дочерью можайскаго дворянина, Лукьяна Степановича Стрѣшнева, дѣвицею Евдокіею Лукьяновною. По случаю этого радостнаго событія, бояре, окольничіе, думные дворяне и всѣ служивые люди были приведены къ новой присягѣ, и обязаны такъ называемою *крестоцѣловальною записью*, въ которой, рядомъ съ именемъ Царя, стояло имя Царицы и Великой Княгини Евдокіи Лукьяновны. Въ присягѣ было упомянуто, между прочимъ, что бы, *опричь Государя, Царя и Великаго Князя Михаила Ѳеодоровича, всея Россіи Самодержца, на Владимірское и на Московское Государство, и на всѣ великія государства Россійскаго Царствія, иного государя изъ иныхъ государствъ, Литовскаго и Нѣмецкаго Королей и Королевичей, и изъ разныхъ земель Царей и Царевичей, и изъ русскихъ родовъ никого не хотѣти* [8].

Приступивъ къ приведенію въ порядокъ государственнаго управленія, жестоко потрясеннаго необыкновенными смутами самозванцевъ и междуцарствія, юный Царь имѣлъ счастіе найти, для совершенія сего труднаго подвига, мудраго и благонамѣреннаго совѣтника въ особѣ своего родителя [9]. По повелѣнію Государя, приступлено было къ производству во всѣхъ городахъ народной переписи

---

(1) См. жизнеоп. Марѳы Іоанновны въ этомъ изд.—(2) Акты Археогр. Ком. Т. III стр. 77 и 89.—(3) Царств. Михаила Ѳеодоровича, соч. *Берха* ч. I стр. 133—134. — (4) Памятн. дипломат. сношеній древн. Россіи и проч., изд. II Отд. Собств. Е. И. В. Канц. Т. II стр. 1353 и слѣд.—(5) См. жизнеоп. Филарета Никитича въ этомъ изд.—(6) См. жизнеоп. Марѳы Іоанновны въ этомъ изд.—(7) Дворц. Разр. Т. I стр. 633 и слѣд.—(8) Древн. Росс. Вивліоѳ. Т. VIII стр. 60.—(9) См. жизнеоп. Филарета Никитича въ этомъ изд.

и къ составленію *писцовыхъ книгъ* или вѣдомости о земляхъ казенныхъ, монастырскихъ, городскихъ и частныхъ, съ показаніемъ числа дворовъ и жителей, количества доходовъ и расходовъ. Для прекращенія бродяжничества крестьянъ запрещено было переходить имъ съ мѣста на мѣсто, то есть подтверждено постановленіе Бориса Годунова объ укрѣпленіи крестьянъ за землею. Большая часть помѣщиковъ получили грамоты, съ точнымъ исчисленіемъ принадлежавшихъ имъ имуществъ.—Безпрестанные споры бояръ о мѣстничествѣ, нерѣдко уничтожавшіе самыя полезныя предпріятія правительства, побуждали Царя къ обнародованію строгихъ мѣръ противъ этого стариннаго зла. Оно, въ особенности, было гибельно во время военныхъ дѣйствій, когда военачальники, вмѣсто того чтобы заботиться о разбитіи непріятеля, считались между собою мѣстами (1). Государь обратилъ также особенное вниманіе на народную нравственность, на которой не могло не отразиться вліяніе продолжительныхъ смутъ, и повелѣлъ строго наблюдать за сохраненіемъ благочинія въ храмахъ Божіихъ и за исполненіемъ всего, что касалось уставовъ Святой Православной Вѣры.

Войны съ Польшею и Швеціей, государствами, имѣвшими благоустроенныя войска, доказали многочисленныя неудобства въ тогдашней русской рати. По недостатку матеріяльныхъ средствъ, невозможно было подвергнуть коренному преобразованію эту важную часть; однако, не отступая отъ прежнихъ основныхъ началъ, Михаилъ Ѳеодоровичъ не только придалъ болѣе стройности въ управленіи и содержаніи войскъ, но даже призналъ нужнымъ учредить полки изъ иноземныхъ солдатъ. Шотландскій полковникъ Александръ Лесли и полковникъ Генрихъ фонъ-Дамъ, принятые въ русскую службу, были посланы съ царскими грамотами за границу, и привезли съ собою солдатъ, офицеровъ, запасы пороха и оружія. Царь старался привязать прибывшихъ иноземцевъ къ Россіи, и, желая видѣть въ нихъ не столько наемниковъ, сколько Русскихъ, давалъ лучшимъ изъ нихъ помѣстные оклады (2). Уставъ ратныхъ дѣлъ, начатый при Шуйскомъ, былъ оконченъ по повелѣнію Государя въ 1622 году.

Дипломатическія сношенія съ европейскими и азіятскими государствами были возстановлены Михаиломъ Ѳеодоровичемъ лишь только внутреннія дѣла стали приходить въ порядокъ. Царскіе послы ѣздили въ Англію, въ Данію, въ Нидерланды, во Францію, къ Германскому Императору, въ Турцію, въ Персію, и, въ свою очередь, изъ этихъ государствъ пріѣзжали въ Москву посольства. Поддерживая сношенія съ отдаленною сѣверною державою, иноземные государи заботились особенно объ установленіи выгодныхъ торговыхъ связей. Больше всѣхъ выиграли Англичане, благодаря посредничеству посла своего, Джона Мерика, при заключеніи Столбовскаго Мира: Царь Михаилъ Ѳеодоровичъ разрѣшилъ имъ безпошлинно вымѣнивать во Псковѣ ленъ на свои товары (3).

Необходимость приведенія въ порядокъ внутреннихъ дѣлъ была такъ велика, что Государь не воспользовался затруднительнымъ положеніемъ Польши, которой грозили войною Турція и Швеція, чтобы возвратить все потерянное въ годину бѣдствій, хотя имѣлъ полное право прервать перемиріе. Уже въ третій годъ послѣ деулинскаго договора, Владиславъ нарушилъ одну изъ статей, снова включивъ въ свой титулъ названіе Царя и Великаго Князя Московскаго, а на границахъ обоихъ государствъ происходили споры. И Османъ, Турецкій Султанъ, и Густавъ-Адольфъ, и Крымскій Ханъ, предлагали Михаилу Ѳеодоровичу дѣйствовать общими силами противъ Сигисмунда. Созванный, въ 1621 году, соборъ, рѣшилъ единогласно взяться за оружіе; но, по чувствамъ миролюбія и справедливости, Царь не хотѣлъ измѣнить своему слову, отправилъ къ Сигисмунду посольство, а между тѣмъ Поляки примирились съ Турками и Шведами (4).

Срокъ договора, заключеннаго въ Деулинѣ, кончился въ то самое время (въ 1632 году), когда, послѣ смерти Сигисмунда, въ Польшѣ еще не успѣли провозгласить короля. Польское правительство просило Михаила Ѳеодоровича не начинать войны въ тревожное время междуцарствія; но затруднительность отношеній Россіи къ Польшѣ была такова, что надобно было наконецъ рѣшить этотъ вопросъ.

---

(1) Споры о мѣстничествѣ и мѣры противъ него можно читать почти на каждой стр. Дворц. Разр. Т. I и II.—(2) О Русск. войскѣ въ царств. Михаила Ѳеодоровича и проч. *Бѣляева*, Москва 1846, стр. 2. — (3) Собр. грам. и догов. Т. III № 49. — (4) Повѣств. о Россіи *Арцыб.* Т. III стр. 55.

Съ тѣхъ поръ, до дня кончины своей, въ теченіе пятнадцати лѣтъ, Патріархъ Филаретъ, умудренный долговременными бѣдствіями и опытомъ жизни, является главнымъ совѣтникомъ, правильнѣе—соправителемъ своего царственнаго сына. Имя его было повсюду нераздѣльно съ царскимъ; всѣ грамоты, всѣ государственные акты писались такъ: «*Государь Царь и Великій Князь Михаилъ Ѳеодоровичъ всея Руссіи и отецъ его Государевъ, великій Государь, Святѣйшій Патріархъ Филаретъ Никитичъ Московскій и всея Руссіи, указали....*»

На всѣхъ аудіенціяхъ и при торжественныхъ у Царя засѣданіяхъ Патріархъ присутствовалъ съ духовнымъ синклитомъ, занимая мѣсто по правую сторону Государя [1].

Движимый любовію и уваженіемъ къ своему родителю, Царь Михаилъ Ѳеодоровичъ пожаловалъ ему, въ ноябрѣ 1619 г., въ непосредственное владѣніе и завѣдываніе двѣ трети Варзужской Волости [2], чрезвычайно распространилъ права Патріарха, предоставилъ ему титулъ Государя и придалъ невиданный до тѣхъ поръ блескъ Двору Патріаршему, опредѣливъ стольниковъ, чашниковъ и прочихъ должностныхъ придворныхъ людей [3]. Послы и высшіе чины обыкновенно являлись также и къ Филарету Никитичу. Наконецъ, по чувству полной довѣренности и признательности, Царь, грамотою 20 мая 1625 года, предоставилъ своему родителю, или кому онъ прикажетъ, власть надъ духовными и свѣтскими чинами, подвѣдомственными Первосвятителю, равно какъ судъ и расправу надъ ними, за исключеніемъ дѣлъ уголовныхъ; кромѣ того, разрѣшилъ сборъ подати и оброка со всѣхъ духовныхъ особъ и церковныхъ имѣній, по усмотрѣнію патріарха [4].

Мудрый святитель вполнѣ оправдалъ довѣренность своего державнаго сына неутомимыми заботами о благѣ отечества. Онъ исправлялъ церковныя книги [5], самъ сочинилъ поученія на поставленіе архимандрита или игумена [6], и увеличилъ книгопечатный дворъ для распространенія въ народѣ печатныхъ священныхъ книгъ, въ замѣнъ рукописныхъ, которыя, по множеству вкравшихся въ нихъ, при перепискѣ, ошибокъ, вовлекали православныхъ въ заблужденія, возбуждали споры и водворяли ереси. Въ его патріаршество напечатаны въ московской типографіи: *Псалтыри слѣдованная* и *учебная*, *Уставъ*, *Служебники*, *Потребники*, *Минеи*, *Тріоди*, *Часовники*, *Катихизисъ*, *Азбука Бурцова* и много другихъ книгъ извѣстныхъ по каталогу. Заботясь также объ образованіи юношества, онъ, по образцу Кіевскаго Богоявленскаго Монастыря, открылъ въ Москвѣ духовное училище близъ Патріаршаго Двора и другое въ Чудовѣ Монастырѣ, подъ названіемъ *Грекославной Школы*, приказавъ вмѣстѣ съ тѣмъ всѣмъ архіереямъ учреждать подобныя училища въ своихъ домахъ [7]. Его пастырскія попеченія простирались и на отдаленныя области Сибири, гдѣ, для утвержденія вѣры и нравственности, были учреждены въ 1621 г. Архіепископія Сибирская и Тобольская [8]. Онъ первый обратилъ просвѣщенное вниманіе на богатства этого края, желая вознаградить ими утраты Россіи во время смутнаго состоянія [9]. Филарету Никитичу обязана Россія постановленіемъ, ослабившимъ пагубное мѣстничество и введеніемъ одновременныхъ писцовыхъ книгъ или всеобщею переписью народа. Этою важною, по своимъ послѣдствіямъ, мѣрою опредѣлились и увеличились доходы государства, уменьшились недоимки, уравнялись подати, обозначились границы помѣщичьихъ владѣній и окончательно истреблены повсемѣстные грабежи и безпорядки [10]. Филаретъ Никитичъ участвовалъ также въ составленіи уложенія. Хорошо зная, по тяжкому опыту, людей, онъ не довѣрялся лести и обману, и неусыпнымъ окомъ охранялъ престолъ своего царственнаго сына отъ испорченности нравовъ лицъ, его окружавшихъ. Всѣ постыдныя страсти преслѣдовались имъ строго, и многіе виновные получили заслуженное наказаніе [11]; напротивъ, безвинно пострадавшіе избавились отъ угнетенія сильныхъ. Въ числѣ такихъ находился Діонисій Архимандритъ Троицкій, онъ былъ подъ великою опалою и испытывалъ жестокія преслѣдованія и поруганія отъ народа за исправленіе ошибокъ въ молитвѣ на водоосвященіе.

(1) Повседнев. Дворц. Записки времени Государей Царей и Вел. Кн. Михаила Ѳеодоровича и Алексія Михайловича Ч. I.—(2) Акты Археогр. Ком. Т. III № 82.—(3) Кратк. опис. Дома Ром.-Юрьевыхъ Воейкова, стр. 33.—(4) Собр. Госуд. грам. и дог. Т. III № 71.—(5) Древ. Рос. Вивліоо. Т. XVI, стр. 428.—(6) Поученіе это хранится въ Синодальной Библіотекѣ.—(7) Neue Orinntal Reise Beschreibung, M. Adami Oleari 1647.—(8) Ист. Рос. Іерарх. Т. I стр. 42. Собр. Госуд. грам. и дог. Т. III стр. 216 и 217.—(9) Доп. къ Акт. Археог. Ком. Т. II № 67—68 71, 73.—(10) Дополн. къ дѣян. Петра Вел. I Т. II стр. 452. — (11) Хрон. Митр. Пахомія 1639.

При Филаретѣ Никитичѣ, возвращенный съ честію въ Троицкую Лавру, онъ до смерти своей пользовался уваженіемъ Патріарха, который самъ отпѣвалъ его въ Москвѣ (1). Собственно по настоянію Патріарха Филарета, въ 1624 году, произведено было точное изслѣдованіе о внезапной болѣзни невѣсты царской, дѣвицы Маріи (нареченной Анастасіею) Ивановны Хлоповой; оказавшіеся, по этому дѣлу, виновными Борисъ и Михаилъ Салтыковы, по матери двоюродные братья Царя, были удалены отъ Двора и получили приказаніе жить въ своихъ деревняхъ (2).

При Филаретѣ Никитичѣ приведены въ лучшее устройство военныя силы Россіи, и вызваны изъ за-границы иностранцы для сформированія полковъ. Словомъ, всѣ затруднительные вопросы рѣшались не иначе, какъ по его совѣту, и вообще внутреннее благоустройство только при немъ получило быстрое движеніе. По словамъ лѣтописи, Патріархъ Филаретъ *не токмо что слово Божіе исправляше, но и земская вся избавляше отъ насилія многихъ, и никовожъ въ Московскомъ Государствѣ сильниковъ не бысть* (3).

Дѣятельность, правосудіе и примѣрная христіанская жизнь Филарета Никитича доставили ему уваженіе не только своихъ соотечественниковъ, но и иноземныхъ державъ, которыя нерѣдко присылали ему драгоцѣнные дары. Въ числѣ сихъ даровъ была часть ризы Господа нашего Іисуса Христа, присланная, 11 марта 1625 года, отъ Персидскаго Шаха Аббаса въ золотомъ ковчегѣ, украшенномъ самоцвѣтными камнями. Святыня сія была помѣщена Патріархомъ въ Успенскомъ Соборѣ, и для нея онъ соорудилъ, на собственный счетъ, мѣдный шатеръ. По этому случаю написанъ былъ особый образъ Ризъ Положенія, находящійся въ томъ же соборѣ (4), и установленъ 10 іюня праздникъ Положенія Ризы Господней, для котораго сочинена особая служба Митрополитомъ Кипріаномъ (5).—Замѣчателенъ также янтарный посохъ, присланный въ 1632 году отъ Курляндскаго Герцога Іакова, и хранящійся въ Московской Оружейной Палатѣ (6).

Благочестивый святитель, чтя память родныхъ, перенесъ прахъ ихъ въ Московскій Новоспасскій Монастырь, который сталъ такимъ образомъ усыпальницею членовъ боярскаго Дома Романовыхъ-Юрьевыхъ-Захарьиныхъ и семейства самого Патріарха. Монастырь этотъ онъ одарилъ богатыми вкладами, что видно изъ старинной вкладной книги, и выстроилъ тамъ, въ 1622 году, своимъ иждивеніемъ, близъ храма Пресвятыя Богородицы, прекрасную кирпичную на каменномъ фундаментѣ церковь съ колокольнею, во имя преподобнаго Саввы Освященнаго (7). Богатыя приношенія были сдѣланы имъ и въ другія обители и храмы Божіи.

Въ 1630 году, въ январѣ, не взирая на преклонныя свои лѣта, Патріархъ Филаретъ ходилъ, по обѣщанію, на богомолье въ Саввинъ Сторожевскій и Пафнутьевъ Боровскій Монастыри, а въ маѣ того же года въ г. Владиміръ, для празднованія дня Св. Благовѣрнаго Великаго Князя Александра Невскаго, Владимірскаго Чудотворца (8).

Знаменитый іерархъ скончался, въ преклонной старости, 1 октября 1634 года (9) (индиктіоннаго счисленія), въ день Покрова Божіей Матери, какъ бы въ ознаменованіе того, что самъ былъ покровителемъ Земли Русской. Тѣло его покоится въ Успенскомъ Соборѣ.

«У ногъ Святыхъ Митрополитовъ Кипріяна и Фотія», говоритъ краснорѣчивый авторъ Путешествія къ Святымъ Мѣстамъ, «и возлѣ мѣднаго шатра, сооруженнаго имъ для ризы Господней, возлегъ «Филаретъ Никитичъ, и первый обновилъ своимъ прахомъ усыпальницу Патріаршую въ Успенскомъ «Соборѣ».

Бояринъ, инокъ, первосвятитель, родоначальникъ царствующаго поколѣнія и мудрый соправитель царскій, Патріархъ Филаретъ Никитичъ является свѣтлымъ, отраднымъ лицемъ въ нашей Исторіи.

---

(1) Чтенія въ Имп. Общ. Ист. при Моск. Унив. годъ третій № 3 стр. 34.—(2) Собр. Госуд. грам. и дог. Т. II № 63, Повѣст. о Рос. Арцыб. Т. III кн. IV стр. 47 — 51. Полн. Собр. Рус. Лѣт. Т. V стр. 65.— (3) Дополн. къ дѣян. Петра I Т. II стр. 447. — (4) Рисунокъ образа Положен. Ризы находится въ изд. Древн. Рос. Имп. вып. VI.—(5) Кн. жит. Св. 1796 г. лист. 276.—(6) Рисун. янтарнаго посоха помѣщенъ въ изд. Древ. Рос. Ист. вып. V.—(7) Ист. Рос. Іерарх. Т. II стр. 275.—(8) Письма Рус. Госуд. Т. I стр. 318 § 33 и 35.—(9) Древ. Рос. Вивліоо. Т. IX стр. 355.

Въ Типографіи II Отдѣленія Собственной Е. И. В. Канцеляріи. С. Петербургъ, Ноября 18 дня 1852 г. Цензоръ *А. Крыловъ*.

ЦАРИЦА
МАРІЯ ВЛАДИМІРОВНА,
УРОЖДЕННАЯ
КНЯЖНА
ДОЛГОРУКОВА,
ПЕРВАЯ СУПРУГА ЦАРЯ МИХАИЛА ѲЕОДОРОВИЧА.

Княжна Марія Владиміровна была единственная дочь и наслѣдница Князя Владиміра Тимофѣевича Долгорукова, который велъ свой родъ отъ 3-го сына Ивана Андреевича, по прозванію *Долгорукой*, родоначальника всѣхъ Князей Долгоруковыхъ (1); а Иванъ Андреевичъ былъ изъ рода Князей Оболенскихъ, потомковъ св. Владиміра Равноапостольнаго, Рюрикова правнука (2).

Князь Владиміръ Тимофѣевичъ былъ женатъ три раза: первая его супруга была вдова Князя Елецкаго, урожденная Княжна Ноздреватая, вторая—дѣвица Нащокина, а третья—Марія Васильевна, Княжна Барбашина (3).

Отъ которой изъ этихъ трехъ супругъ Князя, также гдѣ, и когда именно, родилась Марія Владиміровна, вовсе неизвѣстно.

Ея родитель, отличаясь возвышенною и добродѣтельною душею, какъ истинный сынъ отечества, вступилъ въ государственную службу, въ молодыхъ лѣтахъ, стольникомъ; въ царствованіе Ѳеодора Іоанновича онъ былъ воеводою въ Койсѣ (4), потомъ воеводою въ Пронскѣ, находился въ разныхъ походахъ и состоялъ близкимъ, довѣреннымъ лицемъ при Царѣ Василіѣ Ивановичѣ Шуйскомъ, отъ котораго, въ 1607 году, пожалованъ въ Бояре (5).

Испытанный умъ Владиміра Тимофѣевича, его личныя заслуги и примѣрная любовь къ отчизнѣ, стяжали ему любовь и уваженіе всей Москвы, такъ, что нерѣдко, въ тяжкую для Россіи годину междуцарствія, къ нему собирались Князья и дворяне за совѣтомъ.

Князь Владиміръ Тимофѣевичъ былъ искреннимъ другомъ Боярина Ѳеодора Никитича Романова-Юрьева-Захарьина, впослѣдствіи мудраго Патріарха Московскаго и всея Россіи Филарета, потому не удивительно, что въ 1613 году, во время избранія земскимъ соборомъ Россійскаго Государя, изъ всей Боярской Думы, только онъ и Ѳеодоръ Ивановичъ Шереметьевъ, принадлежали къ партіи боярскихъ дѣтей, желавшей видѣть на Московскомъ Престолѣ самаго Митрополита Филарета.

---

(1) Сказаніе о родѣ Князей Долгоруковыхъ, предисловіе стр. XVIII.—(2) Тамъ же стр. XIII—XVIII.—(3) Тамъ же родословная таблица Князя Тимовея Владиміровича № 3.—(4) Нов. лѣтопис. составл. въ царствов. Михаила Ѳеодоровича стр. 40.—(5) Сказаніе о родѣ Князей Долгоруковыхъ стр. 11.

Впослѣдствіи, когда юный сынъ Филарета, Михаилъ Ѳеодоровичъ Романовъ, былъ возведенъ на Всероссійскій Престолъ и Ѳеодоръ Ивановичъ Шереметьевъ, двоюродный братъ Царя, сановникъ обширнаго государственнаго ума, сталъ однимъ изъ ближайшихъ совѣтниковъ 17-лѣтняго Государя, князь Владиміръ Тимофѣевичъ, какъ старшинный другъ Шереметьева, былъ назначенъ, въ 1615 году, намѣстникомъ въ Казань (1).

По возвращеніи въ Россію родителя Государя, Митрополита Филарета (2), возведеннаго немедленно на Московскій и всей Россіи патріаршій престолъ, князь Владиміръ Тимофѣевичъ былъ отличенъ еще болѣе; онъ прибылъ въ Москву, засѣдалъ въ Боярской Думѣ, въ которой пользовался значительнымъ вѣсомъ и весьма часто обѣдывалъ у Государя и у Патріарха (3).

Дружественныя отношенія князя съ родителемъ Государя, личныя его заслуги, обширныя родственныя связи и уваженіе къ нему всей Москвы, а также красота и душевныя достоинства единственной его дочери, Княжны Маріи Владиміровны, подали мысль Патріарху Филарету избрать ее въ супруги 27-лѣтнему своему сыну, Царю Михаилу Ѳеодоровичу.

12 Іюля 1624 года, въ день Ангела Государя, Княжна Марія Владиміровна была объявлена невѣстою Царя (4), а 19 сентября 1625 года, (по индикт. счисл.) совершилось ихъ бракосочетаніе съ большимъ торжествомъ.

Церковный обрядъ этотъ исполненъ, въ соборѣ у Пречистой Богородицы, духовникомъ Государя, Благовѣщенскимъ протопопомъ Максимомъ (5).

Посаженымъ отцемъ у Государя былъ родной его дядя, бояринъ Иванъ Никитичъ Юрьевъ, а матерью посаженою была тетка его родная, Ирина Никитишна, супруга Ивана Ивановича Годунова (6); у Царевны посаженымъ отцемъ былъ отецъ ея, бояринъ Князь Владиміръ Тимофѣевичъ Долгоруковъ, а матерью посаженою—жена Князя Андрея Даниловича Сицкаго, Княгиня Ѳеодора (7).

Должно замѣтить, что въ день свадьбы Государя, Князь Владиміръ Тимофѣевичъ Долгоруковъ билъ челомъ Государю, на Боярина Ѳеодора Шереметьева, не дружбою (8).

Вся Москва единодушно раздѣляла радость Царскаго Дома, съ надеждою увидѣть вскорѣ наслѣдника престола, но Провидѣніе устроило иначе; новобрачные не наслаждались супружескимъ счастіемъ! .... На другой день послѣ брака, Царица Марія Владиміровна почувствовала себя нездоровою, такъ, что не могла даже присутствовать при обѣденномъ торжественномъ столѣ (9), и съ того времени не покидала уже своихъ покоевъ и постели; вотъ слова лѣтописи: «*во второй же день, Царица Марія Владиміровна обрѣтеся испорчена и бысть скорбь ея вьлія зьло*» (10).

Страданія и томленіе Царицы, съ постепеннымъ истощеніемъ ея силъ, продолжались слишкомъ 3 мѣсяца; наконецъ, въ день Крещенія Господня, въ ночь на 7 января, къ неописанной скорби Царя и его родителя, Патріарха Филарета, и къ ужасу всей столицы, она отошла въ жизнь вѣчную (11).

Современники утверждаютъ, что несчастная Царица была испорчена, изъ зависти и боязни бояръ, чтобы родъ Князей Долгоруковыхъ, съ ихъ многочисленными родственниками, не окружилъ исключительно Царскій Престолъ; въ лѣтописи о многихъ мятежахъ сказано: «*грѣхъ же ради нашихъ, отъ начала врагъ нашъ діаволъ, не хотя добро роду Христіанскому, научи врагъ человѣка своимъ діавольскимъ наущеніемъ и ухищреніемъ, испортиша Царицу Марью Владиміровну и бысть Государыня больна и тогожъ года въ самое крещеніе предаде свою праведную душу*» (12); однако розысковъ о смерти Царицы произведено не было, и потому преданіе это осталось не обнаруженнымъ (13).

---

(1) Сказаніе о родѣ Князей Долгоруковыхъ стр. 14.—(2) Смотр. жизнеопис. Ѳеодора Никитича въ монашествѣ Филарета въ этомъ изд. — (3) Дворцовые разряды Т. I, стр. 482—624.—(4) Сказаніе о родѣ Князей Долгоруковыхъ стр. 15.—(5) Дворцовые разряды Т. I, стр. 643 и 1217.— (6) Тамъ же стр. 1217. — (7) Описаніе тринадцати старинныхъ свадьбъ Великихъ Россійскихъ Князей и Государей изд. М. Комарова 1785 г. стр. 130—140. — (8) Дворцовые разряды Т. I, стр. 1221.—(9) Тамъ же стр. 633.—(10) Новый лѣтоп. состав. въ царствов. Михаила Ѳеодоровича стр. 187. — (11) Дворцовые разряды Т. I, стр. 658.—(12) Лѣтопись о многихъ мятежахъ изд. второе стр. 333.—(13) Сказаніе о родѣ Князей Долгоруковыхъ стр. 15.

Тѣло Царицы, съ должною почестью, погребено въ Вознесенскомъ дѣвичьемъ монастырѣ, за лѣвымъ столпомъ, подлѣ западныхъ дверей, на лѣвой сторонѣ у стѣны (1).

Безвременная смерть Царицы, такъ сильно поразила ея родителя, Князя Владиміра Тимофѣевича, что онъ совершенно отказался отъ свѣта и отъ участія въ дѣлахъ государства.

Уединившись въ своемъ теремѣ, онъ провелъ остальное время жизни, оплакивая невозвратимую утрату нѣжно любимой своей дочери.

Смертію Князя Владиміра Тимофѣевича Долгорукова, послѣдовавшею въ 1633 году, пресѣклось его прямое поколѣніе.

(1) Тамъ же, древн. Россійск. Вивліоѳ. Т. II, стр. 239.

Въ Типографіи Втораго Отдѣленія Собственной Е. И. В. Канцеляріи. Печатать позволяется. С. Петербургъ, 14 Сентября 1856 года. Цензоръ *А. Фрейгангъ*.

ЦАРИЦА
ЕВДОКІЯ ЛУКЬЯНОВНА,
УРОЖДЕННАЯ
СТРѢШНЕВА,
ВТОРАЯ СУПРУГА ЦАРЯ МИХАИЛА ѲЕОДОРОВИЧА.

Евдокія Лукьяновна была дочь, незначительнаго русскаго дворянина, Лукьяна Степановича Стрѣшнева и жены его Анны Константиновны (1), происхожденіе которой по историческимъ памятникамъ не извѣстно.

У Лукьяна Степановича, кромѣ Евдокіи Лукьяновны, была еще одна дочь, Ѳеодосія Лукьяновна (2), и сынъ Семенъ Лукьяновичъ, который, въ 1646 году, пожалованъ крайчимъ, въ 1651 году—окольничимъ, а въ 1654 году—бояриномъ и дворецкимъ; онъ умеръ въ этомъ званіи въ 1666 году (3). Другія же дѣти, если они были, вѣроятно умерли до бракосочетанія Царя Михаила Ѳеодоровича съ Евдокіею Лукьяновною, потому, что именъ ихъ, въ современныхъ оффиціальныхъ извѣстіяхъ, вовсе не встрѣчается.

Родъ Стрѣшневыхъ принадлежитъ къ числу старыхъ дворянъ; онъ происходитъ отъ Дмитрія Яковлева, выѣхавшаго въ Россію изъ Польши, съ Полоцкаго воеводства, при Великомъ Князѣ Іоаннѣ III Васильевичѣ. Потомки его прославили себя службою Россійскому Престолу: въ боярахъ, стольникахъ, окольничихъ, намѣстникахъ, воеводахъ и другихъ знатныхъ чинахъ (4).

Въ царствованіе Михаила Ѳеодоровича, имена Стрѣшневыхъ встрѣчаются въ разныхъ придворныхъ должностяхъ и въ числѣ воеводъ нѣкоторыхъ городовъ (5), но самаго Лукьяна Степановича на службѣ нигдѣ не видно.

Въ Дворцовыхъ разрядахъ имя его, въ первый разъ, является при бракосочетаніи Царя Михаила Ѳеодоровича съ его дочерью; тамъ сказано такъ: «*А произволилъ Государь взяти за себя Государя «Лукьяна Степановича дщерь* (6)» . . . безъ означенія его званія; далѣе же — въ день бракосочетанія Государя, Лукьянъ Степановичъ именуется уже окольничимъ (7), изъ чего и должно заключить, что званіе окольничаго ему пожаловано послѣ выбора его дочери въ невѣсты Государю.

Когда и гдѣ именно родилась Евдокія Лукьяновна? вовсе не извѣстно. Древніе лѣтописцы, говорящіе такъ мало о жизни Русскихъ царицъ, вовсе умалчиваютъ объ ихъ дѣвичествѣ.

Впрочемъ русскій историкъ Глинка, основываясь на современномъ преданіи (8), и за нимъ Берхъ, повѣствуютъ о Евдокіѣ Лукьяновнѣ и ея родителѣ слѣдующее:

---

(1) Дворцов. разряды Т. I, стр. 784.—(2) Троицкіе походы, соч. Забѣлина, стр. 26. — (3) Древняя Россійская Вивліоѳ. Т. II. — (4) Родословн. книга князей и дворянъ ч. II, л. 61.—(5) Дворцов. разряды Т. I, стр. 190, 293, 346. Древн. Россійск. Вивліоѳ. Т. XX. — (6) Дворцов. разряды. Т. I, стр. 763.—(7) Тамъ же стр. 782.—(8) Русскій вѣстникъ 1811 г. № 1.

Печатъ: д'Арленгъ. Компанованъ съ портрета наход. у Г. Клобова-Стрѣшнева. Изд. Г. К. Фридебурга.

ЕВДОКІЯ ЛУКЬЯНОВА урожд. СТРѢШНЕВА

Вторая Супруга Царя Михаила Ѳедоровича

Время рожденія неизвѣстно
Вступила въ супружество
5го Февраля 1626 г.

Скончалась 18го Августа 1645 г.
Погребена въ Московскомъ-
Вознесенскомъ Монастырѣ.

Печатать позволяется
С.Петербургъ, 22 Сентября 1855 г.
Цензоръ А. Фрейганъ.

Близъ г. Можайска, въ нынѣшнемъ Можайскомъ уѣздѣ, жилъ въ благочестивой, патріальхальной простотѣ, бѣдный дворянинъ Лукьянъ Степановичъ Стрѣшневъ, въ маленькомъ своемъ имѣніи и смиренно, собственными руками, воздѣлывалъ небольшой свой участокъ земли.

Лишенія и недостатки его были такъ велики, что при всей любви къ дѣтямъ, онъ рѣшился разстаться съ одною изъ двухъ дочерей своихъ, Евдокіею Лукьяновною, вѣроятно старшею, которую помѣстилъ въ Москвѣ прислужницею, у дочери дальней своей родственницы, имя которой осталось неизвѣстнымъ (1).

Бѣдная дѣвушка, въ отдаленіи отъ родителей, попавъ въ домъ своенравной и горделивой родственницы, подверглась самымъ жестокимъ оскорбленіямъ и угнетеніямъ. Долго ли она перепосила тяжкую свою участь, неизвѣстно.—Наступилъ 1626 годъ, и Царь Михаилъ Ѳеодоровичъ, желая вступить во второй бракъ, повелѣлъ, по благословенію своихъ родителей, представить во дворецъ, къ назначенному времени, 60 дѣвицъ изъ первостепенныхъ боярскихъ и княжескихъ семействъ, для избранія себѣ невѣсты. Всѣ онѣ были одарены государемъ и наканунѣ рѣшительнаго выбора за ними послали царскія повозки. Дѣвицы эти, въ сопровожденіи ихъ матерей и родственницъ, въ одеждахъ, пожалованныхъ государемъ, были представлены Царицѣ-матери, инокѣ Маѳѣ Іоанновнѣ; послѣ чего матери и родственницы дѣвицъ разъѣхались, а онѣ остались во дворцѣ, въ покояхъ, для нихъ отведенныхъ, гдѣ для нихъ ночлега были поставлены кровати. При каждой изъ дѣвицъ осталась только одна прислужница, съ почивальнымъ платьемъ; въ числѣ этихъ прислужницъ находилась и Евдокія Лукьяновна, сопровождавшая знатную свою родственницу.

Въ полночь, Царь, сопутствуемый своею матерью, обозрѣвалъ невѣстъ, и, по возвращеніи объявилъ ей, что выборъ его палъ на одну изъ прислужницъ. Всѣ доводы и увѣщанія Маѳы Іоанновны о несообразности такого выбора, оскорблявшаго знатнѣйшія боярскія и княжескія семейства, остались безъ успѣха,—Царь былъ непреклоненъ.—Медлить однако было невозможно потому, что по обычаю того времени, надлежало имя невѣсты объявить въ Успенскомъ соборѣ, до солнечнаго восхода, въ присутствіи всѣхъ духовныхъ властей. Тогда Маѳа Іоанновна, видя въ этомъ выборѣ прямой Божій промыслъ, поспѣшила освѣдомиться о томъ, кто была счастливая эта избранница, и получивъ извѣстіе, что она дочь, бѣднаго Можайскаго дворянина, Лукьяна Степановича Стрѣшнева, дѣвица вполнѣ достойная, тогда же благословила своего сына.

Къ этому Берхъ присовокупляетъ, что «*соображая весь этотъ разсказъ, а также печальный «примѣръ съ Маріей Хлоповой и безвременную кончину Царицы Маріи Ильинишны* (2), *должно за«ключить, что выборъ невѣсты, не изъ знатнаго рода, былъ поступокъ политическій, для прикры«тія котораго благовиднымъ предлогомъ распустили слухъ, что Царь былъ очарованъ красотою «Стрѣшневой дочери*» (3).

На утро, Евдокію Лукьяновну облачили въ свѣтлыя одежды и во время благовѣста къ молебствію, ей были представлены боярскія и княжескія дочери, которыхъ кроткая Евдокія Лукьяновна не допустила къ цѣлованію своей руки, но сама всѣхъ цѣловала.

Въ тотъ же день, къ родителю невѣсты, Лукьяну Степановичу Стрѣшневу, были посланы почетныя лица, съ Царскою о томъ грамотою, съ подарками и приглашеніемъ на свадьбу Государя.

Посланные, прибывъ къ Лукьяну Степановичу, застали его въ бѣдномъ жилищѣ, за земледѣльческими орудіями. Долго не вѣрилъ добродѣтельный Стрѣшневъ такому неожиданному величію своей дочери; наконецъ, въ избыткѣ чувствъ, онъ упалъ на колѣна, и въ слезахъ, съ теплою молитвою, благодарилъ Провидѣніе за его къ нему милосердіе. На другой день, отслушавъ въ ближайшей церкви литургію и отслуживъ молебенъ, онъ отправился въ Москву. Тамъ его представили, установленнымъ порядкомъ, будущему его Вѣнценосному зятю и родителямъ Государя, а потомъ онъ имѣлъ отрадную минуту обнять свою дочь. Можно себѣ представить восторгъ Стрѣшнева, при видѣ своей дочери, быв-

(1) Въ книгѣ: Les Fastes de l'Empire de Russie par Dorwil T. I, page 86, сказано, что Евдокія Лукьяновна проживала у Шереметьева. — (2) См. жизнеоп. Ѳеодора Никитича Романова въ этомъ изд.—(3) Царствов. Михаила Ѳеодоровича, соч. Берха Т. I, стр. 147 и 148.

шей бѣдной дворянки, въ великолѣпномъ нарядѣ Царской невѣсты! «*Впрочемъ*», говоритъ Берхъ, «*къ «чести Стрѣшнева надо отнести, что онъ не ослѣплялся величіемъ: былъ во весь вѣкъ свой умѣренъ. «и хранилъ въ своихъ покояхъ прежніе знаки ничтожества своего, какъ талисманъ противъ гордо- «сти и честолюбія*» (1). Въ 1633 году, онъ былъ пожалованъ въ Бояре и въ этомъ званіи умеръ въ 1650 году (2).

О бракосочетаніи Царя Михаила Ѳеодоровича съ Евдокіею Лукьяновною, въ дворцовыхъ разрядахъ сказано такъ: *Лѣта 7154 году, Января въ 29 день, Государь, совѣтовавъ со отцомъ своимъ, Святѣйшимъ Патріархомъ Филаретомъ и съ матерью своею, инокою Маѳою Ивановною, чтобъ ему Государю сочетатися законному браку, въ наслѣдіе рода его государскаго,* на что и получилъ благословеніе родителей.—*А произволилъ Государь взяти за себя Государя Лукьяна Степановича дщерь, Евдокію Лукьяновну, а радость* (свадьба) *ихъ была Государская, въ Воскресенье, Февраля въ 5 день.— А на предъ Государской радости, за три дни, ввели Государыню въ Царскія хоромы и нарекли Царицею* (3).

Бракосочетаніе Государя совершено было съ торжествомъ необыкновеннымъ, и такъ какъ оно описано современниками во всей подробности, то чтобы дать общее понятіе о бракосочетаніи Россійскихъ государей, до исхода XVII столѣтія, свадьба эта излагается здѣсь почти въ той же подробности, съ незначительными сокращеніями и измѣненіями, для избѣжанія повтореній и съ поименованіемъ только значительнѣйшихъ особъ, находившихся на свадьбѣ.

3 Февраля *въ недѣлю*, Государь Михаилъ Ѳеодоровичъ, послѣ ранней обѣдни, *благословлялся* у своего отца, Святѣйшаго Патріарха и говорилъ ему рѣчь:

«*Великій Государь отецъ нашъ, Святѣйшій Патріархъ Филаретъ Никитичъ, Московскій всеа Рос- «сіи! По волѣ всеблагаго и всесильнаго въ Троицѣ славимаго Бога нашего и по совѣту и по благословенію «васъ, Великаго Государя отца нашего и матери нашей Великой Государыни иноки Маѳы Ивановны, «произволили есмя сочетатися законному браку и день радости нашея нынѣ. И тебѣ бъ великому Го- «сударю, отцу нашему, насъ сына твоего благословити сочетатися законному браку, по апостольскому «преданію и святыхъ отецъ нашихъ*». Патріархъ Филаретъ Никитичъ, благословивъ сына своего, сказалъ ему тоже рѣчь: «*Благочестивый и христолюбивый сынъ нашъ, Великій Государь и Великій Князь «Михаилъ Ѳеодоровичъ всеа Россіи! Всемогущій и неизреченный въ милости въ Троицѣ славимый Богъ «нашъ, иже соблюдая васъ, великаго Государя, отъ чрева матери вашея, за благочестіе, царствомъ про- «слави и почте васъ, той и нынѣ благословитъ тя Великаго Государя, причтатися законному бра- «ку, по апостольскому преданію и святыхъ отецъ правиломъ и подастъ тебѣ Государю и супругѣ «твоей Царицѣ Евдокеи, долготу лѣтъ живота вашего, и благословитъ васъ благословеніемъ послѣд- «нимъ, ему же нѣсть премѣненіе, и подастъ вамъ благородная чада, якоже Аврааму и Саррѣ «Исаака и Исаку Іакова и Елкаѳ и Аннѣ чуднаго Самоила и прочимъ древнимъ отцемъ, Богу уго- «дившимъ, и да узриши сыны сыновъ и дщери дщерей твоихъ и благочестивое ваше царство соблю- «детъ ото всѣхъ вашихъ враговъ ненавѣтно, распространитъ и умножитъ отъ моря и до моря и «отъ рѣкъ до конецъ вселенныя*». За тѣмъ онъ благословилъ Государя образомъ *Пречистыя Богородицы съ Превѣчнымъ Младенцемъ Корсунскія, обложенъ серебромъ сканью.*

Послѣ того, Государь ходилъ молиться: въ Чудовъ монастырь, къ Архистратигу Михаилу, чудотворцу Алексѣю, къ Вознесенію Христову и въ монастырь—къ Пречистой Богородицѣ. За нимъ ѣхали бояре, окольничьи, думные люди и дворяне.

Оттуда Государь пошелъ къ матери своей, инокѣ Маѳѣ Ивановнѣ, которая благословила его образами: *Спаса обложеннымъ чеканнымъ серебромъ и Пречистыя Богородицы Одигитрія, обложеннымъ чеканомъ съ каменьями.*

Въ тотъ же день свадьба Государя была, *по ихъ государскому чину, какъ бывало у прежнихъ Великихъ Государей.*

---

(1) Царствов. Михаила Ѳеодоровича, соч. Берха, Т. I, стр. 148.—(2) Древн. Россійск. вивліоѳ. Т. II.—(3) Дворцов. разряды Т. I, стр. 763.

Когда все было готово, Государь вышелъ изъ своихъ покоевъ въ Золотую Среднюю Палату, одѣтый въ *кожухъ* (шубу) (1) *Златой аксамитной* и русскую соболью шубу, крытую бархатомъ *золотнымъ*, *замьтавъ полы назадъ на плеча* и въ поясѣ золотомъ кованомъ. Предъ Государемъ шли: стольники и дворяне, бывшіе въ *поѣзжанѣхъ* (составлявшихъ поѣздъ), потомъ 5 боярина, окольничій и думный дьякъ Иванъ Грамотинъ, за нимъ *дружки* (2):—два со стороны Государя, бояре и князья: Дмитрій Мамстрюковичъ Черкаскій и Дмитрій Михайловичъ Пожарскій и два со стороны Государыни:—бояринъ Михаилъ Борисовичъ Шеинъ и князь Романъ Петровичъ Пожарскій. Государя велъ подъ руки *Тысяцкой*, (3) боринъ Иванъ Борисовичъ Черкаскій. Всѣ эти лица были въ золотѣ, въ черныхъ шапкахъ и *ожерельяхъ стоячихъ и отложеныхъ*.

Въ Золотой Палатѣ, Государь *покланялся образамъ и сѣлъ на свое мѣсто, на лавкѣ, на зголовье* (4) бархатное, Персидское; *колодочка* (скамейка или подножіе) была ему подставлена *участковая*, *золотная*. Образа были на *большемъ мѣстѣ* и на всѣхъ четырехъ стѣнахъ съ *застѣнками низаными*; а *полавочники* (покровы на лавкѣ) *были другаго наряду*.

Здѣсь Государь велѣлъ своему посаженому отцу, родному дядѣ, боярину Ивану Никитичу Романову-Юрьеву, который, какъ и прочіе, былъ въ золотомъ платьѣ, также тысяцкому и дружкамъ *сѣсть въ большой лавкѣ*, а *поѣзжанамъ въ другой лавкѣ*.

Торжество брака предназначалось въ Грановитой Палатѣ, которая была приготовлена въ слѣдующемъ видѣ:

Чертожное мѣсто, на которомъ должны были сѣсть Государь и Царевна Евдокія Лукьяновна, было обито бархатомъ *червчетымъ* (багровымъ), на немъ два зголовья бархатныхъ *золотныхъ въ одинъ узоръ, каковъ Государь указалъ*, на зголовья были положены по сорока соболей, а *третій сорокъ, которымъ Государя и Государыню должны были опахивать*, держалъ у мѣста дьякъ. У мѣста же стоялъ столъ, покрытый тремя скатертями и на немъ стояли: *перепеча* (сдобный куличъ), для подпесенія Государю, Государынѣ и боярамъ, *съ ширинками* (малыми шейными платками), сыръ и солонка съ солью; на другихъ столахъ были тоже *перепечи* и *солоницы съ солью, судковъ* же въ первый день не ставили. *Образы* и *застѣнки* поставлены были въ *большомъ мѣстѣ*, надъ мѣстомъ Государя, а по стѣнамъ на *четыре стороны, перваго наряду*, а по лавкамъ были постланы *полавочники* тоже *перваго наряду* суконные *со-лавы*.

Государыню Царевну Евдокію Лукьяновну варядили въ ее *царицыныхъ хоромахъ, по ихъ государскому чину:* платье и вѣнецъ на ней были золотые, съ дорогими каменьями и жемчугомъ; при ней были четыре свахи: двѣ со стороны Государя и двѣ съ ея стороны.

Изъ Золотой Палаты Государь послалъ Царицыныхъ дружекъ, съ повелѣніемъ: *итти на мѣсто*, въ Грановитую Палату. Торжественный выходъ Царевны происходилъ чрезъ *проходную палату*, *постельнымъ крыльцомъ*. Впереди шли *свѣчники* со свѣчьми Государя и Государыни и при каждой по два окольничихъ; первая свѣча была въ 3, а вторая въ 2 пуда; на этихъ свѣчахъ были большіе, широкіе обручи *съ чеканными вызолоченными краями. Надъ свѣчьми у фонарей* было по два стряпчихъ. За фонарями несли *короваи* (круглый большой хлѣбъ). Государевъ—несли три стольника и стряпчій, а Государынн—четыре стряпчихъ. Короваи эти были *обшиты камкою червчетою* и покрыты: первый *бархатомъ золотнымъ Турскимъ*, а второй—*отласомъ золотнымъ участковымъ* (въ участкахъ или клѣткахъ) *и посилы ошиты были бархатомъ червчетымъ гладкимъ, да на коровайхъ же ошиты были сверхъ, по тридевять пѣнезей* (монета) *серебряныхъ золоченыхъ: съ одной стороны золочено и чеканено, а съ другой—бѣлой гладкой*. Всѣ свѣчники, коровайники и фонарники были *въ терликахъ* (5) *на соболяхъ и въ кожухахъ*, данныхъ имъ *съ казеннаго двора*, и въ черныхъ лисьихъ шапкахъ.—За ними стряпчій несъ *богоявленскую свѣчу*, а потомъ другой—*двѣ свѣчи обручальныя;* оба были въ *золотѣ и черныхъ шапкахъ*.

(1) Толкованіе словъ извлечено изъ Академическаго словаря.—(2) Друзья жениха, распоряжающіеся угощеніемъ на свадьбѣ.—(3) Почетнѣйшій человѣкъ, наблюдающій за свадебнымъ порядкомъ.—(4) Небольшой четырехъ-угольный покровъ, который кладется на сидѣнье, для почету.—(5) Длинная до пятъ одежда съ короткими рукавами и лифомъ.

За свѣчьми шелъ *думный дьякъ*, несшій *на золотой мисѣ осыпало; а положено было на мису на три углы хмѣлю, да тридевять соболей, да тридевять платковъ золотныхъ участковыхъ*, длиною 5 вершковъ, а шириною полъаршина, *да тридевять бѣлокъ*, да 18 *пѣнезей золоченыхъ чеканены*, да 9 *золотыхъ угорскихъ*. За нимъ шли два Царевниныхъ дружка, а потомъ по сторонамъ шли окольничій и дьякъ, которые *берегли путь, чтобъ никто не переходилъ*. За ними Благовѣщенскій попъ Иванъ Насѣдка *кропилъ путь святою водою*, и вслѣдъ за нимъ шла Государыня, поддерживаемая подъ руки *большими свахами;* по сторонамъ ея шли, *для береженья*, по правую—жена боярина Ивана Никитича, Ульяна Ѳеодоровна, а по лѣвую—жена князя Андрея Даниловича Сицкаго, княгиня Ѳеодора Семеновна. За Государынею шли боярыни, а потомъ *постельничаго* жена несла *кику* (головной уборъ, повойникъ), за нею на золоченыхъ блюдахъ несли *убрусцы* (полотенцы) и *ширинки Государевы, Патріарховы и иноки Марѳы Ивановны*.

По входѣ въ Грановитую Палату, Благовѣщенскій попъ окропилъ чертожное мѣсто святою водою и Царевну посадили на ее мѣсто на *зголовье*, а сорокъ соболей, снявъ, дали держать дьяку; на мѣсто же Государя посадили князя Якова Куденетовича Черкаскаго.

Всѣ свахи стали у стола со стороны мѣста Государыни, а боярыни сѣли по мѣстамъ за столомъ *въ большой лавкѣ: въ материно мѣсто*—жена боярина Ивана Никитича Романова-Юрьева, Ульяна Ѳеодоровна, и подлѣ нее шесть другихъ боярскихъ и окольничихъ женъ, *по росписи*.

Со свѣчьми стали на право, у лавки, противъ мѣста Государя, а съ кувшинами и фонарями стали на лѣво, подлѣ *поставца*.

Когда всѣ были на своихъ мѣстахъ, извѣстили о томъ Государя, который послалъ своего посаженаго отца, боярина Ивана Никитича съ боярами, бывшими *въ сидячихъ*, и князя Ивана Ивановича Шуйскаго *съ товарищами*, для занятія своихъ мѣстъ.

Иванъ Никитичъ, войдя въ Грановитую Палату, поклонился образамъ на всѣ стороны, *ударилъ челомъ* Государынѣ Царевнѣ и сѣлъ за столъ *на большомъ мѣстѣ въ лавкѣ, выше матери;* возлѣ него сѣла его жена, а рядомъ съ нею—прочія боярыни по росписи и противъ ихъ сѣли *въ скамьѣ* боярынъ князь Иванъ Ивановичъ Шуйскій съ товарищами.

Посидѣвъ немного, Иванъ Никитичъ послалъ къ Государю боярина, съ рѣчью слѣдующаго содержанія: *Государь Царь и Великій Князь Михайло Ѳеодоровичъ всеа Руссіи, боярин Иванъ Никитичъ велѣлъ тебѣ Государю говорити, прося у Бога милости, время тебѣ итти къ своему дѣлу*. Выслушавъ его, Государь поклонился образамъ, благословился крестомъ у Благовѣщенскаго протопопа и пошелъ въ Грановитую Палату.

Шествіе Государя открывали *полъжане*, за ними шли *дружки*, потомъ бояре, за ними думный дьякъ, послѣ Благовѣщенскій протопопъ съ крестомъ и наконецъ предъ Государемъ *крестовый недѣльный попъ* кропилъ путь святою водою; Государя велъ подъ руки тысяцкой, а за Государемъ стольникъ несъ его *колпакъ* [1], сзади всѣхъ шли стольники и стряпчіе, которые остались *за чинами*.

По входѣ Государя въ Грановитую Палату, протопопъ говорилъ «*достойно есть*». . . . . и благословилъ Государя крестомъ.

Государь, поклонившись образамъ, пошелъ къ своему мѣсту, съ котораго большой Государевъ дружка поднялъ Князя Черкаскаго; послѣ того сняли съ мѣста сорокъ соболей, и дали ихъ держать дьяку. Государь сѣлъ на свое мѣсто, возлѣ Царевны, отъ Благовѣщенія Пречистыя Богородицы и велѣлъ боярину Ивану Никитичу съ товарищами сѣсть *въ большомъ мѣстѣ въ лавкѣ*; подлѣ него, по своимъ мѣстамъ, сѣли его жена и прочія боярыни Государя и Государыни, а противъ нихъ *въ скамьѣ* сѣлъ тысяцкой и пять знатныхъ бояръ.

Въ кривомъ столѣ, въ лавкѣ сидѣли тоже бояре, *а въ скамьѣ*—Благовѣщенскій протопопъ Максимъ; у бояръ въ *лавкѣ* и у протопопа въ *скамьѣ* сидѣли *полъжане*.

---

[1] Въ торжественныхъ случаяхъ надѣваемый сверхъ мѣховой шапки; онъ унизывался жемчугомъ и каменьями.

Посидѣвъ *мало*, протопопъ Максимъ говорилъ молитву «*Покровенію главъ*», послѣ чего большая сваха чесала головы Царю и Царевнѣ, омакивая гребешокъ въ чарку съ медомъ, которую держалъ дьякъ, а подлѣ него думный дьякъ держалъ мису съ осыпаломъ.

Въ это время зажгли свѣчи Государя и Царевны *Богоявленскими вечерними свѣчьми*.

Зачесавъ головы Царя и Царевны, на нее надѣли *кику*, сверху наложили *покровъ* и покрыли *убрусомъ*, низаным жемчугомъ и золотыми *дробницами* (1), а послѣ того большая сваха стала *осыпать Царя и Царевну осыпаломъ*.

За тѣмъ первый Государя дружка, благословясь у отца и матери, рѣзалъ перепечу и сыръ, а Царицынъ большой дружка подносилъ къ Государю отъ Царевны *убрусецъ тафтянъ*, низаный жемчугомъ, также ширинку и коровай, а къ отцу Государя, Патріарху Филарету Никитичу и къ матери, инокѣ Марѳѣ Ивановнѣ, ходилъ Царицынъ другой большой дружка съ убрусцомъ низанымъ, ширинкою, перепечью и сыромъ.

Убрусецъ, ширинка, коровай и сыръ были также посланы, съ особымъ стольникомъ, въ Тихвинъ къ Царицѣ Дарьѣ, вдовѣ Царя и Великаго Князя Ивана Васильевича. Меньшой же дружка Царевны подносилъ ширинки, коровай и сыръ: отцу, матери, тысяцкому, боярамъ, боярынямъ, сидячимъ боярамъ, окольничимъ въ *чинѣхъ* и поѣзжанамъ; онъ относилъ также въ Царицыны хоромы къ боярынямъ, которыя были *въ комнатѣ*, и къ боярамъ и боярынямъ, бывшимъ *у постели*.

Послѣ того, Царь и Царевна пошли изъ Грановитой Палаты вѣнчаться, *къ Успенію Пречистыя Богородицы* въ Соборную Церковь и когда они встали съ своихъ мѣстъ, то зголовье Государя положили на зголовье Царевны и сверху положили *два сорока соболей*, а третій *сорокъ соболей*, которымъ *омахивали* Государя, дали держать дьяку; у мѣста же Государя и Государыни, *для береженья*, остался бояринъ; въ то же самое время со стола, на которомъ рѣзали коровай и сыръ, сняли верхнюю скатерть и отдали *на дворецъ ключникомъ именно*, велѣвъ беречъ за печатью, на столѣ же остались двѣ скатерти.

Государь и Государыня пошли сѣньми и лѣстницею, что у Грановитой Палаты и *путь подъ ними слали* 6 стряпчихъ, *камки червчетыми*. Когда они подошли къ лѣстницѣ, тогда *ясельничій* подвелъ Государю *аргамака* (2), на которомъ сидѣлъ *конюшій*, а Государынѣ подвезли сани, въ которыхъ сидѣлъ ясельничій. Подъѣхавъ къ лѣстницѣ, они оба сошли на землю и Государь, сѣвъ на аргамака, поѣхалъ къ Пречистой Богородицѣ площадью; предъ нимъ впереди ѣхали верхомъ: поѣзжане, стольники и дворяне большіе—40 человѣкъ, за ними дружки и наконецъ, предъ самымъ Государемъ, немного въ сторону, тысяцкой; подлѣ Государевой лошади шли, по одну сторону, конюшій, а по другую—ясельничій.

За Государемъ ѣхала Государыня въ большихъ саняхъ, обитыхъ золотымъ атласомъ; противъ нея сидѣли 4 свахи. Между Государемъ и Государынею шли 20 боярскихъ Царицыныхъ дѣтей, оберегавшихъ, чтобы между аргамакомъ и санями никто не переходилъ пути; за санями Государыни шли: окольничій, дьякъ и 23 дворянъ Московскихъ, *сверсныхъ* (3).

Пріѣхавъ къ церкви, Государь сошелъ съ коня на мостки, а Государыня вышла изъ саней; они пошли въ церковь *въ сторонные двери*, что отъ Архангела; впереди шли тысяцкой и дружки, за ними бояре, которые и прежде шли предъ Государемъ, потомъ несли свѣчи, короваи и фонари.

Государь шелъ рядомъ съ Царевною, которую вели подъ руки большія свахи, а меньшія шли сзади; всѣ прочіе остались у церкви и на Царскаго аргамака сѣлъ опять конюшій, въ сани, на мѣсто Государыни, сѣлъ ясельничій, а Царицыны боярскія дѣти берегли, чтобы между конемъ Государя и санями никто не переходилъ пути; поѣзжане же во все это время ѣздили на лошадяхъ.

Въ церкви у столпа лѣваго клироса, была поставлена скамейка, на которой былъ постланъ коверъ *кизилбаской золотой* и сверху положены два зголовья *бархатъ червчетъ съ золотомъ въ одинъ цвѣтъ*, покрыты сукнами; все это было внесено въ Церковь до прихода Государя, съ особенною церемоніею:

---

(1) Мѣлкими выпуклыми украшеніями.—(2) Лошадь Кабардинской породы. — (3) Сверсные—значитъ одной версты, или одинакого достоинства въ коронной службѣ или одинакихъ лѣтъ.

предъ каждымъ зголовьемъ шелъ бояринъ и стряпчій, *шатерничьи* поставили скамью, постлали коверъ и подъ ноги поставили двѣ *колодки обиты участкомъ золотнымъ.*

Государь и Государыня, войдя въ церковь, стали противъ Царскихъ дверей; на право отъ нихъ, противъ Патріаршаго мѣста, стали со свѣчьми, а на лѣво, близь клироса, съ кораваями.

Когда Государь и Царевна пошли къ вѣнчанію, они стали близь Царскихъ дверей на томъ мѣстѣ, гдѣ былъ амбонъ, который по этому случаю вынесли; подъ ноги Государя и Царевны стольникъ положилъ подножіе, оно было изъ *камки червчетой куфтерея* 3 арш., сложенные вдвое, и сверху было положено сорокъ соболей, по двадцати соболей *головами вмѣсто.*

Обрученіе и вѣнчаніе совершалъ, *по священному преданію*, протопопъ Максимъ, при немъ протодіаконъ и два ключаря, а на клиросахъ пѣли дьяки *строками.*

Послѣ вѣнчанія бояринъ Василій Петровичъ Морозовъ поднесъ *въ скляницѣ Фрязское вино*, которое принесли за нимъ два *погребныхъ ключниковъ*, одѣтые въ золотѣ; вино это наливали *въ скляницу съ отливкою.*

Протопопъ взялъ вино и подалъ его пить сперва Царю, а потомъ Царицѣ; мѣняя такъ три раза, опъ, въ послѣдній разъ, поднесъ опять Царю, который, выпивъ остальное, велѣлъ *скляницу взять въ олтарь.*

За тѣмъ Царь и Царица сѣли рядомъ на скамью, каждый на свое зголовье, Царица находилась по лѣвую руку, и протопопъ *поучалъ ихъ Государей по священному преданію.*

По окончаніи церковнаго обряда, протопопъ Максимъ пришелъ къ Государю и къ Государынѣ и имъ *здравствовалъ* (поздравлялъ), а за нимъ *здравствовали* прочіе чины, находившіеся въ церкви; во все это время *дьяки пѣвчіе* пѣли *многольтіе* Царю Государю и Великому Князю Михаилу Ѳеодоровичу всеа Русіи и его Царицѣ Великой Княгинѣ Евдокеѣ Лукьяновнѣ *демествомъ большое* (1).

Изъ церкви Царь повелъ Царицу за руку, въ тѣ же боковыя двери, въ которыя вошелъ, потомъ сѣлъ на аргамака и въ прежнемъ порядкѣ поѣхалъ во дворецъ на дворъ, за нимъ въ саняхъ ѣхала Царица съ обоими свахами.

Подъѣхавъ къ лѣстницѣ Грановитой Палаты, Царь сошелъ съ аргамака и повелъ Царицу на верхъ въ Грановитую Палату; по дорогѣ, тѣ же стряпчіе, стлали имъ *камки червчеты.* Предъ Государемъ внесли въ Грановитую Палату и поставили на прежнее мѣсто свѣчи и короваи.

Когда Государь сошелъ съ аргамака, на него сѣлъ опять конюшій и поѣхалъ къ сѣнпику, около котораго онъ сталъ ѣздить съ обнаженнымъ мечемъ, во все время пребыванія тамъ Государя; сани же, въ которыя, на мѣсто Царицы, сѣлъ опять ясельничій, отвезли въ конюшню.

Въ Грановитой Палатѣ: Царь, Царица и прочіе сѣли на прежнія свои мѣста, послѣ чего Царь приказалъ *предъ себя въ столы ставити пѣствы* и подавать вина *Фрязскія.*

Послѣ третьяго блюда поставили предъ Государемъ и Царицею *куря верченое*, тогда большой Государевъ дружка, *обертывъ куря съ блюдомъ, перепечею и солонкою*, второю скатертью, отнесъ къ сѣнпику и *отдалъ именно боярину.*

За тѣмъ Царь всталъ съ своего мѣста и повелъ Царицу къ сѣнпику; съ ними пошли: тысяцкой, дружки свахи, и впереди всѣхъ шелъ боярпнъ Иванъ Никитичъ. Въ дверяхъ Грановитой Палаты Иванъ Никитичъ остановился, взялъ Царицу за руку и *отдавалъ* ее Государю, сказавъ при этомъ рѣчь: «*Великій Государь Царь и Великій Князь Михайло Ѳеодоровичъ всеа Руси Самодержецъ! Повель-*
«*піемъ Всемогущаго и Всесильнаго въ Троицѣ славимаго Бога нашего, и по благословенію отца свое-*
«*го, Великаго Государя Святѣйшаго Патріарха Филарета Никитича Московскаго и всеа Руси и*
«*матери своей Великой Государыни иноки Марѳы Ивановны, изволилъ ты, Государь, по преданію*
«*апостольскому и святыхъ отецъ правиламъ, сочетатися законному браку, въ наслѣдіе вѣчно Ва-*
«*шему Царскому роду, во обладаніе великихъ государствъ вашихъ, а поняти за себя Царицу и Ве-*
«*ликую Княгиню Евдокею Лукьяновну и ты Великій Государь свою Царицу и Великую Княгиню*
«*Евдокею, а нашу Государыню, пріемли и держи какъ человѣколюбивый Богъ въ законѣ нашей истин-*
«*ныя православныя христіанскія вѣры устроилъ и апостоли и отцы предаша*».

(1) Старинпымъ церковнымъ напѣвомъ.

Сказавъ эту рѣчь, онъ поклонился Государю, но образами не благословлялъ.

Потомъ Царь и Царица пошли къ сѣннику, ихъ провожали бояре, боярыни и сидячіе; предъ ними несли короваи и обѣ свѣчи царскія, которыя поставили вмѣстѣ *въ одну кадь съ пшеницею* у постели, въ головахъ, обручей же съ нихъ не снимали три дня, потомъ свѣчи эти вмѣстѣ *соскали* (скатали) и поставили въ церковь.

Сѣнникъ *устроивали и подбивали коврами золотными и для береженья были у него:* бояринъ Ѳеодоръ Ивановичъ Шереметьевъ и окольничій Лукьянъ Степановичъ Стрѣшневъ, да Левъ Ивановичъ Далматовъ-Карповъ.

Во всѣхъ хоромахъ, сѣняхъ и у сѣнника, гдѣ надлежало проходить Государю и Государынѣ, были поставлены, на всѣхъ стѣнахъ, по иконѣ, обложенной серебромъ; въ сѣнникѣ тоже на всѣхъ четырехъ стѣнахъ были образа, и иконы *съ низаными застѣнками, съ нарядными*, а надъ дверьми внутри и съ надворья, также надъ окнами въ сѣнникѣ, поставлены были кресты золотые съ мощми.

У постели въ головахъ положили два *зголовейца* и на нихъ шапки государскія, а въ ногахъ положили: коверъ, одѣяло и шубу соболью, а сверху покрыли простынею.

Когда въ сѣнникъ несли государскую постель, предъ нею несли *крестъ воздвизанной* и два образа: *Рождество Христово* и *Рождество Пречистой Богородицы*.

Все это поставили у постели въ головахъ; кромѣ того, у Государя въ головахъ поставили еще образъ *Пречистой Богородицы съ младенцомъ, письма чудотворца Петра*.

Постель Царскую поставили въ сѣнникѣ, съ лѣвой стороны и стлали ее: бояринъ Ѳеодоръ Ивановичъ Шереметьевъ, окольничьи: Долматовъ-Карповъ и Лукьянъ Степановичъ Стрѣшневъ, вмѣстѣ съ дружками, свахами и спальниками, которые жили у Государя въ комнатѣ. Подъ постель же постлали *тридесять сноповъ ржаныхъ*, на нихъ *семь перинъ и бумажниковъ, также зголовей бархатныхъ, камчатныхъ и атласныхъ и покрыли одъяломъ*.

Когда Государь пришелъ къ сѣннику, то жена Ивана Никитича Романова-Юрьева, бывшая *въ материно мѣсто*, положа на себя шубу соболью, шерстью вверхъ, осыпала Царя и Царицу осыпаломъ. Послѣ того бояре и боярыни, бывшіе *въ отцово и материно мѣсто*, тысяцкой, дружки и прочіе воротились въ Грановитую Палату и сѣли за столомъ: бояре—по правой сторонѣ, поѣзжане и дворяне—по лѣвой сторонѣ, *а мати* и боярыни пошли въ Царицыны хоромы.

Послѣ нѣкотораго времени, Государь велѣлъ: бояръ, отца и мать, тысяцкаго, дружекъ, свахъ и боярынь ближнихъ, которыя въ комнатѣ и у постели, позвать къ себѣ; онъ вышелъ въ сѣни передъ сѣнникомъ и здѣсь его кормили, отецъ и мать и бояре ближніе, а Государыню кормили въ сѣнникѣ: мать, свахи и боярыни, которыя въ комнатѣ, и тѣ, которыя у постели. *Ѣствы были приказныя*.

На другой день, въ понедѣльникъ, Государь вышелъ изъ сѣнника въ мыльню, гдѣ и кушалъ, ѣствы приказные, вмѣстѣ съ боярами, стольниками и другими ближними лицами, въ числѣ 12 человѣкъ. Государь *жаловалъ, подавалъ ближнимъ ѣствы*, а бояръ и окольничихъ *жаловалъ, подавалъ романею въ кубкахъ;* Государыня же кушала *въ избушкѣ*.

Послѣ кушанья Царь и Царица были въ сѣнникѣ и съ ними находились, бояринъ Иванъ Никитичъ съ женою, тысяцкой, боярыни ближнія и свахи; здѣсь Иванъ Никитичъ *раскрывалъ Царицу, покровъ поднелъ стрѣлою*.

За тѣмъ, Государь въ сѣнникѣ же *пожаловалъ, велѣлъ свои Государскіе и Государыни очи видѣти всѣмъ:* боярамъ, окольничимъ и думнымъ людямъ, послѣ чего Государя и Государыню кормили кашею, которая была въ двухъ *фарфурныхъ* горшкахъ, поставленныхъ на одно блюдо и *обогнутыхъ двумя парами соболей*. Кашу эту держали: предъ Государемъ—большой дружка, а предъ Государынею—большая сваха.

Въ этотъ день, со времени выхода Государя въ мыльню, до вечера *и въ ночи, на дворцѣ играли въ сурны* (1) *и въ трубы и били понакромъ* (бубны).

---

(1) Музыкальная труба, дудка, свистелка.

Въ тотъ же день столъ у Государя былъ въ Грановитой Палатѣ. Государь сидѣлъ за золотымъ столомъ близь стѣны и съ нимъ Царица, а у нее стояли свахи, которымъ для *потчиванія*, поставленъ былъ столикъ *невеликой*, выше большаго боярскаго стола.

Отецъ и мать, тысяцкой и бояре сидячіе, сидѣли въ большомъ столѣ, въ томъ порядкѣ, какъ и въ первый день, а отъ нихъ *по отодвинувся сажень на пять*, сидѣли дворяне сверсные, которые были у саней Царицы, а въ другомъ столѣ сидѣли: бояре, протопопъ Благовѣщенскій, окольничьи, думные люди, поѣзжане и тѣ, которые находились у свѣчь и короваевъ, да дворяне и дьяки, стоявшіе у дверей *для береженья*. Послѣ стола подавали Государю овощи, *и въ столы ставили*.

За тѣмъ Царица пошла въ свои хоромы и у нее тамъ былъ также большой столъ.

На третій день было такое же торжество, а на четвертый *въ третьемъ часу дни*, Государь велѣлъ приготовить Золотую Меньшую Палату и *послалъ вѣсть* къ отцу своему, Святѣйшему Патріарху Филарету, который пришелъ къ нему со всѣми *властьми*. Государь его встрѣтилъ въ сѣняхъ и Патріархъ, сказавъ «*достойно есть*» . . . , благословилъ Государя *крестомъ воздвизаннымъ*, окропилъ его святою водою *и здравствовалъ его съ Царицею*, а потомъ благословилъ образомъ *Пречистой Богородицы* и крестомъ золотымъ съ каменьями и жемчугомъ.

Послѣ того Государь и его родитель, Святѣйшій Патріархъ, сѣли на свои мѣста, на зголовья золотыя и Государю представляли дары его родителя, по росписки, записка которымъ была оставлена на казенномъ дворѣ.

За тѣмъ благословляли Государя образами, *власти:* Митрополитъ Крутицкой, Епископъ Іосифъ, Архимандриты и Игумны, поднося при этомъ дары *по чину*: кубки серебренные, стопы, атласы золотые и соболи; а за властями приходили къ Государю съ дарами: бояре и думные люди, послѣ которыхъ были *гости, гостинные и суконные* и *черные сотни торговые люди*. Государь однако, ни отъ кого даровъ не принялъ.

По окончаніи этой церемоніи Государь, вмѣстѣ съ своимъ родителемъ, пошли къ молодой Царицѣ, *въ ея хоромы* и Святѣйшій Патріархъ, въ томъ же порядкѣ, благословилъ Царицу, окропилъ святою водою, *здравствовалъ ее съ Государемъ* и благословилъ ее образомъ и крестомъ золотымъ, а за нимъ здравствовали и дары подносили власти и бояре въ томъ же порядкѣ, какъ у Государя.

Въ этотъ день Святѣйшій Патріархъ, со всѣми властьми, кушалъ у Государя. Столъ былъ въ Грановитой Палатѣ *по обычаю, безъ свадебныхъ чиновъ, а взвары и овощи* подавали Государю *и въ столы ставили по свадебному чину*.

8 Февраля (на 4 день послѣ свадьбы Государя), обѣдъ былъ въ Большой Грановитой Палатѣ, за которымъ находились: святѣйшій Патріархъ, со всѣми властьми, бояре: Ѳеодоръ Ивановичъ Шереметьевъ, князь Данило Мезецкой, окольничій Долматовъ-Карповъ, постельничій Константинъ Михалковъ, стряпчій съ ключемъ Иванъ Чемодановъ, дьяки думные: Иванъ Грамотинъ и Ѳеодоръ Лихачевъ, 19 дворянъ, 3 дьяка Государя, 4 дьяка святѣйшаго Патріарха, 8 головъ московскихъ стрѣльцовъ, и торговые московскіе лучшіе люди, которые были у Государя и Государыни съ дарами (1).

Этимъ днемъ заключилось торжество бракосочетанія Царя Михаила Ѳеодоровича съ Евдокіею Лукьяновною, и съ нимъ торжественные выходы Царицы.

Перейдя изъ частнаго дома въ Царскіе хоромы, Евдокія Лукьяновна должна была, по обычаю того времени, вести жизнь затворническую, тщательно скрывая себя отъ взоровъ постороннихъ.

Жизнь эта проходила въ подвигахъ благочестія, набожности и рукодѣліи (2); подробности этой затворнической жизни, доступной только для весьма малаго числа избранныхъ лицъ, изложены довольно опредѣлительно въ статьѣ этого изданія: «Дѣти Царя Михаила Ѳеодоровича,» здѣсь остается сказать, что Царица Евдокія Лукьяновна, по набожности своей, совершала весьма часто богомольные выѣзды, или походы, которые всегда были чрезвычайно торжественны.

---

(1) Дворц. разряды Т. I, стр. 763—788.—(2) Опытъ повѣствов. о древн. Русскихъ ч. I, глав. VI и ч. II, стр. 218 и 219

Первый ея выѣздъ, послѣ бракосочетанія, былъ 17 февраля, въ Вознесенскій монастырь, куда Царица отправилась въ саняхъ, вмѣстѣ съ вдовою боярина Мстиславскаго и женою боярина Ивана Никитича; ее сопровождали многія другія боярыни, ѣхавшія также въ саняхъ и противъ нихъ сидѣли по двѣ *постельницы*, а у саней шли *по два сына боярскихъ Царицыныхъ* и люди ихъ (1).

Второй поѣздъ Царицы, былъ въ томъ же году, 26 апрѣля, вмѣстѣ съ Государемъ, къ Троицѣ въ Сергіевъ монастырь. Поѣздъ этотъ памятенъ тѣмъ, что во время обратнаго шествія царственныхъ особъ изъ Троицы въ Москву, 3 мая, страшнымъ пожаромъ истреблены были Кремль и Китай, такъ, что хоромы Царскіе, весь дворъ Государевъ, Патріаршій дворъ, монастыри и Приказы превращены въ пепелъ; при чемъ поглащено пламенемъ, множество Государевой казны (2), всѣ дѣла и книги, вслѣдствіе чего разосланы были писцы во все государство, *для снятія прописей* (3).

Не описывая подробностей всѣхъ богомольныхъ путешествій Царицы Евдокіи Лукьяновны, нельзя однако не замѣтить многочисленность бывшаго, въ то время, двора Царицы, которую въ поѣздъ ея, совершенный въ 1631 году, сопровождали, кромѣ матери и сестры ея: 23 боярыни, 88 прислужницъ и 85 дѣтей боярскихъ; подъ всѣми ими было до 180 лошадей (4).

Какъ ни трудно было, постороннему человѣку, увидѣть открытое лицо Царицы, однако Олеарій, бывшій въ царствованіе Михаила Ѳеодоровича, въ Россіи два раза, передаетъ въ интересномъ своемъ сочиненіи, что онъ оба раза имѣлъ случай видѣть ее, во время богомольныхъ ея поѣздовъ. Въ первый разъ, 12 Октября 1634 года, во время ея поѣздки въ одинъ изъ окрестныхъ монастырей: «*Великая Княгиня*», говорилъ онъ, «*съ молодымъ Княземъ и Княженою, ѣхали въ большой колымагѣ*, (5) *импе-*«*ріалъ которой былъ украшенъ пунцовыми и желтыми тафтяными занавѣсками. Колымагу везли* «*16 бѣлыхъ лошадей. Я имѣлъ счастіе увидѣть Великую Княгиню, потому, что вѣтеръ поднялъ* «*одну изъ занавѣсокъ. Я нашелъ ее весьма красивою и богато одѣтою*» (6).

Второй разъ онъ видѣлъ Царицу 15 іюня (нов. счисл.) 1636 года, когда она, вмѣстѣ съ Царемъ, возвращалась съ богомолья въ Москву; «*Великая Княгиня*», по словамъ его, «*была окружена 36 дамами и дѣ-*«*вицами; всѣ они были верхами* (7), *одѣтыя въ красныя платья и съ большими на головахъ шляпа-*«*ми, красные большіе шнуры висѣли на ихъ спинахъ и бѣлый шарфъ обвязывалъ ихъ шеи.* (8) *Онѣ* «*всѣ были прегадко нарумянены*».

И такъ вотъ все, что по весьма тѣсному кругу дѣятельности Русскихъ Царицъ XVII столѣтія, и по скудости историческихъ памятниковъ, можно передать о жизни Царицы Евдокіи Лукьяновны.

Царь Михаилъ Ѳеодоровичъ, такъ много любилъ и уважалъ Царицу Евдокію Лукьяновну, что въ честь ея Ангела, соорудилъ церковь Св. мученицы Евдокіи. Церковь эта стояла внѣ нынѣшняго терема, подлѣ Спаса за золотою рѣшеткою, къ синодальному дому; она именовалась *на сѣняхъ*, иногда *у Государя*, иногда *у Царицы*, а наиболѣе просто—*въ Верху*; сломана же въ XVIII столѣтіи, вмѣстѣ съ хоромами Царицыными. На рисункахъ вѣнчанія Царя Михаила Ѳеодоровича съ Евдокіею Лукьяновною, эта церковь показана высокою, пятиглавою съ золотыми верхами (9).

Благословенная свыше большимъ семействомъ, Царица Евдокія Лукьяновна почти 20 лѣтъ, провела въ его кругу, счастливой супружеской жизни.—Благотворенія страждущимъ, весьма частыя милостыни и кормленіе нищей братіи, стяжали ей народную любовь. Религіозное настроеніе кроткой души ея побуждало её къ украшенію Божіихъ храмовъ и монастырей, въ числѣ которыхъ было не мало трудовъ собственныхъ рукъ ея.

Смерть нѣжно любимаго супруга, такъ глубоко поразила добродѣтельную Царицу Евдокію Лукьяновну, что чрезъ мѣсяцъ послѣ его кончины, 13 августа 1645 года, она сама перешла въ жизнь вѣчную (10).

---

(1) Дворцов. разряды, Т. I, стр. 817.—(2) Тамъ же, стр. 823 и 824.—(3) Лѣтопись о мятежахъ, стр. 338.—(4) Троицкіе походы Русскихъ Царей Забѣлина, приложеніе, стр. 25—28.—(5) Grand chariot de menuiserie.—(6) Relation du voyage d'Adam Olearius. Paris. 1659. T. I, s. 1, p. 42.—(7) Jambes de ça jambes de là.—(8) Тамъ же, Т. II, p. 102.—(9) Выходы Государей, Царей и Великихъ Князей. Указатель, стр. 25. —(10) Царств. Алексѣя Михайловича, соч. Берха, Т. I, стр. 29.

Тѣло ея погребено въ Вознесенскомъ монастырѣ, въ которомъ покоются почти всѣ Великія Княгини, Царицы и Царевны Россійскія, отъ временъ Евдокіи, супруги Димитрія Донскаго, до XVIII вѣка. Гробница Царицы Евдокіи Лукьяновны находится при входѣ въ старую соборную церковь, на правой сторонѣ, подлѣ стѣны. На гробницѣ покровъ съ надписью, низанною крупнымъ жемчугомъ и каменьями (1).

При взглядѣ на гробницу Царицы Евдокіи Лукьяновны, въ общей Царской усыпальницѣ, нельзя не отдать ей благоговѣйной памяти, справедливо ею заслуженной, какъ нѣжной супругѣ, благочестивой матери и добродѣтельной Царицѣ!

(1) Московск. историческій путеводитель 1827.

Въ Типографіи Втораго Отдѣленія Собственной Е. И. В. Канцеляріи. Печатать позволяется. С. Петербургъ, 14 Сентября 1856 года. Цензоръ *А. Фрейманъ*.

ДѢТИ

ЦАРЯ

МИХАИЛА ѲЕОДОРОВИЧА.

Жизнь Царскихъ дѣтей и особенно жизнь Царевенъ, по самому характеру Царскаго быта въ XVII столѣтіи, не могла быть богата тѣми внѣшними событіями, которыя обыкновенно даютъ такой обильный матеріалъ біографу. Жизнь ихъ текла въ тишинѣ древнихъ теремовъ, въ удаленіи отъ общества, отъ міра и въ близи, или лучше сказать подъ сѣнью церкви, въ благочестивомъ почитаніи святыни, въ строгомъ, прилежномъ исполненіи уставовъ и обрядовъ церкви, въ глубокой преданности православію. Такъ одинъ изъ современниковъ до Петровской старины, Котошихинъ, замѣчаетъ о жизни Царевенъ: «*Живуще яко пустынницы, мало зряху людей и ихъ люди; но всегда въ молитвѣ и въ посты пребываху и лица свои слезами омываху...*»

Чтобы хоть мало проникнуть въ этотъ недоступный для современниковъ древній теремъ, познакомиться съ однообразнымъ, кроткимъ бытомъ его обитателей, должно обратиться по крайней мѣрѣ къ тѣмъ даннымъ, которыя раскрываютъ внѣшнюю сторону этой исключенной, уединенной жизни. Здѣсь предполагается представить въ краткомъ очеркѣ, образъ воспитанія въ тогдашнемъ Царскомъ быту и тѣ не многія свѣдѣнія, которыя хоть сколько нибудь уясняютъ домашній бытъ Царицыной половины. Въ настоящемъ случаѣ это тѣмъ болѣе необходимо, что жизнеописанія дѣтей Царскихъ и преимущественно Царевенъ, большею частію весьма однообразны. Одни и тѣ же условія быта, вызывали почти одни и тѣ же событія жизни. Дочери Царя Михаила Ѳеодоровича и дочери Царя Алексѣя Михаиловича жили одинаково. Формы домашняго быта сложились разъ на всегда; измѣнить имъ—значило измѣнить освященнымъ преданіямъ, которыя хранились и глубоко уважались цѣлымъ рядомъ поколѣній и не только въ царской семьѣ, но и въ народѣ; такъ что каждое малѣйшее отступленіе отъ установившагося образа жизни смущало народное убѣжденіе, «Русскіе», говоритъ Рейтенфельсъ,» не смѣютъ не «только говорить свободно о своей Царицѣ, но даже и смотрѣть ей прямо въ лицо. Когда она ѣдетъ по- «городу или загородъ, то экипажъ всегда бываетъ закрытъ, чтобы никто не видалъ ее. Они такъ при- «выкли къ скромному образу жизни своихъ Государынь, что когда нынѣшняя Царица (Наталія Кири- «ловна) проѣзжая первый разъ промежъ народа, нѣсколько открыла окно кареты, они не могли нади- «виться такому смѣлому поступку.» (1) Нужны были таланты и воля Царевны Софіи Алексѣевны, нужны были извѣстныя обстоятельства, чтобы женщина могла выйдти изъ этого очарованнаго круга. Вся жизнь, вся дѣятельность лица, была благочестивымъ обрядомъ и не выходила изъ-за стѣнъ терема.

---

(1) Сказанія Рейтенфельса о состояніи Россіи при Царѣ Алексѣѣ Михайловичѣ Ж. М. Н. П. 1839. Іюль.

Если теремъ мѣнялся иногда на келью, то едвали при этомъ значительно измѣнялся образъ жизни, ибо въ сущности и теремъ и келья были хранителями одного и того же начала жизни...

Весьма понятно, что при изображеніи этой жизни, ея условій и событій, самымъ существеннымъ предметомъ будетъ воспитаніе. Въ немъ полагались основы жизни, оно какъ опека воли, дѣйствій и мыслей, продолжалось до конца дней, имѣя въ началѣ своимъ орудіемъ приставниковъ, мамокъ и нянекъ, а за тѣмъ силу установившагося мнѣнія, вліяніе котораго можетъ быть было еще суровѣе, еще строже, чѣмъ вліяніе живыхъ наставниковъ. Можно сказать, что вся біографія Царевенъ, по крайней мѣрѣ съ внѣшней стороны, со стороны фактовъ, событій жизни, должна заключаться только въ изображеніи условій ихъ воспитанія. Такимъ образомъ, представляя въ настоящей статьѣ общія черты древняго воспитанія, съ самыхъ первыхъ дней, общія условія быта, подъ сѣнью котораго возрастали Царскія дѣти, представляется вмѣстѣ съ тѣмъ и общее ихъ жизнеописаніе.

Послѣднее время предъ родинами, Царица освящала богомольемъ, ходила молебствовать по монастырямъ, у себя въ компатахъ слушала молебны и раздавала милостину. Царскія родины были событіемъ радостнымъ не для одного только Государя, но и для всего народа—это была *Государская всемірная радость*, и какъ только нарекали имя новорожденному, Государь тотчасъ же посылалъ свою радость объявить Патріарху, властямъ духовнымъ, боярамъ и всѣмъ сановникамъ, также въ Троицкій и во всѣ Московскіе монастыри. Въ города и въ дальніе монастыри посылались по этому случаю такъ называемыя *богомольныя грамоты*.

Потомъ, въ сопровожденіи всѣхъ чиновъ и народа, Государь выходилъ къ торжественному молебну въ Успенскій Соборъ. Тамъ, по совершеніи служенія, Патріархъ, всѣ чины и народъ поздравляли Царя съ новорожденнымъ. Такія же поздравленія приносились Государю и во дворцѣ. Здѣсь «*для всемірныя радости*» Государь жаловалъ всѣхъ *водкою*, *медами* и *фряжскими винами*, раздавалъ *коврижки* и *взваръ*, т. е. разныя овощи, вареныя въ патокѣ. Въ тотъ же день Государь совершалъ благочестивые *тайные* выходы по монастырямъ, тюрьмамъ и богадѣльнямъ, *кормилъ* братію, заключенныхъ и нищихъ, т. е. давалъ имъ обѣдъ и изъ собственныхъ рукъ раздавалъ всѣмъ щедрую милостину. Въ тюрьмахъ нерѣдко освобождалъ преступниковъ, особенно сидѣвшихъ за небольшія вины. На другой день въ самомъ дворцѣ, Государь угощалъ *нищію братію* столомъ [1]. Придворныя торжества, по случаю родинъ, заключались *родинным столомъ*. Въ это время, всѣ приглашенные къ столу, при поздравленіи Государя подносили новорожденному *дары*, благословляли его или образомъ или, что случалось чаще, золотымъ крестомъ со св. мощами. Дары же заключались въ серебряныхъ кубкахъ, въ дорогихъ золотныхъ и шелковыхъ матеріяхъ, собольихъ мѣхахъ и въ *золотыхъ*, т. е. червонцахъ иностраннаго чекана. Изъ этихъ даровъ у Новорожденнаго, мало по малу, составлялась особая *казна*. Случалось также, что Государь не принималъ родинныхъ даровъ и *жаловалъ* ихъ обратно приносившимъ. Въ числѣ приглашенныхъ къ столу, кромѣ духовенства и высшихъ сановниковъ, бывали всегда и *выборные посадскіе* люди, изъ всѣхъ болѣе или менѣе значительныхъ городовъ и *земскіе старосты* областей—однимъ словомъ представители всего Русскаго Государства.

День крестинъ назначался въ разное время, смотря по состоянію здоровья новорожденнаго, или по другимъ какимъ причинамъ. Крестили Царскихъ дѣтей обыкновенно въ Чудовомъ монастырѣ и рѣдко въ Успенскомъ Соборѣ. Таинство совершалъ самъ Патріархъ, а иногда Царскій духовникъ. Воспріемниками бывали Патріархъ, или одинъ изъ старшихъ Царевичей, а воспріемникомъ дѣтей Царя Михаила Ѳеодоровича былъ по преимуществу Келарь Троицесергіева монастыря, старецъ Александръ Булатниковъ. Воспріемницами были старшія Царевны, или ближайшія родственницы Царицы. Новорожденнаго везли къ крещенью, смотря по времени года, лѣтомъ—въ *Колымагѣ* или коретѣ, а зимою—въ *каптанѣ* или зимнемъ возкѣ. Впереди шелъ первостепенный бояринъ, въ сопровожденіи отца Царицы, и человѣкъ сорока или пятидесяти дворянъ. Путь кропилъ св. водою, одинъ изъ дворцовыхъ священ-

---

[1] Дворцовые Разряды Т. III, стр. 994.

никовъ. Воспріемница несла новорожденнаго въ храмъ, въ сопровожденіи двухъ ближнихъ бояръ и тридцати боярынь. Если крещенье совершалось съ большимъ торжествомъ, въ присутствіи Патріарха и всего высшаго духовенства, то Государь жаловалъ по этому случаю за крещенье, Патріарху—1500 золотыхъ, митрополитамъ—по 300 каждому, архіепископамъ—по 200, епископамъ и своему духовнику—по 100, соборному протопопу—50, протодьякону—40, ключарямъ—по 30, прочимъ соборянамъ *противъ ихъ годовыхъ окладовъ*, деньгами. На крестинахъ Государь и всѣ лица Царскаго семейства, а также воспріемники благословляли новорожденнаго золотыми крестами со св. мощами (1).

Послѣ крестинъ давался также торжественный чиновный столъ, называвшійся *крестиннымъ*. Столы родинный и крестинный, какъ столы *чиновные*, т. е. церемоніальные, почетные, давались всегда въ грановитой палатѣ. Они отличались отъ другихъ почетныхъ *столованій*, преимущественно тѣмъ, что по окончаніи ихъ, подавали всѣмъ присутствовавшимъ, въ огромномъ количествѣ такъ называемыя *коврижки*, *сахары* или конфекты, разнообразнѣйшихъ формъ, также взвары и разныя другія сласти. Коврижки и сахары, украшавшіе этотъ столъ, изображали гербъ Московскаго государства, города т. е. замки, птицъ, звѣрей и т. п. и вѣсили до двухъ съ половиною пудовъ. Въ это же время Государь давалъ угощенье стрѣльцамъ и народу. Среди царскаго двора выставляли вино, пиво и меды: всякій могъ свободно приходить и пить сколько угодно; не позволялось только уносить питье домой. По свидѣтельству Котошихина въ такіе дни выходило съ Царскихъ погребовъ вина, отъ 400 до 500 ведеръ, а пива и меда тысячи по двѣ и по три ведеръ и больше.

Среди этихъ торжествъ, въ царскомъ семействѣ, на Царицыной половинѣ, происходили обычныя заботы о новорожденномъ; дѣлались распоряженія о всѣхъ подробностяхъ, касавшихся первыхъ дней младенца и вообще его воспитанія.

На *воспитаніе* царевича или Царевны, по свидѣтельству Котошихина, выбирали изъ женъ всякихъ чиновъ,—преимущественно между обывателями Московскихъ дворцовыхъ слободъ,—«*жену добрую и чистую и млекомъ сладостну и здоровую.*» Слово воспитаніе здѣсь употреблено въ первобытномъ его смыслѣ; въ то время оно означало собственно *кормленіе*. При выборѣ кормилицы наблюдалась величайшая осторожность: въ выборъ назначалось иногда болѣе 10 кормилицъ, по особой росписи, съ обозначеніемъ ихъ лѣтъ, ихъ мужей и дѣтей, и наконецъ духовника каждой, который долженъ былъ свидѣтельствовать о нравственности выбранной. Кормилицы, поступая во дворецъ «*присягали Государемъ и ей Государынѣ* (Царевнѣ) *или Государю* (Царевичу) *служити и прямити и добра хотѣти во всемъ, безо всякія хитрости, а лиха ни котораго имъ Государемъ не учинити и не испортити и ее Государыню* (Царевну) *отъ сосца своего кормити съ великимъ береженьемъ и со опасеньемъ, а зелья ли-

(1) Вотъ описаніе крестовъ, которыми въ 1628 году благословили Царевну Пелагѣю Михаиловну. «7136 (1628) Мая въ 1 день Государь Царь и Великій Князь Михайло Ѳеодоровичъ всеа Русіи, пожаловалъ на крестинахъ, благословилъ дщерь Свою Царевну и Великую Княжну Пелагѣю Михаиловну—Крестъ золотъ съ мощми, на немъ Распятіе Господне—литое; въ крестѣ два яхонта лазоревы; два лала; около креста обнизано жемчугомъ большимъ; въ главѣ изумрудъ; около главы на спняхъ, четыре зерна гурминскіе. А въ крестѣ по подписи, мощей: мощи Иванна Предтечи; древо Животворящаго Креста; мощи Якова Перскаго; мощи мученика Прова; мощи архидьякона Стефана; мощи мученика Артемія; мощи преподобнаго Стефана Новаго; мощи Павла Исповѣдника; мощи мученика Евстратія; мощи мученика Иванна Новаго.

Да Царица и Великая Княгиня Евдокѣя Лукьяновна пожаловала на крестинахъ же, благословила дщерь Свою Царевну и Великую Княжну Пелагѣю Михаиловну—Крестъ золотъ съ мощми; на крестѣ Распятіе Господне—рѣзное, въ крестѣ два яхонта лазоревы; два изумруда; около креста и главы обнизано жемчугомъ; межъ главы и креста на спни въ закрѣпкѣ, два зерна гурминскихъ; а по подписи въ крестѣ мощи Іакова Перскаго.

Да Царевну и Великую Княжну Пелагѣю Михаиловну благословилъ Живоначальной Троицы Сергіева монастыря келарь, старецъ Олександръ — Крестъ золотъ съ мощми —чеканное дѣло; на крестѣ Распятіе Господне, во главѣ Святая Троица, по сторонамъ Святая Богородица да Мироносицы, а съ другую сторону: Иванъ Богословъ, Логинъ сотникъ; у крестажъ въ подножіи: Преподобный Сергѣй Радунежскій Чудотворецъ, Изосима, Саватей, а въ крестѣ по подписи мощей: часть Животворящаго древа, Млеко да риза Пречистыя Богородицы; мощи Якова брата Господня; мощи Василія Кисарѣйскаго; мощи Николы Чудотворца; мощи, да срачицы часть Великомученика Пантелеймона; мощи Святаго мученика Якова Перскаго; мощи Преподобныя Марѳы, матери Святаго Семіона Столпника; мощи Іакова Боровицкаго; муро Семіона Серпскаго; часть отъ поручей и аѳора Никиты Епискупа Ноугороцкого; часть аѳорного креста Алексѣя митрополита Московскаго; мощи мученика Ѳедора Тирона; часть патрахели Святаго Іоспфа Презвитера; часть отъ ѳелони Афонасія Великаго Александрійскаго; мощи Святаго Акепсима Епискупа; мощи Преподобные Евдокѣи; мощи Святыя Соломанѣи; мощи Святаго Севиріана; мощи Климонта Папы Римскаго; мощи Антонія Пергамусійскаго; измирно, мощи Преподобнаго Макарія Колязинскаго; часть мантіи Преподобнаго Сергія; часть древа креста поставленіе Зосима и Саватѣя Соловецкихъ Чудотворцовъ». *Приходорасходныя книги Царицыной мастерской палаты.*

хова и коренья въ пьстъ и въ питьи не подати и ни въ какіе ихъ государскіе обиходы не класти и лихихъ волшебныхъ словъ не наговаривать и надъ государскимъ платьемъ и надъ сорочками и надъ портами и надъ полотенцами и надъ постелями и надо всякими ихъ государскими обиходы, лиха никотораго не чинити и т. д.» Поступая во дворецъ, кормилицы получали весь нарядъ до мельчайшихъ подробностей, изъ Царицыной казны. Жалованье имъ назначалось наравнѣ съ казначеями—по 8 рублей въ годъ и кромѣ того столовыхъ или кормовыхъ—по 6 денегъ въ день. По миновапіи кормленія, онѣ получали щедрыя награды. Если кормилица принадлежала къ дворянскому роду, то государь жаловалъ ея мужа—воеводствомъ въ городѣ, или вотчиною. Если она была подьяческаго рода или изъ слободскихъ—ея мужъ получалъ также жалованье немалое, а слобожанинъ навсегда освобождался отъ тягла и податей.

Одновременно съ выборомъ кормилицы составлялся и дворовый штатъ новорожденнаго. Въ мамки назначали *боярыню честную, вдову старую,* преимущественно изъ родственницъ Царицы; въ помощницы ей назначалась няня, также изъ дворянскихъ родовъ. У Царя Алексѣя Михайловича мамами были, одна послѣ другой, воспріемница его боярыня Арина Никитишна Годунова и Ульяна Степановна Собакина. У Царевича Ивана Михаиловича, его бабка по матери Царицѣ, боярыня Анна Константиновна Стрѣшнева; у Царевны Ирины Михаиловны, боярыня княгиня Марья Ивановна Хованская и Ѳедора Ивановна Плещеева; у Царевны Анны Михаиловны, боярыня княгиня Ульяна Васильевна Троекурова, Дарья Ивановна Толстая; у Царевны Татьяны Михаиловны боярыня княгиня Марья Ивановна Пронская, княгиня Анна Лаврентьевна Мещерская (1).

Дѣтская *казна*, т. е. бѣлье, платье и разныя другія вещи, хранились у *казначей*; у каждаго дидяти находилась своя казначея; низшія служительницы назывались *постельницами*; у Царевичей ихъ было по пяти, а у Царевенъ по девяти; должность ихъ объясняется самымъ названіемъ. Кромѣ того при каждой Царевнѣ состояла *комнатная баба*—вѣроятно лекарка, опытная въ уходѣ за дѣтьми. Мамы Царевичей получали годоваго жалованья, по 100 рублей; мамы Царевенъ, отъ 50 до 70; казначеи получали по 8 рублей, постельницы, по 4, а комнатныя бабы, по полтора рубли.

По наступленіи пятилѣтняго возраста Царевичи, съ рукъ мамы, переходили къ *дядькѣ* и вообще съ рукъ женскихъ на руки мужчинъ. Въ дядьки, для *береженія* и *наученія*, назначали по словамъ Котошихина, *«боярина честью великаго, тиха и разумна; а къ нему товарища—окольничаго или думнаго человѣка»*. Впрочемъ при назначеніи въ дядьки, великая родовая честь и санъ боярина, не были еще первымъ, главнѣйшимъ условіемъ для полученія этого званія. Человѣкъ тихій и разумный, имѣлъ болѣе преимуществъ въ этомъ важномъ дѣлѣ, предъ человѣкомъ чиновнымъ и *честнымъ* въ родовомъ смыслѣ. Въ древности дядьки назывались также *кормильцами*.

Въ слуги, то есть въ *спальники* и въ *стольники*, Царевичу выбирали дѣтей бояръ и дворянъ, ровесниковъ ему, по лѣтамъ одполѣтковъ, и преимущественно изъ родственниковъ Царицы. Число ихъ не всегда было одинаково. У Царя Алексѣя Михаиловича стольниковъ было двадцать человѣкъ. Когда эти товарищи дѣтскихъ игръ Государя, достигали совершеннаго возраста и оставались въ прежнихъ должностяхъ, они составляли особый служебный разрядъ, подъ именемъ *комнатныхъ* и *ближнихъ людей*, и находились почти неотлучно при особѣ Государя. Титулъ *комнатныхъ* и *ближнихъ*, они сохраняли даже и тогда, когда жалованы были въ бояре и окольничіе.

Съ своимъ небольшимъ штатомъ или чиномъ дворовыхъ людей, дѣти помѣщались каждый въ особыхъ хоромахъ, обыкновенно деревянныхъ, которыя строились вскорѣ послѣ рожденія дитяти. Такъ въ 1629 году, построены отдѣльные хоромы для Царевича Алексѣя Михаиловича, мѣсяца черезъ три послѣ его рожденья. Въ 1631 году, для Царевны Маріы Михаиловны, вскорѣ послѣ ея рожденія, а въ 1633 году для Царевны Ирины Михаиловны, построены были *новыя избушки*, въ которыя они и перешли на новоселье. Въ 1635 году, для Царевичей Алексѣя и Ивана Михаиловичей, выстроены были особые каменные хоромы, существующіе до нынѣ и извѣстные подъ именемъ *терема*. По обычаю и дѣтямъ

(1) Временникъ Общ. Имп. Д. Р. № 9. Смѣсь, стр. 46.

приносили на новоселье хлѣбъ-соль и *сороки* соболей [1]. Въ этихъ избушкахъ или хоромахъ Царскія дѣти воспитывались весьма уединенно, совершенно скрытыя отъ людскихъ глазъ, не видя сами почти никого, кромѣ своихъ воспитателей и приставниковъ,—служителей. Самыя избушки ихъ ставились въ глубинѣ дворца, среди другихъ внутреннихъ отдѣленій; даже вдали отъ мѣстъ, гдѣ сколько нибудь предвидѣлась опасность въ этомъ отношеніи. Въ противномъ случаѣ самыя окна устроивали такъ, «*чтобъ изъ хоромъ видно было, а съ надворья въ хоромы, чтобъ не видно было*». Съ такою цѣлію въ 1676 году въ хоромахъ Царевича Петра Алексѣевича въ окнѣ по слюдѣ, которая въ то время замѣняла еще стекла,—написанъ былъ красками въ кругу орелъ, а по угламъ травы.

Вообще одною изъ главнѣйшихъ заботъ въ первоначальномъ воспитаніи Царскихъ дѣтей, въ XVII столѣтіи было то, чтобъ какъ можно тщательнѣе скрыть ихъ отъ народныхъ глазъ. Кошихинъ говоритъ, что «*до 15 лѣтъ и больши Царевича видити никто не можетъ, окромѣ тѣхъ людей, которые къ нему уставлены и окромѣ бояръ и ближнихъ людей . . . .*» Онъ описываетъ даже и всѣ мѣры осторожности, какія наблюдались въ этомъ случаѣ при выѣздахъ и выходахъ дѣтей на богомолье или въ загородные дворцы. «*Царевичи въ младыхъ лѣтѣхъ и Царевны, большіе и меньшіе, внегда случится имъ итти къ церкви, и тогда около ихъ во всѣ стороны несутъ суконные полы, что люди зрѣти ихъ не могутъ; также какъ и въ церковь стоятъ, люди видѣти ихъ не могутъ же, кромѣ церковниковъ, а бываютъ въ церковь завѣшаны тафтою; и въ то время въ церковь, кромѣ бояръ и ближнихъ людей, мало иные люди бываютъ. А какъ поѣдятъ молиться по монастыремъ, и тогда каптаны и колымаги ихъ бываютъ закрыты тафтами жъ*». Одного только старшаго Царевича, какъ Наслѣдника Престола всенародно *объявляли*, когда исполнялось ему 13 или 14 лѣтъ. Много причинъ вызвало такую замкнутость, недоступность Царскаго семейства. Причины эти скрываются въ исторіи царскаго быта, въ тѣхъ событіяхъ, среди которыхъ возрастало и укрѣплялось царственное сознаніе первыхъ Московскихъ Государей—Самодержцевъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ народныя вѣрованія и преданія не мало также представляли условій, подъ вліяніемъ которыхъ возникло это неусыпное обереганіе Государевой семьи, доходившее до чрезвычайныхъ подробностей и мелочей.

Впрочемъ обычай скрывать Царевича до извѣстныхъ лѣтъ и потомъ торжественно предъ всѣмъ народомъ объявлять его, получилъ начало вѣроятно не раньше XVII столѣтія и безъ сомнѣнія вызванъ былъ самозванствомъ. Имѣя въ виду и смутное время и неоднократное появленіе самозванцевъ послѣ правительство по необходимости приняло эту политическую предосторожность, желая уничтожить самое основаніе самозванства или тѣ условія, на которыхъ оно непосредственно утверждалось. Такъ по, крайней мѣрѣ толковали этотъ обычай и современники—иностранцы. Коллинсъ говоритъ, что «*Царевича ни народъ, ни дворянство не видитъ прежде пятнадцати лѣтняго возраста; но, достигнувъ этихъ лѣтъ, онъ является передъ народомъ; его носятъ на плечахъ и ставятъ на возвышенное мѣсто на площади, чтобы предохранить Государство отъ самозванцевъ, которые часто Россію безпокоили*» [2].

Приступая къ обозрѣнію различныхъ условій внѣшней стороны воспитанія, гдѣ сосредоточивались заботы и попеченія объ охраненіи здоровья дѣтей и вообще объ ихъ содержаніи, надлежитъ припомнить нѣкоторые древніе обычаи, сопровождавшіе младенческіе лѣта нашихъ благочестивыхъ Царей.

Въ день самыхъ родинъ, даже спустя нѣсколько часовъ послѣ рожденія младенца, Государь приказывалъ писать одному изъ лучшихъ иконописцевъ *мѣру рожденія* дитяти т. е. икону того святаго, въ честь котораго дано было имя. Эта *мѣра рожденія* писалась большею частію на кипарисной *дскѣ*, въ мѣру *роста и объема* новорожденнаго. Такъ въ 1634 году иконописецъ Иванъ Паисеинъ, одинъ изъ первыхъ художниковъ того времени, писалъ мѣру Царевны Софіи Михаиловны. Въ 1672 году іюня 1, иконописецъ Симонъ Ушаковъ писалъ *мѣру, долготу и широту* Царевича Петра Алексѣеви-

(1) Въ описи казны Царевны Ирины Михаиловны записано между прочимъ: «пять сороковъ соболей, по 55 рублей (сорокъ); а взяты тѣ соболи изъ Казанскаго дворца на новоселье, какъ у Государыни Царевны и Великой Княжны Ирины Михаиловны было новоселье въ новой избушкѣ въ 143 (1635) г. августа въ 16 числѣ».—(2) Чтенія въ Имп. Общ. Ист. и Древн. м. 1846. № 1, стр. 16.

ча, въ тезоименитство Апостола Петра, на кипарисной дскѣ длины 11, шириною 3 вершка. Въ 1675 году августа 28, тотъ же Симонъ Ушаковъ писалъ мѣру, долготу и широту Царевны Наталіи Алексѣевны, въ тезоименитство Великомученицы Наталіи, длиною въ 10, шириною въ 3 вершка, на липовой дскѣ. Въ 1690 году марта 12, писана мѣра Царевича Алексѣя Петровича, а 28 іюня мѣра Царевны Ѳеодосіи Іоанновны, дочери Царя Іоанна Алексѣевича и Царицы Прасковіи Ѳедоровны. Иконы эти, богато украшенныя, находились всегда въ дѣтской моленной и по смерти поставлялись надъ гробами. До сихъ поръ эти иконы стоятъ надъ гробами Царской фамиліи въ Архангельскомъ соборѣ и въ Вознесенскомъ монастырѣ. Мѣра рожденія Петра Великаго находится также предъ гробомъ Императора въ Петропавловскомъ соборѣ.

По истеченіи года у дитяти *снимали первые волоски.* Царевнѣ Иринѣ Михаиловнѣ снимала волоски въ это время ея бабушка—Великая старица инока Марѳа Ивановна, что и заставляетъ предполагать, что этотъ обрядъ исполняли только самыя ближайшія родственницы или воспріемники. О послѣднемъ можно заключить также изъ словъ молитвы на *первое стриженіе волосъ* у младенца, которую въ это время говорилъ Царскій духовникъ (1). Молитва эта находится въ требникахъ. По совершеніи обряда особа, снимавшая волоски, благословляла ребенка золотымъ крестомъ съ мощами и дарила какою либо золотною матеріею на платье (2).

Обзоръ внѣшней стороны воспитанія безъ сомнѣнія должно начать съ колыбели. Въ колыбель въ первый разъ ребенка клали съ особою молитвою, которая внесена въ старинные требники; притомъ до крещенья въ колыбель его не клали. Колыбель своимъ устройствомъ походила на *зыбку*, извѣстную и теперь въ простомъ быту. Она состояла изъ пялецъ; къ нимъ прикрѣплялись ремни на которыхъ колыбель и висѣла. Вотъ подробности о древнихъ колыбеляхъ:

Въ 1633 году Царевичу Ивану Михаиловичу сдѣлана колыбель—*длиною полтора аршина, шириною аршинъ 10 вершковъ; обшита колыбель отласомъ золотымъ, по червчатой земль, опахала невелики, въ цвѣтахъ шолкъ лазоревъ, былъ . . . . . У колыбели жъ въ длинныхъ деревьяхъ четыре кольца да пробой и жиковины* (петли) *серебряны золочены. Кромѣ шелковыхъ и золотныхъ матерій колыбели обивались также червчатымъ сафьяномъ. Да въ ту жъ колыбель скроена Царевичу перина да зголовье* (подушка) *изъ камки кармазина червчатаго мелкотравчаго.* Въ набивку въ перину и въ подушку пошло *пуху лебяжьяго* полпуда. Наволочку на перину шили иногда изъ бархата. Иногда вмѣсто перины употребляли *бумажникъ*, или *тюшакъ* бумажный, который набитъ былъ хлопчатою бумагою и поволоченъ тафтою или другою шолковою матеріею. Одѣяла были теплыя и холодныя; теплыя шили изъ золотыхъ матерій и подбивали мѣхами бѣлыми, лисьими, собольими, а иногда горностаевыми; холодныя дѣлались изъ такихъ же золотныхъ матерій, только не подбивались мѣхомъ. Тѣ и другія украшались иногда жемчугомъ и дорогими каменьями. Одѣяло Царевича Князя Алексѣя Михаиловича «*по лазоревой земль рыки и травы золоты, грива* (кайма) *по отласу по червчатому низана жемчугомъ, да въ гривѣ жъ семь яхонтовъ червчатыхъ, да пять лаловъ, да три яхонтика лазоревыхъ, да восемь изумрудовъ, всего 23 камня*».

---

(1) «*7138 года (1630) Марта 22, Государеву духовнику Благовѣщенскому протопопу Максиму 10 аршинъ камки куфтерю желтой, да сорокъ соболей, а пожаловалъ Государь его за молитву, какъ Государю Царевичу Князю Алексѣю Михаиловичу первые волоски снимали, онъ молитву говорилъ.* Расх. Кн. Казен. Приказа.—(2) *7136 года (1628) Апрѣля въ 20 день, Государыня Великая Старица Инока Марѳа Ивановна благословила внуку свою Царевну и Великую Княжну Ирину Михаиловну: крестъ золотъ съ мощми, на немъ распятіе Господне литое, а на крестѣ въ гньздахъ два яхонта, лазоревы, два лала; около креста обнизано жемчугомъ серединнымъ; во главѣ у креста Образъ Спасовъ Нерукотворенный литой, около главы обнизано такимъ же жемчугомъ; въ закрѣпкахъ между креста и главы два зерна гурминскіе на золотомъ спнѣ; а въ крестѣ по подписи мощей: Млеко Пречистыя Богородицы, мощи Іоанна Златоустаго, мощи Апостола Матѳѣя, мощи Анны Матери Богородицы, мощи мученика Акепсима, мощи мученицы Матроны. Да Государыня жъ Великая Старица Инока Марѳа Ивановна пожаловала, дорила внуку свою Царевну и Великую Княжну Ирину Михаиловну: Камку бурскую по серебряной земль круги, а въ кругѣхъ по червчатой земль травы серебрены, въ обводѣ шолкъ лазоревъ; да въ тѣхъ кругѣхъ кружки золоты, а въ кружкѣхъ травы, шолкъ лазоревъ съ червчатымъ шолкомъ; около круговъ въ обводѣ шолкъ лазоревъ, а мѣрою камка девять аршинъ три вершка. А тотъ крестъ и камку отъ Царевны и Великія Княжны Ирины Михаиловны изъ хоромъ выдала Боярыня Княгиня Марья Хованская, а сказала дьяку Суровлину Тораканову, что тѣмъ крестомъ благословила, а камкою дарила Государыня Великая Старица инока Марѳа Ивановна внуку свою Царевну и Великую Княжну Ирину Михаиловну снимаючи съ нея волоски.*—Прих. Расх. Книги Царицыной Мастерской Палаты.

Въ Колыбеляхъ у дѣтей висѣли небольшія иконы и кресты съ частицами мощей, вѣроятно изъ тѣхъ, которыми благословляли дѣтей воспріемники. Въ ризницѣ Московскаго Успенскаго собора сохраняются пять такихъ колыбельныхъ крестовъ, изъ коихъ на одномъ слѣдующая надпись: *Лѣта 7102 (1594) повелѣніемъ благовѣрнаго Государя Царя и Великаго Князя Ѳедора Ивановича всея Руси Самодержца и его благовѣрныя Царицы и Великіе Княгини Ирины, сдѣланъ бысть сей св. крестъ Государынѣ Царевнѣ и Великой Княжнѣ Ѳеодосьѣ въ колыбель*».

Въ колыбеляхъ дѣти спали лѣтъ до пяти, именно до тѣхъ поръ, когда Царевичи переходили съ рукъ женскихъ на попеченіе мужчинъ. Въ это время въ ихъ хоромахъ устроивали имъ особые *чуланы*, т. е. небольшія комнаты, назначаемыя для дѣтской спальни.

Когда дѣти начинали ходить, то въ помощь имъ употреблялся *водильный нагрудникъ*. Вотъ его описаніе: *Нагрудникъ водильной Царевича Ивана Михайловича 1635 года: тафта ала, длина аршинъ безъ полутретья вершка, ширина четыре вершка, водиламъ длина аршинъ съ вершкомъ, ширина водиламъ четыре жъ вершка; по сторонамъ петли, ширина петлямъ четыре жъ вершка*». Положенный на хлопчатой бумагѣ такой водильникъ застегивался шестью золотными пуговками.

Дѣтская одежда почти ни въ чемъ не отличалась отъ одежды взрослыхъ: тотъ же покрой и тѣ же самыя названія. Царевичи носили *шапки, аракчины, тафьи* и *треухи:* все это составляло головной уборъ. На *сорочку* всегда съ богатымъ *ожерельемъ* т. е. воротникомъ, надѣвали *зипунъ*, поверхъ котораго носили *ферези, кафтанъ становой, кафтанецъ, сарафанецъ, кибенякъ, кабатъ* и *чугу*—всѣ кафтаны, различавшіеся только покроемъ; при этомъ второмъ платьѣ употреблялся *кушакъ* или вмѣсто его *тесма*—поясъ. Верхнее платье составляли *платно, опашень, однорядка, ферези ѣздовыя* или *ферезея* и *шуба*. Изъ нижняго платья извѣстны *штаники*, которые кроились иногда вмѣстѣ съ чулками и зимою подбивались мѣхомъ. Чулки весьма рѣдко бывали вязеные: они обыкновенно шились изъ тафты и другихъ легкихъ матерій и на зиму подбивались также мѣхомъ. Къ обуви принадлежали *ичедыки*, родъ чулковъ изъ сафьяна,—башмаки и чеботы или короткіе сапоги. Ичедыки носили съ башмаками. Вообще дѣтская одежда шилась изъ различныхъ шелковыхъ и золотныхъ матерій, богато украшалась золотымъ и серебрянымъ шитьемъ, жемчугомъ и драгоцѣнными каменьями, а зимняя подбивалась дорогими мѣхами. Нужно замѣтить также, что дѣтское бѣлье, полотняное и тафтяное, а равно и платье сохранялось большею частью въ кипарисныхъ ларцахъ.

Весьма любопытно, что кромѣ этого собственно русскаго платья дѣти Царя Михаила Ѳеодоровича носили и *нѣмецкое*. Нерѣдко имъ шили башмаки *на нѣмецкое дѣло;* а въ 1637 году Царевичамъ Алексѣю и Ивану Михаиловичамъ было скроено платье *на нѣмецкое дѣло, епанчи, кафтанцы и штаны*. Выраженіе *на нѣмецкое дѣло*, значитъ по нѣмецкому образцу или просто платье нѣмецкое. Вотъ описаніе нѣмецкаго платья Царевича Ивана: «*епанча бархатъ алъ опушенъ бархамомъ зеленымъ, подложена тафтою зеленою; кругомъ епанчи и по ожерелью круживо нѣмецкое серебряное. Курта нѣмецкая и штаны, атласъ желтъ, круживо по нихъ нѣмецкое серебряное; исподы у курты, пупки собольи, у штановъ черева бѣльи*». Почти въ то же время подобное же нѣмецкое платье было сшито и малолѣтнымъ стольникамъ Царевича Алексѣя Михаиловича Родіону Стрешневу, Василью Голохвастову, Афонасью Матюшкину. «Имъ сдѣлано—три *жюпана*, да трои *пукши* (штаны) *изъ сукна—лундымъ чермно*. Три *епанчи изъ зеленаго лундыма*, три *шляпы нѣмецкія съ серебряными снурами;* троя *рукавицы нѣмецкія перчатыя;* шестеры *чулки гарусные* и пр. Все платье убрано было серебрянымъ круживомъ и множествомъ пуговицъ. Также были одѣты и слуги Царевичей *накрачеи*—музыканты и *металынники*—плясуны, состоявшіе при нихъ для забавъ. Однимъ словомъ въ это время въ нѣмецкое платье одѣтъ былъ почти весь малолѣтный штатъ сыновей Царя Михаила.

Въ дѣтскомъ платьѣ Царевенъ особенно замѣчателенъ по своему богатству, головной уборъ. Какъ Царевны—онѣ носили *вѣнецъ* и *корону*. Вѣнецъ (вѣнокъ) составлялъ собственно княжескій и Царскій дѣвичій головной уборъ. Вотъ описаніе вѣнца, который Царица Евдокія Лукьяновна пожаловала въ 1635 г. пятилѣтней дочери своей Царевнѣ Аннѣ Михаиловнѣ—«*вѣнецъ теремчатъ о десяти верхехъ, дѣланъ по золотой цкѣ* (дскѣ) *травы прорѣзныя съ финифты съ розными; а въ вѣнцѣ въ нижнихъ*

теремахъ въ золотыхъ гнѣздѣхъ три яхонта червчаты гранены, да три яхонта лазоревы, да четыре изумруда гранены, да въ верхнихъ теремахъ въ золотыхъ же гнѣздахъ четыре яхонта червчаты, да три яхонта лазоревы, да три изумруда четвероугольны; около верхнихъ и нижнихъ теремовъ и на низу обнизано жемчугомъ. Поверхъ теремовъ на спинѣхъ десять зеренъ гурмыцкихъ. Подложенъ тафтою червчатою». Въ 1636 году Января 24, Царь Михаилъ Ѳеодоровичь пожаловалъ девятилѣтней Царевнѣ Иринѣ «*вѣнецъ золотъ съ городы, по немъ травы золоты прорѣзныя съ финифты съ розными. У вѣнца въ городѣхъ и межъ городовъ 96 алмазовъ да 109 лаловъ. Накосникъ по цкѣ серебряной золоченой низанъ жемчугомъ большимъ, кисти у накосника также жемчужныя*». Кромѣ того при вѣнцахъ носили еще *поднизи*, покрывавшія затылокъ и всегда низанныя жемчугомъ. У вѣнца Царевны Анны была поднизь «*по отласу по червчатому низана жемчугомъ большимъ и середнимъ, межъ жемчугу звѣздки золоты*».—Въ 1636 году нѣмецкіе художники, работавшіе тогда въ Москвѣ, дѣлали Царевнамъ Иринѣ, Аннѣ и Софьѣ *коруны* серебряныя, украшенныя жемчугомъ и каменьями. При корунахъ надѣвали *рясы*, *рясны* длинныя жемчужныя пряди, которыя прикрѣплялись къ корунѣ по сторонамъ и ниспадали на плеча. Различіе между вѣнцомъ и коруною состояло въ томъ, что первый былъ собственно вѣнокъ, безъ тульи, которая составляла необходимую принадлежность коруны и тѣмъ отличала эту послѣднюю отъ вѣнца. Когда Царевны подростали, то ихъ вѣнцы и коруны передавались другимъ малолѣтнымъ Царевнамъ, передѣлывались и возобновлялись.

Обыкновенный головный уборъ малолѣтныхъ Царевенъ составляли *кика*, *тафья*, *шляпа круглая*, *столбунецъ* (шапка) *шапка лѣтняя съ околомъ* и *шапка высокая лисья, горлатная* или *черевья* т. е. сдѣланная изъ лисьихъ горлъ или череновъ, и наконецъ—*треухъ*. Кика соотвѣтствовала корунѣ и отличалась отъ нея только формою. У Царевны Ирины Михаиловны въ числѣ нарядовъ были: «*Кика отласъ червчатъ, на ней запоны золоты съ каменьемъ съ алмазы съ яхонты и съ изумруды; у подниза зерна гурмыцкіе на золотыхъ спинѣхъ, назади бархатъ черной. Тафья* (небольшая шапочка, покрывавшая темя)—*бархатъ червчатъ, у тафьи напереди запона золота велика четвероугольна репейчата; въ запанѣ алмазы и яхонты червчаты, межъ алмазовъ и яхонтовъ по репьямъ финифты розные, да на той же тафьѣ по сторонамъ и назади три запоны золоты репейчаты съ алмазы;—у тафьи въ верхней и въ нижней каймѣ въ золотыхъ гнѣздѣхъ алмазы и яхонты червчаты и лалы и изумруды обнизаны жемчугомъ середнимъ . . . . верхняя и нижняя кайма и около запонъ обнизана жемчугомъ гурмыцкимъ большимъ.*» Въ казнѣ Царевны Татьяны Михаиловны между прочимъ оказывается *столбунецъ соболій, обнизанъ жемчугомъ съ запаны, въ запанѣ золотой лалы* (1).

Дѣтское платье Царевенъ заключалось въ тѣхъ же предметахъ, какіе были въ употребленіи у взрослыхъ, исключая только *кафтанца*—собственно дѣтской женской одежды, подобной покроемъ мужской того же наименованія. У Царевны Ирины было такихъ—кафтановъ 36, въ томъ числѣ два кафтана Турскихъ. У Царевны Татьяны теплыхъ и холодныхъ кафтановъ было 24. Изъ двухъ Турскихъ кафтановъ Царевны Ирины одинъ подаренъ ей отцомъ—Царемъ Михаиломъ въ 1634 году, когда ей было только шесть лѣтъ и въ то время—«*какъ она Государыня начела учить часы* (часовникъ), онъ описанъ слѣдующимъ образомъ—*кафтанъ Турской, отласъ серебрянъ, по немъ круги шахматные, въ нихъ шелкъ червчетъ да зеленъ, межъ круговъ репьи шолкъ лазоревъ; а въ нихъ шолкъ червчетъ. На вороту 28 кляпышевъ* (пуговицы особой формы) *обдѣланы серебромъ съ шолкомъ съ червчатымъ да съ лазоревымъ, на рукавахъ у запястья по 4 пуговки серебряны; подпушенъ дорогами червчеты*».—Эти кафтаны подобно *телогрѣямъ* и *шубкамъ*, надѣвались всегда на *сорочку*. Ко второму платью, которое носили сверхъ этого, принадлежатъ: *лѣтникъ*, *роспашница* и *кортель*. Лѣтникъ родъ женскаго платья съ длинными и весьма широкими рукавами, которые назывались *накапками*; къ концамъ этихъ рукавовъ, т. е. къ запястьямъ, пришивали *вошвы* изъ золотныхъ матерій, или изъ бархату и отласу, всегда богато низанныя жемчугомъ и усыпанныя драгоцѣнными ка-

(1) Это небольшая шапочка, покрой которой видѣнъ изъ слѣдующей записки: *1631 г. Октября 30, скроена пятилѣтней Царевнѣ Иринѣ—шапочка столбунцомъ соболья, вышина 2¼ вершка, ширина 5¼ вершка; наверху кругъ—камка серебряна по алой землѣ, три вершка съ четью.*

меньями. *Роспашница*—тотъ же лѣтникъ, сдѣланный на роспашку. Она застегивалась спереди пуговками. *Кортелемъ* назывался лѣтникъ зимній, подбитый мѣхомъ. При лѣтникахъ Царевны носили еще *приволоку*, родъ мантильи. Верхнюю одежду составляли лѣтомъ *опашень*, а зимою *шуба*. Съ опашнемъ носили круглое накладное ожерелье изъ собольяго или боброваго мѣха. Обувь Царевенъ, также какъ и Царевичей заключалась въ чулкахъ, ичедыкахъ, башмакахъ и чеботахъ.—Все это разумѣется шилось также изъ богатыхъ шелковыхъ и золотыхъ матерій, а зимнее подкладывалось дорогими мѣхами.

Но не смотря на это богатство, шелковыя и золотыя ткани, дорогіе мѣха, жемчугъ и драгоцѣнные каменья, не смотря на этотъ внѣшній блескъ и великолѣпіе, которымъ дѣти Государя окружены были съ первыхъ дней—соотвѣтственно Царственному ихъ достоинству,—воспитаніе ихъ въ главныхъ существенныхъ чертахъ велось чрезвычайно просто, среди простыхъ, патріархальныхъ обычаевъ благочестивой и благодушной старины, которая не представляла особенно рѣзкаго различія между бытомъ народа и бытомъ Государей. Расходныя записки по случаю богомольныхъ выѣздовъ Царицъ сообщаютъ намъ любопытныя свидѣтельства объ этомъ простомъ, патріархальномъ образѣ воспитанія и жизни въ древнемъ Царскомъ быту. Супруга Царя Михаила Ѳеодоровича Царица Евдокія Лукьяновна весьма часто ѣзжала на богомолье съ своими *Государскими чады*, нетолько въ монастыри Московскіе, но каждогодно и къ Троицѣ въ Сергіевъ монастырь. Въ этихъ походахъ, какъ называли тогда Царскіе выѣзды,—Царица нерѣдко останавливала свой экипажъ и покупала на дорогѣ въ потѣшенье дѣтямъ не только обыкновенныя игрушки но, и всякаго рода плоды и овощи;—все это называлось *потѣхами, потѣшками* т. е. игрушками.

Такъ въ 1633 году января 31, во время выѣзда на богомолье къ Спасу на Новое, Царица Евдокія Лукьяновна выдала боярскимъ дѣтямъ, сопровождавшимъ ее, 32 алтына 2 деньги, «*а они на тѣ деньги купили потѣхи: птичекъ кожанныхъ и баранчиковъ деревянныхъ, и жбанцовъ, и горшечковъ, и мечиковъ, и колокольчиковъ и иныхъ всякихъ потѣхъ, въ хоромы, на потѣху Государскимъ дѣтямъ*». Въ томъ же году ноября 26, когда Государыня возвращалась въ Москву изъ села Покровскаго,—«*выдано торговымъ людямъ, на Покровкѣ, за количики пшеничные здобные, и за тертые и за яблока садовыя и за рѣзань, да за потѣхи: за пѣмки и за коники и за ястребцы и за пѣтушки и за баранчики деревянные, и за коточки мурамленые, и за ножички, черенья съ костьми слоновыми, да за сани и за топорки оловянные, и за иныя за всякія разныя потѣхи 2 руб. 26 алтынъ*». Декабря 15 Царица вторично «*ходила молиться къ Спасу на Новое и по ее Государынину приказу торговымъ людемъ за потѣхи за сани деревянныя рѣзныя и за мужики рѣзные жъ, да за пѣмочки деревянныя, да за баранчикъ, всего 23 алтына 2 деньги. Санки и пѣмочки и баранчикъ взяты въ возокъ къ Государынѣ Царицѣ для потѣхи ихъ Государскихъ дѣтей*».—Въ 1637 году сентября 21, когда Царица поѣхала въ Сергіевъ монастырь,—«*куплено для Государскихъ дѣтей колачиковъ и орѣховъ и ягодъ и моркови и рѣпы на восемь алтынъ*». Сентября 30, при выѣздѣ въ село Покровское, «*по Государынину приказу, по дорогѣ роздано нищимъ и всякимъ бѣднымъ людемъ на милостину 24 алтына да куплено для потѣхи Государскимъ дѣтемъ моркови и рѣпы и орѣховъ на четыре алтына на четыре денги*».

Игрушки и игры Царскихъ дѣтей были весьма разнообразны; свѣденія о нихъ, сообщаемыя тѣми же расходными записками, особенно важны и драгоцѣнны въ томъ отношеніи, что ближе знакомятъ съ замкнутымъ, тѣснымъ кругомъ семейнаго быта Царей, который, какъ уже неоднократно говорено здѣсь, былъ совершенно недоступенъ для современниковъ. Кромѣ того онѣ раскрываютъ новыя, дотолѣ мало извѣстныя стороны древней Русской жизни и вообще представляютъ такія черты, посредствомъ которыхъ пониманіе древняго быта получаетъ болѣе ясности и опредѣленности, характеристика его пріобрѣтаетъ новыя краски, становится несравненно нагляднѣе, живѣе. — Благодаря сохранившимся даннымъ, теперь имѣются довольно подробныя свѣденія объ играхъ и игрушкахъ Царей Алексѣя Михаиловича, Ѳедора Алексѣевича, Петра Великаго, вообще объ играхъ и игрушкахъ Царскихъ дѣтей въ теченіи всего XVII столѣтія. Игрушки покупались обыкновенно въ городскихъ ря-

дахъ, въ *овощномъ* и *потѣшномъ* т. е. игрушечномъ; весьма часто онѣ изготовлялись и дома, дворцовыми мастерами, токарями и живописцами. Въ числѣ игрушекъ Алексѣя Михаиловича упоминаются *птички потѣшныя съ кльтками; потѣшныя домры, рыле, гудокъ*—старинные музыкальные инструменты и пр.; у Ѳедора Алексѣевича—*медвѣдокъ, который бьетъ въ барабанъ, птички, барашки, козлики, потѣшная баба деревянная во всемъ нарядѣ, цымбалы, клувикорты, охтавки* и т. п. свѣденія объ игрушкахъ становятся подробнѣе къ концу XVII столѣтія, но это не даетъ причины думать, чтобъ игрушки были менѣе разнообразны и прежде этого времени. Вотъ упоминанія объ нихъ: *городокъ съ походячими мужичками, собачка съ медвѣдкомъ, строй стрѣлецкій съ барабаны и знамены—лошадка съ мужичкомъ,—охотникъ со звѣремъ, птички съ пискулями,—городокъ съ походячею куклою,—пѣмка, что толчетъ въ ступѣ,—мельница съ толчеями, мельница съ коровками да съ голубями,—бесѣдка что учатца грамотѣ,—полканъ богатырь,—козелки бьются,—псари съ походячими собаками,—бова королевичь,—бесѣдка свадебная,—птицы гриѳъ, сиринъ,—голубъ въ перьяхъ* и пр. Царевичи играли шахматами и картами. Кромѣ шахматовъ упоминаются еще игры, однородныя съ ними *тавлеи, бирки, саки* и *гусиная игра*. Нѣмецкія карты покупались въ рядахъ и приготовлялись дома.—Царевичи тѣшились также спусканіемъ *волчковъ* и *вертушекъ*, гоняли *кубари*, играли *въ тычку* (свайку) и въ мячики, качались на качеляхъ и катались зимою съ горъ въ санкахъ и салазкахъ.

Но гораздо важнѣе и можетъ быть несравненно занимательнѣе для Царевичей были игрушки и игры воинскія. Очень рано, году или двухъ, они садились уже на коня деревяннаго, или потѣшную лошадку, какъ говорили тогда. Въ то же время надѣвали латы и вообще нарядъ воинскій. Разумѣется съ латами и съ воинскимъ нарядомъ соединялись разныя воинскія игры и потѣхи, входившія въ кругъ дѣтскихъ забавъ, по мѣрѣ того какъ укрѣплялись силы и развивались понятія дѣтей. Царевичи били въ барабанъ, стрѣляли изъ луковъ, изъ деревянныхъ *пищалей* (ружей) *пистолей* (пистолетовъ) и даже пушекъ; играли въ *ратный строй* вмѣстѣ съ своими спальниками, стольниками и другими дѣтьми, находившимися при нихъ для услугъ и собственно для потѣхи, для забавъ. Этотъ маленькій ратный строй былъ вооруженъ вполнѣ и носилъ даже знамена *прапоръ*. Все вооруженіе конечно было деревянное, росписанное яркими красками, покрытое золотомъ и серебромъ. Изъ такой потѣшной рати произошли потѣшные Царя Петра, образовавшіе потомъ первые наши гвардейскіе полки (*).

Малолѣтныя Царевны играли разумѣется въ куклы. Въ запискахъ Царицыной мастерской палаты, завѣдывавшей вообще гардеробомъ Царицы, встрѣчаются довольно часто извѣстія о лоскуткахъ, которые подавались въ комнаты Царицы для куколъ. Такъ въ 1629 году записано между прочимъ: «*къ Царицѣ въ хоромы четырнадцать лоскутовъ отласовъ золотныхъ да бархатныхъ разными цвѣты, да лоскутъ камки кармазину червчатой, да лоскутъ тафты лазоревой, аршинъ безъ чети камки китайки, полтора золотника шелку червчатаго да лазоревато;—приняла боярыня Катерина Бутурлина; а въ тѣхъ лоскуткахъ и въ шелку дѣланы Царевнѣ Иринѣ потѣшныя куклы*». Вотъ описаніе нѣсколькихъ потѣшныхъ куколъ Царевны Ирины: «*кукла на кровати зеленой столпчатой лежитъ на перинѣ, одѣта одѣяломъ бархатъ червчатъ, около одѣяла каймы объярь вишнева.—Да двѣ куклы сидятъ въ креслахъ, около ихъ травки червчаты, на травѣхъ цвѣтки бѣлые, головами и руками и ногами шевелятъ.—Двѣ куклы въ двѣ ящикахъ, одна въ липовомъ, а другая въ нѣмецкомъ деревѣ. Да въ двѣ ящикахъ въ черныхъ, въ одномъ сидятъ люди, а въ другомъ птицы*». Царевны Анны Михаловны: «*кукла дѣвка сидячая въ креслахъ зеленыхъ, на ней платно тафта ала. Двѣ куклы спеленаны, одна въ колыбели, а другая безъ колыбели*».—Игрушки Царевенъ были также разнообразны какъ и игрушки Царевичей. Царевны качались также на качеляхъ, катались съ горъ въ санкахъ и играли въ мячики.

Среди игръ и забавъ приходило время садиться и за грамоту. Въ Царскомъ быту дѣти начинали учиться грамотѣ съ пяти лѣтъ. Въ это время какъ уже говорено выше, Царевичи съ рукъ мамы поступали на попеченіе дядьки или по древнему выраженію—*кормильца*,—*боярина честью великаго*,

(*) Подробности объ игрушкахъ и играхъ,—см. домашній бытъ Русскихъ Царей, соч. И. Забѣлина ст. 6 Отеч. Зап. 1854, N 6.

тихаго и разумнаго. Ему поручалось *береженіе и ученіе Царевича* т. е. главный надзоръ вообще за воспитаніемъ. Составъ нашей древней грамотности ограничивался преимущественно книгами св. Писанія, церковно-служебными и учительными и вообще сочиненіями отцовъ церкви. *Книжное ученіе* означало собственно—ученіе книгъ церковно-служебныхъ и вообще Священнаго писанія; ибо кромѣ этихъ книгъ, другихъ небыло.—Этотъ церковно-служебный характеръ древнѣйшей нашей грамотности отразился яснѣе всего въ самомъ составѣ первоначальнаго обученія, именно въ обученіи чтенію, гдѣ за букваремъ или азбукою, слѣдовалъ часословъ и потомъ псалтирь—вѣнецъ древняго словеснаго ученія и полнаго курса первоначальной науки. Безъ сомнѣнія начальное обученіе въ этомъ составѣ въ первый разъ, введено еще для дѣтей, отданныхъ въ *ученіе книжное* св. Владиміромъ. Явившись прежде среди духовнаго чина, какъ первая и необходимая потребность его высокаго служенія, грамотность въ этомъ первобытномъ составѣ отъ духовенства перешла въ народъ, въ кругъ образованія гражданскаго. Здѣсь она водворилась съ тѣмъ же характеромъ догматизма, непреложности и неприкосновенно сохранялась въ теченіи семи столѣтій и сохраняется даже теперь у большой части простаго народа, какъ самый обыкновенный домашній курсъ обученія.—До Петра Великаго эта грамотность, въ своемъ неизмѣнномъ первобытномъ составѣ была распространена по всѣмъ сословіямъ, была общенародною и вездѣ единообразною: дѣти перваго боярина обучались точно также и по тѣмъ же самымъ книгамъ, какъ и дѣти простолюдина; то же самое, хотя и въ большей полнотѣ встрѣчаемъ и въ Царскомъ быту. Въ учители Царевичу выбирали, по выраженію Кошихина, «*людей учительныхъ, тихихъ и небражниковъ*». Выборъ падалъ почти всегда на подьячихъ или дьяковъ; въ то время они конечно были лучшими учителями чтенія и лучшими каллиграфами. Такъ учителемъ Царя Алексѣя Михаиловича былъ дьякъ Василій Прокофьевъ, а учителемъ Петра Великаго—Никита Зотовъ; и тотъ и другой сначала были подьячими. Чистописанію учили обыкновенно подьячіе Посольскаго Приказа, въ которомъ процвѣтала тогда наша старинная, весьма искусная и весьма вычурная каллиграфія. Царя Алексѣя Михаиловича училъ писать подьячій Посольскаго Приказа Григорій Львовъ, а Царя Ѳедора Алексѣевича, подьячій же Панфилъ Тимофеевъ.—Въ запискахъ Крекшина о Петрѣ Великомъ находятся любопытныя подробности о выборѣ въ учители Никиты Зотова—онѣ вполнѣ и очень живо характеризируютъ нашу давнюю старину и значеніе учителя (1).

---

(1) *Егда же Великому Государю Царю Петру Алексѣевичу приспѣ время книжнаго ученія и писанія, аще отъ рожденія бысть пятилѣтенъ, но возрастомъ и остротою разума одаренъ былъ отъ Бога, тогда Великій Государь Царь и Великій Князь Ѳеодоръ Алексѣевичь весьма любяше Государя Царевича Петра Алексѣевича, и зрѣніе ради его, часто приходя ко вдовствующей Великой Государынѣ Наталіи Кириловнѣ и глаголя:—«Яко время приспѣ ученія Царевичу Петру Алексѣевичу». Великая же Государыня проси Великаго Государя, чтобъ сыскать учителя кроткаго, смиреннаго и въдущаго божественное писаніе. И бѣ тогда съ Великимъ Государемъ у Великія Государыни бояринъ Ѳеодоръ Соковнинъ. Оный доносилъ Ихъ Величеству, что имѣется мужъ кроткій и смиренный, и всякихъ добродѣтелей исполненъ, въ грамоть и писаніи искусенъ, изъ приказныхъ, Никита Моисеевъ сынъ Зотовъ. Тогда Великій Государь повелѣ оному Соковнину Зотова представить къ Ихъ Величеству. И рѣченный бояринъ Соковнинъ вельлъ Зотову идти за собою. И пріѣхавъ къ дому Царскаго Величества, ввелъ Зотова въ переднюю и вельлъ ему ожидать; самъ же пойде во внутренніе покои къ Великому Государю и о Зотовѣ донесъ. Великій Государь Царь Ѳеодоръ Алексѣевичь повелѣлъ онаго Зотова къ Его Величеству ввести. Слышавъ же Царское повелѣніе, единъ изъ домовыхъ предстоящихъ людей, вышедъ въ переднюю палату, вопросилъ:—«Кто здѣсь Никита Зотовъ?» Зотовъ же о себѣ объявилъ. — Пришедшій сказалъ: «Государь изволитъ тебя спрашивать, пойди вскорѣ!» Зотовъ же, слышавъ, пришелъ въ страхъ и безпамятство, и не шелъ. Пришедшій же взялъ Зотова за руку, увѣщевая не боятися, глаголя:—«Милости ради Государь тя требуетъ». Зотовъ же просилъ, чтобъ далъ малое время, доколѣ пріидетъ въ память. И мало постоялъ, отворя крестное знаменіе, пойде во внутрь покоевъ къ Царскому Величеству. По пришествіи же Великій Государь Зотова пожаловалъ къ рукѣ. И повелѣ Зотову писать и по писаніи честь книги. И призвалъ Симеона Полоцкаго, мужа премудраго въ писаніи, живущаго при Великомъ Государѣ, Царѣ и Великомъ Князѣ Ѳеодорѣ Алексѣевичѣ, и повелѣ писаніе и чтеніе разсмотрѣть. Симеонъ Полоцкій писаніе разсмотря и слушавъ чтеніе, Великому Государю объявилъ: «яко право того писаніе и глаголъ чтенія».*

«Великій Государь повелѣ оному же боярину Соковнину Зотова отвести къ вдовствующей Великой Государынѣ, Наталіи Кириловнѣ. По вшествіи въ домъ Великой Государыни Царицы Наталіи Кириловны, паки бояринъ Соковнинъ повелѣлъ ожидать въ передней палатѣ. Бояринъ вошедъ внутрь чертоговъ Царскихъ, донесъ Великой Государынѣ Царицѣ Наталіи Кириловнѣ о Зотовѣ. И о семъ реченномъ, слышавъ Великая Государыня, повелѣ Зотова передъ себя ввести. Егда онъ вошелъ, тогда Великая Государыня изволила держать Государя Царевича Петра Алексѣевича за руку, а Зотову изволила говорить: «извѣстна я о тебѣ, что ты житія благаго, божественное писаніе знаешь; вручаю тебѣ единороднаго моего сына. Пріими того и прилежи къ наученію божественной мудрости, и страху божію, и благочинному житію и писанію». Зотовъ же егда слыша сіе, весь обліяся слезами и паде къ ногамъ Великой Государыни, трясяся отъ страха и слезъ глаголя, аньѣль достоинъ пріяти въ хранилище мое толикое сокровище». Великая Государыня повелѣ встати, рече: «пріими отъ руку моею, не отрицайся пріяти.—О добродѣтели бо и смиреніи твоемъ азъ извѣстна.» Зотовъ же

Ученье начиналось разумѣется съ азбуки или букваря. Печатные буквари и азбуки появились въ XVII столѣтіи и можно полагать послучаю обученія Царя Алексѣя Михаиловича. Издателемъ перваго, доселѣ извѣстнаго букваря, былъ Василій Бурцовъ. Но и прежде печатались азбучки на *столбцахъ* (свиткамн). Такъ въ 1633 году дѣдъ Царевича Алексѣя Михаиловича, Патріархъ Филаретъ Никитичь «*благословилъ его*, вѣроятно при самомъ началѣ ученія (Царевичу былъ пятый годъ) *азбукою большая печать, на столбцѣ, указъ и сверху рѣчь* (заглавіе) *золочена*», т. е. напечатана золотомъ. Составъ букварей подчиненъ былъ главному и общему направленію тогдашней грамотности и заключался въ нѣсколькихъ статьяхъ граматическаго ученія и вѣроученія. Характеръ древней педагогіи былъ таковъ, что нельзя было выучиться читать не заучивъ вмѣстѣ съ тѣмъ и всего содержанія азбуки; этому особенно способствовало непрестанное повтореніе задовъ, безъ твердаго знанія которыхъ невозможно было и заглянуть въ новую страницу. Тотъ же характеръ преподаванія, съ твердымъ заучиваніемъ наизусть, переходилъ съ азбуки на часовникъ и за тѣмъ на псалтирь. Дѣти обыкновенно такъ выучивали эти книги, что могли свободно читать ихъ наизустъ. По свидѣтельству Крекшина, Петръ Великій, — «*книжное ученіе толико имѣя въ твердости, что все Евангеліе и Апостолъ наизустъ могъ прочитати*».

Въ народномъ быту первоначальное ученіе оканчивалесь псалтиремъ; въ быту же Государей дѣти послѣ псалтиря учили—апостольское дѣяніе и Евангеліе. Такъ Царь Алексѣй Михаиловичь въ началѣ сентября 1633 года, послѣ азбуки, на седьмомъ уже году, началъ учить часовникъ, за этимъ почти чрезъ шесть мѣсяцовъ слѣдовалъ псалтирь, потомъ чрезъ три мѣсяца апостолъ или апостольское дѣяніе.

Въ то время, когда проходили этотъ курсъ словеснаго ученія, дѣти обыкновенно лѣтъ семи, садились учиться писать. Скорописныя азбуки, которыя служили въ этомъ случаѣ руководствомъ, были писаны всегда столбцомъ,— свиткомъ изъ нѣсколькихъ склеенныхъ листковъ. Въ составъ ихъ входили сначала прописныя и строчныя буквы: *азы*, выписанныя съ особеннымъ тщаніемъ и искуствомъ, съ разными вычурными украшеніями; каждая буква для обозначенія различныхъ почерковъ писалась во множествѣ образцовъ, начиная съ самыхъ большихъ и оканчивая самыми малыми. Каждый рядъ буквъ начинался вычурною и нерѣдко весьма красивою *заставкою* т. е. большою прописною буквою, въ которой травы и узоры переплетались съ изображеніями птицъ и звѣрей. Послѣ буквъ слѣдовали прописи и склады: подъ этимъ заглавіемъ помѣщали иногда *толковую азбуку* – изреченія и апоѳегмы, расположенные въ алфавитѣ по начальнымъ буквамъ и касавшіеся вообще нравоученія, а также и загадки собственно книжныя. Статья эта начиналась всегда слѣдующею молитвою: — *За молитвъ святыхъ отецъ нашихъ, Господи Іисусе Христе сыне Божій помилуй насъ, аминь и пр.*

Впрочемъ составъ древнихъ скорописей или прописей относительно содержанія былъ довольно разнообразенъ. Въ Царскомъ быту скорописныя азбуки украшались всегда съ большимъ великолѣпіемъ красками и золотомъ. У Царевича Ивана Михаиловича была—«*азбука велика на столбцѣхъ, писана золотомъ съ красками, писмо золотописца Павла*».

Кромѣ чтенія и письма въ составъ первоначальнаго обученія входило также и церковное пѣніе. Царь Алексѣй Михаиловичъ на восьмомъ году, *началъ учити охтай* (октоихъ или осмогласникъ), заключающій въ себѣ вседневныя церковныя службы, а на десятомъ году *страшное пѣніе*, то есть стихи и пѣсни страшной седмицы. Его учили пѣвчіе дьяки Лука Ивановъ, Иванъ Семіоновъ, Михаила Осиповъ. Въ казнѣ Царевича хранились, кромѣ того *стихирали* и *тріоди знаменныя* т. е. церковной службы пѣсни и стихиры, писанныя *подъ знамя*, крюковыми нотами. Эти стихирали и тріоди Царевичъ разучивалъ или распѣвалъ при помощи пѣвчихъ дьяковъ—своихъ учителей.

возста, лежа у ногъ, помышляя свое убожество. Великая Государыня возстати повелѣ и пожаловала Зотова къ рукѣ и повелѣ Зотову быть наутріе для ученія Государя Царевича Петра Алексѣевича.

Наутріе Зотовъ приде въ домъ Царскій къ Великой Государынѣ, Царицѣ и Великой Княгинѣ Наталіи Кириловнѣ. Тогда же изволилъ прибыть и Великій Государь, Царь и Великій Князь Ѳеодоръ Алексѣевичь, пріиде же и Святѣйшій Патріархъ. Сотворя обычное моленіе, окропя блаженнаго отрока святою водою и благословивъ, вручи Зотову. Зотовъ же пріявъ Государя Царевича, посадя на мѣсто, сотворя Государю Царевичу земнопоклоненіе, нача ученіе.—Записки Русскихъ людей, изд. Сахаровымъ. Записки Крекшина, стр. 19—20.

Начальное обученіе Царевенъ велось въ томъ же порядкѣ и въ такомъ же объемѣ, но только съ тою разницею, что ихъ обучали женщины—*учительницы — мастерицы*. Учительница состояла въ дворовомъ штатѣ Царицы и получала въ годъ по окладу—жалованья 8-мь рублей и кормовыхъ—по 6-ти денегъ на день. Въ 1642 году Царевну Татьяну Михаиловну обучала грамотѣ *мастерица* Марья. Въ концѣ XVII столѣтія учительницами были Варвара Лыгова и Ѳедора Петрова. Предметы обученія у Царевенъ были тѣ же, что и у Царевичей. Въ 1634 году Царь Михаилъ Ѳеодоровичъ пожаловалъ шестилѣтней Царевнѣ Иринѣ Михаиловнѣ турской кафтанъ,—*какъ она Государыня начала учить часы*—т. е. часовникъ. Въ расходныхъ запискахъ 1643 года упомянуто, что семилѣтняя Царевна Татьяна Михаиловна, 19 іюня, слушала молебенъ—«*въ ту пору, какъ ей Государынь начали учить заутрени*, т. е. продолженіе часовника.

Такимъ образомъ полный курсъ начальнаго обученія заключалъ въ себѣ, какъ здѣсь объяснено: 1) *Словесное* т. е. чтеніе, 2) *письмо* и 3) *пѣніе*.—Дальнѣйшее образованіе въ гражданскомъ быту не составляло уже существенной, неизбѣжной потребности и принадлежало, такъ сказать, къ роскоши; по этому оно не имѣло еще ничего опредѣленнаго и всегда условливалось большею или меньшею любознательностью лица, которое, неудовлетворяясь первоначальнымъ курсомъ книжнаго ученія, само ужъ избирало тотъ или другой путь своего самообразованія, тѣ или другія книги для удовлетворенія своей любознательности; но во всякомъ случаѣ общій, господствующій характеръ образованія былъ церковный, служебный, учительный или историческій. Впрочемъ въ царскомъ быту описанное начальное обученіе было пополняемо другими предметами, имѣвшими чисто-гражданскій и при томъ практическій характеръ. Дѣти Государя, проходя описанный курсъ ученія, въ то же время знакомились посредствомъ картинокъ съ отечественною исторіею и со многими предметами вседневной жизни, то есть, съ полезными занятіями селянина, ремесленника, промышленника и т. п. Вообще нужно замѣтить, что обученіе посредствомъ картинокъ было весьма обыкновеннымъ пріемомъ нашей древней педагогіи и составляло лучшую и единственную ея сторону, которая своимъ практическимъ, дѣйствительнымъ смысломъ выкупала всю односторонность и всѣ недостатки остальной науки.

Въ царскомъ быту обученіе картинками имѣло свой правильный составъ; оно заключалось въ *царственныхъ* и *потѣшныхъ* книгахъ. Отечественную исторію дѣти узнавали изъ *царственныхъ книгъ*, которыя заключали въ себѣ изложеніе отечественныхъ лѣтописей, составленное преимущественно для картинокъ и украшенное ими во множествѣ, такъ что самый текстъ царственныхъ книгъ въ сущности составлялъ только подписи къ рисованнымъ изображеніямъ. Царственныя книги, хотя и не вполнѣ, сохранились до нашего времени и были изданы въ прошедшемъ столѣтіи Кн. Щербатовымъ, подъ названіемъ собственно *Царственной книги*, Спб. 1769,—*Царственнаго лѣтописца*, Спб. 1772,—и *Древняго лѣтописца*, въ 2 частяхъ, Спб. 1774. Все это составляло нѣкогда одно цѣлое и служило, какъ книга Царственная, превосходнымъ руководствомъ для дѣтей, которыя по картинкамъ наглядно изучали здѣсь Русскую Исторію, знакомились съ замѣчательными событіями, съ замѣчательными лицами нашей древности.

Безъ всякаго сомнѣнія изданныя Кн. Щербатовымъ Царственныя книги были употреблены Зотовымъ при обученіи Петра Великаго. О царственныхъ книгахъ упоминается еще въ 1639 году, именно о нѣсколькихъ частяхъ такой книги, отданныхъ для исправленія иконописцамъ оружейной палаты, и составленныхъ вѣроятно для обученія Царя Алексѣя Михаиловича.

Къ отдѣлу царственныхъ книгъ должно отнести и нѣкоторыя сочиненія духовнаго и церковно-историческаго содержанія, напр. *Житія Святыхъ* и др., которыя также великолѣпно украшались картинками, или писались въ лицахъ и служили для назидательнаго чтенія, какъ дѣтямъ, такъ и взрослымъ. Въ 1674 году въ хоромы Царевны Ирины Михаиловны расписана была книга—*начатокъ о сотвореніи свѣта*.

Потѣшныя книги были двухъ родовъ. Словомъ *Потѣшный*, предки наши обозначали не только всѣ тѣ предметы, которые служили для забавы, развлеченія, увеселенія, но даже и многіе изъ тѣхъ, которые не принадлежали къ главному, т. е. церковному направленію тогдашняго образованія. Однѣ

потѣшныя книги представляли нѣчто похожее на живописную энциклопедію, содержаніе которой условливалось небогатыми средствами тогдашняго образованія; но по своему здравому направленію эти книги занимаютъ, по нашему мнѣнію, первое мѣсто въ кругу тѣхъ скудныхъ пріемовъ древней педагогіи, которые употреблялись въ первоначальномъ обученіи. Изъ этихъ книгъ малолѣтные Царевичи почерпали простыя, но въ высшей степени полезныя свѣденія о самыхъ простыхъ, ежедневныхъ предметахъ, даже о такихъ, которые можетъ быть, не всегда могли бы и встрѣтиться имъ въ жизни. Напримѣръ о томъ, какъ пашутъ, боронуютъ, сѣютъ, жнутъ, какъ мѣсятъ и въ печь сажаютъ хлѣбы и т. д. Разумѣется духъ тогдашняго образованія отражался и здѣсь и вносилъ въ эти книги, вмѣстѣ въ изображеніями *морскаго человѣка* и *морской дѣвицы*, разныя басни и разсказы о чудесахъ, которыя почерпались изъ древнихъ космографій.—До насъ не дошли подлинники этихъ потѣшныхъ книгъ, или по крайней мѣрѣ до сихъ поръ они еще не открыты; но за то мы можемъ имѣть самое подробное свѣдѣніе о нихъ изъ описанія одной такой книги, приготовленной для одиннадцатилѣтняго сына Царя Алексѣя Михаиловича—Царевича Алексѣя Алексѣевича, въ 1664 году. На первомъ листѣ былъ изображенъ *орелъ пластаный* (двуглавый) *въ клеймѣ*. Книга начиналась рисунками военнаго быта съ его подробностями, которыя распространялись даже до того,—какъ плетутъ шанецъ, осыпь дѣлаютъ и пр. Затѣмъ она изображала городъ и предметы гражданскаго быта, птичью охоту и различныхъ птицъ и звѣрей, замѣчательныхъ въ естественномъ отношеніи или полезныхъ въ быту человѣческомъ. Потомъ слѣдовали изображенія моря съ кораблями и китовымъ промысломъ, рѣка и ловля жемчугу и наконецъ судна военныя, дающія понятіе о флотѣ. Далѣе этнографическій отдѣлъ, въ которомъ однакожъ большая часть рисунковъ была составлена только для изображенія нарядовъ или одежды. Въ картинкахъ, помѣщенныхъ послѣ этого отдѣла, представлена звѣриная и псовая охота. Книга заключалась изображеніями, относящимися къ сельскому хозяйству и статьею о дѣтяхъ, ихъ ученьи и забавахъ, на пр. «*Дѣти учатся грамотѣ. Дѣти предъ мастеромъ* (учителемъ), *стоятъ. Дѣти мастеру кланяются. Дѣти за столомъ ѣдятъ. Дѣти въ саду гуляютъ. Дѣти яблоки и виноградъ щиплютъ. Дѣти кругъ катаютъ и пр.*»

Другаго рода потѣшныя книги имѣли цѣлію доставить дѣтямъ легкое и интересное чтеніе. Поэтому сюда входили разныя исторіи и повѣсти, извѣстныя подъ именемъ сказокъ; повѣсти эти были писаны почти всегда въ лицахъ, то есть съ картинками. Образцами и памятниками ихъ могутъ служить такъ называемыя лубочныя сказки. Едвали не всѣ эти сказки и были въ XVII столѣтіи потѣшными книгами, представляя въ Царскомъ быту одно изъ самыхъ обыкновенныхъ развлеченій, не только для дѣтей, но и для взрослыхъ. Это вполнѣ подтверждается извѣстіемъ, что въ 1693 году, для Царевича Алексѣя Петровича написаны были потѣшныя книги въ лицахъ—о *Петрѣ Златые ключи* и о *Бовѣ Королевичѣ*. Сказки эти въ лубочныхъ изданіяхъ пользуются и теперь въ народѣ огромною извѣстностію.

Совершенно неизвѣстно входили ли въ составъ первоначальнаго образованія грамматика, *счетная* или *цифирная мудрость*, называвшаяся также *ариѳмословіемъ*, всеобщая исторія (въ хронографахъ), географія (въ космографіяхъ) и языки иностранные. Рейтенфельсъ дѣлаетъ слѣдующій очеркъ первоначальнаго образованія въ Царскомъ быту:

«*Изящными (то есть свободными) науками Царскія дѣти незанимаются, кромѣ энциклопедическихъ познаній о предметахъ политическихъ; за то весьма тщательно изучаютъ (кромѣ чтенія и письма на отечественномъ языкѣ) состояніе своего государства и сосѣдственныхъ державъ, духъ и потребности подвластныхъ народовъ, различающихся языкомъ и нравами; пріучаются любить и уважать отечественные обычаи и неуклонно слѣдовать правиламъ религіи. Долгъ справедливости требуетъ сказать, что этотъ скромный и по видимому простой образъ воспитанія Царскихъ дѣтей въ Россіи даетъ имъ прекрасное направленіе и гораздо полезнѣе, нежели изученіе всѣхъ тайнъ философіи и уроки самыхъ глубокомысленныхъ учителей*» [1]. Въ отношеніи иностранныхъ языковъ

---

[1] Журн. Мин. Нар. Пр. 1839, Іюль, 10.

Кошихинъ говоритъ положительно, что, «*кромѣ русскаго, никакимъ инымъ языкамъ ученія въ Россійскомъ Государствѣ не бываетъ*». Есть впрочемъ данныя, по которымъ можемъ заключать, что при Царѣ Алексѣѣ Михаиловичѣ и иностранные языки и нѣкоторые изъ свободныхъ наукъ не были изъяты изъ первоначальнаго образованія его сыновей, именно Царевича Алексѣя Алексѣевича, въ жизнеописаніи котораго будетъ упомянуто объ этомъ предметѣ. Заключая этотъ обзоръ начальнаго образованія въ Царскомъ быту, можно повторить снова, что дальнѣйшее образованіе не составляло существенной неизбѣжной потребности, неимѣло никакого опредѣленнаго состава и пріобрѣталось только чтеніемъ разныхъ книгъ, смотря по направленію любознательности того лица, которое стремилось расширить кругъ своего самообразованія.

Теремная, скрытая жизнь для сыновей Государя, прекращалась на четырнадцатомъ году [1]. Въ это время Царевича всенародно *объявляли* или *оказывали* всему міру. Это *доброе, благодатное дѣло* совершалось съ особеннымъ торжествомъ и обыкновенно въ день новолѣтія, то есть перваго сентября. Послѣ молебнаго служенія о новолѣтіи, совершаемаго по особому чиновнику, патріархъ *здравствовалъ Государю* рѣчью, т. е. поздравлялъ его съ новымъ годомъ, Государь поздравлялъ Патріарха также рѣчью. Потомъ Царевичъ говорилъ поздравительную рѣчь Государю – отцу своему—*ставъ прямо лицу его*. Государь отвѣчалъ наслѣднику рѣчью *благопоказательною* и *благословенною*, обнималъ его и цѣловалъ въ голову. Послѣ сего Государя и Царевича поздравляли духовныя власти, бояре и прочіе сановники. Торжество заключалось *большимъ* многолѣтіемъ. Праздничный столъ давался въ грановитой палатѣ, гдѣ Государь щедро дарилъ Патріарха и духовенство. Щедрыя награды объявлялись также и всѣмъ сановникамъ и всему *служилому сословію*. На другой день разсылали извѣстительныя грамоты во всѣ города, съ повелѣніемъ «*чести тѣ грамоты всякимъ служилымъ людямъ и всякимъ градскимъ людямъ во всѣхъ городѣхъ, чтобы ихъ Государская всемірная радость всѣмъ имъ была вѣдома*». Со времени этого торжественнаго, всенароднаго объявленія, Царевичъ являлся уже на всѣхъ Царскихъ выходахъ и выѣздахъ вмѣстѣ съ Государемъ—открыто, участвовалъ въ посольскихъ аудіенціяхъ и во всѣхъ церемоніалахъ и торжествахъ.

Образъ жизни Царевенъ непзмѣнялся и съ наступленіемъ ихъ совершеннолѣтія. Выше было уже замѣчено, что на Царицыной половинѣ существовалъ свой кругъ быта,—никому не видимый, никому недоступный. «*Изъ тысячи придворныхъ чиновъ*» говоритъ Мейербергъ, «*едвали найдется одинъ, который бы по справедливости могъ сказать, что онъ видѣлъ супругу Государя, его сестеръ или дѣтей. Изъ сего недѣлается даже изъятія для врача, ибо когда однажды, по случаю болезни Царицы, нужно было призвать его, то, прежде нежели ввели его въ ея комнату, завѣсили плотно всѣ окна, дабы не могъ онъ видѣть высокую больную; когда же надобно было ему пощупать пульсъ ея, то наперед окутали руку ея тонкимъ покрываломъ, дабы не допустить его непосредственно къ оной прикоснуться. Когда Царица или Царевны выѣзжаютъ для прогулки на свѣжемъ воздухѣ, то это дѣлается неиначе какъ въ каретѣ или саняхъ (смотря по времени года), кругомъ плотно закрытыхъ; въ церковь же ходятъ онѣ чрезъ особую галлерею, изъ дворца проведенную и со всѣхъ сторонъ совершенно закрытую*» [2].

Хоромы Царевенъ, по преимуществу деревянныя, стояли въ глубинѣ дворца; въ Кремлевскомъ дворцѣ линія ихъ тянулась отъ Государева терема, подлѣ Патріаршаго двора и поворачивала къ Троицкимъ Кремлевскимъ воротамъ. Здѣсь на сѣняхъ у Царевенъ: Ирины и Татьяны Михаиловенъ, стояла отдѣльная домовая ихъ церковь во имя Спасова Нерукотвореннаго образа, надъ трапезою которой въ 1680 году, построенъ былъ другой храмъ во имя Успенія Богородицы, сообщавшійся съ верхними этажами хоромъ, въ которыхъ жили младшія Царевны. У каждой Царевны, младшей и взрослой, было свое отдѣльное помѣщеніе, состоявшее изъ *сѣней*, *передней* (пріемной), *средней* (столовой), *крестo-*

[1] Царевичъ Алексѣй Алексѣевичъ, родившійся 5 Февраля 1654 года, былъ объявленъ всенародно 1 Сентября 1667 года. Царевичъ Ѳеодоръ Алексѣевичъ, родившійся 30 Мая 1661 года, былъ объявленъ 1 Сентября 1674 года. *Дворцовые Разряды* Т. III, стр. 399, 859, 973. Дополненія къ этому тому Дворц. Разр. стр. 271 см. жизнеоп. Царевича Алексѣя Алексѣевича и Царя Ѳеодора Алексѣевича въ этомъ изд.—[2] Баронъ Мейербергъ и путешествіе его по Россіи. С.-Пб. 1827 стр. 236.

вой (моленной), *спальной*, которую замѣнялъ нерѣдко *чуланъ* (альковъ), *стряпущей*, гдѣ былъ гардеробъ и гдѣ справлялись всѣ домашнія работы. Въ нижнемъ этажѣ находилась *мыленка* (баня) и *подклеты*, въ которыхъ жили постельницы, богомолицы и другія лица дворового штата Царевенъ. Верхній этажъ составлялъ всегда одну свѣтлую просторную комнату, которая называлась *чердакомъ* или собственно *теремомъ*. Въ теремѣ Царевны безъ сомнѣнія проводили большую часть свободнаго времени, среди развлеченій и увеселеній, соотвѣтственныхъ тогдашнему времени и тогдашнимъ вкусамъ. Подлѣ этихъ хоромъ, въ отдѣльно стоявшихъ *избушкахъ*, жили: *дворовыя боярыни*, *крайчіи*, *казначеи*. Хоромы Царевенъ однакожъ небыли обширны и по внутреннему убранству и украшеніямъ походили болѣе на кельи. Такъ, въ *крестовыхъ*—всѣ стѣны были уставлены иконами, здѣсь совершалось каждодневное богомолье, *крестовыми попами* и *крестовыми дьяками* (конархистами). Стѣны обивались сукномъ или шелковыми матеріями, преимущественно зеленыхъ цвѣтовъ. Полъ также покрывался сукномъ зеленымъ или краснымъ, у стѣнъ вмѣсто стульевъ были лавки, покрытыя суконными *полавошниками*. Лучшимъ украшеніемъ комнатъ была живопись, которою покрывались стѣны и потолки. Общее направленіе воспитанія и грамотности, о которомъ говорится выше, отражалось и въ этихъ комнатныхъ украшеніяхъ. Содержаніемъ для нихъ служили *библейскія притчи* и *церковныя бытія*. Въ 1688 году передняя Царевны Татьяны Михаиловны была украшена слѣдующимъ образомъ—на стѣнахъ живописцы изобразили *притчу о Мелхиседекѣ* и въ приличныхъ мѣстахъ написали *ленчавты* (ландшафты) и *цвѣтныя травы* то есть букеты цвѣтовъ. На потолкѣ они изобразили *звѣздотечное небесное движеніе*, это было изображеніе зодіака. Для большаго знакомства съ украшеніями этого рода, должно упомянуть здѣсь о стѣнописи въ каменныхъ хоромахъ дочерей Царя Алексѣя Михаловича, построенныхъ въ 1685 году. Почти всѣ изображенія въ этихъ комнатахъ, за исключеніемъ нѣкоторыхъ Царскихъ и великокняжескихъ *персонъ* (портретовъ), были взяты изъ исторіи новаго завѣта и нѣкоторыя изъ жизни Пресвятой Дѣвы; напр.—*Какъ жила Пресвятая Богородица въ церкви Соломоновѣ; когда бѣжае во Египетъ съ Превѣчнымъ младенцемъ и со Іосифомъ и впаде въ разбойники; когда Пресвятая Богородица молилася на горѣ Масличной* и пр., но среди всѣхъ другихъ изображеній главное мѣсто занимали *Господни страсти—приведеніе къ Ироду*, *приведеніе къ Пилату*, *бичеваніе у столпа*, *Господь несетъ крестъ на Голгоѳу* и т. д. Господни Страсти—были однимъ изъ самыхъ уважаемыхъ предметовъ живописи въ концѣ XVII столѣтія. Самое размѣщеніе священныхъ изображеній не дѣлалось безъ мысли и особаго благочестиваго намѣренія. Нерѣдко они соотвѣтствовали даже мѣсту, гдѣ были написаны. Такъ напримѣръ, въ *крестовой* Царевны Софіи Алексѣевны, на стѣнѣ у входа въ ея спальню, которая носила общее для того времени названіе *чулана*, изображено было *моленіе Царя Давида: ставъ на одрѣ своемъ глаголя: Господи—слезами моими постелю мою омочу*. Въ той-же комнатѣ, подлѣ этого изображенія, была написана притча: *Душа чиста, аки дѣвица преукрашена всякими цвѣты, стоитъ превыше солнца, луна подъ ногами ея* и пр. (1).

Если такова была внѣшняя сторона женскаго быта въ Царскомъ Дворцѣ и особенно быта Царевенъ, то легко представить и другую, внутреннюю сторону ихъ быта, сторону мысли и подвиговъ. Съ ранней молодости, какъ только Царевны оставляли отроческія забавы и игры,—жизнь ихъ становилась благочестивымъ обрядомъ: время шло, жизнь текла по преимуществу въ подвигахъ благочестія и набожности. Вотъ дѣянія и событія этой жизни: каждодневныя утреннія и вечернія молитвы дома, каждодневные выходы въ церковь, богомольные выѣзды въ монастыри, каждый годъ весною или осенью богомольный *походъ* къ Троицѣ, строгое соблюденіе всѣхъ уставовъ церкви, строгіе посты, щедрая непрестанная раздача милостины въ церкви и монастыри и особенно нищимъ, изъ которыхъ избранныя—женскаго пола, подъ именемъ *верховыхъ* (придворныхъ) *богомолицъ*, жили даже постоянно при комнатахъ Царевенъ. Кромѣ того въ извѣстные дни года, Царевны совершали семейные поминки по родителяхъ и кормили по этому случаю у себя въ комнатахъ нищихъ и всякихъ бѣдныхъ людей. Самыя рукодѣлія Царевенъ посвящались также божьимъ храмамъ. Вмѣстѣ съ комнатными дѣ-

(1) См. домашній бытъ Русскихъ Царей ст. 2 въ От. Зап. 1851 соч. Забѣлина т. LXXVIII. отд. 11.

вушками—боярышнями и сѣнными дѣвушками—мастерицами, они вышивали золотомъ и серебромъ, низали жемчугомъ и каменьями: священныя облаченія, плащаницы, хоругви, пелены къ образамъ, пскровы на гробы и другіе подобные предметы, по обѣщанію—за здравіе и за упокой своихъ близкихъ. Въ многихъ, болѣе значительныхъ монастыряхъ и теперь еще сохраняются эти памятники благочестиваго трудолюбія Царевенъ, хотя и безъ преданій, когда и по какому случаю они были внесены въ церковь. И не одними только женскими рукодѣліями Царевны украшали храмы, нерѣдко они собственными руками трудились надъ списываніемъ Евангелій, Псалтирей и другихъ церковныхъ книгъ, которыя также полагали въ церковь по обѣту или на память по душѣ родителей. Въ монастырѣ Саввы Сторожевскаго хранится и теперь Евангеліе, писанное, по преданію, Царевною Татьяною Михаиловною; въ Московской Оружейной Палатѣ сохраняется Акаѳистъ, писанный Царицею Наталіею Кириловною. Такимъ образомъ и мысль и трудъ и желанія—все посвящено было церкви и дѣламъ богоугоднымъ. Немного времени оставалось для развлеченій мірскихъ, которыя также управлялись общею мыслію, были кротки и тихи, и дѣлились между занятіями хозяйственными и простыми обычными забавами, общими въ то время и для Царскаго и для народнаго быта. Лѣтомъ разнообразили эту кроткую жизнь выѣзды въ загородные дворцы—Царскіе хутора, гдѣ Царевны проводили время въ прогулкахъ и въ наблюденіяхъ за садоводствомъ и нѣкоторыми сельскими работами.

Вотъ общія подробности младенчества, воспитанія и образа жизни Царскихъ дѣтей въ XVII столѣтіи; теперь остается описать частности, каждаго изъ нихъ касающіяся, которыя къ сожалѣнію заключаются почти всѣ въ однихъ только хронологическихъ указаніяхъ.

ЦАРЕВНА
И
ВЕЛИКАЯ КНЯЖНА
ИРИНА МИХАИЛОВНА

Старшая дочь Царя Михаила Ѳеодоровича, родилась 22 апрѣля 1627 года. Крещеніе совершено было въ Чудовомъ монастырѣ 6 мая, духовникомъ Государя, Благовѣщенскимъ протопопомъ Максимомъ, въ присутствіи Государя и отца Государева—Патріарха Филарета Никитича. Воспріемниками были келарь Троицесергіева монастыря—Александръ Булгаковъ и бабка Царевны по матери—Анна Константиновна Стрѣшнева, супруга Лукьяна Степановича Стрѣшнева. Въ тотъ же день былъ и крестинный столъ въ золотой палатѣ [1].

Важнѣйшимъ событіемъ въ жизни Царевны Ирины было сватовство за нея Датскаго Королевича Волдемара, сына Короля Христіана IV.—Въ первый разъ Королевичь пріѣхалъ въ Москву въ августѣ 1641 года, посломъ отъ своего отца. Царь Михаилъ Ѳеодоровичь, по всему вѣроятію, уже въ это время задумалъ выдать дочь свою за *добророднаго* и *высокорожденнаго* Королевскаго сына. Начались переговоры. Въ 1642 году Государь послалъ къ Королю предложеніе съ окольничимъ Проѣстевымъ. Посольство однакожъ кончилось весьма неудовлетворительно. Проѣстевъ не съумѣлъ повести дѣло и не могъ дать положительнаго отвѣта, когда спрашивали его объ отношеніяхъ, въ какихъ будетъ находиться Королевичь къ Царскому дому. Недовольный этимъ посольствомъ, Государь поручилъ дѣло Гамбургскому гостю Петру Марселину, который и привелъ переговоры къ желаемому концу [2].

Въ генварѣ 1644 года Королевичь Волдемаръ снова прибылъ въ Москву, но уже не посломъ, а женихомъ, котораго встрѣтили и приняли съ необыкновеннымъ торжествомъ и почестями. По обы-

---

[1] Дворцовые Разряды, т. 1 стр. 913 и слѣд.—[2] См. Берха: Царствованіе Царя Михаила Ѳеодоровича т. 1 стр. 288 и слѣд. и Царствованіе Царя Алексѣя Михаиловича т. 1 стр. 24, 29.

чаю, почетныя встрѣчи дорогому гостю были высланы еще на границу, потомъ его встрѣчали во Псковѣ, Великомъ Новгородѣ, Твери и наконецъ 21 генваря подъ Москвою.

28 генваря Государь принималъ Королевича въ Грановитой Палатѣ. Кромѣ обыкновенныхъ почетныхъ встрѣчь, на крыльцѣ и въ сѣняхъ, Царевичь Алексѣй Михаиловичь встрѣтилъ его среди Палаты и шелъ съ нимъ вмѣстѣ къ Трону. Самъ Государь встрѣтилъ Королевича, сойдя со ступеней Царскаго мѣста. Волдемаръ привѣтствовалъ Государя рѣчью и поднесъ дары (1). Послѣ рѣчи Государь, принявъ Королевича, посадилъ подлѣ себя по правую сторону въ креслахъ. Царевичь Алексѣй Михаиловичь сѣлъ также въ креслахъ по лѣвую сторону Трона. Пріемъ заключился почетнымъ столомъ, послѣ котораго Государь щедро одарилъ Королевича (2).

Волдемаръ стоялъ во дворцѣ Царя Бориса Годунова, возобновленномъ и убранномъ по этому случаю съ особеннымъ великолѣпіемъ. Съ самаго пріѣзда въ Москву, Датскій Принцъ пользовался особеннымъ уваженіемъ и почестями, какъ будущій зять Государя. По свидѣтельству иностранцевъ: Царь Михаилъ сказалъ Принцу—ты замѣнишь мнѣ потеряннаго сына (Царевича Ивана Михаиловича, умершаго въ 1639 году). Еще во время переговоровъ обѣщано было, что Волдемаръ будетъ пользоваться въ Россіи совершенною свободою, одинаковою степенью уваженія съ старшимъ сыномъ Царя—Царевичемъ Алексѣемъ и получитъ титулъ князя Суздальскаго и Ярославскаго. Государь нѣсколько разъ самъ лично посѣщалъ Королевича, приходя къ нему на Царе-борисовскій дворъ закрытыми переходами.

Послѣ торжествъ начались переговоры о бракѣ, но они остановились на первомъ и самомъ главномъ пунктѣ: Королевичь не хотѣлъ перемѣнить исповѣданія, Царь не хотѣлъ выдать дочери за неправославнаго. Долгія и упорныя пренія о вѣрѣ прекратились смертію Царя Михаила Ѳеодоровича, неуспѣвшаго окончить этого важнаго дѣла (3). Царь Алексѣй Михаиловичь рѣшилъ дѣло весьма скоро. Извѣстилъ Волдемара, что онъ на бракъ несогласенъ, послалъ ему богатые подарки и значительную сумму на дорогу и разрѣшилъ скорый выѣздъ изъ Москвы. Чрезъ мѣсяцъ по кончинѣ Царя Михаила Ѳеодоровича, Волдемаръ выѣхалъ съ почетными проводами до самой границы. Само собою разумѣется, что Королевичь во время пребыванія своего въ Москвѣ не видалъ своей невѣсты.

29 іюня 1672 года, Царевна Ирина воспріяла отъ св. купели, вмѣстѣ съ племянникомъ своимъ, Царевичемъ Ѳеодоромъ Алексѣевичемъ, Петра Великаго (4). По всему вѣроятію, она же была воспріемницею своихъ младшихъ братьевъ и сестеръ и своихъ племянниковъ и племянницъ, дѣтей Царя Алексѣя Михаиловича. Современники называли Царевну Ирину *Мудрою* и *начетчицею книгъ* (5), это служитъ свидѣтельствомъ, что она принадлежала къ небольшому числу образованныхъ женщинъ въ тогдашнее время. Царевна Ирина Михаиловна скончалась 8 февраля 1679 года и погребена въ Московскомъ Новоспасскомъ монастырѣ.

ЦАРЕВНА
И
ВЕЛИКАЯ КНЯЖНА
ПЕЛАГЕЯ МИХАИЛОВНА

Родилась 17 апрѣля 1628 года, крещена 1 мая въ Чудовомъ монастырѣ. Преставилась на первомъ году—25 января 1629 года и погребена въ Московскомъ Вознесенскомъ дѣвичьемъ монастырѣ.

---

(1) Дворцовые Разряды т. II стр. 725.—Изъ приходной книги Казеннаго Двора видно, что Волдемаръ поднесъ въ это время Государю отъ себя 20 кубковъ серебряныхъ, 2 стопы, лохань серебряныя, вѣсомъ 113 фунт. 61 золот. Царевичу Алексѣю Михаиловичу *запону*—цѣною въ 6722 руб. отъ своего отца 40 кубковъ, 18 росольниковъ, 6 фляжекъ, 2 стакана, 5 стопъ, 5 ковшей, 3 лохани съ рукомойниками, и нѣсколько другихъ сосудовъ, вѣсомъ 234 фунта 68 золотн., кромѣ другихъ вещей и даровъ, которые поднесли Государю отъ себя Посольскіе чиновники свиты Королевича.—(2) Дворцовые Разряды, т. II, стр. 723 и слѣд.—(3) см. жизнеоп. Царя Михаила Ѳеодоровича въ этомъ изд.—(4) Собраніе Записокъ о жизни Петра Великаго, изд. Туманскимъ ч. V, стр. 181.—(5) Русскій Вѣстникъ 1841 N 8 стр. 458.

ЦАРЕВНА
и
ВЕЛИКАЯ КНЯЖНА
АННА МИХАИЛОВНА

(ВЪ МОНАШЕСТВѢ АНФИСА).

Родилась 14 іюля 1630 года. Крещеніе совершилъ Патріархъ Филаретъ Никитичъ въ Чудовомъ монастырѣ 25 іюля. Предъ кончиною постриглась и названа Анфисою. Преставилась на 62 году—23 октября 1692 года (1). Погребена въ Московскомъ Вознесенскомъ дѣвичьемъ монастырѣ.

ЦАРЕВНА
и
ВЕЛИКАЯ КНЯЖНА
МАРѲА МИХАИЛОВНА

Родилась 19 августа 1631 года. Крещеніе совершено въ Чудовомъ монастырѣ 28 августа. Скончалась на 2 году—21 сентября 1632 года. Погребена въ Московскомъ Вознесенскомъ дѣвичьемъ монастырѣ.

ЦАРЕВИЧЬ
и
ВЕЛИКІЙ КНЯЗЬ
ІОАННЪ МИХАИЛОВИЧЬ

Родился 1 іюня 1633 года. Крещенъ въ Чудовѣ монастырѣ 16 іюня. Скончался на 7 году—10 января 1639 года. Погребенъ въ Московскомъ Архангельскомъ соборѣ.

ЦАРЕВНА
и
ВЕЛИКАЯ КНЯЖНА
СОФІЯ МИХАИЛОВНА

Родилась 30 сентября 1634 года. Крещена въ Чудовомъ монастырѣ 5 октября. Скончалась на второмъ году—23 іюня 1636 года (2). Погребена въ Московскомъ Вознесенскомъ дѣвичьемъ монастырѣ.

---

(1) Древн. Росс. Вивл. т. X стр. 68.—(2) Выходы Царей, Указатель, стр. 88.

ЦАРЕВНА
и
ВЕЛИКАЯ КНЯЖНА
ТАТЬЯНА МИХАИЛОВНА

Родилась 5 генваря 1636 года. Крещена 24 генваря въ Чудовѣ монастырѣ. Въ престарѣлыхъ лѣтахъ она была воспріемницею отъ св. купели: въ 1689 году—Царевны Маріи Іоанновны, въ 1690 году—Царевича Алексѣя Петровича и Царевны Ѳеодосіи Іоанновны, въ 1691 году—Царевны Екатерины Іоанновны, въ 1693 году—Императрицы Анны Іоанновны. (1) Вотъ почему Петръ Великій, въ одномъ изъ своихъ писемъ къ брату Іоанну, называетъ Царевну Татьяну Михаиловну теткою и матерью (2). Она скончалась въ глубокой старости 23 августа 1706 года, имѣя отъ роду 70 л. 7 м. 19 д. и погребена въ Московскомъ Вознесенскомъ дѣвичьемъ монастырѣ.

ЦАРЕВНА
и
ВЕЛИКАЯ КНЯЖНА
ЕВДОКІЯ МИХАИЛОВНА

Родилась и скончалась 10 февраля 1637 года; погребена въ Московскомъ Вознесенскомъ дѣвичьемъ монастырѣ.

ЦАРЕВИЧЬ
и
ВЕЛИКІЙ КНЯЗЬ
ВАСИЛІЙ МИХАИЛОВИЧЬ

Родился 14 марта 1639 года; скончался тогоже года 25 марта; погребенъ въ Московскомъ Архангельскомъ соборѣ (3).

И. Е. Забѣлинъ.

---

(1) Древн. Росс. Вивл. т. XI, стр. 182 и слѣд.—(2) Дѣянія П. В. изд. 1 т. XI, стр. 5.(3)—Въ показаніи числъ рожденія и смерти здѣсь служили преимущественно руководствомъ источники оффиціяльные: Дворцовые Разряды, Богомольныя Грамоты и др.

Въ Типографіи Втораго Отдѣленія Собственной Е. И. В. Канцеляріи. Печатать позволяется. С. Петербургъ, 9 Сентября 1855 года. Цензоръ *А. Фрейганг.*

Компанованъ съ портр. ИМП. Романовской Галлереи

Изд. Гр. Фридебургъ.

АЛЕКСЕЙ МИХАИЛОВИЧЪ

ГОСУДАРЬ, ЦАРЬ и ВЕЛИКІЙ КНЯЗЬ

САМОДЕРЖЕЦЪ ВСЕРОССІЙСКІЙ

Родился 9го Марта 1629 года
Вступилъ на Престолъ 12го Іюля 1645 года.

Скончался 29го Января 1676 года
Погребенъ въ Московскомъ Архангельскомъ Соборѣ

ГОСУДАРЬ ЦАРЬ И ВЕЛИКІЙ КНЯЗЬ

АЛЕКСѢЙ МИХАЙЛОВИЧЪ,

САМОДЕРЖЕЦЪ ВСЕРОССІЙСКІЙ.

Царь Алексѣй Михайловичъ, сынъ Царя Михаила Ѳеодоровича и Царицы Евдокіи Лукьяновны, урожденной Стрешневой, родился 10 марта 1629 года. Во второе воскресеніе по рожденіи (22 марта), Царевичъ былъ окрещенъ въ Чудовѣ Монастырѣ, въ трапезѣ у Алексѣя Чудотворца, духовникомъ Государевымъ, Благовѣщенскаго Собора протоіереемъ Максимомъ. Воспринималъ отъ купели келарь Троицко-Сергіева Монастыря старецъ Александръ Булатниковъ, а воспріемницею была Ирина Никитична Годунова, сестра Филарета Никитича (1).

На седьмомъ году отъ рожденія, Царевичъ Алексѣй Михайловичъ сталъ учить, послѣ азбуки (за которую, по тогдашнему обычаю, царскихъ дѣтей сажали съ пятилѣтняго возраста) *часовникъ;* чрезъ пять мѣсяцевъ *псалтырь*, и еще черезъ три мѣсяца *Апостольское Дѣяніе*. Учителемъ былъ дьякъ Василій Прокофьевъ. На осьмомъ году, Алексѣй Михайловичъ учился у пѣвчаго дьяка Луки Иванова пѣть *охтай* (октоихъ), а у подъячаго Григорія Львова *писать*. На десятомъ году, пѣвчіе дьяки, Иванъ Семеновъ и Михайло Осиповъ, *начали Царевича учить страшное пѣніе*, потому что обѣдня, заутреня и вообще всѣ службы равномѣрно входили въ составъ первоначальнаго образованія (2). Собственно воспитаніе будущаго наслѣдника престола, Царь Михаилъ Ѳеодоровичъ поручилъ Борису Ивановичу Морозову, происходившему изъ знатнаго древняго рода: предки Морозова являются уже съ половины пятнадцатаго вѣка въ званіи бояръ. Хотя обстоятельства жизни и службы самого Бориса Ивановича, до полученія имъ важнаго званія воспитателя Царевича, мало извѣстны, однако именно потому, что Царь удостоилъ избрать его изъ среды многихъ вельможъ, окружавшихъ престолъ, долж-

(1) Дворц. Разр. Т. II стр. 40 и 51. Подъ портретомъ показано, что Алексѣй Михайловичъ родился 9 марта; по старинному счисленію сутокъ, отъ восхожденія и захожденія солнца, и на оборотъ, — это все равно.—(2) Чтенія въ Имп. Общест. Ист. и Древ. при Москов. Университ. 1847. № 5, стр. 25, 26.

но заключить, что онъ выходилъ изъ разряда людей обыкновенныхъ. Притомъ, въ званіе воспитателя или дядьки царскихъ сыновей, всегда назначался боярин *честью великій, тихъ* и *разумень* (1).

Боярину Морозову Алексѣй Михайловичъ былъ, вѣроятно, обязанъ и усовершенствованіемъ своего первоначальнаго образованія. Впрочемъ, самъ Царь Михаилъ Ѳеодоровичъ, умудренный многолѣтнею и тяжкою опытностію, старался достойнымъ образомъ приготовить своего царственнаго сына къ будущему подвигу: Царевичъ Алексѣй присутствовалъ съ самыхъ юныхъ лѣтъ при пріемѣ иноземныхъ пословъ (2), и, нѣтъ сомнѣнія, рано былъ посвященъ въ тайны государственной науки. Это обнаружилось въ первые же годы его царствованія.

Когда Михаилъ Ѳеодоровичъ, благословивъ на царство своего шестнадцатилѣтняго сына, окончилъ земную жизнь, Никита Ивановичъ Романовъ, находившійся, вмѣстѣ съ другими ближними боярами, при послѣднихъ минутахъ Государя, вышелъ изъ царской опочивальни, возвѣстилъ о восшествіи на престолъ Царя Алексѣя Михайловича, и первый принесъ присягу. Въ ту же ночь, цѣловали животворящій крестъ жители Москвы (3), а на другой день были разосланы по городамъ стольники, дворяне и дьяки, для приведенія обывателей къ присягѣ. Вслѣдъ за тѣмъ, отправились гонцы въ Англію, въ Данію, въ Швецію, въ Польшу, къ Персидскому Шаху и къ Турецкому Султану съ возвѣщеніями о воцареніи новаго Государя.

Черезъ мѣсяцъ съ небольшимъ по кончинѣ родителя, Алексѣй Михайловичъ лишился (18 августа) и матери своей, Царицы Евдокіи Лукьяновны.

Вѣнчаніе его на царство совершено было 28 сентября, въ воскресенье, патріархомъ Іосифомъ, въ Большомъ Успенскомъ Соборѣ. Во время священнаго обряда, царскій вѣнецъ держалъ *сродичъ* Государя, Лукьянъ Степановичъ Стрешневъ; золотыми деньгами осыпалъ Царя, въ церковныхъ дверяхъ, Никита Ивановичъ Романовъ (4). Трехдневное торжество, послѣдовавшее при Дворѣ за коронованіемъ, было ознаменовано царскими милостями къ народу, также пожалованіемъ нѣсколькихъ лицъ въ бояре и окольничіе.

Достигнувъ восемнадцатилѣтняго возраста, Алексѣй Михайловичъ вознамѣрился вступить въ бракъ. 14 февраля 1647 года, представлены были ему, во дворцѣ, шесть дѣвицъ, выбранныхъ изъ двухъ сотъ другихъ назначенными для того боярами. Государь удостоилъ наименовать своею невѣстою дочь дворянина Рафа (Ѳедора) Родіоновича Всеволожскаго, дѣвицу Евѳимію, отличавшуюся необыкновенною красотою. Но въ тотъ день, когда нарѣченной невѣстѣ надлежало предстать предъ Его Величество въ царской одеждѣ, женщины такъ крѣпко завязали у ней на головѣ волосы, что дѣвица Евѳимія упала въ обморокъ. Англичанинъ Самуилъ Коллинсъ, бывшій восемь лѣтъ (съ 1658 г.) въ званіи врача Царя Алексѣя Михайловича, говоритъ, будто это сдѣлано было по приказанію Бориса Ивановича Морозова (5); напротивъ, Ферберъ, состоявшій шведскимъ повѣреннымъ, при Московскомъ Дворѣ, во время самаго происшествія, свидѣтельствуетъ, что Евѳимія Всеволожская лишилась чувствъ отъ страха и радости, когда узнала о своей счастливой участи (6). Недоброжелатели Рафа Всеволожскаго воспользовались этимъ случаемъ, и обвинили отца въ сокрытіи будто бы падучей болѣзни дочери: онъ, въ томъ же 1647 году, былъ посланъ на воеводство въ Тюмень, гдѣ и скончался въ 1653 году (7). Супруга Всеволожскаго, сынъ Андрей и дочь Евѳимія были немедленно возвращены изъ Сибири, и поселились въ принадлежавшей имъ касимовской деревнѣ (8).

16 января 1648 года, Царь Алексѣй Михайловичъ сочетался бракомъ съ дочерью стольника и мядынскаго воеводы Ильи Даниловича Милославскаго, дѣвицею Маріею Ильинишною (9). Спустя де-

---

(1) О Россіи и проч. соч. Котошихина стр. 14. — (2) Дворц. Разр. Т. II въ разныхъ мѣстахъ. —(3) Лѣт. о мят. стр. 353.—(4) Царств. Алексѣя Михайловича соч. *Берха*, ч. I стр. 31.—(5) Чтенія въ Имп. Общест. Ист. и Древн. при Москов. Универс. 1846, № 1, статья: *Нынѣшнее состояніе Россіи* стр. 4 и 31. Крестьянинъ Никиты Ивановича Романова, Мишка Ивановъ, былъ посланъ на послушаніе въ Кириллов Монастырь по дѣлу Евѳиміи Всеволожской, *за чародѣйство и за косный разводъ и за наговоры*. Акты Археогр. Экспед. ч. IV № 18. — (6) Сѣверный Архивъ изд. Ѳ. Булгаринымъ Ч. I стр. 151—153.—(7) Акты Ист. Археогр. Комм. Т. II, № 59 и примѣч. къ этому № на стр. 4.—(8) Собр. Гос. грам. и догов. Т. III стр. 479 и Полн. Собр. Гос. Зак. Т. I, № 101. *Въ Запискахъ Сибирской Исторіи* (Древн. Россійск. Вивліоѳ. Т. III, 174) сказано, что и бывшая царская невѣста скончалась въ Тюмени, до полученія вѣсти о своемъ освобожденіи.—(9) Котошихинъ говоритъ, что Царь увидѣлъ обѣихъ сестеръ Милославскихъ въ Успенскомъ Соборѣ за обѣднею, и *младшую* изъ нихъ нарекъ Царицею.—*О Россіи*, стр. 5.

сять дней послѣ царской свадьбы, Борисъ Ивановичъ Морозовъ женился на сестрѣ Царицы, дѣвицѣ Аннѣ Ильиничнѣ.

Отсюда начинается рядъ трудовъ и заботъ юнаго Государя, долженствовавшихъ имѣть столь важное вліяніе на судьбы Россіи.

Руководствуясь мыслію своего державнаго родителя, Алексѣй Михайловичъ поставилъ главною задачею своей жизни развитіе и упроченіе внутреннихъ силъ государства, направленіе ихъ къ одной цѣли, къ благоденствію всѣхъ и каждаго, безъ различія сословій.

Въ настоятельной необходимости этого труднаго дѣла онъ убѣдился событіями, случившимися вскорѣ по вступленіи своемъ на престолъ. 25 мая 1648 года взволновалась въ Москвѣ чернь, и стала требовать выдачи измѣнниковъ: такъ она называла боярина Морозова, судью Земскаго Приказа Леонтія Плещеева и окольничаго Петра Траханіотова, приписывая имъ установленіе новаго сбора съ соли, меду и вина, и разныя стѣснительныя мѣры по торговлѣ. Плещеевъ былъ убитъ мятежниками; домы многихъ бояръ, стольниковъ и купцовъ были разграблены (1). Волненіе усилилось еще отъ ужаснаго пожара, истребившаго, на другой день, Петровку, Дмитровку, Тверскую, Никитскую, Арбатъ, Чертолье и всѣ посады около Москвы. Траханіотовъ также палъ жертвою буйной толпы; но появленіе юнаго Государя успокоило недовольныхъ и спасло жизнь его воспитателя. Царь Алексѣй Михайловичъ отправилъ Морозова въ Бѣлозерскій Кириловъ Монастырь, и, поручая игумену и братіи охраненіе своего дядьки отъ всякой опасности во время ярмарки, приписалъ къ грамотѣ собственною рукою: *І вам бы сей грамоте вѣрить, и здѣлать бы, і уберечь ото всякаго дурна, съ нимъ поговоря противъ сей грамоты, да отнутбы нихто не вѣдалъ хоти і выедетъ куды* (т. е. изъ монастыря, на время ярмарки); *а естли свѣдаютъ, и я свѣдаю, і вамъ быть кажненымъ* (т. е. въ опалѣ); *а если уберсжете сво, такъ какъ і мнѣ добра ему здѣлаете, і я васъ пожалую такъ, чего от зачяля свѣта такой милости не видали; а грамоту сию покажите ему приятелю моему* (2).

Подобныя же волненія происходили въ Новгородѣ и Псковѣ, но, какъ и московское, не имѣли ни малѣйшаго политическаго значенія, и были явленіемъ совершенно случайнымъ. Убѣдительнымъ доказательствомъ спокойствія умовъ служитъ то, что народъ равнодушно встрѣтилъ запоздалаго самозванца, бѣглаго писаря Тимошку Анкудинова, выдававшаго себя за сына Царя Василія Іоанновича Шуйскаго (1649).

Царь Алексѣй Михайловичъ, увѣрившись въ истинныхъ причинахъ народныхъ смутъ, поспѣшилъ принять дѣйствительныя мѣры къ обезпеченію, на будущее время, внутренняго спокойствія.

Въ іюлѣ 1648 года, Государь созвалъ на совѣтъ патріарха Іосифа, архіереевъ, Освященный Соборъ, бояръ, окольничихъ и думныхъ людей, и предложилъ выписать изъ правилъ Святыхъ Апостоловъ и Отцевъ Церкви, также изъ гражданскихъ законовъ Восточно-Римскихъ Императоровъ, статьи приличныя дѣламъ государственнымъ и земскимъ, собрать всѣ указы прежнихъ царей и боярскіе приговоры, справить со старыми судебниками, а на которыя статьи ни царскаго указа, ни боярскаго приговора не послѣдовало, тѣ сочинить общимъ совѣтомъ, что бы всѣ, отъ вельможи до простолюдина, имѣли равный судъ и расправу. Дѣло это Царь поручилъ боярамъ князьямъ Никитѣ Ивановичу Одоевскому и Семену Васильевичу Прозоровскому, окольничему князю Ѳедору Ѳедоровичу Волконскому и дьякамъ Гаврилу Леонтьеву и Ѳедору Грибоѣдову.

Вмѣстѣ съ тѣмъ, Государь приказалъ выбрать депутатовъ изъ стольниковъ, стряпчихъ, дворянъ

---

(1) Дополн. къ Дѣян. Петра Велик. Ч. III, стр. 17, на основаніи Лѣтоп. о мятежахъ.—(2) Акты Археогр. Экспед. Т. IV № 29. — Борисъ Ивановичъ Морозовъ прожилъ въ Кирилловомъ Монастырѣ не долго: грамотою 29 августа 1648 года Царь извѣстилъ игумена, что боярин намѣренъ ѣхать въ свою тверскую вотчину, и приказалъ чтобы изъ монастыря были посланы съ нимъ провожатые. И на этой грамотѣ Государь написалъ собственною рукою: *Іумене Авонасей, і строитель Ѳеоктистъ, і келарь Саватьй! Какъ ся грамота придетъ, і вы известите приятелю моему і вмѣсто отца моего роднова боярину Борису Ивановичу Морозову, что время ему, воспитателю моему, ѣхать в деревню в тверскую ево, і сю грамоту ему покажите, і вѣрьте ей, а вверху приписалъ я государь своею рукою у сей грамоты; а какъ прибудетъ ко мнѣ Борисъ Ивановичъ, і что скажетъ про васъ, потому і милость моя к вамъ будетъ; і печять моя у сей грамоты, і вамъ бы вѣрить сей грамотѣ, і отпустить ево съ великою честью і з бережятыми* (т. е. провожатыми), *і что бы берегли сво здоровья накрѣпко.* — Дополн. къ Актамъ Истор. Т. IV № 45.— Обѣ приписки свидѣтельствуютъ, какъ любилъ и уважалъ Царь Алексѣй Михайловичъ своего воспитателя.

московскихъ и жильцевъ, также дворянъ и дѣтей боярскихъ другихъ большихъ городовъ, изъ каждаго сословія, изъ гостинной и суконной сотенъ по два человѣка, изъ Новгородцевъ съ пятины, изъ черныхъ сотенъ, слободъ меньшихъ городовъ и городскихъ посадовъ по одному человѣку, и наконецъ изъ гостей трехъ человѣкъ, *добрыхъ и умныхъ*. Черезъ три мѣсяца (въ октябрѣ 1649 года) статьи, выписанныя и вновь сочиненныя, были представлены Царю на соборѣ, и прочитаны боярамъ и выборнымъ людямъ московскихъ и другихъ городовъ. Одобривъ новое уложеніе, Алексѣй Михайловичъ повелѣлъ его списать, *противень* (списокъ) скрѣпить подписью патріарха съ духовенствомъ, бояръ, окольничихъ, думныхъ и выборныхъ людей, внести въ книгу, и, напечатавъ достаточное число экземпляровъ, разослать во всѣ московскіе приказы и города, *чтобы всякія дѣла дѣлати по тому уложенію*.

Почти въ одно время съ Уложеніемъ, приступлено было къ составленію устава полицейскаго (Наказа о градскомъ благочиніи), и обнародованъ воинскій уставъ, подъ названіемъ: «*Ученіе и хитрость ратнаго строенія пѣхотныхъ людей*». Въ 1649 году началось печатаніе *Кормчей Книги* (Номоканона), собранія духовныхъ законовъ, переведенныхъ съ греческаго языка [1].

Занятія Царя мирными дѣлами были прерваны возникшими неудовольствіями на Польшу, по поводу земли Запорожскихъ Казаковъ или Малороссіи (пространства отъ днѣпровскихъ пороговъ до Сожи и отъ Ворсклы до Днѣстра). Нѣкогда достояніе Россіи, эта страна отдалась (1659) подъ покровительство Польскаго Короля Стефана Баторія, впрочемъ съ условіемъ—остаться при собственномъ управленіи и не подвергаться гоненіямъ за православную вѣру. Умный Стефанъ Баторій, видя въ казакахъ надежный оплотъ Польши противъ Крымскихъ Татаръ и Турокъ, свято соблюдалъ это условіе; но преемники его, Сигисмундъ и Владиславъ, поступали иначе: посягнувъ на нарушеніе въ Малороссіи древняго административнаго порядка, они воздвигли въ то же время гоненіе на православную вѣру. Казаки ожесточились, неоднократно брались за оружіе, и, выведенные наконецъ изъ терпѣнія, рѣшились перейти подъ защиту единовѣрной имъ Россіи. Эта мысль родилась у нихъ еще въ царствованіе Михаила Ѳеодоровича; но, по тогдашнимъ затруднительнымъ отношеніямъ Русскаго Государства къ Польшѣ, Царь не хотѣлъ возбуждать новыхъ несогласій съ этою державою принятіемъ казаковъ подъ свое покровительство. Вскорѣ по вступленіи на престолъ Алексѣя Михайловича, гетманъ Богданъ Хмельницкій предлагалъ, въ 1646 году, перейти въ подданство Россіи со своими казаками, и также получилъ отказъ. Въ 1652 году, когда притѣсненія со стороны Поляковъ достигли крайней степени, явился въ Москвѣ запорожскій посланецъ Иванъ Искра съ новою просьбою отъ гетмана и отъ всего Запорожскаго Войска, *чтобы Царское Величество пожаловалъ ихъ, держалъ въ своемъ, Царскаго Величества, милостивомъ жалованіи* [2]. И на этотъ разъ Царь Алексѣй Михайловичъ, по чувству строгой справедливости, согласился быть только посредникомъ въ примиреніи казаковъ съ Поляками, не желая нарушать мира, заключеннаго его родителемъ.

Въ апрѣлѣ 1653 года, онъ отправилъ къ Королю Яну Казимиру посольство, въ главѣ котораго былъ князь Борисъ Александровичъ Репнинъ. Послаппику предписано было устроить дѣла казацкія особенно въ отношеніи вѣры, и вмѣстѣ съ тѣмъ потребовать у Рѣчи Посполитой объясненія, почему въ государственныхъ актахъ польское правительство позволяетъ себѣ, вопреки договоровъ, измѣнять царскій титулъ.—Желаніе Государя окончить это дѣло мирнымъ образомъ было такъ велико, что послы получили полномочіе оставить безъ дальнѣйшихъ требованій второй вопросъ, если только польское правительство поручится за непарушеніе впредь казацкихъ вольностей, то есть старинныхъ правъ и преимуществъ казаковъ, и не будетъ воздвигать гоненій на православіе [3].

Зная однако непрочность мирныхъ союзовъ съ Польшею, Государь, въ ожиданіи отвѣта отъ Посполитой Рѣчи, принялъ нужныя, на случай войны, мѣры. Въ продолженіе пятнадцати дней (съ 13 по 28 іюня 1653), онъ производилъ за городомъ, на Дѣвичьемъ Полѣ, смотръ своему двору (войску), стольникамъ, стряпчимъ, дворянамъ московскимъ и жильцамъ со всею ихъ службою, и, по оконча-

(1) Законодательные памятники царствованія Алексѣя Михайловича помѣщены въ Полномъ Собраніи Законовъ.—(2) Собр. Госуд. грам. и договор. № 148.—(3) Повѣств. о Россіи Т. III кн. VI. стр. 106.

нiи смотра, приказалъ думному разрядному дьяку Семену Заборовскому сказать имъ воззванiе, въ которомъ изъявлено было царское благоволенiе за службу и вѣрность. *Когда благоволитъ Богъ*, сказано было въ заключенiе рѣчи, *по святому смотрѣнiю своему, воевать съ противными, то будьте готовы съ такимъ же тщанiемъ и радостнымъ усердiемъ, въ какомъ теперь намъ себя оказываете, чтобы не мимо шло Христово повельнiе, въ Евангелiи начертанное: больше сея любви нѣсть, да кто душу свою положитъ за други своя* (1).

Предосторожности Царя оказались необходимыми. Возвратившееся изъ Польши посольство привезло неудовлетворительный отвѣтъ. Въ слѣдствiе того, Алексѣй Михайловичъ созвалъ въ Грановитую Палату патрiарха, архiереевъ, съ постриженнымъ духовенствомъ, бояръ окольничихъ, думныхъ людей, дворъ свой, дьяковъ, иногородныхъ дѣтей боярскихъ, торговцевъ и стрѣльцовъ. Собору предложены были на обсужденiе поступки польскаго правительства въ отношенiи Россiи.

Главные пункты были слѣдующiе: 1) въ противность мирныхъ договоровъ Царя Михаила Ѳеодоровича и Короля Владислава, королевскiя грамоты и польскiе чиновники порубежныхъ городовъ измѣняли, при сношенiяхъ своихъ съ городами русскими, титулъ какъ покойнаго Царя, такъ и сына его, Алексѣя Михайловича; 2) нѣкоторые придавали Королю Владиславу титулъ Царя и многихъ государствъ Обладателя, за что Владиславомъ никакого удовлетворенiя не сдѣлано; 3) въ книгахъ, напечатанныхъ при Янѣ Казимирѣ въ Польшѣ и въ Литвѣ, дерзко отзывались о Царѣ Михаилѣ Ѳеодоровичѣ, о патрiархѣ Филаретѣ и о самомъ Алексѣѣ Михайловичѣ; 4) Король Владиславъ названъ въ нихъ, въ противность мирнаго договора, избраннымъ Великимъ Княземъ Московскимъ; 5) не смотря на ходатайство пословъ, Рѣчь Посполитая не только отказала въ примиренiи съ Казаками, но даже послала противъ Запорожскаго Войска армiю въ то время, когда послы еще не выѣхали изъ Польши; 6) на Брестъ-литовскомъ Сеймѣ, Король и паны радные положили истребить Христiанъ восточнаго исповѣданiя, живущихъ въ Польшѣ и Литвѣ, разорить православныя церкви, и совершенно искоренить Греческую Вѣру. Послѣ этого объявлено было Собору, что гетманъ Хмельницкiй вновь проситъ о принятiи Казаковъ въ подданство и о присылкѣ вспомогательнаго отряда (2).

Всѣ присутствовавшiе на Соборѣ единогласно рѣшили: воевать противъ Короля Польскаго и принять въ подданство гетмана Хмельницкаго съ Казаками (3). Тогда Государь послалъ боярина Василiя Васильевича Бутурлина для привода къ вѣрноподданической присягѣ всѣхъ жителей запорожскихъ городовъ. Казаки, въ числѣ одиннадцати полковъ, съ 167 городами и мѣстечками, присягнули съ радостiю *быть подъ государскою самодержавною рукою, и съ землями и городами навѣки неотступнымъ*. За Казаками оставлены были всѣ ихъ старинныя права и преимущества. — Царь Алексѣй Михайловичъ, послѣ молебна въ Успенскомъ Соборѣ, приказалъ, въ присутствiи своемъ, объявить Двору, что лично приметъ начальство надъ войскомъ противъ Короля Польскаго, а при вторичномъ объявленiи о томъ же февраля 14, повелѣлъ обнародовать, что выступитъ изъ Москвы въ Троицынъ День, 14 мая (1654).

10 мая, Государь произвелъ, на Дѣвичьемъ Полѣ, новый смотръ войскамъ посотенно, и, поручивъ управленiе Москвою боярину князю Михаилу Петровичу Пронскому, выѣхалъ 18 мая.

Въ этотъ день, утромъ, передъ выѣздомъ Царя, собрались, на томъ же полѣ, царскаго полка головы съ сотнями, рейтарскiе, гусарскiе, солдатскiе полковники и другiе начальники съ полками, и головы стрѣлецкiе съ приказами. Москвою войска проходили посотенно (дивизiонами), черезъ дворцовый дворъ, и патрiархъ Никонъ кропилъ ихъ изъ окна столовой комнаты дворца святою водою.

Во время же шествiя Государя, возвышались по обѣ стороны тѣхъ воротъ, черезъ которыя слѣдовала процессiя, большiе рундуки уступами, обитые краснымъ сукномъ; на нихъ помѣщалось знатнѣйшее духовенство, кропившее Царя и войско святою водою. Царь, окруженный двадцатью четырьмя гусарами, изъ которыхъ двое ѣхали съ обнаженными саблями, былъ въ богатомъ одѣянiи, уни-

---

(1) Дворц. Разр. Т. III стр. 355—357.—(2) Повѣств. о Россiи, Т. III. Кн. VI, стр. 107—109.—(3) Дворц. Разр. Т. III, стр. 372.

запномъ жемчугомъ; на головѣ имѣлъ остроконечную шапку; въ рукахъ держалъ крестъ и золотую державу.—За нимъ слѣдовали Борисъ Ивановичъ Морозовъ и Илья Даниловичъ Милославскій (1).

Успѣхи русскихъ войскъ были быстры и блистательны. Воеводы, начальствовавшіе отдѣльными отрядами, овладѣли въ короткое время Дорогобужемъ, Невелемъ, Бѣлымъ, Рославлемъ, Полоцкомъ, и другими литовско-польскими городами. Самъ Царь подступилъ, 3 іюля 1654 года, къ Смоленску и расположился за двѣ версты отъ него, на Дѣвичьей Горѣ, въ шатрахъ (2). Здѣсь Государь получилъ извѣстіе, что отрядъ, посланный противъ гетмана Радзивилла къ Оршѣ, разбилъ польскія войска. Столь же успѣшно дѣйствовалъ противъ непріятеля наказный атаманъ Запорожцевъ Золотаренко: кромѣ неоднократныхъ пораженій, нанесенныхъ Полякамъ, онъ овладѣлъ Гомелемъ, Быховымъ, Пропойскомъ, и затѣмъ соединился съ царскимъ войскомъ подъ Смоленскомъ.

Хотя попытка (16 августа) взять Смоленскъ приступомъ и не удалась, однако устрашенные Поляки сами предложили сдать городъ на договоръ. Въ слѣдствіе этого, Царь Алексѣй Михайловичъ двинулся со всею ратью отъ Дѣвичьей Горы, остановился противъ Молоховскихъ Воротъ, и, принявъ отъ смоленскаго воеводы, Казимира Обуховича, поверженныя знамена, вступилъ (25 сентября новаго индиктіоннаго года), въ древній городъ Славянъ—Кривичей (3). Когда Литовцы вышли изъ Смоленска, Государь возвратился на прежнее мѣсто лагернаго расположенія войскъ. На другой день, поставлена была передъ царскимъ станомъ, противъ упомянутыхъ воротъ, тафтяная церковь, во имя Воскресенія Христова, освященная Казанскимъ Митрополитомъ Корнилемъ. По отслуженіи благодарственнаго молебна, Алексѣй Михайловичъ принималъ поздравленіе, съ возвращеніемъ древняго достоянія Россіи, отъ бояръ, окольничихъ, стольниковъ и другихъ чиновъ, приходившихъ съ хлѣбомъ и солью, а потомъ угощалъ ихъ, также сотенныхъ головъ своего полка и гетмана Золотаренку съ товарищами, обѣдомъ въ столовомъ шатрѣ (4).

Такъ кончилась первая половина польской войны. Царь Алексѣй Михайловичъ двинулся (10 октября) изъ подъ Смоленска къ Вязьмѣ, куда прибыла изъ Москвы Царица, и здѣсь, по причинѣ мороваго повѣтрія, свирѣпствовавшаго въ столицѣ, прожилъ до февраля.

Въ теченіе этого времени, онъ получилъ извѣстіе о взятіи Витебска боярином Шереметевымъ, дѣятельно занимался распоряженіями къ новой кампаніи, и февраля 10 возвратился въ свою столицу. Спустя мѣсяцъ, Государь опять отправился (11 марта) къ Смоленску, для продолженія военныхъ дѣйствій.

Вторая половина кампаніи сопровождалась не менѣе блистательными успѣхами, какъ и первая. Она была ознаменована взятіемъ Велижа, Минска, Вильна, Гродна, Ковно, Люблина, и пораженіемъ гетмановъ Радзивилла и Гонсѣвскаго.

Посреди такихъ торжествъ, столкновеніе политическихъ обстоятельствъ вовлекло Царя Алексѣя Михайловича въ войну со Шведами. Карлъ X, преемникъ дочери Густава-Адольфа, Королевы Христины, негодуя на Яна Казимира за то, что онъ, какъ единственный потомокъ династіи Густава-Вазы, сталъ титуловаться Королемъ Шведскимъ, вторгнулся въ Польшу (1655), быстро завоевалъ все пространство по лѣвому берегу Вислы, и овладѣлъ обѣими столицами королевства, Варшавою и Краковымъ. Это случилось въ то самое время, когда русскія войска прошли побѣдоносно всю Литву, когда Царь Алексѣй Михайловичъ былъ подъ Вильною, а гетманъ Богданъ Хмельницкій находился съ казаками въ окрестностяхъ Львова. Неудачное сраженіе Поляковъ со Шведами подъ Прагою (28—30 іюля) лишило Яна Казимира всякой надежды на возвращеніе своего престола.

Въ столь критическихъ обстоятельствахъ, онъ обратился къ великодушной помощи Русскаго Царя. 24—31 октября 1656 года, уполномоченные со стороны Россіи и Польши заключили между собою въ Вильнѣ договоръ, существенною статьею котораго было признаніе Алексѣя Михайловича Королемъ Польскимъ, еще при жизни Яна Казимира. По смерти его, Россія и Польша должны были составлять одно государство.

---

(1) Повѣств. о Россіи Т. III кн. VI стр. 113 и *Берха* Царств. Алексѣя Михайловича ч. I стр. 89.—(2) Дворц. Разр. Т. III, стр. 434.—(3)Тамъ же, стр. 449.—(4) Тамъ же, стр. 450—451.

Но еще прежде заключенія этого договора, Царь Алексѣй Михайловичъ, послѣ перемирія съ Поляками, отказалъ шведскимъ посламъ въ возобновленіи Столбовскаго Мира, отправилъ войско въ Лифляндію, принадлежавшую тогда Шведамъ, а самъ двинулся, черезъ Полоцкъ, къ Ригѣ, подъ стѣнами которой расположился съ девяностатысячною ратью, кромѣ двадцати осьми тысячъ человѣкъ, приведенныхъ княземъ Яковомъ Куденетовичемъ Черкасскимъ. Осада Риги началась въ самый новый (индиктіоный) 1656 годъ, и продолжалась цѣлый мѣсяцъ съ большимъ упорствомъ; но сильная вылазка осажденныхъ, въ слѣдствіе которой русскія войска потерпѣли значительный уронъ, и осеннее время года побудили Государя оставить (5 октября) планъ овладѣнія Ригою.

На возвратномъ пути въ Россію, Царь Алексѣй Михайловичъ принималъ въ Полоцкѣ, послѣ обѣдни, поздравленіе отъ игумена Богоявленскаго Монастыря, Игнатія Іовлевича, съ избраніемъ на престолъ Королевства Польскаго и Великаго Княжества Литовскаго. Въ Смоленскѣ явился къ Государю Янъ Корсакъ гонецъ отъ польскихъ пословъ на виленскомъ съѣздѣ, и въ произнесенной рѣчи, привѣтствовалъ его, Королемъ Польскимъ и Великимъ Княземъ Литовскимъ [1].

Сильная диверсія Царя Алексѣя Михайловича въ Лифляндію спасла Польшу, возвративъ ей весь лѣвый берегъ Вислы, кромѣ Кракова. Но едва миновала опасность, какъ сеймъ отказался утвердить виленскій договоръ. Тогда Государь немедленно прекратилъ военныя дѣйствія противъ Шведовъ, и въ Велисаарѣ, на рѣкѣ Наровѣ, заключилъ (20 декабря 1659) перемиріе на три года, по прошествіи которыхъ подписанъ былъ окончательный миръ въ Кардисѣ (21 іюня 1661 года). Россія отказалась отъ своихъ завоеваній въ Лифляндіи.

Началась новая война съ Польшею, продолжавшаяся восемь лѣтъ. Она отличалась самымъ нерѣшительнымъ характеромъ, чему главною причиною были смуты, волновавшія тогда Украйну, изъза которой собственно и враждовали два государства. Преемникъ Хмельницкаго, Виговскій, измѣнилъ Россіи, и на мѣсто его Царь назначилъ Юрія Хмельницкаго; когда же и этотъ оказался измѣнникомъ, то Самка, и наконецъ Брюховецкаго. Польша, въ свою очередь, избрала гетманомъ сначала Тетерю, потомъ Петра Дорошенка. Во время этой разногетманщины, успѣхи оружія переходили то на одну, то на другую сторону. Поляки были побѣдителями при Конотопѣ, Ляховицахъ, Чудновѣ, Глубокомъ, Путивлѣ; Русскіе торжествовали при Переяславлѣ, Мглинѣ, Глуховѣ, Батогѣ.

Нерѣшительный и медленный ходъ войны заставлялъ враждовавшія государства желать мира. Янъ Казимиръ первый заговорилъ о немъ, потому что мятежи военныхъ конфедерацій довели Польшу до совершеннаго изнеможенія [2]. 3 января 1667 года подписано было въ деревнѣ Андруссовѣ (Смоленской Губерніи, при рѣчкѣ Городнѣ) перемиріе на тринадцать лѣтъ и шесть мѣсяцевъ. Россія получила Смоленскъ и Сѣверское Княжество, Заднѣпровскую Украйну и Кіевъ [3], и возвратила Польшѣ Полоцкъ, Витебскъ, Динабургъ, Люцинъ, Маріенгаузенъ и всю южную Ливонію. Запорожскіе Казаки должны были состоять подъ покровительствомъ Россіи и Польши.

По окончаніи войны съ Польшею, Царь Алексѣй Михайловичъ принялъ слѣдующій титулъ: *Великій Царь и Великій Князь, всея Великія и Малыя и Бѣлыя Россіи Самодержецъ и многихъ государствъ и земель, восточныхъ и западныхъ и сѣверныхъ, Отчичъ и Дѣдичъ и Наслѣдникъ и Государь и Обладатель.* На основаніи этого титула, составлена была государственная печать такимъ образомъ: орелъ двуглавый съ распростертыми крыльями, и на немъ три короны Царствъ Казанскаго, Астраханскаго и Сибирскаго. На правой сторонѣ, три града: Великая и Малая и Бѣлая Россія; на лѣвой сторонѣ также три града: Восточный, Западный и Сѣверный. Знакъ подъ орломъ означалъ Отчича и Дѣдича. На персяхъ изображеніе: Наслѣдникъ. Въ лапноктяхъ, скипетръ и яблоко (держава), какъ символъ Милостивѣйшаго Государя, Его Царскаго Величества Самодержца и Обладателя [4].

---

[1] Повѣств. о Россіи и проч. Т. III кн. VI стр. 128.— [2] Польская Исторія Н. Павлищева стр. 189.—[3] Кіевъ былъ уступленъ сначала на два года; но какъ польское правительство не въ точности выполнило андрусовской договоръ, и казаки хотѣли, въ случаѣ возвращенія Кіева Польшѣ, передаться Туркамъ, то Царь Алексѣй Михайловичъ удержалъ сей городъ за собою. Истор. Малой Россіи Бантышъ-Каменскаго ч. II 23—24.—[4] Древн. Россійск. Вивліоо. Т. XVI стр. 182 и Полн. Собр. Законовъ Т. I N° 241.

Какъ Король Янъ Казимиръ чувствовалъ необходимость замиренія съ Россіей, такъ и Царь Алексѣй Михайловичъ былъ доволенъ окончаніемъ войны, которая, истощая государство, казалась безъисходною. Государственные финансы разстроились; оказался недостатокъ въ серебреной монетѣ, и надлежало замѣнить ее мѣдными деньгами (копѣйками). Между тѣмъ серебреные рубли мало по малу исчезали изъ обращенія, а цѣнность копѣекъ стала быстро упадать; отъ этого возникла дороговизна на первыя потребности жизни. Царь Алексѣй Михайловичъ, узнавъ о послѣдствіяхъ новой финансовой мѣры, поспѣшилъ, указомъ 11 іюня 1663 года, прекратить чеканеніе мѣдной монеты.

Кромѣ истощенія государственной казны, препятствовавшаго успѣху военныхъ дѣйствій противъ Польши, другое, важнѣйшее обстоятельство, заставляло Государя желать мира: то было несогласіе съ патріархомъ Никономъ.

Сынъ нижегородскаго крестьянина, Никонъ, (въ мірѣ Никита) поставленъ былъ въ молодыхъ лѣтахъ во священники; но, по прошествіи десяти лѣтъ, развелся съ женою, убѣдилъ ее постричься, самъ удалился въ анзерскій скитъ и здѣсь принялъ иноческій санъ. Въ 1646 году, Никонъ былъ поставленъ въ архимандриты въ Московскій Спасовъ Монастырь, что на Новомъ, и вскорѣ сдѣлался извѣстенъ Государю своими дарованіями и душевными достоинствами. Алексѣй Михайловичъ повелѣлъ ему пріѣзжать къ себѣ каждую пятницу, любилъ бесѣдовать съ нимъ, и съ удовольствіемъ принималъ его ходатайство за вдовъ, сиротъ, за всѣхъ бѣдныхъ и притѣсняемыхъ. Посвященный въ Митрополиты Новгородскіе, Никонъ не переставалъ и въ новомъ санѣ оправдывать къ себѣ довѣріе Царя; независимо отъ попеченій о своей паствѣ, онъ, по прежнему, былъ ходатаемъ за всѣхъ несчастныхъ, и строго наблюдалъ, по данному ему царскому полномочію, за исполнителями законовъ. Укрощеніемъ мятежа въ Новгородѣ съ опасностію собственной жизни, митрополитъ Никонъ пріобрѣлъ новыя права на довѣріе и любовь къ себѣ Монарха, и въ 1652 году, по кончинѣ патріарха Іосифа, былъ рукоположенъ въ патріархи всея Россіи.

Отправляясь въ польскій походъ, Царь Алексѣй Михайловичъ поручилъ патріарху свою фамилію и весь свой домъ. Умный и дѣятельный архипастырь и при этомъ случаѣ обнаружилъ свою преданность къ Государю: лишь только въ Москвѣ появилось моровое повѣтріе, онъ убѣдилъ Царицу выѣхать со всѣмъ семействомъ сначала въ Троицко-Сергіеву Лавру, потомъ въ Колязинъ Монастырь, а отсюда въ Вязьму, гдѣ Царица и встрѣтила своего царственнаго супруга, возвратившагося изъ похода. Даже въ самомъ прекращеніи язвы Никонъ принималъ важное участіе учрежденіемъ повсюду заставъ и разными благоразумными распоряженіями [1]. Къ несчастію, сей знаменитый мужъ, оказавшій столько заслугъ Церкви и Государству, соединялъ съ обширнымъ умомъ суровый до излишества правъ и неуступчивый характеръ [2], и взыскательнымъ надзоромъ за поступками царедворцевъ, равно какъ и строгостію укоризны, но въ особенности высокомѣріемъ, вооружилъ противъ себя многихъ недоброжелателей [3].

Первыя несогласія Царя съ патріархомъ произошли отъ недовольныхъ бояръ, старавшихся поколебать сильное вліяніе святителя и ослабить довѣренность къ нему Государя. Маловажный случай послужилъ началомъ дѣлу, неожиданнаго окончанія котораго, конечно, никто не предвидѣлъ [4]. Никонъ, обидѣвшись неприглашеніемъ къ торжественному царскому столу по случаю угощенія Грузинскаго Царя Теймураза [5], самовольно сложилъ съ себя свой санъ и удалился въ Воскресенскій Монастырь, гдѣ, единственно по внушенію оскорбленнаго самолюбія, говорилъ смѣло про дворъ, про Царя и Царицу [6].

Созванный, по повелѣнію Государя, Соборъ (въ 1661 году) для сужденія Никона и для избранія новаго патріарха, отозвался, что не можетъ приступить къ этому дѣлу безъ восточныхъ патріарховъ. Царь Алексѣй Михайловичъ, обнаруживший въ столь непріятномъ столкновеніи обстоятельствъ, величайшую кротость и снисходительность, согласился на призваніе въ Москву двухъ вселенскихъ

---

(1) Дополн. къ дѣян. Петра Велик. Т. III стр. 55—56.—(2) Устряловъ, Русская Ист. Царств. Алексѣя Михайловича гл. VII отд. II.—(3) Тамъ же.—(4) Берха Царств. Алексѣя Михайловича Т. I стр. 202.—(5) Словарь Историч. о бывшихъ въ Россіи писателяхъ духовнаго чина.—(6) Повѣств. о Россіи Т. III стр. 149 и Устрялова Русская Исторія гл. VII отд. II.

патріарховъ, Паисія Александрійскаго и Макарія Антіохійскаго, для скорѣйшаго рѣшенія вопроса о предѣлахъ власти царской и патріаршей. Торжественный соборъ, составленный изъ чиновъ духовныхъ и свѣтскихъ, признавъ Никона виновнымъ въ оскорбленіи царской особы и въ самовольныхъ поступкахъ, приговорилъ (1666) снять съ патріарха санъ и сослать его простымъ монахомъ въ Бѣлозерскую Ѳерапонтову Пустынь.

Дѣло о патріархѣ Никонѣ было причиною, что Царь Алексѣй Михайловичъ не могъ отлучиться изъ Москвы и лично предводительствовать войскомъ во вторую войну съ Польшею, какъ это было въ первую кампанію, ознаменованную рядомъ побѣдъ.

Волненія въ Малороссіи, по случаю обложенія казаковъ податью, и ужасный мятежъ, произведенный въ юговосточной половинѣ Россіи Стенькою Разинымъ, были также побудительными причинами, ускорившими замиреніе съ Польшею.

Не смотря однако на всѣ неблагопріятныя обстоятельства, неутомимый Государь съ величайшею настойчивостію продолжалъ главную задачу своего правленія—органическое устройство государства. Утвердивъ на прочномъ основаніи правосудіе, онъ хотѣлъ распространить довольство между всѣми своими подданными поощреніемъ и покровительствомъ торговли и промышленности. Многочисленныя внутреннія таможенныя заставы въ деревняхъ, на мостахъ и перевозахъ, были сняты; отмѣнены многія тарханныя грамоты, на основаніи которыхъ монастырскія и боярскія отчины пользовались большими льготами; монополіи Англичанъ въ дѣлахъ торговыхъ положенъ предѣлъ; изданъ (1667) торговый уставъ, и заключены договоры съ Англіею, Голландіею, Швеціею, вольнымъ городомъ Любекомъ, устранявшіе вліяніе иноземной торговли въ ущербъ внутренней. Купцы безпрепятственно получали позволеніе выѣзжать въ союзныя государства. Для облегченія внутреннихъ сношеній, учреждены (1668) первыя въ Россіи регулярныя почты [1]. Всѣ сіи постановленія не остались безъ послѣдствій: торговля оживилась, появились фабрики, заводы, началась разработка минеральныхъ богатствъ Россіи.

Царь Алексѣй Михайловичъ заботился также объ улучшеніи сельскаго хозяйства въ различныхъ его отрасляхъ. Во время первой польской войны, нѣсколько тысячъ плѣнныхъ шляхтичей, военныхъ людей и крестьянъ посланы были въ Россію для заселенія пустопорожнихъ мѣстъ, особенно по Камѣ и Волгѣ [2]. Изъ царской грамоты окольничему и оружейничему Хитрово (1665) видно, что для дворцовыхъ селъ изготовляемы были, на желѣзныхъ заводахъ, сошники, плуги, косули, топоры, косы [3]. Государь принималъ дѣятельныя мѣры къ водворенію въ Россіи винодѣлія: въ Астрахани были иностранные винодѣлы, которые, получая хорошее содержаніе, обязывались обучать своему ремеслу русскихъ людей [4]. Изъ числа такихъ учениковъ онъ приказалъ отправить одного или двухъ на Терекъ для выдѣлки, въ видѣ опыта, вина изъ терскаго винограда, и доставить это вино въ Москву [5]. Въ Астрахани же, по указу Царя, армянскіе мастера выдѣлывали шелкъ-сырецъ, и этого шелка прислано было въ Москву *тридцать девять гривенокъ* или фунтовъ [6].

Вполнѣ сознавая великую истину, что безъ народной нравственности напрасны были бы всѣ усилія правительства къ улучшенію общественнаго благоденствія, Царь Алексѣй Михайловичъ не упустилъ изъ виду и этого предмета. Еще въ первые годы своего царствованія, онъ прекратилъ вольное куреніе вина и пива, и приказалъ открыть въ городахъ и въ многолюдныхъ селахъ казенные кружечные дворы, изъ которыхъ напитки продавались въ опредѣленномъ количествѣ и въ извѣстные сроки; уничтожилъ (1663) откупъ на карты и зернь (кости) въ Сибири [7], а для недопущенія роскоши между людьми небогатыми запретилъ покупку жемчуга, драгоцѣнныхъ камней, дорогихъ шелковыхъ тканей и суконъ. *Ибо,* сказано въ послѣдней статьѣ Таможеннаго Устава, *въ иныхъ государствахъ берегутъ серебро* (деньги) *а излишнія такія вещи обороняются* (запрещаются) *и у*

---

(1) Повѣств. о Россіи Т. III кн. VI стр. 159. Почтовая гоньба была установлена между Москвою, Новгородомъ, Псковомъ, Ригою, Нарвою, Дерптомъ, Валкомъ и Вольмаромъ.—(2) Дополн. къ дѣян. Петра Великаго Т. III стр. 46, на основаніи лѣтописи монаха Нетомина.—(3) Акты Арх. Эксп. Т. IV, № 138.—(4) Акты Арх. Ком. Т. IV, № 138.—(5) Тамъ же, № 63.—(6) Тамъ же, № 132.—(7) Собр. госуд. грам. и догов. Т. IV стр. 225.

простыхъ нечиновныхъ людей въ ношеніи подъ заповѣдью отнимаются, чтобъ въ убожество отъ того не приходили (1).

Мысль о распространеніи благаго просвѣщенія не могла не занимать мудраго Государя. Царь Алексѣй Михайловичъ приказывалъ переводить для себя иностранныя газеты и книги, повелѣлъ окольничему Ѳедору Ртищеву, наставнику Царевича Алексѣя Алесѣевича, учредить въ Андреевскомъ Монастырѣ училище, и охотно принималъ въ свою службу образованныхъ иноземцевъ. Между другими онъ приглашалъ водвориться въ Россіи и ученаго путешественника Адама Олеарія, который былъ въ Москвѣ съ голштинскими послами, и въ опасной грамотѣ названъ *географусъ небеснаго бѣгу, землемѣрію и инымъ многимъ мастерствамъ и мудростямъ навыченъ* (2).

На устройство военныхъ силъ, особенно регулярной арміи, Царь обращалъ постоянное вниманіе съ самаго вступленія своего на престолъ, что доказывается изданіемъ весьма полнаго, по тогдашнему времени, воинскаго устава, самъ занимался ученіемъ рейтарскимъ и солдатскимъ (3), увеличилъ число стрѣльцовъ до 40,000 человѣкъ, и, подобно родителю своему, покровительствовалъ иноземныхъ офицеровъ. По спискамъ того времени числилось: два генерала, сто полковниковъ, многіе подполковники, капитаны, поручики, знаменщики, изъ Нѣмцевъ, Голландцевъ, Англичанъ и Шотландцевъ (4). Полковнику Траферту поручено было пріискать въ Голландіи опытныхъ инженеровъ (5). При осадѣ Риги, было до 24,000 русскихъ конныхъ и пѣшихъ солдатъ, обученныхъ нѣмецкому строю (6). Алексѣй Михайловичъ думалъ даже основать на шведской границѣ, въ Новгородскомъ Уѣздѣ, родъ военныхъ поселеній, назначивъ, въ 1648 году, въ драгунскую службу цѣлые погосты крестьянъ и бобылей, со всѣми селами, деревнями и угодьями (7).

Алексѣй Михайловичъ положилъ начало и флоту, приказавъ строить купеческія суда въ селѣ Дѣдиновѣ (8), для торговли съ Персіей. Первый корабль, построенный на дѣдиновской верфи, назывался Орелъ (9), и весь экипажъ его состоялъ изъ двадцати человѣкъ Голландцевъ, получавшихъ значительное жалованье.

Въ началѣ января 1676 года, Царь Алексѣй Михайловичъ почувствовалъ себя нездоровымъ, пріобщился, 28 того же мѣсяца, Святыхъ Таинъ, особоровался масломъ, позвалъ супругу, дѣтей и сестеръ, и приказалъ патріарху Іоакиму, въ присутствіи высшихъ духовныхъ и свѣтскихъ особъ, вручить державу Царевичу Ѳеодору, котораго самъ благословилъ на царство крестомъ съ древомъ Господнимъ. На другой день (29 января), Царь отдалъ повелѣніе освободить всѣхъ заключенныхъ, простить казенные долги и заплатить изъ казны за содержавшихся по частнымъ взысканіямъ (10).

Въ семь съ половиною часовъ вечера, того же числа, съ субботы на воскресенье, дѣятельный и мудрый монархъ окончилъ свое земное поприще, на сорокъ седьмомъ году отъ рожденія и на тридцать второмъ году своего благотворнаго царствованія. Прахъ его покоится въ Архангельскомъ Соборѣ подлѣ гроба Царевича Алексѣя Алексѣевича.

Австрійскій посолъ, Баронъ Мейербергъ, видѣвшій Царя Алексѣя Михайловича въ 1661 году, говоритъ, что онъ отличался стройностію стана, хотя и былъ нѣсколько дороденъ, имѣлъ тѣло бѣлое, щеки румяныя, волосы бѣлокурые и окладистую бороду (11). Одѣвался Царь Алексѣй Михайловичъ весьма богато; наперсный крестъ его, пуговицы и ожерелье были осыпаны жемчугомъ, алмазами и другими драгоцѣнными камнями.

---

(1) Собр. грам. и догов. стр. 204.—(2) Тамъ же, Т. III № 110.—(3) Повсядн. Дворц. Записки ч. II стр. 213.—(4) Воен. Энц. Лексик. изд. второе, Т. I стр. 276. — (5) Дополн. къ Акт. Ист. Арх. Ком. Т. IV № 49. — (6) Повѣств. о Россіи Т. III кн. VI стр. 433.— (7) Акты Археогр. Экспед. Т. IV № 26. — (8) Московской губерніи Коломенскаго Уѣзда, на лѣвомъ берегу Оки. — (9) Онъ былъ сожженъ въ Астрахани Стенькою Разинымъ, равно какъ и яхта, или галіотъ, изготовленная на дѣдиновской же верфи.—(10) Повѣств. о Россіи Т. III кн. VI стр. 174. — (11) Баронъ Мейербергъ и путешествіе его по Россіи, изд. Ѳ. Аделунгомъ СПб. 1827 г. стр. 243.

О прекрасныхъ душевныхъ качествахъ Государя свидѣтельствуетъ, кромѣ Мейерберга, и Англичанинъ Самуилъ Коллинсъ. Вспыльчивый въ минуты гнѣва, Алексѣй Михайловичъ былъ чрезвычайно добръ. Когда одинъ иностранецъ предложилъ ему назначить смертную казнь всякому, кто оставитъ его знамена, Государь отвѣчалъ: «Это было бы жестоко: Богъ не всѣмъ людямъ даровалъ храбрость [1].» Благотворительность была потребностію его сердца. Во дворцѣ, Царь содержалъ на собственномъ иждивеніи до ста дряхлыхъ стариковъ, такъ называемыхъ *верховыхъ* (придворныхъ) *богомольцевъ*, разсказы которыхъ о быломъ времени любилъ слушать въ длинные зимніе вечера. Ежегодно въ сочельникъ, наканунѣ Рождества Христова, въ воскресенье передъ мясляницей и въ великую пятницу, Алексѣй Михайловичъ посѣщалъ ночью тюрьмы и богадѣльни, изъ собственныхъ рукъ раздавалъ милостыню тюремнымъ *сидѣльцамъ* (арестантамъ), *полонянникамъ* (плѣннымъ), богадѣленнымъ, увѣчнымъ и сирымъ, выкупалъ посаженныхъ за долги, прощалъ преступниковъ, и никогда не отказывалъ въ пособіи истинно бѣднымъ [2]. Другою отличительною чертою характера Царя Алексѣя Михайловича было соблюденіе во всѣхъ дѣлахъ строжайшей справедливости: всѣ составленныя при немъ узаконенія клонились къ тому, чтобы оградить права и преимущества каждаго, чтобы исполнители законовъ *дѣлали всякія Государевы дѣла не стыдяся* (т. е. не опасаясь) *лица сильныхъ*.—Недовольные рѣшеніемъ судебныхъ мѣстъ могли обращаться къ самому Царю съ просьбами, которыя, какъ говоритъ преданіе, они опускали въ особый ящикъ, выставленный передъ дворцомъ. Этотъ ящикъ относился вечеромъ въ царскіе покои, и Государь, разсмотрѣвъ найденныя въ немъ челобитныя, давалъ на нихъ немедленно рѣшенія [3].—Никогда не позволялъ онъ себѣ оскорблять кого либо изъ своихъ подданныхъ, лично, или въ имуществѣ и чести ихъ [4].

Подобно своему благочестивому родителю, Царь Алексѣй Михайловичъ былъ очень набоженъ, и строго исполнялъ уставы Святой Православной Церкви. Онъ ежедневно слушалъ божественную службу въ храмѣ; если же былъ нездоровъ, то служеніе происходило въ комнатахъ. Нерѣдко вставалъ ночью и молился до утра [5]. На церковныхъ ходахъ присутствовалъ съ обнаженною головою, и въ хорошую погоду слѣдовалъ за шествіемъ пѣшкомъ. Въ Великій и Успеньевъ Посты обѣдалъ только по три раза въ недѣлю, и именно въ четвертокъ, субботу и воскресенье, а въ остальные дни кушалъ по куску чернаго хлѣба съ солью, по соленому грибу или огурцу, и выпивалъ по стакану полпива или кваса. Въ мясоѣдъ, по понедѣльникамъ, средамъ и пятницамъ, за царскимъ столомъ равномѣрно не было ничего мяснаго [6].—При ежегодныхъ посѣщеніяхъ Троицкой Лавры, въ праздникъ св. Сергія (25 сентября), Царь Алексѣй Михайловичъ кормилъ братію и самъ кушалъ въ трапезѣ [7].

При такомъ строгомъ образѣ жизни, Царь Алексѣй Михайловичъ позволялъ себѣ развлеченія послѣ тяжкихъ государственныхъ трудовъ. Въ Преображенскомъ Дворцѣ, и даже, какъ полагаютъ, въ Кремлевскомъ, былъ театръ, на которомъ давались драматическія представленія, бывали танцы и концерты. Въ Дворцовыхъ Разрядахъ 1674 года отмѣчены три раза подобныя забавы. Въ первый разъ, въ Селѣ Преображенскомъ, Государя тѣшили иноземные актеры представленіемъ комедіи (т. е. драмы или трагедіи) какъ *Алаферна Царица Царю голову отсѣкла* (вмѣсто Юдиѳъ Олоферну), и игрою на органахъ, при содѣйствіи дворовыхъ людей боярина Артемона Сергѣевича Матвѣева. На это представленіе были приглашены бояре, окольничіе, думные дворяне, думные дьяки, всѣ ближніе люди, стольники и стряпчіе. Во второй разъ, въ томъ же селѣ, въ присутствіи Царя, Царицы, Царевичей и Царевны, тѣ же иноземцы и люди боярина Матвѣева разыгрывали піесу *какъ Артаксерксъ велѣлъ повѣсить Амана по царицину челобитью и по Мардахеину наученію*, послѣ чего были музыка и танцы. Въ третій разъ, была въ Преображенскомъ *потѣха* на заговѣнье, состоявшая только въ музыкѣ и въ танцахъ [8].

---

(1) Чтенія въ Импер. Общ. Ист. и Древн. при Москов. Универс. статья *Нынѣшнее состояніе Россіи*, см. выше.—(2) Тамъ же и Отечественныя Записки № 1, 1853 г., статья Забѣлина *Домашній бытъ Русскихъ Царей*.—(3) Дополн. къ дѣян. Петра Великаго Т. III стр. 155.—(4) Баронъ Мейербергъ и проч. стр. 245 — 246. — (5) Тамъ же. — (6) Чтенія въ Импер Общ. Ист. и Древн. при Москов. Универс. см. выше, и *о Россіи* Котошихина стр. 63.—(7) Выходы Царей и Вел. Князей, над. Строевымъ, въ Указателѣ стр. 97.—(8) Дворц. Разр. Т. III стр. 1131.

Въ особенности любилъ Царь Алексѣй Михайловичъ соколиную охоту. По словамъ Коллинса, онъ содержалъ больше трехъ сотъ смотрителей за соколами и имѣлъ лучшихъ кречетовъ въ свѣтѣ (1). Птицы сіи привозились изъ Сибири, и окружною царскою грамотою воеводамъ и приказнымъ людямъ строго предписывалось принимать самыя дѣятельныя мѣры къ сбереженію ловчихъ птицъ, отправляемыхъ въ Москву, чтобы *птицамъ не учинилась какая поруха* (2). Извѣстно, что самимъ Царемъ былъ написанъ соколиный уставъ, или такъ называемый *урядникъ соколинаго пути*. Въ концѣ предисловія къ этому уставу, Государь отмѣтилъ собственною рукою: *Прилогъ книжный или свой: сія притча душевне и тѣлесне; правды же и суда и милостивыя любве и ратнаго строя николи же позабывайте; дѣлу время и потѣхѣ часъ* (3). Изрѣдка Царь смотрѣлъ на травлю медвѣдей, волковъ и лисицъ.

Ежегодно, въ исходѣ мая, Алексѣй Михайловичъ переселялся въ потѣшный дворецъ Преображенскаго Села, гдѣ раскидывались три великолѣпныя палатки (изъ золотой и серебреной парчи), для Царя, Царицы, Царевичей и царскихъ сестеръ. Эти три палатки составляли кругъ, по срединѣ котораго возвышался шатеръ съ церковью (4). Лѣто Государь любилъ проводить преимущественно въ селѣ Коломенскомъ, въ семи верстахъ отъ столицы, извѣствомъ своимъ прелестнымъ мѣстоположеніемъ на берегу рѣки Москвы. Здѣшніе царскіе хоромы существовали до первыхъ годовъ (1767) царствованія Императрицы Екатерины II (5). Кромѣ того, Царь живалъ лѣгомъ въ селахъ Измайловѣ и Воробьевѣ, гдѣ, какъ и въ Коломенскомъ, были построены имъ хоромы и разведены сады.

Въ семейномъ кругу, Царь Алексѣй Михайловичъ былъ, по единогласному свидѣтельству русскихъ и иноземныхъ писателей, нѣжный супругъ, чадолюбивый отецъ и очень привязанъ къ своимъ сестрамъ, Царевнамъ Иринѣ, Аннѣ и Татьянѣ Михайловнамъ. Двадцать слишкомъ лѣтъ прожилъ онъ въ счастливомъ супружествѣ съ Царицею Маріей Ильинишной, матерью многочисленнаго семейства, скончавшеюся въ мартѣ 1669 года, послѣ рожденія дочери Евдокіи, сорока четырехъ лѣтъ отъ рода. Но счастливый царственный супругъ и отецъ испыталъ также много горестей: черезъ три съ небольшимъ мѣсяца послѣ смерти Царицы, скончался четырехлѣтній Царевичъ Симеонъ, а черезъ десять съ половиною мѣсяцевъ новый тяжкій ударъ поразилъ родительское сердце Царя: то была кончина шестнадцатилѣтняго Царевича Алексѣя Алексѣевича, отличавшагося прекрасными качествами ума и сердца. Государь шелъ за гробомъ своего любимаго сына въ *смирномъ* (траурномъ) платьѣ (6), присутвовалъ при погребеніи, и, покоряясь непсповѣдимому промыслу Божію сохранилъ твердость души при слезахъ и рыданіяхъ всѣхъ присутствовавшихъ (7).

22 января 1671 года, Царь Алексѣй Михайловичъ вступилъ во второй бракъ съ дочерью дворянина Кирилла Поліевктовича Нарышкина, дѣвицею Наталіей Кирилловной.

Отъ перваго брака съ Маріей Ильинишной Милославской Царь Алексѣй Михайловичъ имѣлъ тринадцать дѣтей: 1. *Дмитрія*, 2. *Евдокію*, 3. *Марѳу*, 4. *Алексѣя*, 5. *Анну*, 6. *Софію*, 7. *Екатерину*, 8. *Марію*, 9. *Ѳеодора*, 10. *Ѳеодосію*, 11. *Симеона*, 12. *Іоанна*, 13. *Евдокію*.

Дѣти отъ втораго брака съ Наталіей Кирилловной Нарышкиной были: 1. *Петръ*, 2. *Наталія* и 3. *Ѳеодора*.

Значеніе Царя Алексѣя Михайловича въ нашей исторіи чрезвычайно важно. Наслѣдовавъ отъ родителя своего государство, стихіи котораго только что начинали приходить въ порядокъ, но вліяніе котораго на политическія дѣла сосѣднихъ державъ не было и не могло быть ощутительно, Алек-

---

(1) Чтенія въ Импер. Общ. Ист. и Древн. при Москов. Универс. статья *Нынѣшнее состояніе Россіи* стр. 17.—(2) Акты Арх. Ком. Т. IV, № 164. Вскорѣ послѣ завоеванія Вильны, Царь приказалъ воеводѣ Князю Шаховскому купить, для царскихъ соколовъ и кречетовъ, *двѣ тысячи* мѣдныхъ колокольчиковъ, по присланнымъ образцамъ. Князь Шаховской не отыскалъ въ Вильнѣ ни колокольчиковъ, ни мастеровъ, которые бы умѣли ихъ изготовить, и посылалъ нарочныхъ въ Королевецъ (Кенигсбергъ), гдѣ и было куплено *тысяча восемь сотъ восемнадцать* колокольчиковъ. Акты Арх. Ком. Т. IV, № 124. О забавахъ Царя соколиною охотою есть любопытныя подробности въ собственноручныхъ письмахъ его къ стольнику Матюшкину. См. Акты Арх. Ком. Т. IV, № 100 и дополн. къ Акт. № 71.—(3) Древн. Рос. Вивліоѳ. Т. III стр. 451.—(4) Чтенія въ Импер. Общ. и проч. см. выше — (5) Видъ ихъ помѣщенъ въ *Очеркахъ* Тромонина № 61. — (6) Выходы Царей и Велик. Князей изд. П. Строевымъ стр. 541. — (7) Древн. Рос. Вивліоѳ. Т. XIV стр. 65—68. Дополн. къ дѣян. Петра Великаго Т. III стр. 130.

сей Михайловичъ поставилъ Россію, въ продолженіе тридцати съ небольшимъ лѣтъ, на такую степень внутренняго развитія и внѣшняго значенія, что великій сынъ его, Петръ, имѣлъ возможность приступить къ подвигу преобразованія. Безъ приготовительныхъ трудовъ Царя Алексѣя Михайловича, такой подвигъ былъ бы превыше человѣческихъ силъ.

Слѣдствіемъ развитія и укрѣпленія силъ государства была перемѣна въ характерѣ внѣшней политики. Обстоятельства поставили Царя Михаила Ѳеодоровича въ такое положеніе, что ему надлежало посвятить всѣ труды на устройство дѣлъ внутреннихъ; напротивъ, Алексѣй Михайловичъ, постигнувъ то значеніе, которое долженствовала имѣть Россія на сѣверовостокѣ Европы, уже сталъ помышлять о возстановленіи Русской Земли въ ея древнихъ предѣлахъ, и старался рѣшить съ Польшею давнишній споръ о Великомъ Княжествѣ Литовскомъ [1]. И какая разительная перемѣна совершилась при немъ въ отношеніяхъ между сими государствами! Давно ли былъ заключенъ деулинскій договоръ? Прошло едва шестьдесятъ лѣтъ, и та самая Польша, которая, пользуясь разстройствомъ Россіи, возвышала свой голосъ, смиренно поручала свою судьбу Русскому Царю, будто предчувствуя, что рано или поздно должна будетъ войти въ составъ могущественной державы [2], какъ это предсказывалъ, еще въ 1661 году, Король Янъ Казиміръ, за семь лѣтъ до своего отреченія [3]. Андрусовскій миръ можно назвать основою этого событія, совершившагося спустя сто лѣтъ.

Дипломатическія сношенія Россіи съ другими государствами приняли, при Царѣ Алексѣѣ Михайловичѣ, обширные размѣры. Русскіе послы ѣздили, кромѣ сосѣдственныхъ Польши и Швеціи, въ Пруссію, Францію, Англію, Голландію, Венецію, Испанію, Турцію, Персію, и изъ большей части сихъ государствъ послы являлись въ Москву. Даже въ отдаленный Китай два раза было отправляемо посольство для собранія свѣдѣній объ этой имперіи, и для открытія съ ней торговыхъ сношеній.

Предѣлы Русскаго Государства расширились значительно. Кромѣ Княжествъ Смоленскаго и Сѣверскаго, пріобрѣтенныхъ отъ Польши, Царь Алексѣй Михайловичъ присоединилъ къ своимъ владѣніямъ Малороссію, сначала на лѣвой сторонѣ Днѣпра, а потомъ принялъ въ свое подданство и Заднѣпровскихъ Казаковъ. Власть его признали Астраханскіе Калмыки; Цари Имеретіи и Мингреліи искали его покровительства, и при немъ же докончено покореніе юговосточной части Сибири, начатое въ царствованіе Михаила Ѳеодоровича.

«Царь Алексѣй Михайловичъ,» говоритъ его жизнеописатель, «принадлежитъ къ числу тѣхъ рѣдкихъ въ исторіи государей, которые, умѣя господствовать надъ событіями вѣка и давать имъ направленіе, согласное съ правилами искусной, дальновидной политики, прославляютъ свое царствованіе блестящими дѣлами и сѣютъ для будущаго сѣмена плодотворныя. Для Россіи онъ сдѣлалъ такъ много, что плоды его дѣяній не могли исчезнуть даже предъ безмѣрнымъ величіемъ сына его, при всеобщемъ преобразованіи отечества, водворившемъ совершенно новый порядокъ вещей» [4].

---

(1) Руск. Истор. Н. Устрялова, Царств. Алексѣя Михайловича.—(2) Тамъ же.—(3) Польская Истор. Н. Павлищева стр. 191.—(4) Энциклопедическій Лексиконъ Т. I, статья Н. Г. Устрялова.

Въ Типографіи II Отдѣленія Собственной Е. И. В. Канцеляріи. С. Петербургъ, Марта 23 дня 1853 г. Цензоръ *А. Крыловъ*.

Печат: д'Арленгъ

съ порт: наход: въ альбомѣ путешес: Мейерберга по Росси.

Изд: Г. Фридебургъ

МАРІЯ ИЛЬИНИЧНА урож: МИЛОСЛАВСКАЯ.

Первая Супруга Царя Алексѣя Михаиловича

Родилась въ 1625 году.
Вступила въ супружество 26 Января 1648 года.

Скончалась 3 Марта 1669 г.
Погребена въ Московскомъ Вознесенскомъ дѣвичьемъ Монастырѣ.

Печат: позволяется
С.Петербургъ 17 Сентября 1853.
Ценсоръ Фрейгангъ.

МАРІЯ ИЛЬИНИШНА,

УРОЖДЕННАЯ

МИЛОСЛАВСКАЯ,

ПЕРВАЯ СУПРУГА ЦАРЯ АЛЕКСѢЯ МИХАЙЛОВИЧА,

САМОДЕРЖЦА ВСЕРОССІЙСКАГО.

Совершенный недостатокъ историческихъ матеріаловъ, относящихся вообще до угасшаго нынѣ въ Россіи рода Милославскихъ (1), къ которому принадлежала и Царица Марія Ильинишна, первая супруга Царя и Самодержца Всероссійскаго Алексѣя Михайловича, лишаетъ всякой возможности составить жизнеописаніе этой Царицы съ должною отчетливостію.

Изъ родословной книги Князей и дворянъ видно только, что Милославскіе выѣхали изъ Польши, безъ означенія даже времени этого выѣзда, и приняли свое названіе отъ одного изъ своихъ предковъ, Мстислава, брата Вечеслава, *Князя града Праги*. Тамъ хотя и сказано, что родословная ихъ въ Разрядномъ Архивѣ подъ № 18 (2), но по произведеннымъ розысканіямъ, родословной этой въ Архивѣ не оказалось, а за неимѣніемъ сей росписи, не представляется никакой возможности опредѣлить не только время выѣзда Милославскихъ изъ Польши, но даже вывести родопоколѣніе Маріи Ильинишны, и опредѣлить степени съ нею родства тѣхъ изъ Милославскихъ, имена которыхъ встрѣчаются по разнымъ актамъ. Но этому остается, касательно рода Милославскихъ, ограничиться только компиляціею тѣхъ немногихъ историческихъ о Милославскихъ свѣдѣній, которыя заключаются въ русскихъ и иностранныхъ источникахъ.

Такъ напримѣръ: въ Памятникѣ Московской Древности, выѣздъ Милославскихъ изъ Польши отнесенъ къ XV столѣтію (3). Въ Польскомъ Гербовникѣ сказано только, что у Милославскихъ гербъ рода Доливы и что одинъ изъ нихъ Петръ, изъ Милослава, ѣздилъ съ Витолдомъ противъ Татаръ, гдѣ много и храбро сражавшись, погибъ въ 1391 году; другой же Милій (Milaus), тоже изъ Милослава, въ 1436 году, подписалъ міръ Брзецкій (4).

По извѣстіямъ же иностранныхъ писателей о Россіи, Милославскіе принадлежали къ числу весьма незначительныхъ и малоизвѣстныхъ дворянскихъ фамилій въ Россіи.

Это извѣстіе отчасти подтверждается тѣмъ, что до конца XVI столѣтія Милославскихъ не видно по спискамъ, ни между боярами, ни даже между окольничими и стольниками, а по актамъ имена ихъ встрѣчаются въ должностяхъ, весьма незначительныхъ (5).

---

(1) Послѣдній изъ рода Милославскихъ былъ Вице-Адмиралъ Ѳеодоръ Сергѣевичъ, человѣкъ весьма образованный и умный, онъ управлялъ въ 1761 году, Морскимъ Кадетскимъ Корпусомъ отъ Адмиралтействъ Коллегіи и впослѣдствіи засѣдалъ въ 4-мъ департаментѣ Правительствующаго Сената — (2) Родословная книга Князей и Дворянъ. Москва 1787 г., ч. II, стр. 345 и 417.—(3) Снѣгиревъ.—Памятн. Моск. древности стр. 306.—(4) Herbarz Polski T. VI, S. 414.—(5) Акты историческіе Т. I, стр. 326 и 538. Акты юридическіе стр. 190.

Только въ 1597 году, одинъ изъ Милославскихъ, Иванъ Михайловичъ, является Бояриномъ Большой Казны [1], мѣсто въ то время весьма почетное, которое онъ занималъ и при Царѣ Михаилѣ Ѳеодоровичѣ въ 1629 году [2]; но, не взирая на высокое свое положеніе, онъ, какъ полагать должно, не имѣлъ особеннаго значенія, потому что ни въ исторіи, ни въ лѣтописяхъ, объ немъ нигдѣ не упоминается.

Другіе же Милославскіе, имена которыхъ встрѣчаются по актамъ XVII столѣтія, были не выше воеводъ незначительныхъ городовъ [3].

Обращаясь за тѣмъ собственно къ той вѣтви Милославскихъ, отъ которой произошла Марія Ильинишна, оказывается, что свѣдѣнія эти также весьма скудны; они хотя восходятъ до ея дѣда Даніилы Ивановича, но объ немъ извѣстно только, что въ 1621 году онъ былъ воеводою въ Туринскомъ острогѣ [4], и потомъ въ 1633 и 1634 годахъ воеводою въ Верхотурьѣ [5].

Сынъ его Илія Даніиловичъ, отецъ Маріи Ильиишны, по извѣстіямъ иностранныхъ современниковъ, былъ человѣкъ весьма незначительный и крайне бѣдный [6]. Онъ былъ женатъ на Екатеринѣ Ѳеодоровнѣ [7], происхожденіе которой неизвѣстно, и имѣлъ только двухъ дочерей: старшую Марію, родившуюся, по сказанію Барона Мейерберга, въ 1625 году [8], и младшую Анну. Марія, по словамъ Колиса, отличалась не столько своею красотою, сколько скромностію, благочестіемъ и трудолюбіемъ [9].

О первоначальной службѣ Иліи Даніиловича, въ русскихъ источникахъ нѣтъ никакихъ свѣдѣній; а по соображеніи иностранныхъ писателей, должно полагать, что она была не замѣчательна. Колисъ передаетъ, что Илія Даніиловичъ возвысился смертію своего дяди, Думнаго Дьяка Посольскаго Приказа и Печатника Ивана Тарасьевича Граматина, у котораго онъ, въ молодости своей, былъ Кравчимъ [10], а потому явленіе Иліи Даніиловича въ 1643 году, Стольникомъ, Мядинскимъ Намѣстникомъ и посланникомъ къ Турецкому Султану [11], должно, со всею вѣроятностію, отнести покровительству и вліянію при Дворѣ Государя, Дьяка Граматина, человѣка весьма замѣчательнаго по образованію и по значенію въ дѣлахъ дипломатическихъ.

Было-ли это посольство для Иліи Даніиловича первое или нѣтъ, неизвѣстно; но такъ какъ посланный вмѣстѣ съ нимъ Дьякъ, Леонтій Лазаревъ назывался тоже посланникомъ, что, по справедливому замѣчанію г. Берха, служитъ явнымъ доказательствомъ неполнаго довѣрія къ первому посланнику, можно съ достовѣрностію полагать, что онъ еще былъ новъ въ дѣлахъ дипломатическихъ [12].

Неизвѣстны также ни время возвращенія Иліи Даніиловича изъ Константинополя, ни результатъ его посольства; впрочемъ въ концѣ 1645 года, онъ вновь былъ отправленъ посломъ въ Голландію [13], а потому полагать должно, что первое порученіе исполнилъ удовлетворительно. Въ послѣднее посольство на него возложено было, сверхъ дипломатическихъ сношеній, двумя особыми грамотами: 1) *отыскать мастеровъ, умѣющихъ дѣлать, на водяныхъ мельницахъ бѣлое желѣзо, проволку, стволы для солдатскихъ ружей и желѣзныя доски, и* 2) *пригласить капитановъ, которые солдатскому строю навычны . . . . , да солдатъ добрыхъ самыхъ ученыхъ 20 человѣкъ* [14].

По тогдашнимъ отношеніямъ Россіи къ Голландіи, оба эти порученія могутъ служить доказательствомъ, что Милославскій былъ человѣкъ свѣдущій, тонкаго и вкрадчиваго ума и пользовался довѣріемъ Государя.

Г. Берхъ говоритъ, что такое возвышеніе Милославскаго дѣлалось по прозорливому уму могущественнаго въ то время боярина Бориса Ивановича Морозова, предназначавшаго его въ сродство Монар-

---

(1) Древн. Росс. Вивліоѳ. Т. XX, стр. 290.—(2) Акты Истор. Т. I, стр. 466. — (3) Акты Археогр. Экс. Т. III, стр. 289, 154, 180, 207 и 323. — (4) Древн. Росс. Вивліоѳ. Т. III, стр. 137.— (5) Акты Истор. Т. III, стр. 325, 326 и 336. — (6) Relation curieuse de l'Etat présent de la Russie, traduite d un Auteur Anglais, qui a été 9 ans à la Cour du Grand Czar. Paris. DCLXXIX p. 77 et 78; тамъ сказано: Jl n'y a que 20 ans, qu'Jlia, beau père de l'Empereur, n'etait que cabaretier, et sa fille, qui est femme du Czar, allait vendre des champignons au marché. Vogage du Sr. Adam Olearius. 1719 p. 291; тамъ передается о бѣдности не только самаго Иліи Даніиловича Милославскаго, но и всѣхъ его родственниковъ. Stralamberg- Description historique de l'Empire Russien, Amsterdam MDCCLVII T. 1, p. 90.—(7) Древн. Росс. Вивліоѳ. Т. XIII, стр. 211.—(8) Баронъ Мейербергъ — путешествіе его по Россіи, изд. Аделунга стр. 246 и 247. — (9) Чтенія Моск. Импер. Общ. Истор. и Древн. годъ 1, кн. 2, стр. 32. — (10) Тамъ же. — (11) Повседневныя Дворцовыя записки стр. 237.—(12) Берха. Царств. Царя Алексѣя Михайловича ч. I. стр. 43.—(13) Опытъ трудовъ вольнаго россійскаго собранія Т. I, стр. 143, тамъ сказано, что Илія Даніиловичъ прибылъ въ Архангельскъ 1 сентября и отправился въ Голландію 6 числа 1646 года.— (14) Гаммеля. Опис. Тульскаго завода, прибавл. стр. 24.

ху, и полагаетъ, что Морозовъ имѣлъ Милославскаго въ предметѣ еще въ 1643 году; однако послѣднее предположеніе представляется сомнительнымъ, потому, что въ то время Алексѣю Михайловичу было только 13 лѣтъ, а столь заблаговременное приготовленіе ему невѣсты, изъ незначительнаго семейства Милославскаго, непремѣнно объяснилось бы по историческимъ матеріаламъ личными, въ то время, отношеніями Морозова къ этому семейству.

Чрезъ 11 мѣсяцевъ (3 августа 1646 г.) Илія Даниловичъ возвратился изъ посольства (1) и почти вслѣдъ затѣмъ умы царедворцевъ, бояръ и другихъ дворянскихъ фамилій были взволнованы повелѣніемъ представить Государю дѣвицъ, для выбора ему невѣсты.

Изъ жизнеописанія Царя Алексѣя Михайловича видно, что на этотъ выборъ предстало 200 отборныхъ красавицъ, изъ которыхъ только 6 были удостоены представленія Государю (14 Февраля 1647 года) назначенными для сего боярами.

Неизвѣстно, находились ли дочери Иліи Даниловича Милославскаго въ числѣ 6 счастливыхъ избранницъ, но между ними, дочь незнатнаго боярина Руфа (Ѳеодора) Родіоновича Всеволожскаго, дѣвица Евфимія затмѣвала всѣхъ своею необыкновенною красотою. Государь удостоилъ ее наименованіемъ своею невѣстою и всѣ замыслы боярина Морозова, казалось, должны были рушиться, но судьба устроила иначе. Внезапный обморокъ дѣвицы Евфиміи, при представленіи ея Государю, совершенно измѣнилъ весь ходъ дѣлъ.—(2) Ее тотъ часъ же отправили къ какому то боярину за 3 версты отъ столицы, для наблюденія за состояніемъ здоровья, а родителей, не взирая на клятвенныя ихъ увѣренія, что дочь ихъ совершенно здорова, заключили подъ стражу. (3) Безъ сомнѣнія, Бояринъ Морозовъ не упустилъ воспользоваться этимъ случаемъ для совершеннаго разстройства брака, несогласовавшагося съ его видами и, при содѣйствіи другихъ лицъ, приближенныхъ къ Государю, непроникавшихъ тайныхъ намѣреній преступа царскаго и надѣявшихся, по удаленіи дѣвицы Всеволожской, на счастіе сблизиться съ Царскимъ домомъ, дѣвица Евфимія была оклеветана предъ Государемъ въ одержимости падучею болѣзнію и въ намѣреніи скрыть это отъ Государя. Вслѣдствіе чего боярин Всеволожскій, со всѣмъ семействомъ, въ томъ же году, былъ сосланъ на воеводство въ Тюмень, гдѣ и скончался въ 1653 году (4).

Вскорѣ послѣ безвинной ссылки семейства Всеволожскихъ, бояринъ Морозовъ, заботившійся о бракосочетаніи Государя, по своимъ видамъ, успѣлъ, при содѣйствіи духовника Государя, возбудить въ Царѣ желаніе видѣть дочерей Иліи Даниловича.

Колинсъ передаетъ, что однажды, во время обѣдни въ Успенскомъ соборѣ, Царь увидѣлъ дочерей Милославскаго и былъ до того заинтересованъ дѣвицею Маріею, что пожелалъ съ нею видѣться, (5) а Олеарій сообщаетъ, что подъ предлогомъ представленія сихъ дѣвицъ Царевнамъ, сестрамъ Государя, ихъ привезли во дворецъ и здѣсь Царь Алексѣй Михайловичъ, увлеченный красотою старшей, Маріи Ильинишны, нарекъ ее своею невѣстою и въ тотъ же день послалъ къ ея родителю съ извѣщеніемъ о намѣреніи своемъ сочетаться съ нею бракомъ. При этомъ отъ Государя были посланы: нареченной невѣстѣ—богатѣйшіе подарки, а ея родителю—значительная сумма денегъ, въ которой Милославскій, по словамъ Олеарія, не мало нуждался, потому что немогъ, даже какъ будущій тесть Государя, прилично явиться ко двору (6).

За тѣмъ Марію Ильинишну взяли во дворецъ, помѣстили въ покояхъ царевенъ, гдѣ она оставалась до 14 Января 1648 г., а въ тотъ день, по указу Государя, ее ввели въ Царицыны хоромы и нарекли Государынею Царевною (7).

На другой день, въ субботу, въ 7 часовъ дня (считая отъ восхода солнца), Царь Алексѣй Михайловичъ, сопутствуемый боярами, окольничими, думными людьми и дворянами, былъ въ Успенскомъ со-

(1) Опытъ трудовъ вольнаго россійск. собранія ч. I, стр. 143.—(2) Шведскій повѣренный при Московскомъ дворѣ Ферберъ, находившійся въ то время въ Москвѣ, говоритъ, что дѣвица Всеволожская упала въ обморокъ отъ того, что была взволнована страхомъ и радостію неожиданнаго этого счастія, а Колинсъ передаетъ, что обморокъ этотъ случился отъ того, что по тайному приказанію боярина Морозова, ей чрезвычайно крѣпко завязали на головѣ волосы. См. СѢв. Архивъ ч. I, стр. 151—153 и чтенія Моск. Имп. Общ. Истор. и древн. годъ 1, кн. 2, стр. 4 и 31. — (3) Арцыб.— повѣст. о Росс. Т. III, кн. VI, стр. 92.—(4) Древн. Росс. Вивл. Т. III стр. 174. Акты Истор. Археогр. Ком. Т. II, № 59 и прим. стр. 4.—(5) Чтенія Моск. Имп. Общ. Истор. и Древн. ч. I, кн. 2, стр. 5, тамъ только Марія Ильинишна ошибочно названа младшею.—(6) Vogage du Sr. Ad. Olearius. 1719 p. 291.—(7) Древн. Росс. Вивл. Т. XIII, стр. 181.

борѣ, гдѣ Святѣйшій Московскій и всей Россіи Патріархъ Іоасафъ благословилъ его на бракосочетаніе образомъ; при чемъ Царь и Патріархъ говорили другъ другу рѣчи, а оттуда Государь ходилъ въ Чудовъ монастырь, къ Архистратигу Михаилу и чудотворцу Алексію, къ Вознесенію Христову и въ монастырь Пречистой Богородицы, къ Архангелу и къ Благовѣщенію, послѣ чего онъ возвратился во дворецъ (1); а въ слѣдующій день, воскресеніе, 16 Января, въ Соборной церкви Государя, совершено было обрученіе и вѣнчаніе Царя Алексѣя Михайловича съ Царевною Маріею Ильинишною, Благовѣщенскимъ протопопомъ Стефаномъ (2).

Хотя современные иностранные писатели передаютъ, что этотъ бракъ, изъ опасенія всякихъ чаръ неблагонамѣренныхъ людей, былъ совершенъ весьма скромно, даже тайно, (3) однако по свадебному разряду напротивъ того, видно, что онъ былъ совершенъ съ обыкновеннымъ торжествомъ, продолжавшимся четыре дня.

На этой свадьбѣ отецъ Маріи Ильинишны, котораго баронъ Мейербергъ именуетъ Комнатнымъ Дворяниномъ (4), находился по обыкновенію у сѣнника, и вмѣстѣ съ бояриномъ Глѣбомъ Ивановичемъ Морозовымъ, стлалъ въ сѣнникѣ брачное ложе. На другой день торжества, Илія Даниловичъ былъ пожалованъ въ Окольничьи, а чрезъ недѣлю послѣ брака, 2 Февраля, по возвращеніи Царя изъ Троицкой Лавры, онъ возведенъ въ Бояре (5).

А матерь Царевны, Екатерина Ѳеодоровна, была въ числѣ почетнѣйшихъ четырехъ боярынь, находившихся у нея въ комнатѣ и именно: Ульяны Ѳеодоровны, жены боярина Ивана Никитича Романова (двоюроднаго дѣда Государя), Степаниды Семеновны, жены боярина Ивана Васильевича Морозова, и Княгини Анастасіи Никитишны, жены Бориса Михайловича Львова (6).

Вообще на этой свадьбѣ въ разныхъ должностяхъ находилось: 14 бояръ, 16 окольничихъ, 117 стольниковъ, 6 думныхъ дьяковъ, 6 стряпчихъ, 21 дворянинъ, постельничій, стряпчій съ ключемъ, ясельничій, 12 боярынь, жена окольничаго, жена стольника, 13 дьяковъ, 14 степенныхъ ключниковъ и чарочниковъ и 20 Царицыныхъ боярскихъ дѣтей.

Изъ всѣхъ этихъ чиновъ въ должностяхъ болѣе значительныхъ, были слѣдующія лица:

Отцомъ-посаженымъ—бояринъ Борисъ Ивановичъ Морозовъ, *матерью посаженою*—жена Глѣба Ивановича Морозова, Евдокія Алексѣевна, *Тысяцкимъ*—бояринъ Князь Яковъ Кудеяковичъ Черкасовъ, *дружками: со стороны Царя жениха*—бояринъ Князь Никита Ивановичъ Одоевскій и окольничій князь Василій Григорьевичъ Ромодановскій; *а со стороны Царевны невѣсты*—бояринъ Михаилъ Михайловичъ Салтыковъ и стольникъ Василій Голохвастовъ.

Родственники же Царевны невѣсты: Милославскіе и Матюшкины, находились въ числѣ *пользжанъ и сверстныхъ дворянъ*, слѣдовавшихъ за ея санями.

Общій порядокъ торжества этого брака былъ совершенно согласенъ съ преждебывшими, извѣстными уже изъ описанія бракосочетанія Царя Михаила Ѳеодоровича съ Евдокіею Лукьяновною Стрѣшневою, но въ частностяхъ онъ имѣлъ свой отличительный характеръ, выражающій религіозное настроеніе души Царя Алексѣя Михайловича и просвѣщенный его взглядъ на современные предразсудки; отступленія эти были слѣдующія.

1) При выходѣ Государя изъ его хоромъ въ золотую среднюю палату, въ отмѣну прежняго обычая, *чтобы у шубы замѣтать полы назадъ на плеча*, Государь велѣлъ: *сдѣлать у шубы ожерелье долгое, соболье большое* (7).

2) Послѣ возвращенія Царя и Царицы отъ вѣнчанія въ Грановитую Палату, когда всѣ сѣли за столы на свои мѣста, и по приказанію Государя подали вина Фряжскія, *Государю подали три кубка: романеи, рейскаго и бастры*, которые онъ пожаловалъ: боярину Борису Ивановичу Морозову, Григорію Гавриловичу Пушкину и женѣ боярина Глѣба Ивановича Морозова (8).

---

(1) Древн.Росс. Вивліоѳ. Т. XIII, стр. 185—187.—(2) Тамъ же стр. 205.—(3) Чтенія въ Моск. Имп. Общ. Истор. и древн. годъ 1, кн. 2, стр. 32. Voyage du Sr. Adam. Olearius 1719 p. 201.—(4) Баронъ Мейербергъ изд. Аделунга — путешеств. по Россіи стр. 243.—(5) Берха — царств. Царя Алексѣя Михайловича ч. I, стр. 45.—(6) Древн. Росс. Вивліоѳ. Т. XIII, стр. 211.—(7) Тамъ же стр. 188.—(8) Тамъ же стр. 208.

3) На прежнихъ свадебныхъ торжествахъ бывало: по приходѣ Государя и Государыни къ сѣннику, *посаженая мать, положа на себя шубу соболью, шерстью вверхъ, осыпала Царя и Царицу осыпаломъ*, а по свадебному разряду Царя Алексѣя Михайловича съ Маріею Ильишишною этого не видно; тамъ не упоминается даже о приготовленіи осыпала; изъ чего можно заключить, что этотъ обычай былъ отмѣненъ.

4) Во второй день торжества, Государь вышелъ изъ мыльни къ обѣденному столу въ Грановитую Палату не съ Государынею Царицею, какъ это бывало прежде, а одинъ, *и сѣлъ во своемъ Государевъ Царскомъ мѣстѣ, за золотымъ столомъ, а предъ нимъ Государемъ стали дружки;* прочіе же свадебные чины сѣли по назначенію Государя. Бояре и думные люди были *въ шубахъ нагольныхъ, да въ горлатыхъ шапкахъ*, стольники и всякихъ чиновъ люди *въ охобняхъ*, а свѣчники, фонарники и коровайники, во всѣ три дня были *въ терликахъ*. Государыня же Царица имѣла особый столъ *на боярынь, въ своихъ Государевыхъ хоромахъ и сидѣла за столомъ на своемъ Царскомъ мѣстѣ, а предъ нею стояли свахи* (1).

5) Въ отмѣну прежняго порядка, *Государь на своей Государевой радости, накромъ и трубамъ быти не изволилъ; и велѣлъ въ свои государскіе столы, вмѣсто трубъ и органовъ и всякихъ свадебныхъ потѣхъ, пѣти своимъ Государевымъ пѣвчимъ, дьякамъ, всѣмъ станицамъ перемѣнялись, строчные и демественные большіе стихи, изъ праздниковъ и изъ тріодей, драгіе вещи, со всякимъ благочиніемъ и по его Государеву мудрому и благочестному разсмотрѣнію быть тишина и радость и благочиніе веліе, яко и всѣмъ ту сущимъ дивитися, и возсылати славу, превеликому въ Троицѣ Славимому Богу и хвалити и удивлятися о премудромъ его Царскаго Величества разумѣ и благочиніи. Во все время обѣденнаго стола и послѣ того, много время, передъ Государемъ пѣли его Государевы пѣвчіе, дьяки, строчные и демественные стихи изъ Владычныхъ праздниковъ и изъ тріодей и быть бракъ честенъ и пированіе веліе, яко всѣмъ быти веселымъ и радостнымъ и благодарити и молити Бога о ихъ Государскомъ здоровіи и о многолѣтномъ пребываніи.*

За тѣмъ Государь пошелъ изъ Грановитой Палаты въ свои хоромы, а бояре, окольничіе, думные и всякихъ чиновъ люди отъ Царскаго стола разошлись по домамъ, *славя и благодаря Бога о Государской радости и о такомъ его Царскаго Величества благочиніи и пространномъ жалованіи.*

Въ третій день было тоже самое торжество, только *послѣ стола, Государь жаловалъ овощами, многихъ изъ своихъ рукъ, а подачи овощей всѣмъ людямъ, которые у стола были отъ Государя нескудныя, по цѣлому блюду, а инымъ и по два* (2).

6) Въ четвертый день торжества, въ среду, Государь, въ отмѣну прежняго порядка, принималъ подарки отъ духовныхъ властей не въ своихъ Царскихъ хоромахъ, а у Царицы, и именно:

Послѣ встрѣчи установленнымъ порядкомъ въ своей Золотой Палатѣ Святѣйшаго Московскаго и всей Россіи Патріарха Іоасафа, со всѣми духовными властьми, онъ посидѣлъ тамъ немного и потомъ пошелъ въ царицыны палаты, сопутствуемый духовенствомъ, боярами и думными людьми.

Тамъ Святѣйшій Патріархъ, прочитавъ молитву *достойно есть . . . .*, благословилъ Государыню Царицу; послѣ чего Царь Алексѣй Михайловичъ сѣлъ на свое Царское мѣсто возлѣ Царицы, и Святѣйшій Патріархъ, съ приличною рѣчью, поздравилъ ихъ обоихъ; потомъ онъ благословилъ Царя образомъ и золотымъ крестомъ съ мощами, украшеннымъ каменьями и жемчугомъ, поднесъ ему дары, и точно также, благословилъ Царицу и ей поднесъ дары; а за Патріархомъ благословляли Царя и Царицу и подносили имъ дары, прочія духовныя власти. Всѣ эти подарки были приняты казенными дьяками въ Государеву казну (3).

Весьма интересно наименованіе кушаньевъ, приготовленныхъ Царю и Царицѣ въ первый день торжества *въ Сѣнникѣ* и во второй день *въ Мыльню и избушку;* они даютъ отчасти понятіе о тогдашнемъ состояніи Царской кухни, вотъ ихъ названія:

Съ Кормоваго Дворца въ сѣнникъ подано приказныхъ яствъ: Для Государя: *папорокъ лебединъ, подъ шафраннымъ взваромъ, рябъ окрашиванъ подъ лимоны, потрахъ гусиный.* Для Государыни Царицы: *гусь жаркій, порося жаркое, куря съ кальтъ съ лимоны, куря въ лапшѣ, куря во щахъ бон-*

(1) Древн. Росс. Вивліоѳ. Т. XIII, стр. 215, 221.—(2) Тамъ же стр. 214, 221, 222 и 223.—(3) Тамъ-же стр. 223 и 227.

тыхъ; кромѣ того Государю и Государынѣ подано было хлѣбныхъ кушаньевъ: *перепечи крупчатая въ три лопатки недомырокъ, четь хльба ситнаго, курникъ подсыпанъ яицы, пирогъ съ бараниною, блюдо пироговъ кислыхъ съ сыромъ, блюдо жаворонковъ, блюдо блиновъ тонкихъ, блюдо пироговъ съ яицы, блюдо сырниковъ и блюдо карасей съ бараниною;* а на другой день для кушанья Государю было приготовлено, *на хльбномъ Дворцѣ: курникъ подсыпанъ яицы, пирогъ росольный, блюдо пироговъ подовыхъ на торговое дѣло, блюдо карасей съ бараниною, коровай яцкій, блюдо блиновъ тонкихъ, блюдо пироговъ кислыхъ, блюдо сырниковъ, блюдо жаворонковъ и блюдо пироговъ съ яицы;* Государынѣ же Царицѣ было подано въ ея хоромы: *курникъ недомырокъ, кольцо, полъ хльбца* и всѣ кушанья, которыя приготовлялись для Царя, съ замѣненіемъ блюда пироговъ съ яицами, *блюдомъ пироговъ пряженыхъ* (1).

Нельзя также не обратить вниманія на то, что во все время свадебнаго торжества, были назначены особыя лица, подробно поименованныя въ свадебномъ разрядѣ, смотрѣть по городу, дозирать городскія ворота и всѣ входы, какъ во Дворецъ, такъ и во внутреннихъ покояхъ.

Всего у дверей, у рѣшетокъ и по городу было въ назначеніи: 47 дворянъ, 7 дьяковъ, 8 головъ стрѣлецкихъ, 12 стольниковъ, 18 подьячихъ и 570 стрѣльцовъ (2).

Хотя изъ другихъ свадебныхъ разрядовъ видно, что при прежнихъ Великокняжескихъ и Царскихъ свадьбахъ иногда дѣлались подобныя назначенія, однако весьма рѣдко, а потому не это ли обстоятельство послужило основаніемъ сказанію иностранныхъ современниковъ, что бракъ Царя Алексѣя Михайловича съ Маріею Ильинишною былъ совершенъ весьма скромно, даже тайно?

Безъ сомнѣнія, этотъ бракъ составилъ блестящую эпоху въ жизни Маріи Ильинишны.

Съ переходомъ въ Царскіе чертоги, она была поставлена на высшую степень земнаго величія, окружена своимъ многочисленнымъ придворнымъ штатомъ, блескъ и богатство котораго составляли предметъ не малаго удивленія западныхъ Европейцевъ, и не только наслаждалась полнымъ довольствомъ, но даже всевозможными прихотями азіатской роскоши.

Но въ тоже время, съ этимъ переходомъ прерывались и всѣ отношенія ея, не только къ свѣту, даже къ ближайшимъ родственникамъ и роднымъ. Вся жизнь ея и свобода дѣятельности были тѣсно заключены въ стѣнахъ ея терема, куда, по религіозно-нравственнымъ понятіямъ того времени, безъ особой воли самаго Государя, не смѣлъ проникнуть взоръ, не только посторонняго, даже самыхъ близкихъ родныхъ.

Колинсъ передаетъ, что уваженіе къ царственнымъ особамъ такъ велико, что не только родственники, даже отецъ Маріи Ильинишны не смѣетъ называть ее иначе, какъ Царицею, а она именуетъ его просто Иліею (3).

Скромная, благочестивая и благонравная Царица Марія Ильинишна, со всею строгостію подчинялась всѣмъ постановленіямъ своего вѣка и, тщательно скрывая себя отъ свѣта, никогда не являлась даже за обѣдомъ Государя, а богомольные свои поѣзды совершала большею частію ночью, въ колымагахъ, обтянутыхъ краснымъ сукномъ, и окруженная множествомъ горничныхъ дѣвушекъ, швей и боярынь (4). Баронъ Мейербергъ передаетъ также, что ежедневные свои выходы въ женскій дѣвичій монастырь Вознесенія Христова, Царица Марія Ильинишна совершала по особой изъ дворца крытой галлереѣ; а для прогулокъ на свѣжемъ воздухѣ, ѣздила обыкновенно въ колымагѣ или саняхъ, смотря по времени года, кругомъ плотно закрытыхъ, такъ, что изъ тысячи придворныхъ едвали найдется одинъ, могущій по справедливости сказать, что онъ видѣлъ государыню (5).

По особенной только милости Государя къ барону Мейербергу, какъ посланнику Австрійскаго Императора Леопольда 1, ему дозволено было видѣть нѣкоторые выходы Царицы въ церковь, которые онъ описываетъ и передаетъ въ рисункахъ такъ: «Въ обыкновенные воскресные и праздничные дни, одна изъ «находящихся при Царицѣ и Царевнахъ дѣвицъ носитъ надъ ихъ головами круглый зонтикъ, прикрѣп«ленный къ тонкой деревянной палочкѣ. Въ большіе же праздники Царица надѣваетъ корону; тогда че-

(1) Древн. Росс. Вивліоѳ. Т. XIII, стр. 210—213.—(2) Тамъ же стр. 228—232. — (3) Чтенія Москов. Общ. Истор. и Древн. годъ 1, кн. 2, стр. 5 и 17. — (4) Тамъ же стр. 20.—(5) Барона Мейерберга—Путешеств. по Россіи, изд. Аделунга стр. 236 и 237.

«тыре благородныя дѣвицы несутъ длинный балдахинъ, подъ которымъ шествуетъ вся царская фамилія «и именно: впереди сестры Царя, за ними царскія дѣти, несомыя каждое своею Оберъ-Гофмейстериною «(мамою), а въ заключеніе шла сама Царица». На рисункѣ она представлена выше всѣхъ окружающихъ ея женщинъ. Голова ея совершенно закрыта покрываломъ; она одѣта въ длинное платье изъ богатой парчи съ широкимъ воротникомъ изъ драгоцѣнныхъ мѣховъ, рукава опущены до земли и въ лѣвой рукѣ у неё платокъ (1).

Шествіе Царицы въ монастырь, для служенія тамъ панихиды и поминовенія, онъ передаетъ такъ: «Предъ Царицею несли въ серебренномъ позолоченомъ сосудѣ кутью, состоявшую изъ меду, пшеницы, «смоквы и сахару, которую ставили на могилу, для прощенія грѣховъ. Въ такихъ случаяхъ четыре, шесть «и даже болѣе благородныхъ дѣвицъ и боярскихъ дочерей, въ продолженіе всей зимы, носятъ по утрамъ и «почью сплетеныя, по русскому обряду, зажженыя восковыя свѣчи.» На рисункѣ Царица представлена какъ и прежде, только вмѣсто короны волосы ея покрыты платкомъ, на лбу у нее богатая повязка, алмазами украшенная, въ правой рукѣ длинный жезлъ (посохъ), а въ лѣвой платокъ (2).

Баронъ Мейербергъ нарисовалъ также портретъ Царицы, съ подписью: *Марія Ильинишна Царица и Великая Княжна всея Россіи, лѣта 1662. Родилась 1625 года.* (3) Царица представлена около 37 лѣтняго возраста, съ чертами лица, весьма правильными и пріятными. Платье ея сшито изъ богатой съ цвѣтами парчи, на плечахъ широкій воротникъ изъ драгоцѣнныхъ мѣховъ, вокругъ шеи родъ ожерелья, украшенное жемчугомъ, алмазами, и застегнутое пятью большими пуговицами. Волосы ея покрыты шапкою, до воротника доходящею, на коей поставлена золотая, богато украшенная корона (4).

Колинсъ говоритъ, что Царица отличается отъ прочихъ женщинъ высокаго сословія, только уборкою головы и рукавами рубашки, длиною отъ 30 до 60 англійскихъ футовъ (5).

Внутренняя, домашняя жизнь Царицы Маріи Ильинишны, какъ всѣхъ вообще Царицъ XVI и половины XVII столѣтій, протекала почти въ постоянныхъ благочестивыхъ обрядахъ и строгомъ соблюденіи всѣхъ уставовъ церкви, (6) на примѣръ: утреннія и вечернія продолжительныя молитвы, строгіе посты, щедрая и непрестанная раздача милостыни въ церкви, монастыри и нищимъ, собственноручныя рукодѣлія для божіихъ храмовъ, и выписки изъ священныхъ писаній, составляли предметъ занятій Царицы, а лѣтомъ занятія эти разнообразились путешествіями въ загородные дворцы, гдѣ Царица съ Царевнами занималась также наблюденіемъ за садоводствомъ и сельскимъ хозяйствомъ.

Нельзя впрочемъ предполагать, чтобы жизнь эта протекала въ однихъ только религіозныхъ и серіозныхъ занятіяхъ, безъ всякихъ развлеченій, и хотя о томъ нѣтъ никакихъ памятниковъ, однако по простотѣ домашняго быта царскаго семейства, можно со всею вѣроятностію полагать, что въ часы досугъ пѣсни, игры и пляски комнатныхъ сѣнныхъ дѣвушекъ (мастерицъ) и придворныхъ карловъ, которые были въ большомъ употребленіи при дворѣ Царицы, также сказки верховыхъ богомолицъ и другихъ женщинъ, забавляли и услаждали Царицу. Въ большіе праздники и торжественные дни, Царица Марія Ильинишна иногда принимала въ своей Золотой Палатѣ, допускала къ рукѣ боярынь (7) и дѣлала обѣденные столы, а въ дни семейныхъ поминокъ, кормила у себя нищихъ и всякихъ бѣдныхъ людей, чѣмъ пріобрѣла всеобщую народную любовь.

Такъ провела Царица Марія Ильинишна болѣе 21 года счастливой супружеской жизни и, не взирая на то, что, по извѣщенію Барона Мейерберга, была 4 годами старѣе своего супруга, жизнь ея протекла въ мирѣ и согласіи; только однажды, по словамъ иностранныхъ современниковъ, Государь намѣренъ былъ съ нею разлучиться, по неимѣнію, долгое время, мужескаго колѣна; однако рожденіе, 2 іюля 1661 года, царевича Ѳеодора Алексѣевича возстановило семейное благосостояніе (8).

---

(1) Барона Мейерберга.—Путешеств. его по Россіи, изд. Аделунга стр. 238. — (2) Тамъ же стр. 240 и 241. — (3) Помѣщенный въ этомъ изданіи портретъ Царицы Маріи Ильинишны срисованъ съ того же портрета. — (4) Барона Мейерберга —Путешеств. его по Россіи, изд. Аделунга стр. 246, 247. — (5) Чтенія въ Моск. Общ. Истор. и Древн. ч. I, кн. 2, стр. 20 — (6) См. этого изданія жизнеоп. Царицы Евдокіи Лукьяновны, урожденной Стрѣшневой и статью: дѣти Царя Михаила Ѳеодоровича.—(7) Снегиревъ —Памят. Моск. Древн. стр. 252.—(8) Чтенія въ Моск. Общ. Истор. и Древн. годъ 1, кн. 2, стр. 4.

Мѣстомъ постояннаго жительства Царицы была Москва, откуда она выѣзжала на самое непродолжительное время, для богомолья и въ загородные царскіе дворцы (хутора). Только въ 1655 году, въ бытность Царя Алексѣя Михайловича подъ Смоленскомъ, когда въ Москвѣ открылось моровое повѣтріе, она, по убѣжденію Святѣйшаго Московскаго и всей Россіи Патріарха Никона, выѣхала изъ Москвы со всѣмъ царскимъ семействомъ на неопредѣленное время. Первый ея переѣздъ былъ въ Троицко-Сергіевскую Лавру, оттуда въ Колязинъ монастырь и наконецъ, въ октябрѣ 1656 года, въ Вязьму, гдѣ была встрѣчена царственнымъ своимъ супругомъ и, оставшись съ нимъ, возвратилась въ столицу въ февралѣ мѣсяцѣ (1).

Царь Алексѣй Михайловичъ такъ много любилъ и уважалъ Царицу Марію Ильиничну, что всевозможно старался возвысить всѣхъ ея родственниковъ, которые со времени ея супружества являются между стольниками, окольничими и даже боярами, а отецъ Царицы, Илія Данловичъ, покровительствуемый Государемъ и поддерживаемый бояриномъ Морозовымъ, женившимся, чрезъ 10 дней послѣ царской свадьбы, на второй дочери Иліи Данловича, дѣвицѣ Аннѣ, которая впрочемъ, по словамъ Колинса, не принесла ему супружескаго счастія (2), сталъ девятымъ въ спискѣ бояръ и сдѣлался лицемъ, весьма приближеннымъ къ Государю. Въ 1651 году онъ является присутствующимъ въ приказахъ: Стрѣлецкомъ, Рейторскомъ, Иноземномъ и Большой Казны. Въ 1656 году онъ былъ пожалованъ въ дворецкіе, а въ 1662 году сдѣланъ начальникомъ Аптекарскаго Приказа (3).

Дѣятельность Иліи Данловича по этой послѣдней должности болѣе всего замѣчательна и обнаруживаетъ въ немъ человѣка распорядительнаго, смѣтливаго и любящаго науки. Онъ развелъ въ Москвѣ три ботаническіе сада, снабжавшіе лекарственными растеніями обѣ Московскія Аптеки, которыя чрезъ то доставляли казнѣ большой доходъ. Кромѣ того онъ устроилъ въ Москвѣ лабораторію, и назначалъ въ полки лекарей, подлекарей и костоправовъ, чѣмъ также принесъ государству не малую пользу (4).

Илія Данловичъ скончался въ 1668 году (5) и, по иностраннымъ извѣстіямъ, оставилъ огромное движимое и недвижимое имѣніе, накопленное въ двадцатилѣтнее свое пребываніе при Дворѣ; неизвѣстно только, кому онъ завѣщалъ свои богатства, такъ какъ послѣ него мужескаго потомства не осталось (6).

Изъ сего имѣнія, послѣ смерти, Иліи Данловича, сдѣлались Царскимъ достояніемъ великолѣпныя каменныя палаты, построенныя имъ на мѣстѣ подареннаго ему Государемъ деревяннаго дома, въ Кремлѣ близъ дворца, и извѣстныя впослѣдствіи подъ названіемъ Потѣшнаго Дворца (7); а сооруженная имъ тамъ же, въ 1655 году, церковь Похвалы Богородицы съ двумя придѣлами во имя св. Алексія Божія человѣка и въ память св. Маріи Египетской, въ концѣ XVIII столѣтія, упразднена и нынѣ въ запустѣніи (8).

По отзывамъ иностранныхъ современниковъ, Илія Данловичъ, лично преданный Царю Алексѣю Михайловичу, хотя и пользовался взаимнымъ его благорасположеніемъ, но будучи чрезвычайно корыстолюбивъ, тщеславенъ и самонадѣянъ, не пріобрѣлъ уваженія Государя.

Олеарій передаетъ, что Илія Данловичъ едва успѣлъ удостоиться высокой чести тестя Государя, какъ поспѣшилъ сдѣлать о томъ извѣстнымъ всей Москвѣ, постройкою на мѣстѣ подареннаго ему Царемъ деревяннаго въ Кремлѣ дома, великолѣпныхъ каменныхъ палатъ и, пріобрѣтая власть при дворѣ Государя, сталъ мало по малу изгонять всѣхъ старыхъ служителей, не только изъ царскаго дома, но даже изъ другихъ служебныхъ мѣстъ, замѣщая ихъ своими родственниками и любимцами, которые, будучи не менѣе самаго Иліи Данловича алчны къ собственному обогащенію, дѣлали всевозможныя злоупотребленія. Изъ числа таковыхъ онъ выставляетъ: перваго Московсковскаго судью въ Земскомъ Дворѣ Леонтія Плещеева и завѣдывавшаго Пушкарскимъ Приказомъ Петра Траханіятова, какъ болѣе другихъ неблагонамѣренныхъ и вредныхъ для государства людей (9); а по словамъ другаго писателя, тщеславіе и самонадѣянность Иліи Даниловича не разъ даже навлекали ему неудовольствіе Государя; онъ

---

(1) См. жизнеоп. Царя Алексѣя Михайловича въ этомъ изданіи.—(2) Чтенія Моск. Имп. Общ. Истор. и Древн. годъ 1, кн. 2, стр. 32.—(3) Древн. Рос. Вивліоѳ. Т. XX, стр. 105, 178, 282, 283, 314, 389 и 403; Акты Археогр. Экси. Т. IV, стр. 190, 198, 242, 262, 264, 266, 268—318.—(4) Берха.—Царств. Царя Алексѣя Михайловича Т. I, стр. 245. — (5) Древн. Росс. Вивл. Т. XX, стр. 119. — (6) Берха.—Царств. Царя Алексѣя Михайловича Т. I, стр. 246. — (7) Voyage du Sr. Adam Olearius 1719 p. 279.—(8) Снѣгиревъ.—Памят. Моск. Древн. стр. LXI, XLV и 306.—(9) Voyage du Sr. Adam Olearius 1719 p. 279. Voyage en Moskowie d'un Ambassadeur, envoyé par l'Empereur Leopold au Czar Alexis Mikailowitch 1688 p. 296, 304.

передаетъ, что въ концѣ осени 1661 года, Царь Алексѣй Михайловичъ, получивъ извѣстіе о пораженіи Литовцами Русскихъ войскъ и о приближеніи къ Переяславлю, Польскаго Короля съ многочисленною арміею, собралъ, 10 Ноября, совѣтъ для разсужденія объ отраженіи непріятеля. Илія Даниловичъ, сидѣвшій ближе всѣхъ къ Государю, сказалъ, что если бы Царь довѣрилъ ему начальство надъ войскомъ, то онъ привелъ бы Польскаго Царя плѣнникомъ. Такое тщеславное предложеніе Иліи Даниловича, никогда не бывшаго въ военной службѣ, до того раздражило Государя, что въ порывѣ гнѣва, онъ толчками изгналъ его изъ собранія (1).

Иностранные писатели не съ большою похвалою отзываются и о другихъ родственникахъ Царицы, которые, будучи возвышены въ царствованіе Царя Алексѣя Михайловича, и занимая первыя ступени Престола при Царѣ Ѳеодорѣ Алексѣевичѣ и Царевнѣ Софіи Алексѣевнѣ, не отличили себя никакими государственными заслугами. Между ними въ особенности двоюродный братъ Царицы, Иванъ Михайловичъ Милославскій, занимавшій не только всѣ должности своего дяди Иліи Даниловича, но и пользовавшійся несравненно большею противъ него властію, памятенъ только придворными интригами противъ родственниковъ Царицы Наталіи Кирилловны и ея приверженцевъ и печальнымъ воспоминаніемъ о кровавомъ Стрѣлецкомъ бунтѣ, въ которомъ онъ былъ однимъ изъ главныхъ дѣятелей.

Между всѣми своими родными, Царица Марія Ильинишна отличалась какъ драгоцѣнная жемчужина, но, къ сожалѣнію, жизнь ея была весьма непродолжительна.

Съ 1663 года она начала страдать болѣзнями (2) и въ продолженіи трехъ лѣтъ не имѣла дѣтей. Рожденіе, въ 1666 году, Царевича Іоанна ослабило ее еще болѣе, и уже съ того времени здоровье ея почти не возстановлялось. Наконецъ, въ 1669 году, вскорѣ послѣ рожденія дочери, нареченной Евдокіею и чрезъ два дня умершей, она сама, въ ночь на 4-е Марта, перешла въ жизнь вѣчную (3), на 44 году своей жизни.

Три удара въ большой колоколъ возвѣстили жителямъ столицы о кончинѣ Царицы. Тѣло ея, съ должнымъ торжествомъ, *при плачевномъ звонѣ въ одинъ край*, провожалъ самъ Патріархъ въ Вознесенскій дѣвичій монастырь, гдѣ онъ отслужилъ съ властями литургію *постную*, а потомъ совершилъ отпѣваніе (4).

Г. Стрюйсъ, находившійся въ это время въ Москвѣ, передаетъ, что ко всеобщей печали, (13 Марта) скончалась Царева супруга въ родахъ. Гробъ везли подъ навѣсомъ, чрезвычайно богатымъ; за гробомъ шли знатныя особы, раздававшія деньги бѣдному народу; за ними слѣдовалъ Царь съ наслѣдникомъ Алексѣемъ Алексѣевичемъ, оба весьма печальные и съ необыкновенною блѣдностію въ лицахъ. Кромѣ множества Бояръ и Русскихъ чиновниковъ, за гробомъ шли также Послы разныхъ Дворовъ и множество иностранцевъ. Онъ прибавляетъ, что покойная Царица была весьма добродѣтельна, богобоязлива и охотно всѣмъ помогала въ житейскихъ нуждахъ (5).

Г. Берхъ говоритъ: «Надо полагать, что кончина сія поразила добраго Царя Алексѣя Михайлови-«ча, ибо Бояре, отказавъ Польскому послу въ личномъ свиданіи съ Государемъ, сказали: Царь очень бо-«ленъ и весь опухъ, какъ отъ лѣтъ, такъ и отъ печалей (6)».

Тѣло Царицы Маріи Ильинишны погребено въ Вознесенскомъ дѣвичьемъ монастырѣ, войдя въ церковь, по правую сторону у стѣны, рядомъ съ гробомъ Царицы Евдокіи Лукьяновны (7). Покровъ на гробѣ съ надписью, низанною крупнымъ жемчугомъ и каменьями (8).

У Царицы Маріи Ильинишны было 13 дѣтей, имена которыхъ показаны въ жизнеописаніи Царя Алексѣя Михайловича; изъ нихъ трое Дмитрій, Анна и Евдокія скончались при жизни матери.

---

(1) Баронъ Мейербергъ—Путешествіе по Россіи, изд. Аделунга стр. 246, тамъ сказано, что Царь Алексѣй Михайловичъ, подобно всѣмъ великимъ людямъ съ живыми чувствами, подверженъ иногда порывамъ гнѣва, но и тогда изъявленія онаго ограничивались нѣсколькими ударами и толчками. — (2) Рихтера Исторія Медицины ч. I, стр. .—(3) Древн. Росс. Вивліоѳ. Т. XI, стр. 205.—(4) Тамъ же.—(5) Theat. Europaeum. T. X, p. 181 и Ioh. Ianss. Stransseus—denkwürdige Reisen. Amsterdam 1678. —(6) Г. Берха —Царств. Алексѣя Михайловича ч. I, стр. 250. Theatr. Europ. T. X, p. 35.—(7) Древн. Росс. Вивліоѳ. Т. XI, стр. 236. — (8) Москов. Путев. 1827 г. Т. I, стр. 330.

Въ Типографіи Втораго Отдѣленія Собственной Е. И. В. Канцеляріи. Печатать позволяется. С. Петербургъ, 24 Ноября 1857 года. Цензоръ *А. Фрейгангъ*.

Печат. д'Арленгъ — Рисов. съ портрета находящ. у Л. К. Нарышкина — [illegible]

НАТАЛІЯ КИРИЛОВНА урожд: НАРЫШКИНА.

Вторая супруга Царя Алексея Михайловича.

Родилась 22 Августа 1651 г.
Вступила въ супружество 22 Января 1671 г.

Скончалась 25 Января 1694 г.
Погребена въ Московскомъ Вознесенскомъ дѣвичьемъ монастырѣ.

ЦАРИЦА

НАТАЛІЯ КИРИЛЛОВНА,

УРОЖДЕННАЯ

НАРЫШКИНА,

ВТОРАЯ СУПРУГА ЦАРЯ АЛЕКСѢЯ МИХАЙЛОВИЧА.

Въ числѣ лицъ, приближенныхъ къ Царю Алексѣю Михайловичу, особеннымъ довѣріемъ и благоволеніемъ его пользовался Артемонъ Сергѣевичъ Матвѣевъ, мужъ обширнаго ума, образованный выше своего вѣка, заслуживший своими достоинствами общую любовь. Еще на тринадцатомъ году возраста, былъ онъ принятъ въ *житье*, то есть въ дѣйствительную службу между боярскими дѣтьми разныхъ городовъ, находившимися тогда въ Москвѣ. Чрезъ три года, Царь Михаилъ Ѳеодоровичъ, узнавъ о благонравіи, способностяхъ и охотѣ къ ученію Артемона, повелѣлъ причислить его ко Двору, съ чиномъ стрянчаго, и состоять при Царевичѣ Алексѣѣ Михайловичѣ, а спустя годъ пожаловалъ его стрѣлецкимъ головою. Алексѣй Михайловичъ, по вступленіи на престолъ, произвелъ Матвѣева въ стольники и полковники, въ 1669 году пожаловалъ его начальникомъ Малороссійскаго Приказа, вскорѣ потомъ повысилъ чиномъ думнаго дворянина и, въ званіи *комнатнаго*, приблизилъ его къ своей особѣ.

Матвѣевъ, сынъ дьяка, достигъ высокихъ степеней не только потому, что съ малолѣтства имѣлъ случай пріобрѣсть благоволеніе Государя, но заслуги его были столько же знамениты, сколько велики и царскія къ нему милости. Въ молодости своей, Матвѣевъ бывалъ въ походахъ, и со ввѣренными ему отрядами удачно дѣйствовалъ противъ непріятеля. Дипломатическія способности свои онъ обнаружилъ, въ первый разъ, при договорѣ съ крымскими послами; потомъ три раза былъ посыланъ въ Малороссію призывать въ подданство гетмана Богдана Хмельницкаго, отвлечь его отъ союза съ Швеціей и Седмиградскимъ Княземъ Ракоціемъ, въ чемъ и имѣлъ полный успѣхъ.

Извѣстно, что въ домахъ старинныхъ русскихъ бояръ господствовала неурядная пышность и происходили шумные пиры. Жилище Матвѣева, напротивъ, отличалось приличною простотою въ убранствѣ; просвѣщенный хозяинъ не угощалъ своихъ гостей сверхъ мѣры, но одушевлялъ свою бесѣду привѣтливостію и дѣльными разговорами. Тутъ бывала всегда и супруга его, Евдокія Григорьевна (природная Шотландка), со своими домашними, не имѣвъ надобности, по обыкновенію тогдашнихъ боярынь, уходить въ дальнюю горницу, чтобы не услышать нескромныхъ рѣчей не всегда трезвыхъ посѣтителей (1). Уваженіе и любовь Царя къ достойному мужу были такъ велики, что вопреки древняго обычая, не позволявшаго вѣнчаннымъ особамъ бывать въ домѣ подданныхъ, Алексѣй Михайловичъ нерѣдко посѣщалъ Матвѣева по вечерамъ. Въ умной бесѣдѣ своего любимца и друга, онъ отдыхалъ отъ государственныхъ заботъ, а послѣ кончины супруги своей, Царицы Маріи Ильиничны, находилъ въ разговорахъ съ Артемономъ Сергѣевичемъ утѣше-

(1) Труды и лѣтописи Общества Исторіи и Древностей при Московскомъ Университетѣ ч. VII стр. 57 и слѣд.

ніе въ горести. Однажды, пріѣхавъ къ Матвѣеву въ то время, когда столъ уже былъ накрытъ, Царь объявилъ, что останется ужинать, впрочемъ съ условіемъ, чтобы за столомъ были всѣ домашніе, не стѣсняясь его присутствіемъ. Когда Государь сѣлъ за ужинъ, вошла хозяйка съ сыномъ и молодою дѣвицею. Они поклонились низко высокому гостю, и, по волѣ его, заняли свои обычныя мѣста. Царь зналъ, что Артемонъ Сергѣевичъ имѣлъ только одного сына, и потому спросилъ, не дочь ли его дѣвица, которой прежде онъ не видывалъ? Матвѣевъ отвѣчалъ, что эта дѣвица дочь его родственника, весьма бѣднаго дворянина Кирилла Нарышкина, обремененнаго семействомъ, который проживалъ въ своемъ помѣстьѣ, въ селѣ Старомъ Киркинѣ (1), и что онъ взялъ ее къ себѣ на воспитаніе, въ надеждѣ пристроить Наталію Кирилловну, съ Божіею помощію, за добраго человѣка.

Въ продолженіе ужина, Царь часто смотрѣлъ на сидѣвшую противъ него привлекательную и скромную дѣвицу Наталію, разговаривалъ съ нею, и, оставшись потомъ наединѣ съ хозяиномъ, хвалилъ ея красоту, доброе сердце, и обѣщалъ Матвѣеву сыскать ей достойнаго жениха.

Спустя нѣсколько дней послѣ этого посѣщенія, Царь Алексѣй Михайловичъ пріѣхалъ опять къ Матвѣеву. Поговоривъ о государственныхъ дѣлахъ, онъ сказалъ Артемону Сергѣевичу, что рѣшился устроить судьбу дѣвицы Наталіи Кирилловны, и нашелъ ей такого жениха, который ее любитъ, и столько богатъ, что не имѣетъ нужды въ приданомъ. Обрадованный Матвѣевъ осмѣлился спросить объ имени избраннаго Его Величествомъ человѣка, и, къ невыразимому удивленію своему, узналъ, что скромная питомица его, дочь бѣднаго и незнатнаго дворянина, удостоилась чести обратить на себя вниманіе самого монарха. Эта неожиданность поразила Артемона Сергѣевича; онъ палъ къ ногамъ своего Государя и благодѣтеля, и умолялъ его удержаться отъ великодушнаго намѣренія. Матвѣевъ опасался, что новая царская милость еще сильнѣе вооружитъ противъ него именитыхъ бояръ, и безъ того питавшихъ къ нему вражду, какъ къ любимцу и довѣренному лицу Государя. Но Царь объявилъ свою непремѣнную волю вступить въ бракъ съ дѣвицею Наталіею Кирилловной, и согласился только на убѣдительную просьбу Матвѣева исполнить древній обычай, то есть собрать ко Двору нѣсколькихъ дѣвицъ, въ томъ числѣ и дочь Кирилла Поліевктовича, для выбора изъ нихъ невѣсты.

Царь Алексѣй Михайловичъ, возвѣстивъ патріарху и знатнѣйшимъ боярамъ о намѣреніи своемъ вступить во вторичный бракъ, приказалъ собрать въ назначенный день къ Двору благородныхъ дѣвицъ, и объявилъ Наталію Кирилловну царицею. Ей было тогда около девятнадцати лѣтъ (2).

22 января 1671 года, совершенъ былъ въ Большомъ Успенскомъ Соборѣ священный обрядъ бракосочетанія духовникомъ Государя, протоіереемъ Благовѣщенскаго Собора Андреемъ Савиновичемъ, впрочемъ безъ всякой особенной пышности. Мѣсто посаженаго отца занималъ ближній и старшій

(1) Въ нынѣшней Рязанской Губерніи, въ Михайловскомъ Уѣздѣ, въ двадцати верстахъ отъ города Михайлова. Кириллъ Поліевктовичъ и родственники его сами пахали землю, о чемъ преданіе сохранилось понынѣ, какъ въ Старомъ Киркинѣ, такъ и въ сосѣднемъ Новомъ Киркинѣ. Впрочемъ родъ Нарышкиныхъ одинъ изъ древнихъ дворянскихъ родовъ. Предокъ ихъ, Нарышко, выѣхавшій изъ Крыма въ 1463 году, былъ окольничимъ при Великомъ Князѣ Іоаннѣ III Васильевичѣ. Потомки его служили воеводами, намѣстниками и въ другихъ знатныхъ чинахъ, были жалованы отчинами; но уничтоженіе разрядныхъ книгъ было причиною, что въ уцѣлѣвшихъ документахъ названъ первымъ въ родѣ Поліевктъ или Полуэктъ, скончавшійся въ царствованіе Михаила Ѳеодоровича. См. *Историческое воспоминаніе о родѣ Нарышкиныхъ* въ С.-Пб. вѣдом. 1845 года, NN° 129 и слѣд.—(2) Родилась 22 августа 1651 года.—Такъ записаны обстоятельства этого дѣла Штелиномъ (въ анекдотахъ о Петрѣ Великомъ) со словъ графини Маріи Андреевны Румянцовой, внуки Артемона Сергѣевича Матвѣева и матери графа Петра Александровича Румянцова-Задунайскаго. Голиковъ говоритъ (Дополн. къ Дѣян. Петра Великаго ч. III стр. 137), что и онъ слышалъ отъ графини тоже самое. Сущность разсказа подтверждается однимъ современнымъ иностраннымъ извѣстіемъ, хотя и съ другими подробностями. Въ этомъ извѣстіи сказано, что, по кончинѣ первой супруги своей, Государь, не найдя себѣ по сердцу ни одной изъ тѣхъ дѣвицъ, которыя были ему представлены боярами, призвалъ къ себѣ Матвѣева, и спросилъ у него: какую и откуда взять бы ему супругу? Артемонъ Сергѣевичъ присовѣтывалъ Государю вступить въ бракъ съ прекрасною и умною дочерью Нарышкина, находившагося тогда въ Смоленскѣ начальникомъ стрѣльцовъ. Вскорѣ потомъ, Наталія Кирилловна была представлена Царю, понравилась Его Величеству, и была препоручена Матвѣеву (такъ какъ онъ былъ ей родственникъ) съ тѣмъ, чтобы пріучить ее къ пріемамъ, достойнымъ будущаго сана. Артемонъ Сергѣевичъ, исполнивъ въ точности возложенное на него порученіе, чрезъ тринадцать недѣль подвелъ невѣсту къ Государю, въ присутствіи патріарха и многочисленнаго собранія духовныхъ особъ, и немедленно за тѣмъ послѣдовало обрученіе и бракосочетаніе. *(Повѣствованіе о московскихъ происшествіяхъ по кончинѣ Царя Алексѣя Михайловича, посланное изъ Москвы къ Архіепископу Коринѳскому Франциску Мартелли, Нунцію Апостольскому при Іоаннѣ III, Королѣ Польскомъ, найденное, переписанное съ подлинника и изданное Севастіаномъ Тьялини.* Журн. Мин. Народн. Просвѣщ. ч. V, 1835 года).

бояринъ князь Никита Ивановичъ Одоевскій; посаженою матерью была супруга князя, княгиня Авдотья Ѳедоровна Одоевская [1]. 7 февраля, въ день свадебнаго стола у Царя, родитель Царицы, Кириллъ Поліевктовичъ, былъ пожалованъ въ думные дворяне, награжденъ, какъ пишутъ, нѣсколькими тысячами душъ крестьянъ, а сынъ его получилъ чинъ спальника [2]. Воспитатель Наталіи Кирилловны, Артемонъ Сергѣевичъ, былъ назначенъ (22 февраля), на мѣсто удалившагося отъ дѣлъ Ордына-Нащокина, начальникомъ Посольскаго Приказа, переименованнаго въ *Государственный Приказъ посольской печати.*

Неожиданно возведенная изъ скромной доли на высшую степень величія, Наталія Кирилловна скоро оправдала, своими рѣдкими душевными качествами, выборъ царственнаго супруга. Двадцать шесть лѣтъ безпрерывной государственной дѣятельности, требовавшей чрезвычайнаго напряженія силъ, подѣйствовали на крѣпкое дотолѣ здоровье Царя Алексѣя Михайловича, и вмѣстѣ съ тѣмъ какъ будто сталъ ослабѣвать его духъ. Прекрасная, умная, добродѣтельная супруга не замедлила произвести благотворную перемѣну въ унылой настроенности души мудраго Государя. Она была его утѣшеніемъ, его отрадою; въ ней Царь Алексѣй Михайловичъ обрѣлъ, казалось, новую жизнь, почерпнулъ новыя силы къ перенесенію тяжкаго бремени государственныхъ заботъ. Рожденіе сына, Петра, довершило счастіе царственной четы. Подвиги благочестія и христіанскаго милосердія, наклонность къ тихой семейной жизни, особенно въ подгородныхъ селахъ, Преображенскомъ и Измайловѣ, всѣ эти качества юной Наталіи Кирилловны совершенно согласовались съ характеромъ Царя Алексѣя Михайловича. Заботясь о доставленіи супругу пріятнаго развлеченія, она устроивала, съ помощію своего воспитателя, тѣ драматическія представленія и потѣхи, которыя, по тогдашнему времени, были новымъ и необыкновеннымъ явленіемъ въ Русской Землѣ [3].

Такъ протекло пять лѣтъ. Неисповѣдимый Промыслъ посѣтилъ нѣжное сердце Государыни великимъ испытаніемъ: послѣ счастливѣйшаго брака, она увидѣла себя вдовицею съ тремя малолѣтными дѣтьми, Царевичемъ Петромъ, по пятому году, Царевною Наталіей, по четвертому году, и Царевною Ѳеодорою, по третьему году.

Благословляя на царство старшаго сына, Ѳеодора, Царь Алексѣй Михайловичъ завѣщалъ ему почитать Царицу какъ родную мать, и *любовію къ ней явить любовь къ отцу* [4]. Дѣйствительно, во все время царствованія своего пасынка, Наталія Кирилловна пользовалась, со стороны его, истинно сыновнимъ почтеніемъ и любовію; при ней былъ оставленъ весь придворный штатъ, столь многочисленный, что, въ началѣ 1677 года, однихъ стольниковъ считалось у Ея Величества сто два человѣка [5]. Но отъ приближенныхъ къ Царю, и въ особенности отъ Милославскихъ, Наталія Кирилловна терпѣла много огорченій. Родитель ея, бояринъ Кириллъ Поліевктовичъ, назначенный еще при Царѣ Алексѣѣ Михайловичѣ главнымъ судьею въ Приказъ Большаго Дворца, былъ отрѣшенъ и замѣщенъ бояриномъ Иваномъ Михайловичемъ Милославскимъ. Братья Царицы также были удалены отъ занимаемыхъ ими должностей; родственники ихъ, приверженные къ Наталіи Кирилловнѣ, лишены имущества и нѣкоторые изъ нихъ сосланы въ заточеніе [6]. Особенно былъ дерзокъ, въ отношеніи вдовствующей Государыни, любимецъ Царя Ѳеодора Алексѣевича, бояринъ Языковъ, заклятый врагъ Нарышкиныхъ. Однажды онъ сталъ убѣждать Царицу Наталію Кирилловну переселиться, подъ предлогомъ тѣсноты, со всѣмъ Дворомъ въ домъ, отдаленный отъ потѣшнаго дворца, гдѣ она жительствовала; но какъ Царица не соглашалась, то Языковъ осмѣлился назвать ея отказъ упрямствомъ и ослушаніемъ будто бы царской воли. Съ негодованіемъ узналъ Царь Ѳеодоръ Алексѣевичъ о поступкѣ боярина Языкова, самъ пришелъ къ Царицѣ увѣрить ее, что все это дѣлалось безъ его вѣдома и даже выдавалъ ей Языкова головою. Великодушная Наталія Кирилловна простила своего оскорбителя; но правосудный Государь удалилъ отъ себя на нѣкоторое время Языкова, и запретилъ всѣмъ, подъ смертною казнію, оскорблять чѣмъ либо вдовствующую Царицу [7].

---

(1) Дворц. Разряды Т. III стр. 872 и 877.—(2) Тамъ же, стр. 879.—(3) Жизнеоп. Царя Алексѣя Михайловича въ этомъ изданіи.—(4) Подробн. Лѣтоп. ч. IV стр. 31. — (5) Дѣянія Петра Великаго Т. I, втораго изд. стр. 3. — (6) Записки графа А. А. Матвѣева, по изданію Сахарова, стр. 8. — (7) Дѣянія Петра Великаго Т. I стр. 7 втораго изданія.

При такихъ огорченіяхъ и вообще въ своемъ затруднительномъ положеніи, Наталія Кирилловна находила сладостное утѣшеніе въ воспитаніи своего единственнаго сына, Царевича Петра, который, уже въ младенческихъ лѣтахъ, обнаруживалъ необыкновенную любознательность и силу ума. По выраженію лѣтописца, она соблюдала его *аки зѣницу ока*, и ни на шагъ не отпускала отъ себя, *злобъ ради многихъ на него блаженнаго отрока* (1). Для развитія умственныхъ способностей Петра, Наталія Кирилловна приказывала читать, въ присутствіи его, о дѣлахъ мудрыхъ царей, разнообразила эти бесѣды показываніемъ и объясненіемъ ему картинокъ, а для забавъ Царевича повелѣла набрать малолѣтныхъ (вѣроятно изъ дѣтей своихъ придворныхъ), съ которыми Петръ игралъ въ военныя потѣхи. Нерѣдко вдовствующая Царица отправлялась съ отрокомъ на богомолье, и постоянно заботилась объ утвержденіи въ прекрасной и воспріимчивой душѣ Петра правилъ вѣры и добродѣтели, смиренія и трудолюбія, сама подавая сыну лучшій примѣръ (2). Послѣ кончины Царя Алексѣя Михайловича, Наталія Кирилловна отказалась отъ всякихъ торжествъ и забавъ, никогда не возлагала на себя царскихъ украшеній, но проводила время въ постѣ и молитвѣ, собственными руками шила одежду для нищихъ и убогихъ, посылала милостыню въ тюрьмы и больницы, посѣщала ночью узниковъ и недужныхъ (3). Когда Царевичу минуло пять лѣтъ, Государыня просила Царя Ѳеодора Алексѣевича сыскать ему *учителя кроткаго, смиреннаго и вѣдущаго Божественное Писаніе*. Выборъ Царя палъ на приказнаго Никиту Моисеева Зотова (4). Съ радостію слѣдила Царица за успѣхами Петра, вникала въ подробности его занятій, приказала отдать Зотову всѣ историческія книги съ картинками, изображающими сраженія, и съ рисунками городовъ русскихъ и иностранныхъ, и, по совѣту того же Зотова, опредѣлила къ Царевичу другихъ искусныхъ наставниковъ (5).

Кончина Царя Ѳеодора Алексѣевича была для Царицы Наталіи Кирилловны новымъ ударомъ: она приготовила ей рядъ жестокихъ испытаній.

Еще при Царѣ Алексѣѣ Михайловичѣ, не задолго до его смерти, образовались при Дворѣ двѣ партіи, представительницы двухъ родственныхъ Царскому Дому фамилій, Милославскихъ и Нарышкиныхъ. Едва Алексѣй Михайловичъ кончилъ жизнь и воцарился старшій сынъ его, Милославскіе, чтобы удалить Нарышкиныхъ отъ Двора, обвинили ихъ передъ Ѳеодоромъ Алексѣевичемъ въ замыслѣ возвести на престолъ, мимо его, четырехлѣтняго Царевича Петра, подъ опекою боярина Матвѣева (6). Должно предполагать, что Царь Ѳеодоръ Алексѣевичъ не повѣрилъ этому доносу, потому что хотя Нарышкины и были устранены отъ должностей, однако не подверглись опалѣ, и только бояринъ Матвѣевъ, воспитатель Наталіи Кирилловны, былъ посланъ въ Пустозерскъ. Но и его Государь возвратилъ предъ своею кончиною, и приказалъ жить, до указа, въ городѣ Лухѣ, не подалеку отъ Москвы (7).

Партія Милославскихъ утвердила, по видимому, свой перевѣсъ; но когда Ѳеодоръ Алексѣевичъ умеръ, государственные чины, духовные и свѣтскіе, зная умъ Наталіи Кирилловны, жены *цѣломудренной и мужемудренной и всѣхъ христіанскихъ добродѣтелей исполненной Государыни* (8), и надѣясь на испытанныя государственныя дарованія Матвѣева, присягнули (28 апрѣля 1682) десятилѣтнему Петру. Примѣру ихъ послѣдовала Москва и вся Россія. Первымъ дѣломъ Царицы Наталіи Кирилловны было приблизить къ себѣ тѣхъ именитыхъ бояръ, которые, и по роду и по заслугамъ, всегда служили подпорою престола. То были: Князь Никита Ивановичъ Одоевскій, возведенный въ бояре въ молодыхъ лѣтахъ еще Царемъ Михаиломъ Ѳеодоровичемъ, князья Черкасскіе, Долгорукіе, Ромодановскіе, Урусовы, бояре Шереметевы. За исключеніемъ одной партіи (Милославскихъ) и московскихъ стрѣльцовъ, всѣ честные и знатные роды, все дворянство и весь народъ приняли сторону родительницы юнаго Государя (10). Своего воспитателя и благодѣтеля, Артемона Сергѣевича Матвѣева, Наталія Кирилловна немедленно пригласила въ Москву, и послала на встрѣчу ему, въ се-

---

(1) Подробная Лѣтоп. отъ начала Россіи и проч. ч. IV стр. 68.—(2) Тамъ же. — (3) Тамъ же.—(4) Жизнеоп. Царя Ѳеодора Алексѣевича въ этомъ изданіи.—(5) Подробн. Лѣтоп. ч. IV стр. 74.—(6) Журн. Мин. Народн. Просвѣщ. Т. V, 1835, статья, о которой упомянуто выше. въ выноскѣ.—(7) Записки графа А. А. Матвѣева, по изданію Сахарова стр. 15—16.—(8) Тамъ же, стр. 5.—(9) Записки графа А. А. Матвѣева, по изданію Сахарова, стр. 15.

ло Братовщину, брата своего, компатнаго стольника Аѳанасія Кирилловича. Отъ имени же Царя Петра Алексѣевича отправился, на встрѣчу Матвѣеву, думный дворянинъ Юрій Петровичъ Лопухинъ, *со здоровьемъ и съ объявленіемъ прежней чести боярства* (1). Въ то же время, были возвращены изъ ссылки всѣ невинные.

Разочарованные въ своихъ надеждахъ, Милославскіе не пренебрегали никакими средствами, чтобы ослабить общую довѣренность къ вдовствующей Государынѣ. Они распустили слухъ, будто Нарышкины, при помощи лекарей-нѣмцевъ, извели Царя Ѳеодора и будто Царевичъ Іоаннъ рано или поздно погибнетъ ихъ жертвою. Милославскихъ сильно поддерживала Царевна Софія Алексѣевна. Не любя своей мачихи, и съ досадою видя ее правительницею государства, она замыслила возвести на престолъ своего единоутробнаго брата, больнаго Іоанна, чтобы царствовать его именемъ. Къ несчастію, въ это самое время стрѣльцы, начавшіе волноваться за нѣсколько дней до кончины Царя Ѳеодора Алексѣевича, стали явно обнаруживать свое буйство и неповиновеніе. По ихъ настоянію, новое правительство увидѣло себя въ необходимости наказать тѣхъ полковниковъ, на которыхъ была подана ими просьба за притѣсненія. Милославскіе поспѣшили воспользоваться столь благопріятнымъ случаемъ, и подстрекнули стрѣльцовъ къ бунту.

15 мая (1682) толпы мятежниковъ ворвались въ Кремль и стали требовать выдачи Нарышкиныхъ, будто бы погубившихъ Іоанна Алексѣевича. Бояре князь Михаилъ Юрьевичъ Долгорукій и Артемонъ Сергѣевичъ Матвѣевъ, явившись на Красномъ Крыльцѣ, убѣдили стрѣльцовъ въ ложности слуха о смерти Царевича, и доложили потомъ Царицѣ Наталіи Кирилловнѣ о причинѣ волненія. По просьбѣ бояръ, находившихся тогда во дворцѣ, Наталія Кирилловна рѣшилась выйти на Красное Крыльце съ обоими Царевичами, въ сопровожденіи патріарха и государственныхъ сановниковъ, и сказала стрѣльцамъ: *вотъ Государь Царь Петръ Алексѣевичъ, вотъ Государь Царевичъ Іоаннъ Алексѣевичъ, благодатію Божіею здравствуютъ и измѣнниковъ въ ихъ Государскомъ Домѣ никого нѣтъ* (2). Мятежники готовы были разойтись; но посланные Царевною Софіей раздражили ихъ новымъ нелѣпымъ слухомъ, что если они, стрѣльцы, не вытребуютъ измѣнниковъ, то завтра сами поплатятся за свою оплошность. Тогда стрѣльцы стали съ крикомъ требовать выдачи Ивана Кирилловича Нарышкина, съ братомъ Аѳанасьемъ Кирилловичемъ, и Матвѣева, убили князя Юрія Долгорукаго, приказывавшаго имъ разойтись, сбросили, не внимая убѣжденіямъ Царицы, Артемона Сергѣевича съ Краснаго Крыльца на Благовѣщенскую Площадь, и наконецъ ворвались въ царскіе покои искать другихъ мнимыхъ измѣнниковъ. Наталія Кирилловна, объятая ужасомъ и заливаясь слезами, поспѣшила удалиться, съ Царемъ Петромъ и Царевичемъ Іоанномъ, въ Грановитую Палату (3). Бѣгая по царскимъ чертогамъ и по церквамъ, злодѣи нашли брата Царицы, Аѳанасья Нарышкина, въ воскресенской церкви, передъ святою трапезою, и сбросили его съ Краснаго Крыльца на копья стоявшихъ внизу стрѣльцовъ. Въ отчаяніи, Наталія Кирилловна взывала ко всѣмъ о помощи, и хотя нѣкоторые благомыслящіе люди, видя слезы Государыни, стали увѣщавать крамольниковъ, но все было напрасно. Неоднократно приходили стрѣльцы въ Грановитую Палату, и спрашивали у Царицы объ отцѣ и братѣ, говоря: *не укроешь и неволею отдашь въ нашу волю* (4).

Мятежъ продолжался на другой и на третій день (16 и 17 мая), и стрѣльцы не переставали требовать выдачи Кирилла Поліевктовича и сына его Ивана Нарышкиныхъ. Послѣдній скрывался сначала въ покояхъ сестры своей, а потомъ въ комнатахъ Царевны Маѳы Алексѣевны. Въ случаѣ отказа, мятежники угрожали всѣмъ смертію. Подъ предлогомъ этой угрозы, Царевна Софія поручила боярамъ сказать Наталіи Кирилловнѣ, чтобы она, для сохраненія себя и Царевичей, отдала отца и брата стрѣльцамъ, и въ то же время присовѣтовала отослать Ивана Кириловича въ церковь Спаса (на Сѣняхъ, близъ Золотой Рѣшетки). Царица послушалась этого совѣта, и вмѣстѣ съ Царевною пошла въ Спасскую церковь, гдѣ Иванъ Кириловичъ, готовясь па смерть, принялъ святое причастіе и соборовался масломъ. Наталія Кирилловна, заливаясь слезами и цѣлуя руки Софіи, вручила брату своему,

(1) Записки Сильвестра Медвѣдева, по изданію Сахарова стр. 12,—(2) Подробн. Лѣтопись и проч. ч. IV стр. 87.—(3) Тамъ же стр. 88.—(4) Тамъ же стр. 90.

въ напутствіе, икону Божіей Матери, и вывела его къ Золотой Рѣшеткѣ, на ближнюю площадь. Стоявшіе здѣсь стрѣльцы вырвали Ивана Кириловича изъ рукъ Царицы и Царевны, и предали несчастнаго мучительной смерти (1).

Въ то время, когда Наталія Кирилловна была въ церкви, бояре выдали отца ея, Кирилла Полѣвтовича; но стрѣльцы, быть можетъ тронутые слезами Царицы, не убили его, а отвели въ Чудовъ Монастырь, заставили постричься, и на другой день отправили на Бѣлоозеро, въ Кирилловскую Обитель (2).

Царевна Софія достигла своей цѣли: удалила Наталію Кирилловну отъ всякаго участія въ государственныхъ дѣлахъ, способствовала провозглашенію царемъ и старшаго Царевича, Іоанна, и присвоила себѣ верховную власть. *И въ скоромъ времени потомъ*, говоритъ графъ Матвѣевъ, *умалися прежнее самодержавіе Царицы Наталіи Кирилловны.* (3) Правленіе ея продолжалось около мѣсяца.

Послѣднимъ признакомъ участія Наталіи Кирилловны въ дѣлахъ общественныхъ было присутствіе ея, въ Грановитой Палатѣ, во время пренія съ раскольниками о вѣрѣ (5 іюля 1682). Вдовствующая Царица занимала мѣсто на креслахъ, рядомъ съ Царевною Маріею Алексѣевною и патріархомъ, ниже Софіи, которая, изъ приличія, предоставила первое царское мѣсто теткѣ, Царевнѣ Татіанѣ Михайловнѣ, а сама удовольствовалась вторымъ царскимъ мѣстомъ (4).

Едва былъ утишенъ мятежъ, произведенный раскольниками, какъ слухъ о злоумышленіи стрѣльцовъ на жизнь обоихъ Государей поразилъ Царицу Наталію Кирилловну новымъ страхомъ. Она поспѣшила удалиться (29 августа 1682), съ Царями и съ Царевной Наталіей Алексѣевной, сначала въ село Коломенское, отсюда въ Воробьево, потомъ (4 сентября) въ Павловское (5), и наконецъ (6 сентября) въ Звенигородскій Саввинскій Монастырь. Спустя нѣсколько дней (14 сентября), царская фамилія переселилась въ село Воздвиженское, не подалеку отъ Троицкой Лавры (6). По призыву пріѣхавшихъ въ эту обитель Государей, собрались вѣрное войско и всякихъ чиновъ люди, а вскорѣ явились и стрѣльцы для исполненія своего замысла. Увидѣвъ вооруженныя силы, бунтовщики упали духомъ, и обратились къ патріарху съ просьбою исходатайствовать имъ прощеніе, обѣщая впредь быть покорными. Патріархъ рѣшился прибѣгнуть къ милостивому заступничеству вдовствующей Государыни (7). Наталія Кириловна долго была въ недоумѣніи; ей еще такъ живо представлялась картина мученической смерти братьевъ . . . Но слезы святителя, стоявшаго со всѣмъ духовенствомъ на колѣняхъ, зрѣлище стрѣльцовъ, которые, принеся съ собою топоры и плахи, легли на дорогѣ, вопли женъ и дѣтей виновныхъ, тронули нѣжное сердце Царицы. Она забыла все, и исходатайствовала у Царей помилованіе мятежникамъ (8). Государи объявили изъ окна стрѣльцамъ, что, ради моленія Царицы Наталіи Кирилловны и по своему милосердію, прощаютъ имъ ихъ вину и освобождаютъ отъ смертной казни (9).

Дворъ имѣлъ затѣмъ (6 ноября 1683) торжественный въѣздъ въ Москву. Власть Царевны Софіи казалась теперь упроченною.

Пока Софія Алексѣевна правила государствомъ, Царица Наталія Кирилловна проживала, со своимъ царственнымъ сыномъ, большею частію въ Преображенскомъ Селѣ. Здѣсь, съ тревожнымъ чувствомъ, столь свойственнымъ любящей душѣ матери, смотрѣла она на смѣлыя воинскія забавы Петра, не имѣвшими ничего общаго съ обыкновенными дѣтскими играми. Особенно безпокоила Наталію Кирилловну быстро развивавшаяся въ геніяльномъ юношѣ страсть къ неслыханной дотолѣ между царскими дѣтьми потѣхѣ: то были прогулки его, на знаменитомъ ботикѣ, по водѣ, вмѣстѣ съ Голландцемъ Карштеномъ Брантомъ, сначала на Яузѣ, потомъ на Просяномъ Прудѣ. Но Царица такъ горячо любила своего дорогаго Петра, что, не смотря на всѣ свои опасенія отъ его частыхъ и продолжительныхъ отлучекъ, позволила ему (въ 1688) заняться постройкою судовъ при Переяславлѣ-Залѣсскомъ, для плаванія на Плещеевомъ Озерѣ, хотя и поручила мамѣ его наблюдать за дѣйствіями питомца изъ

(1) Записки графа А. А. Матвѣева, по изданію Сахарова, стр. 28 и слѣд., и Подробн. Лѣтоп. ч. IV стр. 93 и слѣд.—(2) Записки Сильвестра Медвѣдева, по изд. Сахарова, стр. 15.—(3) Записки графа А. А. Матвѣева, по изд. Сахарова, стр. 34.—(4) Записки Сильвестра Медвѣдева, по изд. Сахарова, стр. 24.—(5) Звенигородскаго Уѣзда, на рѣкѣ Истрѣ.—(6) Подробн. Лѣтоп. ч. IV стр. 108—112.—(7) Тамъ же, стр. 119.—(8) Тамъ же и Записки Крекшина, по изд. Сахарова, стр. 58 и слѣд.—(9) Тамъ же.

оконъ келліи Ѳеодоровскаго дѣвичьяго Монастыря [1]. Въ то же время, Наталія Кирилловна думала умѣрить пылкіе порывы своего царственнаго сына семейными обязанностями: 27 января 1689 года, она сочетала бракомъ семнадцатилѣтняго Петра съ дѣвицею Евдокіей Ѳеодоровной Лопухиной [2].

Но потѣхи юнаго Государя не только не прекратились, напротивъ стали принимать все большіе и большіе размѣры, такъ что, вскорѣ послѣ свадьбы, Царица принуждена была согласиться на неотступную просьбу сына отпустить его въ Переяславль. Отсюда она получила отъ Петра нѣсколько писемъ, замѣчательныхъ столько же по своему историческому значенію, сколько и по тѣмъ трогательнымъ отношеніямъ, которыя существовали между нѣжною родительницею и безпредѣльно любившимъ ея сыномъ. ***Матушка Государыня***, писалъ въ первый разъ Петръ, ***благослови сына твоего въ работѣ пребывающаго. Озеро вскрылось; всѣ суда, кромѣ большаго корабля, въ отдѣлкѣ. Только за канатами стало. Вели прислать ихъ изъ Пушкарскаго Приказа, по семи сотъ сажень немедленно. Иначе житье мое здѣсь продолжится.*** На повелѣніе родительницы возвратиться въ Москву къ 27 апрѣля, къ панихидѣ по Царѣ Ѳеодорѣ Алексѣевичѣ, Петръ отвѣчалъ: ***Дражайшая матушка! недостойный сынъ твой челомъ бьетъ. Къ Москвѣ я быть готовъ, только ей, ей, дѣло есть. Наипокорственнѣ предаюсь въ волю вашу.***—Въ одномъ письмѣ, Петръ благодарилъ свою родительницу за присылку какихъ-то вещей (канатовъ?). ***Всѣ*** (т. е. суда) ***удались зѣло хороши***, писалъ онъ: ***присылкѣ же съ докторомъ и съ Гаврилою*** (Головкинымъ) ***я обрадовался, какъ радовался Ной о масличномъ сукѣ*** [3].

Съ перваго взгляда могло казаться, что подобныя занятія, отвлекая Петра отъ участія въ правленіи, благопріятствовали утвержденію власти Царевны; но Софія Алексѣевна была такъ дальновидна, что не могла не замѣчать быстраго развитія великихъ дарованій своего брата. Она предчувствовала, что онъ, рано или поздно, сокрушитъ ея незаконную власть, и потому не побоялась посягнуть на новый ковъ. Орудіемъ для исполненія своего замысла Царевна избрала стрѣлецкаго начальника Ѳедора Шакловитаго. Цѣль преступнаго замысла была та, чтобы тайно умертвить Царя Петра, Царицу Наталію Кирилловну, патріарха, бояръ и ближнихъ людей [4]. Злоумышленники подговорили подъячаго Матвѣя Шошина переодѣться и назваться бояриномъ Львомъ Кирилловичемъ Нарышкинымъ. Шошинъ, съ шестью сообщниками, ѣздилъ по Земляному Городу и билъ караульныхъ стрѣльцовъ, ловилъ, въ лѣсахъ и рощахъ, простолюдиновъ, пыталъ, мучилъ ихъ, и говорилъ истязуемымъ стрѣльцамъ: ***Знаете ли меня? Я бояринъ Левъ Нарышкинъ: вы убили двухъ моихъ братьевъ, и я за смерть ихъ отплачу вамъ смертію. Сестра моя, Царица Наталія Кирилловна, и Царь Петръ Алексѣевичъ послушаютъ меня*** [5]. Шакловитый приказывалъ также зажечь Преображенское, чтобы, во время пожара, убить вдовствующую Государыню, самъ пріѣзжалъ туда со стрѣльцами, и разставлялъ ихъ скрытно около дворца, въ лѣсу и буякахъ; но, по счастію, два пожара были скоро потушены, и злой умыселъ не удался [6]. Царица Наталія Кирилловна удалилась въ Троицкую Лавру, вмѣстѣ съ своимъ царственнымъ сыномъ, его супругою и съ Царевною Наталіею Алексѣевною.

Это случилось въ первыхъ числахъ августа 1689 года. Спустя мѣсяцъ, 7 сентября 1690 новаго (индиктіоннаго) года, Царевна Софія была удалена отъ правленія и заключена въ монастырь.

Испытавъ въ такое короткое время столько сильныхъ душевныхъ потрясеній, Царица Наталія Кирилловна имѣла наконецъ утѣшеніе видѣть своего возлюбленнаго Петра дѣйствительнымъ властителемъ Россіи. Послѣ этой благотворной перемѣны въ дѣлахъ, Государыня жила еще четыре слишкомъ года, была свидѣтельницею начала великихъ преобразованій, предпринятыхъ ея геніальнымъ сыномъ, но уже не принимала участія въ дѣлахъ общественныхъ.

Не задолго до кончины своей, Царица Наталія Кирилловна присутствовала (20 февраля 1693), при сожженіи, на Преснѣ, фейерверка, изготовленнаго самимъ Петромъ, которому хотѣлось удивить свою родительницу зрѣлищемъ огненнаго Геркулеса [7]. Въ іюнѣ того же года, Государыня ѣздила

---

[1] Журналъ Минист. Народн. Просв. ч. LXXVII, 1853, стр. 66.—[2] Лефортъ и потѣхи Петра Великаго до 1689 года, Н. Устрялова стр. 31. — [3] Тамъ же. — [4] Подробн. лѣтоп. и проч. ч. IV стр. 136.—[5] Тамъ же стр. 141—142.—[6] Повѣст. о Россіи т. III кн. IV стр. 242, и Собр. грам. и догов. т. IV № 201.—[7] Bergmann, Peter der Große als Mensch und Regent 1823, ч. I стр. 185.

въ Переяславль смотрѣть на плаваніе, по Плещееву Озеру, флотиліи, сооруженной стараніями ея державнаго сына [1]. Но она никакъ не соглашалась отпустить Петра въ Астрахань, куда онъ намѣревался отправиться Волгою, чтобы оттуда пуститься въ Каспійское Море. 1 іюля 1693 года, встревоженная родительница послала ему, на Кубенское Озеро, письмо, въ которомъ умоляла своего сына отказаться отъ такого опаснаго намѣренія. *Не вдавайся Господи Царю*, говорила Царица, *страшному и бѣдоносному морскому пути; не изволь шествовать безъ всякія пользы и потребы тебѣ по морю* [2].

13 января 1694 года, Царица Наталія Кирилловна ощутила первые признаки своего смертельнаго недуга; 20 числа того же мѣсяца, она призвала къ себѣ патріарха съ духовенствомъ, причастилась Святыхъ Христовыхъ Таинъ, особоровалась святымъ елеемъ, и благословила обоихъ Царей. Въ слѣдующіе три дня (21, 22 и 23 числа), Государыня приказала отдать свои царскія одѣянія въ церкви, сокровища раздѣлить между бѣдными, а наканунѣ кончины (24 января) упросила Царей сложить казенные долги и освободить узниковъ. 25 января, родительница великаго Петра кончила земную жизнь на сорокъ четвертомъ году [3]. Нѣтъ сомнѣнія, что великія горести, ниспосланныя на добродѣтельную царственную жену неисповѣдимымъ въ своихъ судьбахъ Промысломъ, сократили ея дни. То, что испытала Наталія Кирилловна въ короткое время послѣ непродолжительнаго счастія, не могло не подѣйствовать на ослабленіе ея силъ и на разстройство здоровья.

Царь Петръ былъ глубоко опечаленъ кончиною своей обожаемой матери. Его письмо къ архангельскому воеводѣ, Ѳедору Матвѣевичу Апраксину, писанное чрезъ четыре дня послѣ горестнаго событія, проникнуто благоговѣйною скорбію. «*Ѳедоръ Матвѣевичъ! бѣду свою и послѣднюю печаль глухо объявляю, о которой рука моя подробно писать не можетъ, купно же и сердце, обаче воспоминая Апостола Павла, яко не скорбѣти о умершихъ, и Ездры еже не возвратити день, иже мимо иде. Сія вся, елико возможно, аще и свыше ума и живота моего разсуждая, предаюся всемогущему Богу, вся, по волѣ своей творящему*» [4]. Для поминовенія усопшей Государыни, дано было (31 января) именное повелѣніе Царей начальнику Суднаго Приказа, стольнику Князю Якову Ѳедоровичу Долгорукому, не считать сроки 25, 26 и 27 января въ тяжебныхъ дѣлахъ пропущенными, и остановить до Великаго Поста наказанія по уголовнымъ дѣламъ [5].

Велика была скорбь и всего православнаго народа, лишившагося въ усопшей Государынѣ благодѣтельницы, рука которой ни на минуту не оскудѣвала въ милостяхъ. Когда гробъ былъ вынесенъ изъ царскаго дома, безчисленное множество людей всякаго званія бросилось къ нему со слезами, и печальная процессія едва могла пройти въ церковь между рыдающею толпою [6].

Хотя Царица Наталія Кирилловна и не осталась, въ слѣдствіе государственнаго переворота, произведеннаго Царевною Софіей, правительницею государства, слѣдовательно не могла имѣть и вліянія на общественныя дѣла, однако имя ея, любезное и дорогое каждому Русскому, занимаетъ почетное мѣсто на страницахъ отечественной исторіи. Родительница безсмертнаго преобразователя Россіи и величайшаго Государя, Наталія Кирилловна, по словамъ лѣтописца, *на благій земли Царевича насаждая блаженныя и благая дѣла, гордость же яко злый плевелъ отъ онаго изъ сердца истребляя* [7], была первою виновницею развитія тѣхъ высокихъ нравственныхъ качествъ Петра, которыя, въ послѣдствіи, служили основою всѣхъ его дѣяній. *Августѣйшая Царица Россійская*, говоритъ Ѳеофанъ Прокоповичъ, *преусердно пекущеся о здравіи сыновнемъ, такъ наблюдала обращенія его, что аки бы не радѣла о его царской власти; подобно и сынъ такъ поддавалъ себя волѣ матерней, что аки бы забывалъ о царской власти своей* [8]. Подъ вліяніемъ своей родительницы, Петръ

(1) Записки Крекшина, по изданію Сахарова, стр. 69. — (2) Тамъ же стр. 94. — (3) Тамъ же стр. 96 и слѣд. — (4) Грамоты и письма Петра Великаго въ Дѣяніяхъ ч. X стр. 6.—(5) Собр. грам. и догов. ч. IV стр. 640—641. — (6) Записки Крекшина стр. 99.—(7) Подробн. Лѣтоп. ч. IV стр. 68.—(8) Исторія Императора Петра Великаго стр. 23.

укрѣпился въ святой вѣрѣ и въ правилахъ добродѣтели, сроднился съ трудолюбіемъ, узналъ тщету наружнаго блеска, получилъ первыя понятія о наукахъ, словомъ, усвоилъ себѣ все то, что долженствовало явить въ такомъ яркомъ свѣтѣ духовную сторону великаго Государя.

Кротость и христіанская любовь къ человѣчеству, соединенныя съ твердостію духа и непоколебимою вѣрою, были отличительными свойствами душевныхъ качествъ Царицы Наталіи Кирилловны. Памятники ея благочестія сохранились до нашихъ временъ: въ Московскомъ Успенскомъ Соборѣ— Евангеліе напрестольное, въ богатѣйшемъ окладѣ изъ чеканнаго золота, украшенномъ драгоцѣнными камнями, подаренное Государынею въ день Рождества Христова 1693 года; въ Московской Оружейной Палатѣ — Акаѳістъ Пресвятой Богородицѣ, писанный собственною рукою Наталіи Кирилловны; въ Вознесенскомъ Монастырѣ— серебряное блюдо въ два фунта три золотника; въ церкви Максима Блаженнаго, на Варварской Улицѣ—серебряная рака, въ которой почиваютъ мощи святаго угодника (1). Иждивеніемъ Царицы Наталіи Кирилловны сооружена была (1692) въ Кремлѣ, влѣво отъ Тайницкихъ Воротъ, церковь во имя Равноапостольныхъ Царей *Константина и Елены*. Церковь *Владимірскія Божіей Матери*, у воротъ Китай-Города, построена (1691—1694), повелѣніемъ Царей Іоанна Алексѣевича и Петра Алексѣевича, по обѣщанію благочестивой ихъ родительницы (2).

Питомица просвѣщеннаго Матвѣева, Царица, при своемъ свѣтломъ и основательномъ природномъ умѣ, не могла быть вовсе чужда образованности. Ея образъ мыслей, ея понятія о предметахъ свидѣтельствуютъ, что иногда она не подчинялась вліянію старыхъ предразсудковъ.

Въ 1675 году пріѣзжали въ Москву послы Австрійскаго Императора Леопольда. Царица очень желала видѣть ихъ торжественный пріемъ; но какъ въ Кремлевскомъ Дворцѣ не было мѣста, съ котораго она могла бы смотрѣть на церемонію, то, по ея просьбѣ, Царь назначилъ пріемную аудіенцію въ Коломенскомъ Дворцѣ. Что бы доставить Государынѣ удовольствіе разсмотрѣть, во всей подробности, самое шествіе пословъ, Алексѣй Михайловичъ послалъ имъ навстрѣчу ѣздоваго, за которымъ они своротили съ дороги, и поѣхали окольнымъ путемъ, по открытому полю. Во время аудіенціи, Наталія Кирилловна, находясь въ смежной комнатѣ, могла видѣть все чрезъ отверстіе притворенной двери; но здѣсь Царица была открыта своимъ малолѣтнымъ сыномъ, который отворилъ двери прежде нежели послы вышли изъ аудіенцъ-залы. Вскорѣ послѣ того, члены императорскаго посольства присутствовали при торжественномъ путешествіи (походѣ) Царя въ Троицкую Лавру. Наталія Кирилловна, вопреки вѣковаго предразсудка, воспрещавшаго женщинамъ являться въ народѣ, ѣхала въ открытомъ экипажѣ, и это зрѣлище было столь необыкновенно для народа, что, во время проѣзда Государыни, никто не смѣлъ взглянуть на нее. И при возвращеніи Царя изъ троицкаго похода, карета Наталіи Кирилловны была также открыта (3).

Въ Московскомъ Вознесенскомъ дѣвичьемъ Монастырѣ покоются смертные останки матери великаго монарха. Всякій истинный сынъ отечества остановится съ уваженіемъ передъ гробомъ столько краснорѣчивымъ для русскаго сердца, и почтитъ благоговѣйнымъ поклономъ могилу Царицы Наталіи Кирилловны.

Я. Трупповъ.

---

(1) Московская Оружейная Палата, описанная А. Вельтманомъ стр. 38 и Историческій Путеводитель по Москвѣ ч. I стр. 333, ч. II стр. 86 и 302. — Изображеніе Евангелія помѣщено въ *Памятникахъ Московской Древности* И. М. Снегирева. По оцѣнкѣ, произведенной, по повелѣнію Императрицы Екатерины II въ 1770 году, это Евангеліе стоитъ до 200.000 руб. асс. — (2) Путевод. по Москвѣ ч. II стр. 4 и 313.—(3) Сказаніе Адольфа Лизека о посольствѣ отъ Императора Римскаго и проч. С.-Пб. 1837, стр. 25, 26, 30, 40 и 46.

Въ Типографіи II Отдѣленія Собственной Е. И. В. Канцеляріи. Печатать позволяется. С. Петербургъ, Іюня 11 дня 1853 г. Цензоръ *А. Фрейманъ*.

Печат: д'Арленъ. Съ портр. наход: въ Моск. Ново-Спасскомъ монаст. изд: Г.К.Фридебургъ

ИРИНА МИХАИЛОВНА

дочь Царя Михаила Ѳеодоровича.

Родилась 22 Апрѣля 1627 г. | Погребена въ Московскомъ
Скончалась 8 Февраля 1679 г. | Ново-Спасскомъ монастырѣ.

Печатать позволяется
С Петербургъ Апрѣля 16 дня 1855 г.
Цензоръ А Фрейгангъ.

Печат. д'Арленгъ. Компановъ съ портр: ИМП. РОМАН: Галлереи Изд: Г. Фридебургъ

Царь Феодор

ѲЕОДОРЪ АЛЕКСѢЕВИЧЪ

ГОСУДАРЬ ЦАРЬ И ВЕЛИКІЙ КНЯЗЬ

САМОДЕРЖЕЦЪ ВСЕРОССІЙСКІЙ.

Печатать позволяется
С. Петербургъ 13 Апрѣля 1853 г.
Цензоръ Крыловъ.

Родился 30 Мая 1661 г.,	Скончался 27 Апрѣля 1682 г.
Вступилъ на	Погребенъ въ Московскомъ
Престолъ 30 Января 1676 г.	Архангельскомъ Соборѣ

ЦАРЬ И ВЕЛИКІЙ КНЯЗЬ

ѲЕОДОРЪ АЛЕКСѢЕВИЧЪ,

САМОДЕРЖЕЦЪ ВСЕРОССІЙСКІЙ.

Царь Ѳеодоръ Алексѣевичъ, сынъ Царя Алексѣя Михайловича и Царицы Маріи Ильиничны, урожденной Милославской, родился 30 мая 1661 года.

Воспитателемъ Царевича былъ іеромонахъ Симеонъ Полотскій, одинъ изъ ученѣйшихъ мужей своего времени, котораго Царь Алексѣй Михайловичъ узналъ во время пребыванія своего въ Полотскѣ и пригласилъ, вмѣстѣ съ другими духовными особами, переселиться въ Москву. Должности дядекъ при Царевичѣ занимали бояре: Князь Ѳедоръ Ѳедоровичъ Куракинъ и Иванъ Богдановичъ Хитрово. Воспитательницею была вдова Анна Петровна Хитрово (1).

Въ самый день новаго 1675 (индиктіоннаго) года, когда Ѳеодору Алексѣевичу минуло тринадцать лѣтъ, Царь Алексѣй Михайловичъ *объявилъ* его людямъ всѣхъ состояній. Для этого торжества собраны были въ Переднюю Палату бояре, окольничіе и думные дворяне. Государь, занявъ мѣсто на престолѣ, приказалъ сѣсть всѣмъ присутствующимъ; потомъ всталъ, помолился, повелѣлъ имъ подойти къ себѣ и сказалъ краткую рѣчь: «Бояре и окольничіе . . . и спальники! приспѣ намъ сегодня время и часъ втораго сына своего, благовѣрнаго Царевича и Великаго Князя Ѳеодора Алексѣевича, Всемогущему Господу Богу дать въ послуженіе и ввести его во Святую Соборную и Апостольскую Церковь, и объявити его богомольцамъ нашимъ великому господину Іоакиму, Патріарху Московскому и всея Руссіи, и преосвященнымъ митрополитамъ и архіепископамъ, и епископамъ и всему Освященному Собору, и вамъ боярамъ нашимъ и окольничимъ и думнымъ людямъ и стольникамъ и стряпчимъ и дворовымъ дьякамъ и жильцамъ и всякихъ чиновъ, всего Московскаго Государства лю-

(1) Царств. Царя Ѳеодора Алексѣевича соч. *Берха*, ч. I стр. 2.

дямъ» (1). Затѣмъ Царь и Царевичъ шествовали въ церковь Всемилостиваго Спаса и въ Успенскій Соборъ, гдѣ совершено было торжество объявленія патріархомъ Іоакимомъ съ духовенствомъ. По этому случаю, прибавлено было жалованья всѣмъ служащимъ (2).

Спустя годъ и почти пять мѣсяцевъ послѣ объявленія Царевича Ѳеодора, скончался Царь Алексѣй Михайловичъ, и благословленный имъ на царство наслѣдникъ принялъ державу, имѣя отъ роду около шестнадцати лѣтъ (3). Люди московскіе всѣхъ чиновъ и званій присягнули новому Царю въ самый день кончины Алексѣя Михайловича, и немедленно разосланы были обычныя грамоты во всѣ города о приведеніи народа къ присягѣ (4).

Вѣнчаніе на царство совершено было 18 іюня, въ день святаго мученика Леонтія, по древнему царскому чину, патріархомъ Іоакимомъ. Послѣ помазанія муромъ, Царь Ѳеодоръ Алексѣевичъ пріобщался Святыхъ Христовыхъ Таинъ (5).

На чертожномъ мѣстѣ, во время священнаго обряда, стояли съ Государемъ бояре: Князь Никита Ивановичъ Одоевскій, Князь Юрій Алексѣевичъ Долгорукій и Богданъ Матвѣевичъ Хитрово. Поддерживали Государя дядьки его, бояре Князь Ѳедоръ Ѳедоровичъ Куракинъ и Иванъ Богдановичъ Хитрово. Вѣнецъ царскій несъ боярин Родіонъ Матвѣевичъ Стрѣшневъ, а потомъ Князь Юрій Ѳедоровичъ Трубецкой; яблоко—казначей Камынинъ. Золотыми деньгами осыпалъ Царя Касимовскій Царевичъ Василій Арслановичъ (6).

Вскорѣ по вступленіи своемъ на престолъ, Царь Ѳеодоръ Алексѣевичъ отправилъ въ Нейгаузенъ наказныхъ для объясненій со шведскими повѣренными касательно уменьшенія, въ одной королевской грамотѣ, царскаго титула. Наказнымъ предписано было требовать уступки Нарвы, Ингерманландіи и Карелiи, областей исконно принадлежавшихъ Россіи, угрожая въ случаѣ отказа войною. Переговоры кончились однако подтвержденіемъ прежнихъ мирныхъ договоровъ, потому что Государь долженъ былъ обратить свое оружіе на другаго врага (7).

Въ послѣдніе годы царствованія Алексѣя Михайловича, смуты, происходившія въ Заднѣпровской Украйнѣ, имѣли слѣдствіемъ вмѣшательство въ дѣла ея Турецкаго Султана. Тѣ казаки, которые, потерявъ надежду на присоединеніе къ Россіи, не хотѣли подчиниться Польшѣ, избрали своимъ предводителемъ Дорошенку, присягнувшаго на подданство Оттоманской Портѣ (1669). Это подданство не замедлило принести горькіе плоды. Султанъ Магомедъ IV радъ былъ случаю воспользоваться тревожнымъ состояніемъ Малороссіи и неурядицею, господствовавшею въ Польшѣ послѣ отреченія короля Яна Казимира. Надежда овладѣть обѣими землями казалась ему вѣроятною, и сто пятьдесятъ тысячъ турецкаго войска явились на берегахъ Днѣпра. Взявъ Каменецъ, Турки расположились при Бучачѣ, и навели такой страхъ на Польшу, что королевскіе послы поспѣшили заключить съ султаномъ (въ октябрѣ 1672) постыдный бучацкій миръ, на основаніи котораго не только были уступлены Портѣ Каменецъ и Подолье, а казакамъ, подвластнымъ Турціи, Украйна, но правительство польское согласилось даже платить ежегодную дань (8).

При такомъ положеніи дѣлъ, Царь Алексѣй Михайловичъ, склоненный мольбами Заднѣпровскихъ Казаковъ, согласился наконецъ принять ихъ въ свое подданство (1674), и приготовился къ войнѣ съ Турціей и Польшей. Окончательное рѣшеніе вопроса о Малороссіи предоставлено было его юному преемнику.

Бояринъ Князь Василій Васильевичъ Голицынъ выступилъ съ войскомъ противъ турецко-крымскихъ отрядовъ, призванныхъ Дорошенкою, который самъ заперся въ Чигиринѣ. Лишь только появились русскія войска, союзники самозванца-гетмана разбѣжались, и Дорошенко, положивъ безъ боя оружіе, вручилъ Самойловичу знаки гетманскаго достоинства, сдалъ Чигиринъ и присягнулъ Русскому Царю (19 сентября 1676). Не смотря на то, Турція не хотѣла отказаться отъ своихъ притязаній на Заднѣпровье: султанъ отправилъ подъ Чигиринъ сорокатысячную рать. Царь Ѳеодоръ Алексѣе-

(1) Царств. Царя Алексѣя Михайловича соч. *Берха*, ч. I стр. 278.—(2) Повѣств. о Россіи Т. III кн. VI стр. 171.—(3) Дворц. Разр. Т. III стр. 1636.—(4) Жизнеоп. Царя Алексѣя Михайловича въ этомъ изданіи.—(5) Выходы Царей и Великихъ Князей стр. 623.—(6) Древн. Вивліоѳ. ч. VII стр. 304.—(7) Подробная Лѣтоп. ч. III стр. 36 и 37.— (8) Польская Исторія *Н. Павлищева* стр. 196.

вичъ, съ своей стороны, повелѣлъ боярину Князю Григорію Григорьевичу Ромодановскому соединиться съ гетманомъ Самойловичемъ и выручить осажденный Крымцами Чигиринъ. Разбитые Крымцы отступили съ большимъ урономъ. Тогда султанъ послалъ добывать Чигиринъ самого великаго визиря; но Князь Григорій Ромодановскій, вмѣстѣ съ братомъ своимъ Михаиломъ и гетманомъ Самойловичемъ, стремительно аттаковалъ турецкія силы, овладѣлъ непріятельскимъ лагеремъ и артиллерій (3 августа 1678) и, послѣ вторичной битвы (14 августа), обратилъ въ бѣгство и великаго визиря и Крымскаго Хана [1].

Государь, довольный чигиринскимъ дѣломъ, изъявилъ свое благоволеніе особенно отличившемуся прилуцкому полковнику Ѳедору Молчану и его подчиненнымъ, и повелѣлъ убитыхъ этого полка вписать въ синодикъ Московскаго Успенскаго Собора, для вѣчнаго поминовенія въ Сборное Воскресеніе [2]. Князь Капсулатъ Черкасскій былъ награжденъ, за разбитіе Крымскаго Хана, терекскимъ таможеннымъ доходомъ; гетману Самойловичу Царь послалъ бархатную на соболяхъ ферязь, вышитую золотомъ и убранную дорогими камнями. Стольникамъ, стряпчимъ, дворянамъ и жильцамъ объявленъ былъ, на постельномъ крыльцѣ, именной указъ о назначеніи раненыхъ изъ нихъ въ воеводы, о повышеніи другихъ чинами, или объ опредѣленіи въ приказы [3].

Не смотря однако на успѣхи русскаго оружія, султанъ предпринялъ намѣреніе осадить Кіевъ. Это побудило Царя Ѳеодора Алексѣевича послать на Днѣпръ новое, многочисленное ополченіе, раздѣленное на семь отрядовъ, подъ главнымъ начальствомъ Князя Михаила Алегуковича Черкасскаго. При войскѣ отправились многія высшія духовныя особы; Государь отпустилъ съ ними свою походную церковь во имя Св. Сергія Радонежскаго Чудотворца, а патріархъ вручилъ старшему воеводѣ чудотворный крестъ [4]. Войско простояло все лѣто (1679) въ окрестностяхъ Кіева, который окружило крѣпкими валами; но Турки не предпринимали ничего рѣшительнаго.

Наконецъ султанъ согласился заключить перемиріе на двадцать лѣтъ, и, по бахчисарайскому договору (1680), уступилъ Россіи Запорожье, отказавшись отъ всякихъ притязаній на Заднѣпровскую Украйну. Съ Польшею еще прежде (1678) возобновлено было перемиріе на тринадцать лѣтъ, и хотя польское правительство, въ надеждѣ воспользоваться войною Россіи съ Турціей, требовало возврата городовъ, покоренныхъ Царемъ Алексѣемъ Михайловичемъ, однако Ѳеодоръ Алексѣевичъ согласился уступить только Себежъ и Велижъ, которые были заняты русскими войсками уже послѣ договора андрусовскаго.

18 іюля 1680 года, Царь Ѳеодоръ Алексѣевичъ вступилъ въ бракъ съ дочерью дворянина Семена Ѳедоровича Грушецкаго, дѣвицею Агаѳьею Семеновной. Въ слѣдующемъ году (іюля 11), онъ былъ обрадованъ рожденіемъ сына, Царевича Иліи; но на третьи сутки послѣ родовъ, молодая Царица скончалась, а вскорѣ потомъ (21 іюля) преставился и новорожденный Царевичъ.

Хотя послѣдняя война съ Турками и сопровождалась успѣхами, однако ссоры и неискусство воеводъ были причиною, что турецкія и крымскія войска, которымъ угрожало совершенное истребленіе подъ Чигириномъ, могли отступить безпрепятственно. Еще другое неудобство въ организаціи русской рати обнаружилось въ продолженіе этой войны: многія лица, назначенныя въ полки, не явились на службу. Государь нашелся вынужденнымъ строго предписать стольникамъ, стряпчимъ, дворянамъ, жильцамъ и всякихъ чиновъ ратнымъ, конным и пѣшимъ людямъ, копейнаго, драгунскаго, рейтарскаго и солдатскаго строевъ, поспѣшить къ назначеннымъ имъ мѣстамъ, не останавливаться на дорогѣ, никого не грабить, не вытаптывать луговъ и не травить хлѣба [5]. Чтобы искоренить, на будущее время, подобные безпорядки, Царь Ѳеодоръ Алексѣевичъ, поручивъ завѣдываніе ратными дѣлами Князю Василію Васильевичу Голицыну, приказалъ составить совѣтъ изъ выборныхъ людей и изложить мнѣніе о лучшемъ устройствѣ войскъ. *Непріятели*, сказано было въ повелѣніи Князю Голицыну, *показали новые въ ратныхъ дѣлахъ вымыслы, а прежде бывшее воинское устроеніе показалося на бояхъ неприбыльно* [6].

---

[1] Повѣств. о Россіи Т. III кн. VI стр. 180, 181.—[2] Тамъ же.—[3] Полное Собр. Зак. Т. II и Ист. Малой Россіи Бантышъ-Каменскаго Ч. II.—[4] Царств. Ѳеод. Алекс. соч. *Берха* ч. I стр. 31. — [5] Тамъ же, ч. I стр. 86. — [6] Повѣств. о Россіи Т. III кн. VI, стр. 185.

Совѣтъ представилъ Государю росписать стольниковъ, стрянчихъ, дворянъ и жильцовъ въ роты а не въ сотни, и, *для крѣпкаго противъ непріятелей стоянія*, выбрать, вмѣсто сотенныхъ головъ, ротмистровъ и поручиковъ, вмѣнивъ всѣмъ въ непремѣнную обязанность не мѣстничаться между собою, но служить въ такомъ чинѣ, какой назначенъ Царемъ. Полкъ долженъ былъ состоять изъ шести ротъ, каждая рота изъ шестидесяти человѣкъ, и на старшаго ротмистра возлагалась обязанность завѣдывать прочими (1).

Когда Царь Ѳеодоръ Алексѣевичъ утвердилъ мнѣніе Совѣта, выборные люди составили новые списки по новому положенію, и, въ то же время, подали Государю новую челобитную о томъ, чтобы бояре, окольничіе, думные и ближніе люди и всѣ чины въ приказахъ, полкахъ, ратныхъ и посольскихъ дѣлахъ, были безъ мѣстъ, не считались между собою разрядами, и чтобы, для лучшаго порядка въ военной и гражданской службѣ, совершенно искоренить мѣстничество.

12 января 1682 года, Ѳеодоръ Алексѣевичъ призвалъ къ себѣ патріарха, властей, бояръ, окольничихъ и думныхъ людей, и приказалъ Князю Василію Васильевичу Голицыну прочитать имъ челобитную выборныхъ людей. Потомъ самъ Государь произнесъ рѣчь о вредѣ мѣстничества, о мѣрахъ своего дѣда и родителя къ искорененію этого зла, упомянувъ, что, въ войну съ Польшею (въ царствованіе Алексѣя Михайловича), русское войско потерпѣло пораженіе подъ Конотопомъ и Чудновымъ единственно отъ несогласія воеводъ, и въ заключеніе предложилъ вопросъ: *по нынѣшнему ли выборныхъ людей челобитію всѣмъ быти безъ мѣстъ, или по прежнему съ мѣсты?*

Всѣ присутствующіе единогласно объявили, чтобы Государь указалъ искоренить разрядные случаи, *чтобы впредь тѣ случаи никогда не вспомянулись.* Въ слѣдствіе этого, Ѳеодоръ Алексѣевичъ приказалъ Князю Михаилу Юрьевичу Долгорукому и думному дьяку Василію Семенову принести всѣ разрядныя книги и сжечь ихъ въ сѣняхъ Передней Палаты. Вмѣсто разрядныхъ книгъ опредѣлено было имѣть въ Разрядномъ Приказѣ родословныя: 1) бояръ, окольничихъ и думныхъ людей, находившихся, по этому случаю, во дворцѣ; 2) роды лицъ почетныхъ и древніе роды заслуженныхъ сановниковъ со временъ Царя Іоанна Васильевича; 3) такихъ же лицъ и написанныхъ въ первостатейныя десятни, со времени Царя Михаила Ѳеодоровича; 4) написанныхъ въ десятни средней и меньшей статьи, и 5) написанныхъ въ московскіе чины за службу предковъ своихъ или за собственную. Этою мѣрою Царь Ѳеодоръ Алексѣевичъ положилъ начало русскому родовому дворянскому достоинству. Виновный въ возобновленіи мѣстничества подвергался лишенію чина (чести) и конфискаціи имущества.

Соборное дѣяніе объ уничтоженіи мѣстничества было утверждено слѣдующею собственноручною подписью Царя: «Божіею милостію Царь и Великій Князь Ѳеодоръ Алексѣевичъ, всея Великія и Малыя и Бѣлыя Россіи Самодержецъ, *во утвержденіе сего Соборнаго Дѣянія и въ совершенное гордости и проклятыхъ мѣстъ въ вѣчное искорененіе моею рукою подписалъ*». За Царемъ подписались: патріархъ, шесть митрополитовъ, два архіепископа, три архимандрита, сорокъ два боярина, двадцать восемь окольничихъ, девятнадцать думныхъ дворянъ, десять думныхъ дьяковъ, сорокъ шесть стольниковъ, два генерала, шесть полковниковъ, трое стрянчихъ, четверо дворянъ и одинъ жилецъ (2).

Въ постоянной заботливости о благѣ государства и подданныхъ, Царь Ѳеодоръ Алексѣевичъ, обезсмертившій себя уничтоженіемъ мѣстничества, ознаменовалъ свое царствованіе и многими другими важными и полезными узаконеніями. Въ 1678 году, онъ повелѣлъ произвести новую перепись во всемъ государствѣ дворамъ и людямъ, что было необходимо для уравненія повинностей по случаю войны съ Турками: съ каждаго двора, кромѣ церковныхъ, назначено было собрать по одному рублю. Чтобы обойтись, по возможности, безъ выписки изъ-за границы ружей, Государь приказалъ холмогорскимъ мастерамъ изготовить нѣсколько тысячъ ружейныхъ замковъ, карабинныхъ и мушкетныхъ, по нѣмецкому образцу, назначивъ за работу по пяти алтынъ за каждый замокъ (3). Кромѣ того, на тульскихъ оружейныхъ заводахъ велѣно было сдѣлать въ короткій срокъ семь тысячъ пять сотъ

(1) Повѣствов. о Россіи Т. III, стр. 186. — (2) Полное Собр. Законовъ Т. II № 905 и Собраніе грам. и догов. Т. IV № 130. — (3) Дополн. къ Дѣян. Петра Великаго ч. III стр. 176—177, на основаніи Двинскаго Лѣтописца.

замковъ къ ружейнымъ стволамъ [1]. Ѳеодоръ Алексѣевичъ намѣревался размежевать во всемъ государствѣ земли для прекращенія тяжебъ и споровъ объ нихъ, и уже повелѣлъ составить по сему предмету наказъ. Кончина не допустила его до совершенія этой важной мѣры [2]. Для огражденія государственной казны отъ убытковъ и для открытія ей новыхъ источниковъ доходовъ, Государь подтвердилъ повелѣніе своего родителя объ отмѣнѣ тарханныхъ грамотъ, данныхъ монастырямъ на рыбные, соляные и другіе торговые промыслы, и приказалъ отдавать въ оброчное содержаніе казенныя земли и разныя угодья, которыми многіе владѣли до того безъ дачъ и безоброчно [3].

По предложенію Царя состоялось (1681) соборное постановленіе объ учрежденіи новыхъ епархій, преимущественно на обширномъ пространствѣ Сибири, о преданіи раскольниковъ градскому суду, о церковномъ и монастырскомъ благочиніи, о призрѣніи нищихъ и о воспрещеніи строить новыя пустыни безъ разрѣшенія духовнаго начальства и продавать разныя выписки изъ книгъ Священнаго Писанія [4]. Другимъ соборнымъ опредѣленіемъ, обрядъ шествія на осляти предписано совершать только въ Москвѣ патріархомъ, въ присутствіи Царя; совершеніе же этого обряда въ прочихъ городахъ, архіереями, воспрещено строго [5].

Съ новаго (индиктіоннаго) 1682 года, отмѣненъ былъ откупъ питейныхъ домовъ и таможенъ; обнародованъ (1681) указъ о предохраненіи деревянныхъ зданій отъ пожара, покрывая ихъ тесомъ, а сверхъ теса усыпая землею и укладывая дерномъ. По большимъ улицамъ, къ стѣнѣ Китая и Бѣлаго Города, повелѣно было возводить каменныя строенія [6].

Усиленіе роскоши, противъ которой еще Царь Алексѣй Михайловичъ принималъ строгія мѣры, побудило Ѳеодора Алексѣевича установить для каждаго сословія не только одежду и число лошадей для выѣзда, но и опредѣлить права при употребленіи экипажей. Запрещено было носить дорогое, особенно татарское платье; вмѣсто старинныхъ охабней, мужчины обязывались носить кафтаны, а женщины шубы, тѣлогрѣйки и треухи, но не шапки [7]. Боярамъ, окольничимъ и думнымъ людямъ предоставлено право ѣздить, лѣтомъ, въ каретахъ, а зимою, въ саняхъ, парою. Въ праздничные дни, бояре могли ѣздить въ каретахъ и въ саняхъ четверткою, а на сговоры и на свадьбы въ шесть лошадей; спальникамъ же, стольникамъ, стрянчимъ и дворянамъ предписывалось ѣздить зимою въ саняхъ на одной лошади, а въ лѣтнее время верхомъ [8]. Но, постигая пользу распространенія въ государствѣ породистыхъ лошадей, Царь старался собственнымъ примѣромъ поощрять бояръ, дворянъ и всѣхъ достаточныхъ людей къ заведенію статныхъ и красивыхъ коней, и самъ часто выѣзжалъ верхомъ на превосходныхъ коняхъ, для прогулокъ по городу и за городъ на охоту. Одинъ изъ дипломатическихъ чиновниковъ бывшаго въ Москвѣ польскаго посольства, Таннеръ, говоритъ: «Два раза видѣлъ я Царя, когда онъ выѣзжалъ на загородную прогулку. За двумя скороходами, бѣжавшими впереди, вели восемнадцать красивыхъ жеребцовъ въ богатой збруѣ. Самъ Царь ѣхалъ на статномъ жеребцѣ, имѣя въ рукѣ вызолоченный скипетръ, а на головѣ соболью шапку, верхъ которой, въ видѣ клина изъ золотой парчи, усѣянной алмазами, висѣлъ внизъ и колебался въ разныя стороны» [9]. По свидѣтельству иноземныхъ пословъ и путешественниковъ, въ царствованіе Ѳеодора Алексѣевича возникли въ Россіи конскіе заводы, и выписывались изъ-за границы лошади лучшихъ породъ [10].

Мысль о повсемѣстномъ распространеніи просвѣщенія изъ одного главнаго источника побудила Царя Ѳеодора Алексѣевича основать (1678) въ Москвѣ высшее учебное заведеніе, такъ называемую греческую школу, и возвести ее на степень академіи или *академіи*. Доступъ въ это училище открывался всякому юношѣ православнаго исповѣданія; кончившіе здѣсь курсъ наукъ съ одобреніемъ получали отъ Царя чины и другія награды. Тѣ, которые желали преподавать въ домахъ иностранные языки, должны были выдержать въ училищѣ предварительное испытаніе, *дабы отъ силъ домовыхъ учителей противности каковой либо православной вѣрѣ не внестися и не быть разногласію.*

---

[1] Царств. Ѳеодора Алекс. соч. *Берха* ч. I стр. 107. — [2] Дополн. къ Дѣян. Петра Вел. т. III стр. 193.—[3] Акты Археогр. Ком. Т. V № 18—21. — [4] Тамъ же № 75.—[5] Акты Арх. Эксп. ч. IV № 223. — [6] Повѣств. о Россіи Т. III кн. VI стр. 185. — [7] Дополн. къ Дѣян. Петра Вел. Т. III стр. 178 и Повѣств. о Россіи Т. III стр. 461.—[8] Полн. Собр. Закон. Т. II № 902.—[9] Царств. Ѳеодора Алекс. соч. *Берха* ч. I стр. 64.—[10] Тамъ же стр. 109.

Предметами преподаванія были: словесность (грамматика, риторика, піитика, діалектика), умственная, естественная и нравственная философія, богословіе, языки, преимущественно славянскій, греческій, латинскій и польскій. Всѣ прочія науки были запрещены, особенно естественная магія, и въ уставѣ сказано, что *ежели гдѣ таковые учители обрящутся, то и съ учениками, яко чародѣи, да сожгутся*. Государственная библіотека долженствовала навсегда состоять при академіи. На содержаніе этого высшаго учебнаго заведенія Царь повелѣлъ отписать шесть монастырей съ ихъ имуществами, вышегородскую волость и десять пустошей.—Права, которыя предполагалось дать академіи (между прочимъ собственный судъ и расправу) были заимствованы изъ устава германскихъ и другихъ иноземныхъ университетовъ; но Царь Ѳеодоръ Алексѣевичъ не успѣлъ, за кончиною своею, подписать заготовленнаго проекта грамоты (1).

Хотя Академія была открыта въ правленіе Царевны Софіи Алексѣевны, однако честь основанія этого втораго по старшинству (послѣ Кіевской Академіи) высшаго училища, принадлежитъ, по всей справедливости, Царю Ѳеодору Алексѣевичу.

Этотъ просвѣщенный Государь помышлялъ и о составленіи отечественной исторіи: онъ приказывалъ собирать свѣдѣнія о происхожденіи Русскаго Народа и переводить иностранныя книги, имѣвшія предметомъ русскую исторію. Вѣроятно, при немъ была составлена дьякомъ Ѳеодоромъ Грибоѣдовымъ краткая исторія Россіи до кончины Царя Алексѣя Михайловича (2).

Государственные труды, также печаль по супругѣ и сынѣ, разстроили слабое отъ природы здоровье Царя Ѳеодора Алексѣевича. Призвавъ къ себѣ боярина Языкова, Государь объявилъ ему, что, по причинѣ своихъ немощей, желаетъ наименовать наслѣдникомъ престола Царевича Петра, котораго и покойный родитель намѣревался возвести на престолъ, такъ какъ Іоаннъ Алексѣевичъ былъ слабъ здоровьемъ и зрѣніемъ (3). Но Языковъ, врагъ Нарышкина, отца вдовствующей Государыни, не хотѣлъ, чтобы юный Царевичъ наслѣдовалъ престолъ, и увѣрилъ Царя, что, по отзыву врачей, онъ можетъ еще жить долго и имѣть собственныхъ наслѣдниковъ (4). По убѣжденію этого боярина, Ѳеодоръ Алексѣевичъ вступилъ во второй бракъ съ дѣвицею Маѳою Матвѣевною Апраксиною. 15 февраля 1682 совершенъ былъ брачный обрядъ въ дворцовой церкви (въ верху), а не въ соборной, вѣроятно по причинѣ болѣзненнаго состоянія Государя (5).

Дѣйствительно, черезъ два съ половиною мѣсяца послѣ свадьбы (27 апрѣля), въ четвертокъ на Ѳоминой Недѣлѣ, Ѳеодоръ Алексѣевичъ скончался на двадцать второмъ году жизни и на седьмомъ году царствованія. Въ Архангельскомъ Соборѣ, надъ гробомъ Царя, находится его портретъ (иконной работы), съ подробною надписью о времени рожденія, вступленія на престолъ, кончины и о всѣхъ дѣяніяхъ усопшаго.

Строитель и настоятель Московскаго Заиконоспаскаго Монастыря, Сильвестръ Медвѣдевъ, написалъ на кончину Царя Ѳеодора Алексѣевича, стихотвореніе, *Плачъ* и *Утѣшеніе Россіи*, въ которомъ, между прочимъ, сказано: *Знаменія нашего орла двоеглавный Царствія Россійскаго клейноде преславный; престане отъ слезъ твоихъ, отрини скорбь многу, Ѳеодоръ есмь даръ Божій, тѣмъ же отданъ Богу* (6).

Симеонъ Полотскій, по кончинѣ своего царственнаго питомца, сложилъ слѣдующую надгробную надпись:

Здѣ лежитъ Царь Ѳеодоръ въ небѣ стоитъ цѣло,
Стоитъ духомъ передъ Богомъ, само лежитъ тѣло,
Аще лежитъ, своему лежитъ Царь Царевѣ,
Аще стоитъ, своему стоитъ Господевѣ (7).

---

(1) Проектъ грамоты помѣщенъ въ Древней Вивліоѳ. ч. VI стр. 397—420.—(2) Царств. Ѳеодора Алексѣевича соч. *Берха* ч. I стр. 107.—(3) Подробн. Лѣтоп. ч. IV стр. 77 и 78.—(4) Тамъ же.—(5) Древн. Вивліоѳ. Т. XI стр. 193. — (6) Словарь Истор. о писателяхъ духовн. чина ч. II стр. 408 и 409.—Для уразумѣнія этого оборота рѣчи должно припомнить, что имя *Ѳеодоръ* значитъ *даръ Божій*.—(7) Древн. Вивліоѳ. Т. XIV стр. 95—111.

Не смотря на кратковременность своего царствованія и на слабость здоровья, Царь Ѳеодоръ Алексѣевичъ успѣлъ совершить много полезнаго для Россіи. Всѣ его дѣянія доказываютъ, что сложная машина государственнаго устройства была имъ ясно видима и хорошо постигаема, и что мощный духъ, просвѣщенный и образованный ученіемъ, преобладалъ въ его недужномъ тѣлѣ. Ѳеодоръ Алексѣевичъ почти ежедневно присутствовалъ въ большой Царской Думѣ, и, подобно родителю своему, обращалъ особенное вниманіе на соблюденіе строгаго правосудія въ дѣлахъ. Всѣ подданные, какъ и при Алексѣѣ Михайловичѣ, могли подавать Царю челобитныя. Подъ руководствомъ Симеона Полотскаго, Ѳеодоръ Алексѣевичъ изучилъ языкъ латинскій, зналъ и другіе иностранные языки, имѣлъ особенную наклонность къ математическимъ наукамъ, находилъ удовольствіе въ бесѣдѣ съ вызванными изъ-за границы людьми учеными, любилъ стихотворство и вокальную музыку, распространилъ въ церквахъ партесное пѣніе, введенное Никономъ, учредилъ при соборахъ *спѣвакъ* (регентовъ), и при погребеніи патріарха Никона, котораго возвратилъ изъ ссылки, самъ пѣлъ съ пѣвчими [1].

Глубокое благочестіе, эта наслѣдственная добродѣтель государей изъ Дома Романовыхъ, руководило всѣми его дѣяніями. Приступая къ чему либо важному, онъ со смиреніемъ испрашивалъ помощи у Господа Бога, и не только самого себя подвергалъ строгому посту и покаянію, но пріобщалъ къ сему подвигу и всѣхъ подданныхъ. Передъ началомъ турецкой войны, по указу Государя и по увѣщанію патріарха, весь народъ постился отъ утра до вечера, и на другой день до отпуску святой литургіи [2]. Онъ строго запретилъ писать въ просьбахъ, себѣ подаваемыхъ, слова: *чтобы онъ*, *Великій Государь*, *пожаловалъ умилосердился какъ Богъ*, и чтобы никто отнюдь не считался мѣстами при крестныхъ ходахъ [3]. Украшая святые храмы, Царь Ѳеодоръ Алексѣевичъ желалъ, чтобы слово Божіе проповѣдывалось въ нихъ не чтеніемъ по книгамъ, но живою изустною рѣчью. Наставникъ его, Симеонъ Полотскій, первый сталъ говорить, въ московскихъ церквахъ, проповѣди наизустъ. Силою Слова Божія, многіе изъ магометанъ и язычниковъ, подвластныхъ Царю, были обращены въ христіанскую вѣру, и многіе христіане, томившіеся въ плѣну у Крымскихъ Татаръ и Турокъ, искуплены на царскія деньги.—По обычаю благочестивыхъ предковъ, Царь Ѳеодоръ Алексѣевичъ посѣщалъ тѣ же, какъ и они, церкви и монастыри, и, между прочимъ, ѣздилъ ежегодно въ Успенскій Дѣвичій Монастырь, основанный въ 1651 году, въ знаменитой Александровской Слободѣ, на развалинахъ двора Іоанна Грознаго [4].

Не имѣя дѣтей, онъ сосредоточилъ всю свою любовь и нѣжность на юномъ братѣ своемъ, Царевичѣ Петрѣ, заботился о его воспитаніи, опредѣлилъ къ нему въ грамотные учители, съ одобренія Симеона Полотскаго, приказнаго Никиту Моисеева Зотова, и самъ слѣдилъ за развитіемъ необыкновенныхъ способностей младенца [5].

При тѣлесныхъ недугахъ и религіозной настроенности духа, Царь Ѳеодоръ Алексѣевичъ не отмѣнилъ однако увеселеній, введенныхъ при дворѣ его родителемъ: драматическія представленія продолжались по прежнему, и Симеонъ Полотскій сталъ писать первыя славяно-русскія драмы духовнаго содержанія [6]. Тогда же была переведена на славяно-церковный языкъ и первая недуховная піеса изъ Моліера, *Лекарь по неволѣ*. Кажется, что и соколиная охота не была оставлена: изъ грамоты Верхотурскому Воеводѣ (1678) видно, что онъ долженъ былъ присылать въ Москву только самыхъ лучшихъ кречетовъ и челиговъ, и именно красныхъ, подкрасныхъ и цвѣтныхъ, а сѣрыхъ и краплеными не отправлять [7].

Хотя царствованіе Ѳеодора Алексѣевича можно назвать продолженіемъ царствованія Алексѣя Михайловича, однако въ эти шесть лѣтъ Россія сдѣлала уже замѣтный шагъ впередъ на поприщѣ

---

(1) Дополн. къ Дѣян. Петра Великаго ч. III стр. 189 и Житіе Никона С. Пб. 1817 стр. 187 и 188.—(2) Дополн. къ Дѣян. ПетраВеликаго ч. III стр. 194, на основаніи Двинскаго Лѣтоп. и Акты Арх. Эксп. ч. IV NN 224 и 226 и слѣд.—(3) Повѣств. о Россіи Т. III кн. IV стр. 184.—(4) Выходы Царей и Великихъ Князей изд. П. Строевымъ, въ указателѣ стр. 4.—(5) Подробн. Лѣтоп. и проч. ч. III стр. 70.—(6) Двѣ изъ этихъ драмъ о *Блудномъ Сынѣ* и о *Царѣ Навуходоносорѣ* и проч. напечатаны въ VIII части Древн. Вивліоѳики.—(7) Акты Археогр. Ком. Т. V N. 24.

своего развитія, приготовилась къ воспріятію той новой жизни, которую долженъ былъ вдохнуть въ нее Петръ Великій. Достойный исполнитель мудрыхъ предначертаній своего родителя, Ѳеодоръ Алексѣевичъ поддержалъ и въ дѣлахъ внѣшней политики честь государства: настойчивая война съ Турками и Крымцами, кончившаяся выгоднымъ миромъ, переговоры съ Польшею и дипломатическія спошенія съ Австріей, съ которою Государь намѣревался заключить наступательный и оборонительный союзъ противъ султана, служатъ тому доказательствомъ.

Въ Типографіи II Отдѣленія Собственной Е. И. В. Канцеляріи. Печатать позволяется С. Петербургъ, Марта 24 дня 1853 г. Цензоръ *А. Крыловъ*.

ЦАРИЦА
АГАѲІЯ СИМЕОНОВНА,
УРОЖДЕННАЯ
ГРУШЕЦКАЯ,
ПЕРВАЯ СУПРУГА ЦАРЯ ѲЕОДОРА АЛЕКСѢЕВИЧА,
САМОДЕРЖЦА ВСЕРОССІЙСКАГО.

При всемъ великомъ, для Россіи, значеніи втораго брака Царя Алексѣя Михайловича съ Наталіею Кирилловною, урожденною Нарышкиною, по происхожденію отъ него Петра Великаго, преобразователя государства, безпристрастіе обязываетъ однако замѣтить, что этотъ бракъ имѣлъ то вредное послѣдствіе, что образовалъ, при дворѣ Государя, двѣ сильныя враждебныя партіи, Милославскихъ и Нарышкиныхъ. Обѣ фамиліи родственныя царскому дому, изъ своекорыстныхъ видовъ преобладанія въ государствѣ, при свойственникахъ въ семействѣ царскомъ, были виновницами послѣдовавшихъ внутреннихъ смутъ, кровопролитій и казней.

Безъ сомнѣнія, при жизни самаго Царя Алексѣя Михайловича, послѣ втораго его брака, партія Нарышкиныхъ преобладала при дворѣ, что выразилось даже немилостію Государя къ внучатому племяннику бывшей первой его супруги, Ивану Михайловичу Милославскому, справедливо удаленному отъ двора, за его постоянныя интриги, корысть и властолюбіе; но едва возсѣлъ на родительскій престолъ, въ 1676 году, 14-лѣтній Царь Ѳеодоръ Алексѣевичъ, какъ свойственники его, Милославскіе, восторжествовали надъ Нарышкиными и не прошло еще полугода, уже печальнымъ слѣдствіемъ этого торжества, было удаленіе отъ двора государева и безвинная ссылка въ Пустоозерскій острогъ доблестнаго боярина Артемона Сергѣевича Матвѣева, находившагося въ головѣ партіи Нарышкиныхъ.

Однако Нарышкины не совсѣмъ еще утратили свое значеніе при дворѣ Царя Ѳеодора Алексѣевича; юный Царевичъ Петръ Алексѣевичъ, не по лѣтамъ разумный и мужественный духомъ, служилъ не малою имъ поддержкою; онъ даже давалъ небезъосновательныя надежды на будущее ихъ торжество, при слабости здоровья Царя Ѳеодора и совершенной немощности старшаго по Царѣ, единоутробнаго его брата Царевича Іоанна.

Милославскіе и сами того же опасались, а потому, желая навсегда лишить Нарышкиныхъ силы при дворѣ, они съ своими единомышленниками, въ числѣ которыхъ находились: мама царская, верховая боярыня Анна Петровна Хитрово, лицемѣрная постница и его дядьки, ближній боярин Князь Ѳеодоръ Ѳеодоровичъ Куракинъ и оружейничій Богданъ Матвѣевичъ Хитрово, стали убѣждать Царя Ѳео-

дора Алексѣевича, въ видахъ будто бы государственнаго благосостоянія и даже возстановленія его собственнаго здоровья, вступить скорѣе въ бракъ.

Настоятельные ихъ совѣты и просьбы, склонили наконецъ Государя, въ 1680 году, когда ему минуло девятнадцать лѣтъ, сочетаться бракомъ.

По обычаю того времени, молодому Царю было представлено на смотрины множество дѣвицъ, цвѣтущихъ молодостью, красотою и здоровьемъ, не только изъ знатныхъ, даже изъ неизвѣстныхъ дворянскихъ фамилій, и разумѣется, при этомъ придворныя партіи взволновались еще болѣе; каждой хотѣлось, чтобы выборъ Царя палъ на ту изъ дѣвицъ, семейство которой было на ея сторонѣ.

Однако Государь, слѣдуя собственному сердечному влеченію, осчастливилъ избраніемъ въ невѣсты, дѣвицу Агаѳію Симеоновну Грушецкую, дворянскаго, вовсе не знатнаго рода, не имѣвшую ни связей съ придворными людьми, ни многочисленной родни. — Вотъ слова Татищева: «*Царь Ѳеодоръ Алексѣевичъ, полюбивъ Грушицкую, ни какой, кромѣ ея жениться не хотѣлъ* (1)».

Выборъ этотъ не согласовался съ видами многихъ вельможъ и приближенныхъ къ Государю, въ числѣ которыхъ были его мама и дядьки, а потому, желая всѣми способами разстроить предстоявшій бракъ, они для достиженія своей цѣли, рѣшились прибѣгнуть къ самой низкой клеветѣ на доброе поведеніе дѣвицы Грушецкой; однако всѣ ихъ усилія остались тщетными. Правдивый Царь не повѣрилъ ихъ навѣтамъ и удостовѣрясь, отъ самой невѣсты, въ чистотѣ ея поведенія (2), 18 Іюля 1680 года, сочетался съ нею законнымъ бракомъ (3).

Бракъ этотъ былъ совершенъ весьма скромно, безъ всякихъ торжественныхъ церемоній и пировъ. Изъ свадебнаго разряда видно, что обрядъ бракосочетанія совершенъ въ день недѣльный, въ Соборной великой церкви, патріархомъ Іоакимомъ, при которомъ находились изъ духовенства, только два ключаря и одинъ Соборный діаконъ; во время вѣнчанія читали и пѣли ключари. При переходѣ Царя съ невѣстою изъ царскихъ теремовъ въ Соборную церковь, впереди шелъ его духовникъ, и святою водою кропилъ Спасскій протопопъ (4).

За тѣмъ Государь, по свойству своего характера и слабому здоровью, предпочитая тишину семейной жизни, сдѣлался совершеннымъ затворникомъ, такъ что въ это время не упоминается ни объ одномъ царскомъ выходѣ.

О родѣ Грушецкихъ и даже о родителяхъ Агаѳіи Симеоновны нѣтъ почти никакихъ извѣстій.

Изъ русскихъ источниковъ видно только, что родъ этотъ появился въ Россіи, отъ нѣкоего Карла Евстафьева, происходившаго отъ великія и малыя Грушицы въ землѣ Хельмской; онъ выѣхалъ изъ Польши, въ Царствованіе Великаго Князя Ѳеодора Іоанновича, между 1584 и 1598 годами, и получилъ въ Кашинскомъ уѣздѣ и въ другихъ городахъ многія села и деревни. Сынъ его Илія, за осадное Московское сидѣнье, какъ показано въ справкѣ Разряднаго Архива, пожалованъ былъ отъ Государя Царя и Великаго Князя Василія Іоанновича, въ 1610 году, граматою и помѣстьемъ, а потомъ находился на Бѣлѣ озерѣ Воеводой. Сынъ Иліи, Ѳеодоръ, въ 1631 году, записанъ былъ въ числѣ дворянъ и дѣтей боярскихъ и верстанъ помѣстнымъ и денежнымъ окладомъ, а сынъ Ѳеодора Семенъ, по женидьбѣ съ Заборовскою (5), отецъ Царицы Агаѳіи Симеоновны, показанъ въ Черкасѣ воеводою и за Литовскую службу, въ 1664 и 1665 годахъ, верстанъ помѣстнымъ и денежнымъ окладами (6).

За тѣмъ по родословной книгѣ Князей и Дворянъ Россійскихъ и выѣзжихъ сказано, что родословная Грушецкихъ находится въ Московскомъ Архивѣ подъ № 91 (7).

Въ польскомъ же гербовникѣ сказано: у Грушецкихъ гербъ Любичъ (Lubicz); они жили въ Хельмской землѣ и на Подолѣ. Изъ нихъ Матвѣй, мужъ храбрый, за воинскія заслуги, получилъ въ подарокъ отъ Польскихъ Королей, въ вѣчное и потомственное владѣніе, большую и малую Грушицы, отъ кото-

---

(1) Татищевъ—Рос. Ист. Т. I, стр. 594.—(2) Тамъ же *мама его* (Царя) *и дядьки, хотя его женить, на иной, Грушецкую многими неистовствы порицали, но онъ удостовѣрясь отъ нея самой сочетался . . . . .*—(3) Полн. Собр. Зак. Рос. Имп. ч. II, стр. 829. Грамата боярину Князю Голицыну.—(4) Древн. Росс. Вивліоѳ. Т. XI, стр. 192.—(5) О томъ что мать Царицы Агаѳіи Симеоновны была Заборовская, заимствовано изъ Theatrum. Europ. см. ниже, гдѣ говорится о дядѣ Царицы Заборовскомъ.—(6) Общій Гербов. Двор. Родовъ Всерос. Имп. ч. II, л. 85, Родослов. М. М. Грушецкаго Псковскаго Предводителя Дворянства. Спиридова рукопись записки старин. служб. Русск. благ. родовъ ч. XIV.—(7) Родослов. книг. князей и двор. Рос. и выѣзжихъ 1787 г. ч. II, стр. 306.

рыхъ родъ его принялъ названіе Грушецкихъ; онъ былъ послѣ коронным хорунжимъ. *Ольковскій* ему приписываетъ, по женидьбѣ съ Малицкою (Malickiy), сына Андрея, который въ продолженіи всей своей службы Королямъ Сигизмунду и Стефану, отличался необыкновеннымъ мужествомъ; онъ былъ убитъ двоюроднымъ братомъ Кантеміра. Повѣствователь впрочемъ сомнѣвается въ справедливости этого сказанія, на томъ основаніи, что нельзя допустить, чтобы отецъ жилъ при Ягелѣ, а сынъ при Стефанѣ, что составитъ болѣе 130 лѣтъ. Отъ Андрея съ женою Ганьскою, былъ сынъ Петръ, у котораго, съ женою Анною Орховскою, было 8 сыновей, изъ нихъ шесть были убиты, въ разныхъ сраженіяхъ, а изъ остальныхъ двухъ, Брониславъ, Самуилъ, прозванный *Шумилистъ*, поселился на Руси.—Онъ служилъ поручикомъ у Зборовскаго, а потомъ въ войскѣ Чернишевскаго (Czerniechowskiego). Брониславъ Грушецкій показанъ также ловчимъ Чернишевскимъ въ конституціяхъ 1633 года (fol 55), и на Подолѣ въ Голосковицахъ построилъ замокъ (1).

По сличеніи русскихъ источниковъ съ польскими видно только, что Грушецкіе дѣйствительно выѣхали изъ земли Хельмской и получили свое прозваніе отъ дарованныхъ одному изъ нихъ большой и малой Грушицы, но какой именно Карлъ Евстафьевъ выѣхалъ въ Россію изъ Польши и какъ онъ приходился Матвѣю своему родоначальнику? по недостатку матеріаловъ, опредѣлить рѣшительно не возможно.

Затѣмъ, въ отношеніи ближайшихъ родственниковъ Царицы Агаѳіи Симеоновны, изъ русскихъ источниковъ видно, что при ея замужествѣ у нее было три двоюродныхъ брата Михаилъ, Василій и Кондратій Ѳоковичи, изъ которыхъ: первый—Михаилъ, былъ Комнатнымъ Стольникомъ Царя Ѳеодора Алексѣевича и участвовалъ въ подписаніи знаменитаго Соборнаго Дѣянія, объ уничтоженіи мѣстничества; ему, въ 1680, 1689 и 1690 годахъ, даны на Рязанское имѣнье четыре грамоты съ похвалами. Второй—Василій, былъ то же Комнатнымъ Стольникомъ у Царя Ѳеодора и въ 1685 году получилъ на Рязанскую вотчину двѣ грамоты съ похвалами, кромѣ того обоимъ, Михаилу и Василію, пожалована послѣ брака Царя Ѳеодора Алексѣевича съ Агаѳіею Симеоновною, вотчинная земля то же въ Рязанскомъ Уѣздѣ съ селомъ Старожиловымъ, принадлежавшая прежде вдовѣ боярина Михаила Ивановича Морозова. Наконецъ третій—Кондратій, былъ въ Свіяжѣ Воеводою и, записанный въ думѣ Стольникомъ, въ 1696 году, находился въ Азовскомъ походѣ; ему даны, въ 1690 и 1692 годахъ, на Кашинское имѣнье помѣстье (2).

Первыя двѣ вѣтви угасли, а отъ послѣдняго продолжается существующій нынѣ родъ Грушецкихъ.

Кромѣ этихъ свѣдѣній, въ исторіи царствованія Петра Великаго Н. Г. Устрялова сказано, что въ кабинетныхъ бумагахъ Петра Великаго есть просьба въ Тайную Канцелярію жильца Ивана Грушецкаго о возвращеніи ему деревни Турыкиной, отписанной у Сибирскаго Царевича Василія, по дѣлу Царевича Алексѣя Петровича, изъ которой видно, что за Царевичемъ Василіемъ, въ первомъ бракѣ, была тетка просителя Анна Семеновна, дочь Грушецкаго, которая предъ своею смертію, въ 1711 году, поступила означенную деревню (данную за нею въ приданое) сестрѣ своей боярынѣ Ѳеклѣ Семеновнѣ, вдовѣ Князя Ѳедора Урусова. Н. Г. Устряловъ замѣчаетъ, что вѣроятно обѣ они были родныя сестры Царицы Агаѳіи Симеоновны (3).

Изъ всѣхъ этихъ отрывочныхъ и незначительныхъ извѣстій о родѣ Грушецкихъ, видно, что они никогда, ни прежде, ни послѣ брака Царя Ѳеодора Алексѣевича, не занимали значительныхъ должностей въ государственной службѣ и вообще не участвовали въ дворцовыхъ интригахъ. Наконецъ, почти съ достовѣрностію можно полагать, что при выборѣ дѣвицы Агаѳіи Симеоновны въ невѣсты Государя, родителей ея уже не было въ живыхъ, потому, что о нихъ нигдѣ не упоминается, тогда какъ въ одномъ иностранномъ источникѣ говорится, что по совершеніи брака Царя Ѳеодора Алексѣевича съ Агаѳіею Симеоновною, родной ея дядя, съ материной стороны, Семенъ Ивановичъ Заборовскій, былъ пожалованъ въ бояре (4), но и того по спискамъ бояръ не значится, а показанъ думный дворянинъ Заборовскій, пожалованный въ это званіе въ 1664 году (5).

---

(1) Herbarz Poslki T. IV, fol. 301 и 302.—(2) Родос. М. М. Грушецкаго.—Спиридова рукоп. записк. стар. служб. руск. благ. родовъ ч. XIV, Полн. Собр. Зак. Т. II, стр. 848 Дек. 13 д. 1680 г. — (3) Ист. Царств. Петра Великаго Н. Устрялова Т. I, прим. 27, стр. 265 и 266. — (4) Theatrum Europ. Т. XII, fol 178. Тамъ однако супруга Царя Ѳеодора Алексѣевича названа Ophimia Rontesky. — (5) Спиридова рукоп. запис. стор. служб. Рус. Благ. Род. Т. XIV.

Въ отношеніи самой Царицы Агаѳіи Симеоновны также нѣтъ положительныхъ извѣстій, какъ и обо всѣхъ почти русскихъ Царицахъ до XVIII столѣтія, жившихъ въ царскихъ теремахъ, въ глубокомъ уединеніи и проводившихъ дни свои частію въ молитвѣ, постѣ и благотвореніяхъ, частію въ занятіяхъ рукодѣльями и въ невинныхъ забавахъ съ сѣнными дѣвушками; впрочемъ изъ двухъ источниковъ русскаго и польскаго видно, что Царица Агаѳія Симеоновна была умна, кротка, справедлива, образована и имѣла не малое вліяніе не только на самаго Государя но и на дѣла государственнаго управленія.

Вотъ что передаетъ о ней Татищевъ: «По вступленіи Царя Ѳеодора Алексѣевича на престолъ, дядька его Богданъ Матвѣевичъ, по прозванію Хитрой, на самомъ дѣлѣ человѣкъ простой и добрый, зная, что Государь возметъ себѣ въ главные совѣтники, дядю своего Ивана Милославскаго, человѣка злостнаго и коварнаго, объявилъ о своемъ опасеніи, на счетъ вреднаго вліянія Милославскаго на молодаго Царя, одному пріятелю своему изъ незнатныхъ дворянъ Ивану Языкову, весьма умному и хитрому царедворцу, впослѣдствіи сдѣлавшемуся первымъ лицемъ въ государствѣ послѣ Царя. Языковъ присовѣтывалъ отяготить Милославскаго дѣлами, такъ, чтобы ему не было времени часто бывать при дворѣ. Этотъ умный совѣтъ былъ приведенъ въ исполненіе. На Милославскаго было возложено управленіе восемью приказами, и по каждому приказу, даны были ему помощники, выбранные большею частью изъ партіи враждебной Милославскому. Въ числѣ его товарищей по управленію приказами былъ Палибинъ, котораго дьяки и подъячіе за его строгость не любили, но за то всѣ прочіе почитали, какъ человѣка правдиваго и честнаго. Чтобы уплатить долгъ одному заимодавцу, который хотѣлъ, за неплатежъ, взять заложенную Палибинымъ деревню, послѣдній рѣшился по совѣту своего подъячаго, взять недостающіе 300 р. изъ приказа, съ тѣмъ чтобы дополнить ихъ впослѣдствіи. Этотъ поступокъ довели до свѣдѣнія Милославскаго, который, никогда не любивши Палибина, тотчасъ же донесъ Царю Ѳеодору Алексѣевичу, что будто бы товарищъ его укралъ изъ приказа 300 р. Палибинъ былъ приговоренъ за это къ наказанію и ссылкѣ.» *Оное слыша*, продолжаетъ Татищевъ *«милостивая и благоразсудная государыня, съ гнѣвомъ выговаривала, что онъ осуждаетъ человѣка безъ суда и не вѣдая подлинно дѣла, Государю доноситъ. Государь самъ видя, что не порядочно, приказалъ его допросить и себѣ доложить. Царица спросила Хитраго, дядьку Царя Ѳеодора Алексѣевича, о состояніи онаго Палибина, и слыша, что всѣ бывшіе при томъ его хвалили, тотчасъ послала къ нему Луку Хитраго, спросить для чего и какъ деньги взяты? Но которому увѣдавъ обстоятельно, послала съ Иваномъ Потемкинымъ 300 р.; велѣла тому подъячему отдать именемъ судейскимъ и взявъ росписку, судьѣ отдать не сказывая чьи тѣ деньги; и такъ онаго не токмо отъ бѣды избавила, но еще для его небогатства, богато наградила»* (1).

Непзвѣстный польскій повѣствователь XVII вѣка, отзывается о Царицѣ Агаѳіи Симеоновнѣ также съ большою похвалою и приписываетъ ея вліянію, уничтоженіе обычая носить длинную одежду, извѣстную подъ названіемъ *охабней* (2), въ которые по его мнѣнію, русскіе наряжены будтобы Царемъ Іоанномъ Грознымъ, въ наказаніе войску, обратившемуся въ бѣгство при встрѣчѣ съ непріятелемъ и не вступившему съ нимъ даже въ дѣло. Далѣе онъ говоритъ, что при Царицѣ Агаѳіи Симеоновнѣ, нѣкоторые изъ русскихъ дозволяли себѣ бритье бороды и стрижку волосъ, также стали одѣваться въ польскіе кунтуши и носить на боку сабли, но что всего важнѣе, при ней въ Москвѣ вошло въ обыкновеніе учить дѣтей польскому и латынскому языкамъ. Желала также Царица, продолжаетъ непзвѣстный писатель, искоренить обычай, по которому каждый русскій могъ имѣть въ церкви икону, принадлежавшую исключительно ему одному и предъ этою иконою другой уже не могъ ни молиться, ни ставить свѣчей. Всѣ эти нововведенія возбудили неудовольствіе и ропотъ между многими русскими вельможами, приверженцами старины, которые говорили, что и Дмитрій самозванецъ, женившись на Маріи Мнишекъ, подчинился ея вліянію и хотѣлъ ввести польскіе обычаи и даже католическую религію (3).

---

(1) Татищевъ—судебникъ Государя Царя и Велик. Князя Іоанна Васильевича 1786 м. стр. 67 и 68. — (2) О перемѣнахъ въ одеждѣ и т. п. при Царѣ Ѳеодорѣ Алексѣевичѣ см. жизнеоп. этого Государя въ настоящ. изд. стр. 5.—(3) Diariusz zaboystwa tyranskiego Senatorów Moskiewskich w stolicy roku 1682 y o obranin dwoch Carow Ioanna i Piotra. Свѣдѣніе объ этой рукописи доставлено П. П. Пекарскимъ, который говоритъ о ней подробно въ составленномъ имъ жизнеописаніи Царицы Марѳы Матвѣевны, урожденной Апраксиной, второй супруги Царя Ѳеодора Алексѣевича.

Быть можетъ польскій повѣствователь, по пристрастію къ Царицѣ, происходившей изъ польскаго рода, приписалъ ей болѣе, нежели сколько она могла сдѣлать дѣйствительно, въ короткое время своего замужества, но несомнѣнно то, что при Царѣ Ѳеодорѣ Алексѣевичѣ, польскія литературныя произведенія, а также нѣкоторые польскіе обычаи, были въ большомъ ходу, при тогдашнемъ Московскомъ дворѣ. Молодыя дочери Царя Алексѣя уже носили польскую одежду (1); а Царевна Софія читала, сочиненныя Барановичемъ, на польскомъ языкѣ «*житія Святыхъ церкви*». Полоцкій, въ предисловіи къ своему стихотворному псалтырю (м. 1680 г.), говоритъ, что въ Москвѣ особенно любили пѣніе по псалтырю въ стихахъ на Польскомъ языкѣ. Въ отношеніи же одежды, Дорвиль, въ сочиненіи «Les fastes de la Russie et de la Pologne» говоритъ, что Царь Ѳеодоръ Алексѣевичъ, первый изъ русскихъ Государей сталъ носить польскую одежду и что примѣру его послѣдовалъ весь дворъ. «Въ это время «говоритъ онъ весьма многіе брили еще головы и носили аракчины; Царь отмѣнилъ этотъ обычай и началъ носить длинные волосы» (2).

Извѣстіе это однако не совсѣмъ справедливо: въ Императорской Романовской галлереѣ есть современный портретъ Царя Алексѣя Михайловича, представленнаго верхомъ на конѣ, въ польской одеждѣ.

По соображеніи всего, что здѣсь говорится о Царицѣ Агаѳіи Симеоновнѣ, можно, почти съ достовѣрностію, отнести также ея вліянію, измѣненіе въ теремномъ бытѣ Царицы и Царевенъ и нѣкоторое освобожденіе ихъ изъ затворнической, уединенной жизни, которыми такъ самостоятельно и даже неумѣренно воспользовалась Царевна Софія Алексѣевна.

Не продолжительна однако была дѣятельность этой умной Царицы: не прошло и полнаго года со времени ея супружества, какъ Провидѣнію угодно было поразить сердце юнаго Государя двумя тяжкими ударами.

Царица Агаѳія Симеоновна, по разрѣшеніи отъ бремени, 11 Іюля 1681 года, сыномъ, нарѣченнымъ Иліею, въ память Иліи Даниловича Милославскаго, 14 числа того же мѣсяца, скончалась отъ трудныхъ родовъ, а за нею 21 числа, въ седьмомъ часу ночи, преставился новорожденный Илія.

Вотъ какъ сказано объ этихъ событіяхъ въ полномъ Собраніи Законовъ:—Іюля 14 дня, въ часъ, въ четвертокъ, преставилась Благовѣрная Царица и Великая Княгиня Агаѳія Симеоновна; въ колоколъ старый успенскій, послѣ вечерни, три ударенія было; въ пятокъ утра, въ началѣ четвертаго часу, благовѣстъ къ выносу. Іюля 21, въ семь часовъ ночи, преставился Царевичъ Илія Ѳеодовичъ, послѣ утрени въ четвертокъ (3).

Въ самый день рожденія Царевича (11 Іюля) Государь издалъ уставъ о сборѣ таможенныхъ пошлинъ, а на канунѣ его кончины состоялось узаконеніе, отмѣняющее откупъ питейныхъ домовъ и таможенъ, съ новаго индиктіоннаго года т. е. съ 1 Сентября 1682 года. Къ этому же времени, а можетъ быть и нѣсколько дней послѣ кончины Царевича, относится прощеніе Царемъ Патріарха Никона. Знаменитый отшельникъ, заточенный въ Кириловомъ монастырѣ, получилъ отъ Государя свободу и право жить въ Воскресенскомъ монастырѣ, имъ самимъ построенномъ; но Патріархъ не доѣхалъ до мѣста и на пути туда скончался (17 Августа) въ Толгской обители (4).

Смерть Царицы и новорожденнаго младенца поразили глубокою горестью впечатлительное и нѣжное сердце Государя; отъ тяжкой печали онъ самъ сдѣлался болѣнъ, такъ что не могъ даже присутствовать при ихъ погребеніи. Тяжко скорбя объ ихъ потерѣ, онъ цѣлые дни проводилъ въ молитвѣ, пристрастился къ духовному пѣнію, оставилъ царскія заботы и, помышляя только о жизни за гробомъ, забывалъ о земномъ величіи и дѣлахъ міра сего (5).

Тѣло Царицы было положено въ гробъ, обтянутый красною обьярью, съ золотыми и серебренными цвѣтами, гробовая крыша была изъ алтабасу серебреннаго съ золотыми цвѣтами; а на выносѣ гробъ и сани были покрыты аксамитомъ золотымъ, нетельчатымъ.

---

(1) См. жизнеоп. Царицы Марѳы Матвѣевны въ настоящ. изд.—(2) Les fastes de la Russie et de la Pologne Т. II, p. 117.—(3) Полн. Собр. Зак. Т. II, стр. 878 и 881. Берхъ, вопреки свидѣтельству современныхъ актовъ, пишетъ, что Царица скончалась чрезъ 10 дней по рожденіи сына. Царств. Ѳеодора Алекс. Ч. II, стр. 85. — (4) Арцыбашева-Повѣств. о Рос. Т. III, Кн. VI, Отд. II, стр. 185. Берха Царств. Ѳеодора Алексѣевича Т. I, стр. 100.— (5) Обозрѣніе Рус. Ист. до единодержавія Петра Великаго. Н. Полеваго 1846 г. стр. 20.

При выносѣ тѣла изъ внутреннихъ покоевъ Государь, весь въ черномъ одѣяніи, проводилъ его до Краснаго Крыльца и до саней, послѣ чего возвратился въ свои покои (1).

Погребеніе было совершено съ должною церемоніею самимъ Патріархомъ, въ продолженіе которой лице Царицы было открыто и по окончаніи обряда всѣ присутствовавшіе прикладывались къ рукѣ усопшей (2) Царица Агаѳія Симеоновна погребена въ Вознесенскомъ монастырѣ, войдя въ церковь на лѣвую сторону у стѣны (3).

Ни въ день погребенія Царицы, ни во время панихидъ, въ извѣстные дни, выходовъ не было.—Только въ сороковой день, 22 Августа, Государь пріѣхалъ въ Вознесенскій монастырь, для слушанія панихиды по усопшей; на немъ было черное платье и въ рукахъ жезлъ индейскаго дерева съ орломъ (4).

Погребеніе Царевича Иліи совершено было не на другой день его кончины, въ пятницу, какъ бы слѣдовало, а отложено было до Субботы 23 Іюля, потому что Государь былъ въ походѣ. Въ этотъ день по утру въ 3 часа раздался благовѣстъ въ Успенскомъ Соборѣ къ выносу; Государь, весь въ черномъ, провожалъ его только до Краснаго Крыльца.—Тѣло Царевича было положено въ гробъ, обтянутый объярью голубою, съ золотыми цвѣтами, который на выносѣ былъ покрытъ вмѣстѣ съ санями бархатомъ яркаго цвѣта, съ цвѣтами золотыми (5).—Гробъ внесли со звономъ въ Храмъ Архистратига Михаила и погребли у праваго перваго столба съ южной стороны (6).

Прочитывая это жизнеописаніе, нельзя не пожалѣть о столь ранней кончинѣ добродѣтельной и умной Царицы Агаѳіи Симеоновны, жизнь которой, менѣе чѣмъ въ годъ времени ея замужества, имѣла повидимому не маловажное вліяніе на общественное образованіе въ Россіи.

---

(1) Выходы Госуд. Царя и Велик. Князя Ѳеодора Алексѣевича Отд. IV, стр. 700 и 701. Древ. Рос. Вивліоѳ Т. XI, стр. 207, 208 и 237.— (2) Выходы Государя Царя и Велик. Кн. Ѳеодора Алексѣевича Отд. IV, стр. 700. —(3) Полн Собр. Зак. Т. II, стр. 878.—(4) Тамъ же, стр. 701.—(5) Древ. Росс. Вивліоѳ. Т. XI. стр. 209, 210 и 227.

ЦАРИЦА

МАРѲА МАТВѢЕВНА,

УРОЖДЕННАЯ

АПРАКСИНА,

ВТОРАЯ СУПРУГА ЦАРЯ ѲЕОДОРА АЛЕКСѢЕВИЧА,

САМОДЕРЖЦА ВСЕРОССІЙСКАГО.

Въ продолженіе всего царствованія Царя Ѳеодора Алексѣевича, однимъ изъ главныхъ любимцевъ его былъ Иванъ Максимовичъ Языковъ: въ первый же годъ вступленія на престолъ этого Государя, онъ является постельничимъ съ титломъ думнаго, а въ годъ кончины Ѳеодора подписывался уже боярином и оружейничимъ. По увѣренію Татищева, достигъ Языковъ первыхъ чиновъ и значенія по дружественнымъ своимъ отношеніямъ къ дядькѣ Царя, Богдану Хитрово, *«умомъ и совѣстію простаго человѣка, котораго Языковъ достаточно награждалъ разсужденіями хитрыми»*... Сохранилось извѣстіе, что Языковъ совѣтывалъ Царю, по смерти первой его супруги, вступить во второй бракъ съ Марѳоій Матвѣевной Апраксиной; что съ семействомъ послѣдней любимецъ Царя былъ въ большой дружбѣ, и что, наконецъ, придворные врачи, зная разстроенное здоровье Ѳеодора Алексѣевича, старались отклонять его отъ этого брака (1).

Крекшинъ, повѣтствователь, впрочемъ далеко не достовѣрный, разсказываетъ, что Языковъ «о бракѣ съ Апраксиною многовременно стужалъ» именно изъ вражды къ Нарышкинымъ, обнадеживая Царя, что онъ будетъ имѣть прямаго наслѣдника престолу. «Присный сынъ твой, азъ», говорилъ будто бы при этомъ случаѣ Языковъ, «съ докторомъ о здравіи твоемъ многое разглагольствіе имѣлъ и жизнь житія твоего сказывалъ многолѣтнюю»... На сколько вѣроятенъ этотъ разсказъ, теперь рѣшить трудно; но только любимецъ не могъ совѣтовать Царю жениться на Апраксиной ради вражды своей съ Нарышкиными, по той причинѣ, что по словамъ автора «исторіи о невинномъ заточеніи Матвѣева», хорошо знавшаго всѣ отношенія послѣдняго къ тогдашнимъ знатнымъ, Языковъ самъ ходатайствовалъ предъ Царемъ, какъ за Нарашкиныхъ, такъ и за Матвѣева.

Родъ Апраксиныхъ хотя и неведетъ своего происхожденія отъ временъ Рюрика и Ярослава, тѣмъ не менѣе принадлежитъ къ старинѣйшимъ русскимъ фамиліямъ и замѣчателенъ именно тѣмъ, что у одного изъ представителей его сохранились и до нынѣ всѣ важнѣйшія доказательства письменныя о древности происхожденія Апраксиныхъ.

Въ одной изъ древнѣйшихъ родословныхъ (2) записано, что къ Великому Князю Рязанскому Олегу, современнику Димитрія Донскаго, выѣхали изъ Большой Орды два брата Мирославичи. Одинъ былъ убитъ татарами, другой по имени Солохмиръ, а по принятіи св. крещенія Иванъ Мирославичъ, женился на сестрѣ Олега, Настасьѣ Ивановнѣ, что подтверждается и до нынѣ сохранившеюся въ подлинникѣ грамотою, гдѣ помянутый Рязанскій Князь (слѣдоват. ранѣе 1402 года) писалъ между прочимъ, что

(1) Theatrum europaeum, T. XII, стр. 441.—(2) Именно XV столѣтія, хран. въ Румянцовскомъ музеѣ въ рук. подъ № CCCXLIX, спичи гл. 52

подарилъ солотчинскому монастырю селище Федорково, «поговоря съ зятемъ съ своимъ, съ Иваномъ съ Мирославичемъ»... (1). Внукъ Олега, Великій Князь Иванъ Ѳеодоровичъ (1450—1456 г.), сына Солохмира, Григорья Ивановича называетъ, также въ дошедшей до насъ грамотѣ, своимъ дядею (2).

У Григорья Ивановича сынъ Иванъ имѣлъ нѣсколькихъ дѣтей, которые и были родоначальниками разныхъ фамилій. Изъ нихъ Иванъ носилъ прозваніе Кончея и владѣлъ изъ пожалованныхъ прадѣду его вотчинъ Михайловымъ полемъ и Безпутскимъ станомъ. Сынъ его Андрей является первый съ прозвищемъ *Опраксы*, а потомки его стали называться Опраксиными, въ позднѣйшія же времена (XVII вѣкъ) Апраксиными. Когда Рязанское княжество подчинилось Московскому, то сынъ Андрея Опраксы (въ концѣ XV вѣка) Матвѣй съ тремя дѣтьми своими Прокофьемъ, Иваномъ Темнымъ и Ерофѣемъ Ярцомъ переѣхали уже на службу къ Великому Князю Московскому, Ивану Васильевичу. До сихъ поръ цѣлы еще подлинныя грамоты этого князя тремъ братьямъ Апраксинымъ (около 1500—1520 годовъ) на пожалованіе «въ кормленіе» различныхъ городовъ. Старшій братъ, хотя имѣлъ дѣтей, но въ третьемъ колѣнѣ потомство его пресѣклось. Второй братъ, Иванъ Темный, есть родоначальникъ той линіи рода Апраксиныхъ, въ которой представителемъ въ XVIII столѣтіи былъ фельдмаршалъ Апраксинъ (3). Отъ третьяго сына Ерофея Ярца произошла Царица Марѳа Матвѣевна, братья которой при Петрѣ Великомъ пожалованы графами.

Въ XVI вѣкѣ Апраксины имѣли вотчины и помѣстья, о которыхъ также имѣются до нынѣ различные акты. Такъ изъ нихъ видно, что въ 1597 г. сынъ Ерофея, Никита вымѣнилъ у архимандрита Троицкой лавры полъ-деревни Пожариновой. Сынъ его Петръ, при Царѣ Михаилѣ Ѳеодоровичѣ, служилъ въ головахъ (1617—1619 г.), потомъ воеводою на Осѣ. Въ описной книгѣ Златоустовскаго монастыря въ Москвѣ есть извѣстіе, что этотъ Апраксинъ, вмѣстѣ съ братьями своими, построилъ тамъ церковь. Онъ умеръ иноком, съ именемъ Нимена, и быть можетъ былъ игуменомъ названнаго монастыря, такъ какъ съ этимъ именемъ встрѣчается тамъ настоятель около того же времени (1634—1635 г.) достовѣрно, что Апраксины погребались въ Златоустовскомъ монастырѣ и Царица Марѳа Матвѣевна дѣлала потомъ, также какъ и братья ея, многіе туда вклады.

Сынъ Петра, Василій, дѣдъ Царицы, служилъ воеводою: въ 1634 г. на Гремячемъ, въ 1643—1645 г. на Корочѣ, въ 1651 г. въ Сѣвскѣ. Онъ былъ также въ 1645 г. въ гонцахъ въ Даніи, съ извѣстіемъ о кончинѣ Царя Михаила Ѳеодоровича. Жена его называлась Марѳою Игнатьевною.

Сынъ его Матвѣй въ 1646 г. является въ должности Стряпчаго и, какъ видно изъ разрядныхъ книгъ, находился на дѣйствительной службѣ при дворѣ (стряпчихъ было очень много, и бо́льшая часть изъ нихъ, по словамъ Татищева, дворца и невидывали) и имѣлъ въ товарищахъ на выходахъ князя Шаховскаго, Аничкова, Бахметьева и другихъ. Въ 1668 году этотъ Апраксинъ, возвращаясь изъ Астрахани, былъ убитъ калмыками. Помѣстный окладъ его, замѣнявшій нынѣшнее жалованье, состоялъ изъ 500 четвертей земли (4) и 20 рублей деньгами; за Литовскій походъ ему дано въ придачу 150 чет. и 12 руб.

Въ 1682 году, семейство Матвѣя Васильевича состояло изъ оставшейся послѣ него вдовы, Домны Богдановны, и трехъ сыновей: старшаго Петра 25 лѣтъ, онъ за 4 года до замужества сестры своей былъ Стольникомъ; Федора 21 года и Андрея 19 лѣтъ—оба послѣдніе получили то же званіе въ день бракосочетанія сестры. При вступленіи въ бракъ, Марѳѣ Матвѣевнѣ было 18 лѣтъ (она родилась въ 1664 г.) Крекшинъ называетъ ее «прекрасною дѣвицею»; въ Theatrum europaeum (l. c.) про нее замѣчено, что она «schöne jünge Dame». Въ Польской рукописи, о которой будетъ сказано ниже, о Домнѣ Богдановнѣ Апраксиной, матери Царицы, говорится, что она была бѣдная вдова. Если судить по помѣстнымъ окладамъ мужа ея и старшаго сына, который только одинъ тогда изъ семейства былъ на службѣ, то дѣйствительно состояніе Апраксиныхъ, около 1682 г., было незначительно: Петръ Матвѣевичъ помѣстныхъ имѣлъ 700 четвертей (т. е. 1750 десят.) и денежнаго жалованья 42 рубля. Такими же помѣстными окладами награждены его братья въ самой день бракосочетанія сестры съ Царемъ, 15 февраля 1682 г.

---

(1) Акты историческіе Т. I, стр. 69—70.—(2) Ibid. стр. 22—23.—(3) У В. В. Апраксина, Орлов. предв. дворянства, нынѣ хранятся и всѣ документы и фамильныя грамоты не только относящіеся къ роду дворянъ Апраксиныхъ, но и графовъ Апраксиныхъ. — (4) Въ каждой четверти считалось, при Императрицѣ Елизаветѣ, полторы десятины, которая имѣла 80 саж. въ длину и 30 въ ширину.

Послѣ этого событія, и всѣмъ прочимъ родственникамъ обѣихъ линій этого рода возвышены помѣстные оклады; а братья Царицы, состоявшіе при Царяхъ Іоаннѣ и Петрѣ, въ особенности же при послѣднемъ, получали часто, въ награду за службу ихъ, помѣстные ихъ жеребеи въ вотчины, отъ чего сдѣлались значительными владѣльцами, какъ видно изъ раздѣльной росписи братьевъ, учиненной «по благословенію матери своей, боярыни Домны Богдановны» въ 1687 году (1).

Бракосочетаніе Царя съ Маѳою Матвѣевною совершилось 15 Февраля 1682 г. въ среду недѣли мясоястія, въ верху, т. е. домашней Кремлевской церкви, а «не велицѣй соборной», замѣчено въ актѣ о вѣнчаніи. Вѣнцы на этотъ случай взяты были изъ собора, городъ заперли въ заутреню. Во вторникъ на сырной недѣлѣ къ молебну благовѣстили въ большой новый колоколъ, *въ два часа дня* по тогдашнему счету, а по настоящему въ 9 часовъ утра. По окончаніи молебна, патріархъ со властями, т. е. съ митрополитами, архіереями и проч., слушали литургію, которую совершалъ соборный священникъ съ діакономъ; службу пѣли рядовую безъ прилогу, къ литургіи звонъ былъ обыкновенный въ три колокола, а къ словесѣмъ благовѣстъ повседневный. По окончаніи службы, патріархъ со властями ходилъ къ Государю съ дарами (2).

Ученикъ и любимецъ наставника Царскаго, Симеона Полоцкаго, Сильвестръ Медвѣдевъ поднесъ по случаю этого торжества напечатаное въ томъ же году церковными буквами «привѣтство брачное Великому Государю Царю Ѳеодору Алексѣевичу на бракосочетаніе его съ Великою Княгинею Маѳою Матвѣевною». Къ сожалѣнію, въ настоящее время трудно найти это стихотворное произведеніе, извѣстное только по указанію митрополита Евгенія (въ Словарѣ духовн. писателей).

По выходѣ Маѳы Матвѣевны въ замужество и даже за нѣсколько мѣсяцовъ прежде этого событія, при Московскомъ дворѣ замѣтны перемѣны отношеній Царя къ нѣкоторымъ изъ царедворцевъ, именно къ Нарышкинымъ и Матвѣеву, слѣдовательно, началось снова усиленіе партіи матери Петра Великаго.

Извѣстно, что до сихъ поръ остаются въ какомъ-то полумракѣ событія, имѣвшія мѣсто при воцареніи Ѳеодора Алексѣевича. Достовѣрно однако то, что любимецъ Царя Алексѣя Михаиловича, Артемонъ Сергѣевичъ Матвѣевъ, котораго называлъ «другъ мой Сергѣевичъ» и писалъ къ нему во время отсутствія его, что онъ, Царь, «осиротѣлъ безъ него» и «посовѣтываться не съ кѣмъ» — этотъ самый Матвѣевъ, полгода спустя по воцареніи Ѳеодора Алексѣевича, отдаленъ сначала отъ двора, а потомъ окончательно сосланъ въ дальнюю ссылку. Гонимый бояринъ, приписывая все это «зависти и ненависти», въ оправданіяхъ своихъ упоминалъ, что его обвиняли въ намѣреніи вредить здоровью Царевича Ѳеодора, въ подачѣ ему лекарствъ, которыхъ потомъ онъ самъ не рѣшался пробовать, наконецъ въ общеніи съ нечистыми силами и подземными духами.

Оправданія, которыя при томъ приводились для уничтоженія подобныхъ обвиненій, были такъ уважительны и чистосердечны, что, казалось бы, по прочтеніи ихъ не возможно было считать Матвѣева преступникомъ, а тѣмъ болѣе подвергать тяжелому изгнанію . . . однако бояринъ оставался въ ссылкѣ почти во все царствованіе Ѳеодора и переведенъ въ г. Лухъ только за нѣсколько мѣсяцовъ до кончины Государя.

Иностранные писатели о Россіи XVII вѣка, Таннеръ и Залусскій, прямо говорятъ, что Матвѣевъ пострадалъ за излишнее домогательство, послѣ кончины Царя Алексѣя Михайловича, въ пользу второй супруги его Царицы Натальи Кирилловны и сына ея, отрока Петра.

Извѣстіе Таннера и Залусскаго подтверждается сочиненіемъ, сохраненномъ въ драгоцѣнномъ собраніи матеріаловъ для русской исторіи Им. Публичной Библіотеки, подъ заглавіемъ: Diariusz zaboystwa tyranskiego senatorów moskiewskich w stolicy roku 1682, y o obraniu dwoch carow Ioanna y Piotra» (3).

---

(1) Эта раздѣльная роспись находится также въ семейномъ архивѣ В. В. Апраксина.—(2) Полное Соб. Зак. Т. II, № 907 и Росс. Вивліоѳика, Т. XI стр. 193.—(3) Этотъ же Діаріушъ на нѣмецкомъ языкѣ напечатанъ подъ заглавіемъ: Kurtze und gründliche Relation wie die vornehmste moscowitische Herren in der Stadt Moscow, anno 1682 jämmerlich fehn niedergehauen und die beyden Prinzen Iohannes und Petrus zu Zaren erwehlet worden. 1686. (въ 4, 1, 17 стр.). Нѣмецкая редакція наполнена ошибками въ правописаніи и произношеніи русскихъ словъ, а въ нѣкоторыхъ мѣстахъ есть темноты, чего нѣтъ въ польскомъ діаріушѣ, хранящемся въ рукописи; а потому надобно думать, что нѣмецкая печатная брошюра есть переводъ съ плохаго польскаго подлинника. Въ послѣднемъ (рукоп. И. П. Б. Q. № 8, на 16 листахъ; (начало: Za żywota starego Cara) въ концѣ есть статья: Rodzay Cara moskiewskiego zmarlego Alexieia Michaylowicza, Carow Ioanna y Piotra Alexieiwiczow w palacach w teraznieyszym 1683 roku wypisany». Здѣсь поименованы всѣ дѣти Царя Алек-

Эта неожиданная, послѣ почти осьмилѣтнихъ гоненій, милость къ Нарышкинымъ была дѣломъ молодой Царицы, которая, судя по времени освобожденія Матвѣева, успѣла упросить Царя за боярина, бывши еще царскою невѣстою. Возвращеніе Матвѣева, главы сторонниковъ Царицы Натальи Кирилловны и Нарышкиныхъ, доказываетъ, что со вступленіемъ въ бракъ Ѳеодора съ Марѳою Матвѣевною Апраксиною, значеніе родныхъ сестеръ Царя и Милославскихъ ослабѣло, и что уступая вліянію молодой супруги, Ѳеодоръ намѣренъ былъ дѣйствовать въ примирительномъ духѣ съ родственниками младшаго своего брата.

Рождается вопросъ: почему Марѳа Матвѣевна принимала сильное участіе въ судьбѣ Матвѣева?

Въ Исторіи о невинномъ заточеніи этого боярина, возвращеніе его изъ ссылки приписывается сначала тому, что Царь въ 1681 г., бывъ уже въ совершенныхъ лѣтахъ, «вступилъ прямо въ свою державу», и потому увидалъ справедливость челобитныхъ и «многоказненныя клеветы, ложные весьма отъ явныхъ злодѣевъ на него (Матвѣева) злопагубные наносы» . . . Но далѣе уже прямо говорится объ участіи и заступничествѣ Царицы Марѳы Матвѣевны. Она, по словамъ неизвѣстнаго автора объявленія (1), отъ самой юности превосходила многихъ своихъ сверстницъ воспитаніемъ во страхѣ Божіемъ, во всѣхъ добродѣтеляхъ христіанскихъ и въ благоправномъ цѣломудріи. По природному своему человѣколюбію, Марѳа Матвѣевна всячески старалась показать ложь и клеветы Милославскаго и Хитрово, отъ которыхъ «несогласія еще до самаго того времени (т. е. до втораго брака Царя) у его величества съ мачихою своею, великою государынею, съ Царицею Натальею Кириловною и съ великимъ государемъ, Царевичемъ Петромъ Алексѣевичемъ, братомъ его, неукротимо, продолжались» . . . «Молодая Царица благоразумными совѣтами и люборачительнымъ тщаніемъ» въ скоромъ времени водворила согласіе между супругомъ своимъ и мачихою. При этомъ, Марѳа Матвѣевна неотступно просила за соединенныхъ съ домомъ Царицы Натальи Кирилловны «союзомъ кровнымъ и вѣрностію службъ,» Нарышкиныхъ и Матвѣева, въ чемъ и успѣла по крайнему и безпримѣрному милосердію своему, при помощи братьевъ Петра и Феодора Матвѣевичей Апраксиныхъ. «Особливо же, присовокупляетъ Объявленіе, *причиною свойства* (но съ кѣмъ—съ Апраксиными или съ Матвѣевымъ?) бояринъ и Оружейничій Иванъ Максимовичь Языковъ, глубокій Московскихъ прежде площадныхъ, потомъ же дворскихъ обхожденій проникатель, и постельничій Алексѣй Тимофѣевичь и стряпчій съ ключемъ, братъ его Матвѣй Тимофѣевичь Лихачевы, особы великаго разума и самаго благочестиваго состоянія исполненныя, въ крайней близости и милости у ихъ высокоименованныхъ величествъ обрѣтался, и сильнымъ орудіемъ ко оправданію совершенной невинности Нарышкиныхъ и Матвѣева неутружденно отъ христіянскія своея любви способствовали» . . . Въ концѣ панегирика этимъ лицамъ замѣчено, что они умѣли также отдалить отъ двора, Милославскаго и Хитрово и тѣмъ «удила въ зубы ихъ положили.»

Автору Польской рукописи также было извѣстно о заступничествѣ Царицы Марѳы за Матвѣева: «она была, сказано тамъ, крестною дочерью Артомона (córka była krzczona Artemona) и долго не отступно просила (biła czołem) Царя вызвать изъ ссылки этого пріятеля своей семьи.» Такимъ образомъ это любопытное извѣстіе раскрываетъ причину горячаго участія молодой Царицы въ судьбѣ Матвѣева, причину, о которой благоразумно умолчено во многословномъ объявленіи съ тою цѣлью, чтобы неподумало потомство, что Матвѣевъ обязанъ своимъ возвращеніемъ изъ ссылки единственно родственнымъ и пріятельскимъ отношеніямъ.

сѣя съ краткими отмѣтками, любопытными для послѣдователя той эпохи. Такъ напр., про Царевну Софію тамъ сказано между прочимъ, что она умна и усердна въ постѣ и молитвахъ, читаетъ по Польски житія святыхъ, что Барановичъ издалъ въ стихахъ; ухаживаетъ прилежно за Царемъ Іоанномъ, къ которому никто не ходитъ безъ ея дозволенія, и въ боярской думѣ безъ нея ничего нельзя сдѣлать ни по частнымъ, ни по государственнымъ дѣламъ. Про другую сестру Софіи, Катерину Алексѣевну, что она одѣвается въ Польскій головной уборъ и одежду (w czapce polskiey y sukni) съ широкими рукавами, а по Русски уже не ходитъ и перестала заплетать волосы въ одну косу. Третья ихъ сестра, Марія Алексѣевна, также одѣвается по Польски. Любопытно, что въ рукописи есть извѣстіе будто Хованскій хотѣлъ породниться съ царскимъ домомъ и предложилъ своего сына въ женихи Царевнѣ Софіи: та пожелала его видѣть и, будучи недовольна наружностью молодаго Хованскаго, замѣтила: «хорошъ мой женишокъ, ему ярышкой лучше быть!»

(1) Это объявленіе приложено въ концѣ Исторіи о невинномъ заточеніи Матвѣева, изд. Н. Новиковымъ. Судя по тому, съ какою ненавистію описаны тамъ враги Матвѣева и съ какимъ жаромъ восхвалены всѣ сторонники его, можно полагать, что все это составлено близкимъ родственникомъ боярина. Слогъ Объявленія совершенно одинаковъ съ тѣмъ, которымъ написаны записки сына Матвѣева, Андрея Артемоновича.

Недолго была Царица Марѳа супругою Царя: черезъ 2 мѣсяца и 12 дней послѣ брака, именно 27 Апрѣля, въ четвертокъ на ѳоминой недѣлѣ, въ 13 часъ дня (въ старину часы дня считались съ солнечнаго восхода) три удара въ новый большой колоколъ возвѣстили Москвѣ о кончинѣ Ѳеодора Алексѣевича. Въ пятницу, вначалѣ третьяго часа дня, раздался благовѣсть въ тотъ же колоколъ къ выносу. При звонѣ всѣхъ колоколовъ, Патріархъ и освященный соборъ вышли съ крестами изъ собора за тѣломъ, которое и несли въ храмъ Архистратига Божьяго Михаила при надгробномъ пѣніи, въ сопровожденіи: избраннаго наканунѣ на царство Петра, матери его, молодой вдовы Царицы Марѳы съ Царевною Софіею, бояръ и всего царскаго синглита. Когда гробъ поставленъ былъ на столъ посреди Храма, Царица Наталья Кирилловна съ сыномъ, отдавъ послѣднее цѣлованіе усопшему, удалилась изъ церкви; Царица же Марѳа съ Софіею оставались до конца литургіи и погребенія, которыя совершалъ Патріархъ. Во все продолженіе отпѣванія лицо покойнаго Царя было открыто; присутствующіе подходили цѣловать его руку; прощальную вложилъ въ руку Цареву и лицо закрылъ Патріархъ и послѣ того, при звонѣ съ реутомъ, началось погребеніе (1).

Таковы извѣстія, оставшіяся въ оффиціальныхъ источникахъ о чинѣ погребенія Царя. Въ приводимой здѣсь Польской рукописи пѣтъ подробностей объ обрядѣ, но за то сохранено нѣсколько сценъ, которыя живо рисуютъ самое событіе. Тамъ сказано: «по заведенному издревле обычаю, никто изъ близкихъ родственницъ Царя, кромѣ супруги, не можетъ присутствовать при погребеніи его. Между тѣмъ, когда хоронили Ѳеодора, одна изъ сестеръ его, Царевна Софія, рѣшительно настояла, чтобы ей идти за тѣломъ брата до церкви. Хотя и отклоняли ее отъ такого поступка, однако она поставила на своемъ и, слѣдуя за гробомъ, подняла такія громкія стенанія, что нѣсколько десятковъ сопровождавшихъ монахинь не могли удержать Царевны. Простой народъ, слыша эти вопли, стекался на такое чудо и тѣмъ еще болѣе увеличивалъ всеобщее волненіе. Такъ какъ обрядъ царскаго погребенія бывалъ продолжителенъ, то Царь Петръ недождался окончанія его и, по желанію матери и родственника своего Нарышкина, удалился изъ церкви, а за нимъ ушли и бо́льшая часть бояръ, что возбудило изумленіе въ собравшемся духовенствѣ и народѣ, такъ какъ при концѣ погребенія, происходитъ послѣднее прощаніе съ покойникомъ.»

«Царевна Софія замѣтила, что Царь и бояре недождались этого обряда, и оставалась, вся въ слезахъ, въ храмѣ до конца церемоніи. Прочія сестры усопшаго Ѳеодора сидѣли въ это время, печальныя, по своимъ теремамъ, и когда услышали, что Петръ не простился съ тѣломъ брата, послали къ нему монахиню съ выговоромъ, что должно быть онъ не былъ, или не есть братъ Ѳеодора Алексѣевича, или не очень любилъ его, когда не хотѣлъ съ нимъ проститься и покинулъ такъ скоро церковь. Отвѣчала на то мать Петра, что сынъ ея еще ребенокъ и усталъ, долго ничего не ѣвши, а отъ того и скоро вышелъ изъ церкви. Послѣ обѣда, Петръ хотѣлъ было посѣтить горюющихъ Царевенъ, но эти были такъ раздражены, что не хотѣли его допустить до себя и выжидали только случая къ отмщенію. Между тѣмъ Царевна Софія, возвращаясь съ погребенія, въ досадѣ на поступокъ Петра и матери его, громко кричала народу: «знайте, православные, что братъ нашъ, Царь Ѳеодоръ Алексѣевичъ, отравленъ внезапно злыми людьми; пожалѣйте насъ, сирыхъ: у насъ нѣтъ ни батюшки, ни матушки, а братьевъ и родственниковъ отнимаютъ. Нашъ братъ Иванъ старшій, а его не избрали Царемъ. Если мы провинились въ чемъ предъ вами и боярами, то пусть насъ отошлютъ въ чужіе краи, къ христіанскимъ королямъ!» Народъ, внимая все это, былъ очень взволнованъ, а вражда между Софіею и Царицею Натальею Кириловною росла все болѣе и болѣе.»

Въ помѣщенныхъ въ настоящемъ изданіи жизнеописаніяхъ Царицы Натальи Кириловны, Царя Іоанна Алексѣевича и Царевны Софіи уже были сообщены нѣкоторыя подробности о стрѣлецкомъ возстаніи въ 1682 году. А потому здѣсь будетъ сказано о тогдашнихъ происшествіяхъ только то, что можетъ дать понятіе о положеніи при Дворѣ Царицы Марѳы Матвѣевны и о роли, которой суждено было ей играть въ тѣ смутные дни.

Прежде всего стрѣльцы не хотѣли, чтобы Нарышкины и Матвѣевъ были во главѣ правительства. Чтобы успокоить ропотъ стрѣльцовъ, отрѣшили сначала отъ должностей Языкова и Лихачевыхъ, тѣхъ

(1) Древн. росс. вивліоѳика Т. XV, 283.

самыхъ, которые способствовали къ возвращенію Матвѣева изъ ссылки. Имъ запрещено было являться къ новому Царю и только дозволено имѣть входъ къ Царицѣ Марѳѣ. Мѣра эта, однако, не устрашила стрѣльцовъ . . .

Наканунѣ сильныхъ переворотовъ въ народѣ обыкновенно начинаютъ расходиться, неизвѣстно отъ кого и зачѣмъ, нелѣпые слухи, зловѣщія новости, какъ будто они въ самомъ воздухѣ, которымъ дышишь. Но всюду толки, вездѣ мрачныя лица . . . наконецъ гроза разражается и счастливы тѣ, кто остается невредимымъ! Передъ стрѣлецкимъ возстаніемъ по улицамъ прошелъ вдругъ слухъ, что будто бы Иванъ Нарышкинъ (братъ Царицы Натальи), надѣвши на себя царское одѣяніе, садился на тронъ и говорилъ, что ни къ кому не пристала такъ корона, какъ къ нему. Царица Марѳа и Софія, въ присутствіи Царевича Іоанна, дѣлали за то Нарышкину строгой выговоръ, а этотъ, разъяренный, тѣмъ соскочилъ съ трона, напалъ на Царевича и только пронзительные крики Царевенъ, вызвавшіе стражу, воспрепятствовали Нарышкину совершить злодѣяніе.

Ясно, что этотъ слухъ былъ выдуманъ для умноженія въ народѣ ненависти къ Нарышкинымъ и, дѣйствительно, на другой день, т. е. 15 Мая, толпы стрѣльцовъ, при звукахъ набата, явились у дворца, требуя показать имъ Царевича Ивана, что́ и было исполнено; Царевичъ былъ выведенъ къ стрѣльцамъ сестрою его Софіею и Царицею Марѳою . . . Но этого было уже мало, чтобы успокоить возстаніе и начались убійства тѣхъ, кто казался стрѣльцамъ подозрительнымъ. Въ тотъ же день схватили Датскаго резидента Бутенанта фонъ-Розенбуша и привели для очныхъ ставокъ: его приняли сначала за лекаря покойнаго Царя и хотѣли предать смерти. Въ Кремлѣ Розенбуша ввели въ палату, гдѣ находились Царица Марѳа и Софія съ нѣкоторыми боярами. Тутъ только князь Хованскій замѣтилъ ошибку стрѣльцовъ и, поговоривъ съ Царевной, отпустилъ резидента домой.

За жену доктора Гадена также вступилась Царица Марѳа: къ ней стрѣльцы, по свидѣтельству современника, еще чувствовали нѣкоторый страхъ (für welche die Strelitzen ſich noch etwas ſcheueten). Впрочемъ, несчастная Гаденъ была спасена еще и тѣмъ, что въ то же время найденъ одинъ изъ Нарышкиныхъ и это отвлекло отъ нея вниманіе убійцъ. Царица Марѳа явилась заступницей и за самаго Гадена: вмѣстѣ съ Царевнами она умоляла убійцъ пощадить жизнь лекаря, говоря, что онъ невиненъ въ смерти Царя, что всѣ лекарства и составы, приготовленные для его Величества, Гаденъ отвѣдывалъ самъ, что тоже самое дѣлала и Царица. Эти убѣжденія были напрасны: стрѣльцы нашли въ домѣ лекаря сушеныхъ морскихъ раковъ (1) и считали ихъ змѣями, которыми онъ колдовалъ. Послѣ страшныхъ пытокъ, лекаря сѣкли въ три кнута, жгли его тѣло, а потомъ уже предали смерти.

Не смотря на всѣ эти злодѣйства, стрѣльцамъ нужна была еще жертва; старшій братъ Царицы Натальи Кирилловны, Иванъ Нарышкинъ, оставался въ живыхъ, скрываясь въ покояхъ то той, то другой изъ Царевенъ. Наконецъ, очередь дошла и до него . . . Тогда сестра его упросила патріарха, Царицу Марѳу и Царевну Софію выдти къ стрѣльцамъ съ Нарышкинымъ молить ихъ за жизнь дорогаго ей брата. Съ образомъ Богоматери на груди, патріархъ и Царицы вышли къ волнующейся толпѣ . . . послѣднія на колѣняхъ просили о помилованіи Нарышкина; но не принесло пользы ни присутствіе патріарха, ни мольбы Царицы и Царевны—Нарышкина стали пытать, а потомъ растерзали.

Таковы были событія, въ которыхъ историкъ встрѣчается съ именемъ Царицы Марѳы Матвѣевны въ самый первый годъ ея вдовства. Судьбѣ угодно было надѣлить ее, молодую и прекрасную, незавидным жребіемъ: въ полномъ развитіи силъ, въ цвѣтущіе годы, Марѳа Матвѣевна дѣлается супругою хилаго, полуумирающаго Царя, который не смотря на свою молодость, черезъ 72 дня умираетъ—въ народѣ возникаетъ волненіе, въ царской семьѣ—вражда и молодой Царицѣ приходится играть печальную роль среди кровавой драмы, разыгрывавшейся въ Москвѣ въ 1682 году.

Послѣ перваго стрѣлецкаго возстанія, имя Царицы Марѳы уже не встрѣчается въ исторіи политическихъ событій въ Россіи. Мекленбургскій посланникъ Веберъ (2) замѣчаетъ, что всѣ генеалоги считали эту Царицу умершею гораздо прежде кончины ея. Заблужденіе происходило отъ того, что Марѳа

(1) Раки входили въ составъ для приготовленія бывшей въ то время въ большомъ употребленіи раковой мази. — (2) Das veränderte Rußland, T. I, стр. 122, 123, editio 1721 a.

Печат. д'Арленгъ. Комп. съ портр. находящ. въ ИМП. РОМ. Галлереѣ. Изд. Г. К. Фридебургъ.

Иванъ

ЈОАННЪ АЛЕКСѢЕВИЧЪ

Государь Царь и Великій Князь

САМОДЕРЖЕЦЪ ВСЕРОССІЙСКІЙ.

Соцарствовалъ съ братомъ своимъ Государемъ

ПЕТРОМЪ АЛЕКСѢЕВИЧЕМЪ.

Родился 26 Августа 1666 года. Вступилъ на Всероссійскій Престолъ 26 Мая 1682 года.

Скончался 29 Января 1696 года Погребенъ въ Московскомъ Архангельскомъ Соборѣ.

Печатать позволяется
Петербургъ Мая 21 дня 1856 года
Цензоръ [illegible]

ЦАРЬ И ВЕЛИКІЙ КНЯЗЬ

ІОАННЪ АЛЕКСѢЕВИЧЪ,

САМОДЕРЖЕЦЪ ВСЕРОССІЙСКІЙ.

Царь Іоаннъ Алексѣевичъ, пятый сынъ Царя Алексѣя Михайловича, отъ перваго брака его съ Маріею Ильинишною урожденною Милославскою, родился въ Москвѣ съ 26 на 27 Августа 1666 года, за 3 часа до свѣта [1].

Святое крещеніе дано младенцу 20 сентября, въ церкви Всемилостивѣйшаго Спаса, нерукотвореннаго образа, на сенѣхъ, что нынѣ за золотою рѣшеткою [2]

На третьемъ году Царевичъ лишился матери и послѣ вторичнаго брака Царя Алексѣя Михайловича съ Наталіею Кирилловною, урожденною Нарышкиною, поступилъ безъ сомнѣнія, подъ непосредственный ея надзоръ.

Въ историческихъ памятникахъ не сохранилось извѣстій о воспитаніи Царевича Іоанна, однако съ достовѣрностію полагать можно, что слабосиліе, косноязычье, а особенно глазная болѣзнь, препятствовали начать его воспитаніе въ установленные для сего лѣта. Въ дворцовыхъ разрядахъ сохранилось только свѣдѣніе, что дядькою при немъ состоялъ Стольникъ и ближній человѣкъ Петръ Ивановичь Прозоровскій [3], бывшій потомъ въ числѣ приставниковъ у Царя Петра Алексѣевича.

Со времени рожденія Петра, Іоаннъ Алексѣевичь былъ съ нимъ неразлученъ, изъ чего и можно заключить, что первые сѣмена нравственнаго его образованія принадлежатъ незабвенной для насъ русскихъ родительницѣ Великаго Петра, Наталіи Кирилловнѣ.

---

[1] Дворцовые разряды Т. III. стр. 641.—[2] Выходы Царей и Великихъ Князей стр. 468.—[3] Дворцовые разряды Т. III стр. 1013.

Будучи постоянно болѣзненъ, Царевичъ Іоаннъ не могъ, въ царствованіе своего старшаго единоутробнаго брата Ѳеодора Алексѣевича, заниматься Государственными дѣлами, и вообще уступалъ въ своемъ развитіи физическомъ и умственномъ малолѣтнему брату Царевичу Петру Алексѣевичу, такъ что Царь Ѳеодоръ Алексѣевичъ, не имѣвшій прямыхъ наслѣдниковъ Престола, и заботившійся о благѣ своего Государства, невзирая на первородство и ближайшее къ себѣ родство Іоанна, неоднократно изъявлялъ намѣреніе передать Престолъ послѣ своей смерти единокровному своему брату Петру, подававшему самыя блистательныя надежды.

Къ сожалѣнію прописки любимца Царскаго, Языкова, врага Нарышкиныхъ, а также вліяніе на Царя сестры его Царевны Софіи Алексѣевны, имѣвшей тайные замыслы на корону, отклонили Государя отъ благаго его намѣренія и вопросъ о престолонаслѣдіи остался не разрѣшеннымъ.

27 Апрѣля 1682 года не стало Царя Ѳеодора Алексѣевича и всѣ Государственные чины и всѣхъ сословій люди, стекаясь во Дворецъ проститься съ добродѣтельнымъ Государемъ, спѣшили узнать, кто послѣ него воспримetъ Царство.

Тогда же по предложенію Патріарха Іоакима, приступлено было къ избранію новаго Государя, изъ двухъ Царевичей: Іоанна—15 лѣтъ и Петра—9 лѣтъ. Большинство было на сторонѣ послѣдняго, однако по случаю возникшаго несогласія со стороны не многихъ приверженцевъ Царевны Софіи Алексѣевны [1], а также лицъ преданныхъ Милославскимъ, Языкову и Толстымъ, боявшимся съ воцареніемъ Петра утратить свое могущество, Патріархъ и всѣ высшіе сановники били челомъ обоимъ Царевичамъ, *воспріять Державу, кто изъ нихъ изволитъ*. Іоаннъ, сознавая самъ преимущество малолѣтняго, но крѣпкаго духомъ и тѣломъ брата Петра, *Царствомъ ему поступился*, говоря, что пристойно быть на Царствіи Петру, потому что у него здравствуетъ мать [2].

Отвѣтъ этотъ, хотя вполнѣ согласовался съ желаніями всѣхъ благомыслящихъ, но для устраненія всякаго повода, къ ложнымъ толкованіямъ неблагонамѣренныхъ лицъ, рѣшено было сдѣлать это избраніе, съ общаго согласія людей всѣхъ сословій, которые стеклись со всѣхъ концевъ Москвы на дворъ, гдѣ Церковь Нерукотвореннаго Спаса и на площадь за перегородкою.

Патріархъ со всѣмъ синклитомъ и высшіе сановники, вышли на крыльцо передней Палаты и вопрошали всѣхъ предстоявшихъ: *кому изъ двухъ братьевъ Государевыхъ быть воспріемникомъ Державы Россійской, Іоанну или Петру?* Единодушный отвѣтъ, *дабудетъ Царемъ Петръ* [3]*!* подтверждалъ сдѣланный уже выборъ; и хотя какой то Максимъ Исаевъ Сумбуловъ, клеврет Милославскихъ, кричалъ съ своими единомышленниками, что по старшинству надлежитъ Царствовать Іоанну [4], однако эта выходка не была удостоена вниманія и на другой день, 28 апрѣля 1682 года, возведенъ на Московскій Престолъ юный Царевичъ Петръ Алексѣевичъ, подъ опекою матери своей Наталіи Кирилловны [5], и весь народъ Московскій, области, города и уѣзды приняли въ томъ установленную присягу.

Не ожиданное это избраніе ниспровергало всѣ замыслы властолюбивой Царевны Софіи Алексѣевны на самовластительство, но не такъ легко могла она отказаться отъ пріятнѣйшихъ своихъ мечтаній, а потому для достиженія своей цѣли, рѣшилась воспользоваться честолюбіемъ родственныхъ себѣ Милославскихъ, и подъ предлогомъ несправедливаго избранія на Царство Петра, одними приверженцами Нарышкиныхъ, помимо старшаго брата Іоанна, возмутить Стрѣльцовъ, не разъ уже оказывавшихъ неповиновеніе и своевольство, въ особенности въ послѣднее время Царствованія Ѳеодора Алексѣевича, по случаю сдѣланнаго имъ послабленія.

---

(1) См. жизнеописаніе Царевны Софіи Алексѣевны въ этомъ изданіи.—(2) Копія съ статьи въ записной книги Разряд. Архива 190 г. Москов. стола N 54.—(3) Записки Крекшина, по изд. Сахарова стр. 26 и слѣд.—(4) Записки Графа А. А. Матвѣева по изд. Сахарова стр. 6. Сумбуловъ былъ за сіе пожалованъ отъ Царевны Софіи Алексѣевны въ Думные дворяне, вскорѣ однакожъ поступилъ въ монашество въ Чудовъ монастырь.—При посѣщеніи Государемъ Петромъ Алексѣевичемъ сего монастыря, чрезъ нѣсколько лѣтъ послѣ, Сумбуловъ смущенный видомъ Государя, не пошелъ въ числѣ другихъ монаховъ къ антидору, чѣмъ обратилъ на себя его вниманіе и на вопросъ Государя для чего при выборѣ на Царство, онъ ему не понравился? Сумбуловъ отвѣчалъ: Іуда предалъ Христа за тридесять сребреников, бывъ его ученикомъ, а я твоимъ ученикомъ никогда не былъ, такъ чему дивиться, что тебя предавалъ за Боярство, бывъ мелкимъ дворяниномъ. (Записки Сумарокова о Стрѣлецкомъ бунтѣ).—(5) См. жизнеописаніе Императора Петра Великаго въ этомъ изд.

Планъ возмущенія, состоялъ въ томъ, чтобы въ общемъ смятеніи истребить всѣхъ бояръ и вельможъ приверженныхъ Царю Петру Алексѣевичу и матери его и возвести на Престолъ Царевича Іоанна Алексѣевича.

Исполнителемъ тайныхъ намѣреній Царевны Софіи и главнымъ руководителемъ возмущенія Стрѣльцовъ былъ Бояринъ Иванъ Михайловичь Милославскій, двоюродный братъ Царевны, прозванный въ народѣ, за коварство и злое сердце, *подорванный* (1).

Увлекаясь личными интересами, Царевна Софія не заботилась о пагубныхъ послѣдствіяхъ подобнаго возмущенія и печальнымъ слѣдствіемъ ея властолюбія были ужасные Стрѣлецкіе бунты продолжавшіеся три дня и обагрившіе Москву кровію многихъ невинныхъ жертвъ.

15 мая памятное для каждаго Русскаго, горестнымъ воспоминаніемъ объ убіеніи Царевича Димитрія, рано утромъ, ложная молва объ убіеніи Нарышкиными Царевича Іоанна Алексѣевича и о завладѣніи ими Царствомъ Россійскимъ (2), была искрою, для произведенія подготовленнаго взрыва.

Въ жизнеописаніяхъ Царицы Наталіи Кирилловны и Царевны Софіи Алексѣевны изложенъ весь ходъ возмущенія, въ которомъ въ числѣ многихъ жертвъ погибли: братья Царицы Бояре Аѳонасій и Иванъ Кирилловичи Нарышкины, комнатный человѣкъ Иванъ Ѳоминъ Нарышкинъ, Бояре: Артемонъ Сергѣевичь Матвѣевъ (3), Князья Юрій Алексѣевичь Долгоруковъ, съ сыномъ Михаиломъ Юрьевичемъ, который палъ первою жертвою мятежа, Князь Григорій Григорьевичь съ сыномъ его Андреемъ Ромодановскіе, многіе Стольники, Подполковники и два доктора изъ голландскихъ жидовъ Данінлъ фонъ-Гаденъ съ сыномъ и нѣмецъ Иванъ Гудмеркъ, подъ предлогомъ виновности ихъ въ смерти Царя Ѳеодора Алексѣевича (4).

18 мая Стрѣльцы, продолжая по прежнему свои буйства, пьянство, грабежи и убійства, провозгласили Царемъ Іоанна Алексѣевича, а Царевну Софію Алексѣевну Правительницею Государства. Бояре не видя инаго средства къ прекращенію смятенія и кровопролитія, признали это избраніе, съ тѣмъ однако, чтобы Іоаннъ Алексѣевичь, именуясь первымъ Царемъ, соцарствовалъ съ братомъ своимъ Петромъ Алексѣевичемъ (5). Возмущеніе успокоилось и Стрѣльцы не только получили большія денежныя и другія награды, но даже значительныя преимущества предъ всѣми сословіями.

Такъ изъ однихъ только властолюбивыхъ цѣлей Царевны Софіи Алексѣевны и Милославскихъ, противъ собственной воли Іоанна Алексѣевича, совершилось его воцареніе; воцареніе запечатленное горестнымъ воспоминаніемъ о Стрѣлецкомъ возмущеніи, положившимъ вѣчное пятно на память Царевны Софіи Алексѣевны.

26 мая Духовенство, Бояре, высшіе сановники и всѣхъ чиновъ люди собрались во дворецъ и били челомъ обоимъ Государямъ, чтобы: *они для всенароднаго усмиренія на прародительскомъ Россійскаго Царствія и иныхъ ихъ Россійскому Царствію принадлежащихъ Царствъ и Государствъ Престолехъ, учинились и Державу воспріяли обще, въ чемъ имъ Великимъ Государемъ целовали крестъ весь народъ Русскій, дабы имъ Великимъ Государемъ Царемъ и Самодержцемъ служить и радѣть и быть у нихъ Великихъ Государехъ во всякомъ послушаніи, на что они Государи и согласились* (6).

Съ этого времени хотя Царь Петръ Алексѣевичь и оставался по прежнему подъ опекою матери своей Царицы Наталіи Кирилловны, но вліяніе ея на правленіе Государствомъ уничтожилось, ибо Правительницею государства, по молодости лѣтъ обоихъ Государей, была назначена Царевна Софія Алексѣевна.

Въ то же время постановлено было писать въ грамотахъ и другихъ бумагахъ титулъ соцарственныхъ братьевъ такъ: *отъ Царей и Великихъ Князей Іоанна Алексѣевича, Петра Алексѣевича, всея*

---

(1) Полн. описаніе дѣяній Петра Великаго соч. Туманскаго ч. I. стр. 211.—(2) Полн. описаніе дѣяній Петра Великаго соч. Ѳ. Туманскаго ч. I. стр. 219.—(3) Исторія о невинномъ заточеніи Боярина Матвѣева стр. 386.—Въ этой исторіи сказано, что онъ былъ такъ изрубленъ, что невозможно было найти ни одного его члена; а по другимъ источникамъ, его арабъ крещенный—Иванъ, собралъ тѣло его въ простыню, принесъ домой и что останки сего почтеннаго и доблестнаго мужа похоронены въ Церкви Николая называемаго столпа, что на Покровкѣ.—(4) Полное описаніе дѣяній Петра Великаго соч. Ѳ. Туманскаго ч, I. стр. 246. — (5) Описаніе бунта 1682 г. въ собраніи Ѳ. Туманскаго стр. 118, 168 и 169. — О зачатіи и рожденіи Императора Петра I. въ собраніи Ѳ. Туманскаго стр. 275—276.—Записки Графа Матвѣева стр. 50, 51 и далѣе.—(6) Собраніе записокъ Ѳ. Туманскаго ч. V стр. 216.

великія и Малыя и Бѣлыя Россіи Самодержцевъ [1], вскорѣ однако титулъ этотъ былъ измѣненъ, по вліянію Царевны Софіи Алексѣевны [2].

Въ слѣдующемъ іюнѣ мѣсяцѣ 15 числа, весь народъ Московскій и всего государства люди, приведены были къ установленной присягѣ [3]; о чемъ разосланы были по городамъ надлежащія грамоты [4].

25 Іюня оба Царя были вѣнчаны на Царство [5], священный обрядъ двойственнаго сего короновапія совершенъ былъ по древнему чину Патріархомъ Іоакимомъ въ Успѣнскомъ Соборѣ, въ которомъ было устроено противъ Алтаря высокое подъ балдахиномъ чертожное мѣсто, на коемъ по правую руку, поставлены были два кресла обитыя бархатомъ и украшенныя золотомъ и дрогоцѣнными камнями, для обоихъ Царей, а по лѣвую сторону кресла поменьше для патріарха [6].

Съ того времени какъ Царевна Софія Алексѣевна стала Правительницею Государства, т. е. съ 1682 по 1689 годъ, болѣе семи лѣтъ, вся власть находилась въ ея рукахъ, а потому современники у не упоминаютъ болѣе о Царѣ Іоаннѣ Алексѣевичѣ.

Но послѣдствіемъ неномѣрнаго возвышенія Стрѣльцовъ предъ всѣми сословіями, былъ новый мятежъ произведенный Стрѣльцами, послѣдователями капитонскаго раскола.—Руководимые Княземъ Хованскимъ, лицемъ облеченнымъ особенною довѣренностію Царевны Софіи Алексѣевны, они хотѣли уничтожить новую, какъ говорили, вѣру и возстановить старую, при этомъ имѣли намѣреніе посягнуть на жизнь не только Петра но и Іоанна.—Заблаговременно открытый замыселъ, побудилъ обоихъ Государей выѣхать изъ Москвы въ село Коломенское (29 Августа 1682 года), а потомъ искать спасенія въ Троицкой Лаврѣ [7].

Сюда по призыву соцарственныхъ братьевъ, стеклось со всѣхъ окрестныхъ мѣстъ до 100 тысячъ ратныхъ людей, которые со слезами встрѣтили Государей и поклялись защищать ихъ до послѣдняго издыханія.—Хотя казнь Князей Хованскихъ послужила поводомъ къ новому возмущенію, однако грозныя ополченія, собравшіяся на защиту Царей, показали невозможность исполненія преступнаго замысла. Устрашенные мятежники обратились къ заступничеству Патріарха и обѣщая быть впредь послушными, молили о прощеніи. Съ повинными головами, предстали они предъ Троицкою Лаврою, и повергшись на землю, предоставляли Государямъ казнить ихъ. Смиренная покорность эта искупила имъ помилованіе на извѣстныхъ условіяхъ и вслѣдъ за тѣмъ по общему отъ всѣхъ Стрѣлецкихъ полковъ прошенію, поданному 28 Октября 1683 года, уничтоженъ столбъ воздвигнутый въ честь Стрѣльцовъ на Красной площади, съ разрѣшенія Царевны Софіи Алексѣевны послѣ перваго ихъ возмущенія.

За тѣмъ 6 Ноября, оба Царя и весь Царскій домъ имѣли торжественный въѣздъ въ Москву, при радостныхъ крикахъ Гражданъ и помилованныхъ Стрѣльцовъ, вышедшихъ навстрѣчу ихъ за городъ.

Въ слѣдующемъ 1684 году, по вліянію Царевны Софіи Алексѣевны, заботившейся объ утвержденіи своей власти и признавшей для сего необходимымъ упрочить на Престолѣ старшую Іоаннову линію, Царь Іоаннъ Алексѣевичь, на восемьнадцатомъ году, сочетался бракомъ, 9 Января 1684 года, съ Прасковіею Ѳеодоровною, дочерью Енисейскаго Коменданта Салтыкова [8], нарочно для сего вызванныхъ

---

(1) Собраніе записокъ Ѳ. Туманскаго стр. 222. Собраніе грамотъ и догов. ч. IV N 145. — (2) Собраніе записокъ Ѳ. Туманскаго ч. V. стр. 222 и 223 и жизнеописаніе Царевны Софіи Алексѣевны въ этомъ изданіи. — (3) Ядро Россійской исторіи стр. 370.— (4) Акты Археографической Коммисіи Т. V. N 86. — (5) Для этого случая приготовлены были совершенно одинаковыя короны и всѣ остальныя утвари и украшенія; такъ наприм. Вѣнецъ Царскій золотъ, шапка Царская золота, украшенная алмазами, шапка Царская низанная жемчугомъ и проч. передѣлались въ двѣ алмазныхъ шапки: въ шапку изготовленную по образцу Мономаховой, для коронованія Царя Петра Алексѣевича и въ шапку алтабасную для Царя Іоанна Алексѣевича.—Повѣств. о Рос. Арцыбашева ч. III. стр. 206. Мальгинъ зерц. Рос. Госуд. 504.— Въ послѣдствіи изъ Гамбурга былъ привезенъ тронъ обоюднаго царствованія Царей Іоанна и Петра Алексѣевичей, изъ литаго и частью накладнаго серебра, по обѣ стороны стоянцы, для помѣщенія Державъ, насупротивъ трона три прорѣзные серебренные столпа, съ гербовыми орлами Царства.—Съ зади этого трона было устроено скрытое мѣсто для Царевны Софіи, которая въ пріемные дни всегда присутствовала.— См. описаніе Моск. оруж. пал. Вельтмана къ изд. Древн. Рос. Импер. стр. 30—53.—(6) Древн Рос. Вивл. ч. V стр. 403—484.—(7) Подроб. лѣтоп. Т. IV стр. 109.— (8) См. жизнеописаніе Царицы Прасковьи Ѳедоровны въ этомъ изд.

изъ Сибири; дѣвица эта, впрочемъ отличалась красотою и душевными добродѣтелями, такъ что Іоаннъ дѣйствительно полюбилъ ее.

Но не взирая на всѣ козни и предпринимаемыя Софіею Алексѣевною мѣры къ утвержденію своей власти, съ возвратомъ обоихъ Царей, власть эта постепенно начала ускользать изъ ея рукъ; она не могла сохранить даже своего вліянія и на Іоанна, который хотя нѣжно любилъ ее, однако не менѣе любилъ и цѣнилъ соцарственнаго своего брата Петра; вмѣстѣ съ нимъ и Патріархомъ Іоакимомъ Іоаннъ всегда осуждалъ дѣйствія Царевны Софіи и не разъ даже, недовольный ея соцарствіемъ, предлагалъ брату отрѣшить ее отъ дѣлъ [1].

Слѣдствіемъ начавшихся неудачь и упадка власти Царевны Софіи, былъ новый ужаснѣйшій замыселъ, главнымъ исполнителемъ котораго, Царевна избрала Начальника Стрѣльцовъ Ѳедора Шакловитаго, человѣка пользовавшагося въ то время исключительнымъ правомъ на ея довѣріе. Цѣль замысла состояла въ томъ, чтобы лишить жизни всѣхъ противныхъ ея партіи: Царя Петра, вдовствующую Царицу Наталію Кириловну и ея родственниковъ, перемѣнить Патріарха, низложить Іоанна и возвести на престолъ Царевну Софію; Стрѣльцы долженствовали снова быть орудіемъ мятежа.—Къ счастію однако заблаговременно извѣщенный обо всемъ Петръ, удалился въ Троицкую лавру, и благодаря вѣрности Сухаревскаго полка и всей Россіи, успѣлъ спастись отъ угрожавшей ему опасности.

Если вѣрить одному писателю [2], то и въ эту рѣшительную минуту Царевна Софія непотерялась; она успѣла подъ предлогомъ гибели отечества, уговорить брата Іоанна Алексѣевича, оставшагося въ Москвѣ, дать Стрѣльцамъ указъ, чтобы никто изъ нихъ, подъ смертною казнію, не отлучался изъ Москвы, хотя бы и присланы были повелѣнія отъ Петра изъ Троицкой Лавры, что впрочемъ подтверждается и поденною запискою 1689 года, въ которой отмѣчено: «*Великій Государь, Великій Князь Петръ Алексѣевичь, посылалъ къ Москвѣ, къ братцу своему Царю Іоанну Алексѣевичу Стольника Вашко-Гагина, чтобы изволилъ быть изо-всѣхъ полковъ выборнымъ Стрѣлецкимъ, такожде и отъ себя въ Стрѣлецкіе полки послалъ свой Государевъ указъ, чтобы были къ нему Государя выборные, для подлиннаго розыска, и съ ними Полковники, такожде гостямъ и гостиной сотни, посадскимъ людямъ и чернослободцамъ. И по указу Великаго Государя Царя и Великаго Князя Петра Алексѣевича, съ Москвы и по той присылкѣ, ни которыхъ чиновъ людей въ Троицкій монастырь не были* [3].

Но очевидно, что Царь Іоаннъ Алексѣевичъ скоро узналъ несправедливость наговора Царевны, потому что немедленно принялъ сторону Петра; напрасно Царевна и Стрѣльцы убѣждали его царствовать единодержавно, онъ, проникнувъ конечно умыселъ сестры, отвѣчалъ ей рѣшительно: *что уступаетъ правленіе Государствомъ своему брату, какъ достойному самодержцу и все ему вручаетъ* [4],

Когда же присланные Царемъ Петромъ Алексѣевичемъ изъ Лавры, бояринъ Петръ Васильевичъ Шереметевъ меньшой и Подполковникъ Иванъ Нечаевъ, для вытребованія отъ Правительницы Шакловитаго, котораго она не хотѣла выдавать, привезли Царю Іоанну Алексѣевичу обстоятельное отношеніе отъ Петра о подробностяхъ замысла, тогда Іоаннъ послалъ къ сестрѣ Боярина Князя Петра Ивановича Прозоровскаго съ рѣшительнымъ объявленіемъ, чтобы она выдала Шакловитаго съ сообщниками Стрѣльцами, присланнымъ отъ Петра, *и что онъ, не только за вора, но и ни за что для нея Царевны съ братомъ ссориться не станетъ.* Послѣ сего послѣдняго заговора Царь Іоаннъ Алексѣевичъ, при всемъ добродушіи своемъ, согласился на мѣры безопасности противъ замысловъ Царевны сестры и на удаленіе ея отъ правительства.

Царевна Софія должна была смириться, сложить власть и удалиться въ монастырь; и съ этого уже времени (7 сентября 1689 года) оба брата Цари Іоаннъ и Петръ Алексѣевичи стали править Государствомъ самостоятельно.—Впрочемъ Іоаннъ, будучи постоянно болѣзненъ и сознавая геніальныя способности своего брата, никогда не вмѣшивался въ дѣла Государственнаго управленія. Сохраняя Титулъ Царя, Онъ только во время отлучекъ Петра изъ столицы былъ его представителемъ, строго однако подчиняясь его требованіямъ, чѣмъ и содѣйствовалъ утвержденію его на Престолѣ.

---

(1) Повѣств. о Рос. Арцыбашева ч II. тр. 243.—(2) Житіе Петра Великаго соч. А. Катифора, перев. съ Греческ. с. Писарева стр. 71 и 72.—(3) Дѣянія Петра Великаго соч. Голикова ч. I стр. 55 второе изд.—(4) Подр. лѣтоп. отъ начала Рос. до Полтавской баталіи ч. IV стр. 140.

Примѣръ сей, единственный въ исторіи, невольно возбуждаетъ сочувствіе къ особѣ Іоанна Алексѣевича, такъ что весьма желательно было бы прослѣдить въ малѣйшихъ подробностяхъ жизнь Его и отношенія къ Державному брату; но къ сожалѣнію, почти вся эпоха двоецарствія принадлежитъ, едвали не къ самымъ скуднымъ относительно источниковъ нашей исторіи; къ тому же современники Петра Великаго, пораженные громадностію политическаго и личнаго значенія Петра, не замѣчали при немъ Іоанна, который и самъ скрывался отъ общаго вниманія. Кемпферъ, Секретарь Шведскаго Посланника Фабриціуса, описывая аудіенцію, данную 18 іюля 1683 года этому посольству, выражается о Царяхъ Россійскихъ такъ: *Старшій* Іоаннъ *сидѣлъ почти неподвижно, съ потупленными, совсѣмъ почти закрытыми глазами, и шапкою опущенною низко; младшій же* Петръ *на всѣхъ смотрѣлъ съ открытымъ лицомъ . . .* (1).

Совершенное устраненіе Іоанна Алексѣевича отъ дѣлъ правительственныхъ, не смотря на весьма малое число данныхъ, сообщаемыхъ достовѣрнымъ преданіемъ, можетъ быть объяснено: постоянною его болѣзненностію, принятою въ уваженіе еще отцомъ его и старшимъ братомъ,религіознымъ настроеніемъ, которое безъ сомнѣнія усиливалось отчужденіемъ его отъ мірскихъ дѣлъ, наконецъ тою безграничною довѣренностію, которую онъ питалъ къ брату Петру, и которая приноситъ такъ много чести его уму и сердцу.

Отношенія его къ Петру представляютъ разительное сходство съ отношеніями къ Петру Наталіи Кирилловны; отлучался ли Петръ на долго, мать и братъ торопятъ его возвратомъ, и Іоаннъ присовокупляетъ, что возвратъ брата уменьшитъ страданія, причиняемыя ему болѣзнію. (2) Подвергался ли Петръ опасностямъ, управляя Азовскимъ походомъ, Іоаннъ Алексѣевичъ шлетъ къ нему письма, умоляя его щадить жизнь свою пуще всего, подкрѣпляя свою просьбу письмомъ Патріарха: *ни о чемъ иномъ*, писалъ Іоаннъ Алексѣевичъ отъ 31 іюля къ Петру подъ Азовъ *въ жизни сей не радуюсь такъ, какъ о твоемъ царя моего брата здравіи . . . . .* далѣе *тебя же Государя и любезнаго мнѣ брата прошу оставя въ тылѣ* (Азовскихъ) *каланчахъ воинство и тяжести и пропитаніе возвратися . . . . .* потомъ—*снова прошу не пріобщайся своею особою боевъ и взятіемъ города и поединковъ . . . . .* (3); все письмо написано въ томъ же духѣ. Когда Петръ хотѣлъ отправиться къ Бѣлому морю, то Іоаннъ Алексѣевичъ съ Наталіею Кирилловною, рѣшительно, тому воспротивились, Петръ прибѣгнулъ къ Патріарху и уговорилъ его склонить мать и брата не препятствовать этому дѣлу.—Патріархъ обратился къ Іоанну, представлялъ ему какую пользу должно принести Россіи, предпринимаемое Петромъ путешествіе, но Іоаннъ возражалъ, что *Петръ одинъ свѣтильникъ Россіи, если онъ угаснетъ, то съ нимъ угаснетъ все благое.*—Однако возложа упованіе на Господа, *который есть стѣна крѣпчайшая, безъ воли, котораго власъ единъ съ главы не можетъ исторженъ быть*; — Іоаннъ Алексѣевичъ сонзволилъ желанію брата, и просилъ патріарха сказать царицамъ и царевнамъ, чтобы не препятствовали отправленію Петра, присовокупляя, что видитъ въ этомъ дѣло промысла Божія и Его святую волю. (4).

Съ какою ясностію обрисовывается въ этихъ немногихъ чертахъ сохраненныхъ преданіемъ, благочестивый исполненный отеческой заботливости о меньшемъ братѣ, образъ Іоанна Алексѣевича, такъ трепетно воздерживающаго пылкія стремленія Петра и такія прекрасныя отношенія между державными братьями, продолжались до самой кончины Іоанна Алексѣевича, послѣдовавшей 29 января 1696 года среди приготовленій къ второму Азовскому походу, отъ простуды, приключившейся ему на торжественномъ молебствіи въ день Богоявленія Господня на Іордани. (5).

Съ подобающимъ торжествомъ Царь Петръ Алексѣевичъ почтилъ погребеніемъ тѣло нѣжно любимаго, соцарственнаго своего брата. Онъ слѣдовалъ за гробомъ въ печальномъ платьѣ и оставшимся послѣ него вдовѣ Царицѣ Прасковьи Ѳеодоровнѣ и дѣтямъ его, своимъ племянницамъ, постоянно оказывалъ всевозможное вниманіе.

---

(1) Кемпферъ стр. 337. — (2) Записки Крекшина стр. 94.— (3) Письма Императора Петра Великаго къ брату своему Царю Іоанну Алексѣевичу и Патріарху Адріану съ отвѣтами на оныя и проч. С. Пб. 1788 г.—(4) Записки Крекшина стр. 100—102. — (5) Въ этотъ день было тепло какъ вѣсною и даже сверкала молнія. Зап. Желябужскаго по изд. Языкова стр. 61.

Царь Іоаннъ Алексѣевичъ погребенъ въ Московскомъ Архангельскомъ Соборѣ, подлѣ, брата своего Царя Ѳеодора Алексѣевича отъ западныхъ дверей по лѣвой сторонѣ между столбовъ.

Гробъ новопреставившагося охранялся царедворцами по 10 человѣкъ въ день до великаго поста, т. е. въ теченіи 6 недѣль (1).

Отъ рожденія было Царю Іоанну Алексѣевичу 29 лѣтъ, 5 мѣсяцевъ и 2 дня; царствовалъ онъ вмѣстѣ съ Петромъ 13 лѣтъ, 3 мѣсяца и 19 дней.

Не многосложная, и не обильная внѣшними фактами дѣятельность Царя Іоанна Алексѣевича, представляетъ отрадное явленіе въ нашей исторіи по своему внутреннему значенію.—Вѣчною благодарностію обязана ему Россія за то, что онъ понялъ, и оцѣнилъ, неоцѣненнаго многими современниками Великаго брата своего и сохранилъ къ нему нѣжную любовь и самыя искреннія отношенія до самой своей кончины.

---

(1) Повѣств. о Рос. Арцыбашева стр. 359. Собр.грам. и догов. ч. IV стр. 650 и послѣд.

Въ Типографіи Втораго Отдѣленія Собственной Е. И. В. Канцеляріи. Печатать позволяется С. Петербургъ, 9 Сентября 1855 года. Цензоръ *А. Фрейганг.*

Печат: д'Арменгъ. Компанов: съ: портр: Москов: Новоспас: Монас: Изд: Г: Фридебургъ.

Царица

ПРАСКЕВІЯ ѲЕОДОРОВНА урожд: САЛТЫКОВА

Супруга Царя Іоанна Алексѣевича.

Родилась 12 Октября 1664 г:
Вступила въ супружество:
9 Января 1684 г:

Скончалась 13 Октября 1723 г:
Погребена въ Благовѣщенской церкви
Александро-Невскаго монастыря.

Печать: позволяется
С. Петербургъ, Мая 15 дня 1853 г.
Цензоръ Крыловъ.

Печат: Д'Арленъ. Съ портр: наход: въ Моск: Новодѣв Монастр: * Изд: Г.Фридебурга

Софія

СОФЬЯ АЛЕКСѢЕВНА

ВЪ МОНАШЕСТВѢ

СУСАННА.

Дщь Царя Алексѣя Михайловича.

Родилась 7 Сентября 1657 г:
Вступила въ сопра-
вительство 26 Мая 1682 года.

Скончалась 3 Іюля 1704 года
Погребена въ Московскомъ Но-
водѣвичьемъ Монастырѣ.

Печат: позволяется
С.Петербургъ, 17 Сентября 1853 г.
Цензоръ А.Фрейганъ.

ГОСУДАРЫНЯ ЦАРЕВНА И ВЕЛИКАЯ КНЯЖНА

СОФІЯ АЛЕКСѢЕВНА,

ВЪ МОНАШЕСТВѢ

СУССАННА,

ДЩЕРЬ ЦАРЯ АЛЕКСѢЯ МИХАЙЛОВИЧА.

Царевна Софія Алексѣевна, дочь Царя Алексѣя Михайловича и Царицы Маріи Ильиничны Милославской, родилась 17 сентября 1657 года.

По кончинѣ родительницы своей, Царевна осталась двѣнадцати лѣтъ. Раннее сиротство имѣло, быть можетъ, вліяніе на всю послѣдующую ея жизнь. Лишенная благотворнаго руководства матери, она, при воспріимчивости своего ума и пылкости характера, легко могла испытать на себѣ вліяніе совѣтовъ такихъ людей, которые, для собственныхъ выгодъ, указывали юной Царевнѣ на превратное направленіе жизненнаго пути. При вступленіи на престолъ Царя Ѳеодора Алексѣевича, Софіи Алексѣевнѣ было девятнадцать лѣтъ отъ роду. Конечно, никто изъ современниковъ не воображалъ, чтобы она могла когда либо выступить, изъ своего уединеннаго терема, на обширное поприще государственныхъ дѣлъ. Если бы Царь Ѳеодоръ Алексѣевичъ даже не имѣлъ братьевъ (Іоанна и Петра), прямыхъ наслѣдниковъ верховной власти, то, и въ такомъ случаѣ, первенство въ Царскомъ Домѣ принадлежало бы не Софіи. Кромѣ двухъ вдовствующихъ Царицъ, Наталіи Кирилловны и Марѳы Матвѣевны (второй супруги Ѳеодора Алексѣевича), старше Софіи лѣтами были тетки ея, Царевны Анна и Татіана Михайловны, и сестры, Царевны Евдокія и Марѳа Алексѣевны. Но одаренная обширнымъ, болѣе мужскимъ, нежели женскимъ умомъ и необыкновенною проницательностію [1], Царевна Софія Алексѣевна увлеклась честолюбивыми идеями еще при жизни Царя Ѳеодора Алексѣевича. Будучи только однимъ годомъ моложе своего брата, она питала къ нему особенную привязанность, и незадолго предъ его кончиною, по совѣту князя Василія Васильевича Голицына, переселилась изъ дѣвическаго терема въ царскія хоромы, чтобы ухаживать за болѣзнующимъ Государемъ, такъ какъ Царица Марѳа Матвѣевна, по молодости и неопытности своей, не могла исполнять одна эту обязанность [2]. Думать надобно, что Царевна Софія вообще имѣла вліяніе на своего брата, и что она умѣла отдалить отъ двора Нарышкиныхъ, Матвѣева, даже Зотова, и способствовала опредѣленію въ Приказъ Большаго Дворца, на мѣсто родителя Наталіи Кирилловны, Ивана Михайловича Милославскаго, который былъ непримиримый врагъ Нарышкиныхъ. Видимая недолговѣчность Царя Ѳеодора, тѣлесные недуги Царевича Іоанна и малолѣтство Царевича Петра, всѣ эти обстоятельства поселили въ душѣ Софіи мысль о возможности присвоить себѣ высшую власть, если бы вступилъ на престолъ Іоаннъ, то есть управлять государствомъ подъ именемъ своего болѣзненнаго брата [3].

---

[1] Записки графа А. А. Матвѣева, по изданію Сахарова, стр. 7.—[2] Труды и лѣтоп. Общества исторіи и древностей при Московскомъ Университетѣ ч. VII стр. 69—70.—[3] Записки графа А. А. Матвѣева стр. 8.

Неожиданное провозглашеніе Царемъ малолѣтнаго Петра, подъ опекою Царицы Наталіи Кирилловны, ниспровергнуло замыслы Царевны, но не лишило ея надежды на ихъ осуществленіе. Софія Алексѣевна сообразила, какую сильную опору могла она найти въ стрѣльцахъ, которые, пользуясь важными преимуществами какъ регулярное войско, и разбогатѣвъ отъ торговыхъ промысловъ, стали обнаруживать признаки неповиновенія передъ самою кончиною Царя Ѳеодора Алексѣевича. Этихъ-то буйныхъ ратниковъ вознамѣрилась она употребить главнымъ орудіемъ къ достиженію своей цѣли, и вступила съ ними въ сношенія чрезъ посредство боярина Ивана Михайловича Милославскаго и клевретовъ его, стрѣлецкихъ подполковниковъ Ивана Цыклера и Ивана Озерова (1). Кромѣ того, Царевна подкупила стрѣлецкое войско чрезъ постельницу свою, вдову Ѳеодору Семенову, казачку Украинскаго Полка, которую наградила въ послѣдствіи богатымъ приданымъ, при выдачѣ ея замужъ за подполковника Озерова (2).

Стрѣльцы ожидали только случая къ явному возстанію, и что могло быть для нихъ благопріятнѣе, какъ не вызовъ Царевны? Выборные ихъ стали разглашать, что бояре несправедливо поступили, возведя на престолъ меньшаго брата, мимо старшаго, и что тотъ, кто приметъ сторону Царевича Іоанна, будетъ награжденъ чинами и деньгами. Молва о замышляемомъ переворотѣ быстро разнеслась по слободамъ стрѣлецкимъ. Ратники стали ежедневно собираться многочисленными кругами (толпами), строиться безъ приказанія своихъ полковниковъ, бить въ набатъ и барабаны, и провозглашать о предстоящемъ мятежѣ въ питейныхъ домахъ и въ торговыхъ баняхъ. Между тѣмъ, Милославскій, со своими соумышленниками, уже составилъ роспись тѣмъ боярамъ, которыхъ надлежало истребить (3).

Увѣренная въ содѣйствіи вооруженной силы, Царевна Софія призвала къ себѣ патріарха, съ высшимъ духовенствомъ, Сибирскихъ и Касимовскихъ служивыхъ Царевичей, бояръ, окольничихъ, стольниковъ, стряпчихъ, жильцовъ, дворянъ и гостей, и объявила имъ о желаніи всѣхъ стрѣлецкихъ полковъ возвести на престолъ старшаго брата, Царевича Іоанна. При этомъ Царевна поставила на видъ, что десятилѣтній Царь Петръ не можетъ, по молодости своей, быть самодержавнымъ государемъ, что боярское управленіе и обида, нанесенная Іоанну, произведутъ усобицу и кровопролитіе, и потому, для предупрежденія общихъ бѣдствій, должно вручить державу старшему брату (4). Патріархъ, духовенство и бояре отвѣчали, что Петръ избранъ на престолъ по причинѣ слабаго здоровья Іоанна; но Царевна настаивала на необходимости провозглашенія царемъ старшаго брата, и требовала, чтобы спросили стрѣльцовъ, кто долженъ царствовать (5)? Слова Софіи Алексѣевны подтвердилъ бояринъ Иванъ Михайловичъ Милославскій, который уже успѣлъ склонить на сторону Софіи князя Ивана Андреевича и сына его стольника князя Андрея Хованскихъ. Тогда патріархъ объявилъ прямо, что Петръ, избранный властями духовными и свѣтскими, не можетъ быть низложенъ. Слова первосвятителя не смутили Царевны: она стала требовать возведенія на престолъ обоихъ Царевичей. Патріархъ, назвавъ многоначаліе зломъ, поклонился и вышелъ со всѣми призванными (6).

Непоколебимая въ своихъ намѣреніяхъ, Софія Алексѣевна послала боярина Ивана Милославскаго къ стрѣльцамъ требовать помощи для возведенія на престолъ Іоанна. ***Побьемъ всѣхъ его противниковъ и возведемъ на царскій престолъ***, возгласили стрѣльцы, и 15 мая (1682) всѣ полки ихъ собрались къ своимъ съѣзжимъ избамъ, ожидая вѣсти отъ Милославскаго (7). Часу въ десятомъ утра, посланные Милославскимъ прискакали въ полки, и, разъѣзжая, говорили, будто Нарышкины убили Царевича Іоанна, и что должно спѣшить въ Кремль (8).

Такъ вспыхнулъ ужасный стрѣлецкій бунтъ, главною виновницею котораго была, безспорно, честолюбивая Царевна. Въ первыя минуты разгара, когда буйныя толпы подступили ко дворцу и стали требовать Нарышкиныхъ, убѣжденія князя Михаила Юрьевича Долгорукаго и боярина Артемона Сергѣевича Матвѣева нѣсколько успокоили мятежниковъ; но Софія Алексѣевна, подъ предлогомъ усмиренія бунта, приказала выставить стрѣльцамъ бочки вина (9). Когда же Царица Ната-

(1) Записки Графа А. А. Матвѣева стр. 12 и слѣд.—(2) Тамъ же. — (3) Тамъ же стр. 18.—(4) Подробн. Лѣтоп. и проч ч. IV стр. 81.—(5) Тамъ же. — (6) Тамъ же.—(7) Подробн. Лѣтоп. и проч. ч. IV стр. 83—84.—(8) Тамъ же.—(9) Тамъ же стр. 86

лія Кирилловна появилась на Красномъ Крыльцѣ съ обоими Царевичами [1], стрѣлецкое войско, убѣдившись въ несправедливости распространенныхъ слуховъ, хотѣло разойтись по домамъ, какъ вдругъ Царевна прислала сказать стрѣльцамъ, что *ежели сего дня не будутъ побиты назначенные въ росписи, то завтра вамъ будетъ худо* [2]. Послѣ этого, уже ничто не могло остановить крамольниковъ, и, въ продолженіе трехъ дней, въ священныхъ стѣнахъ Кремля, лилась кровь невинныхъ, совершались злодѣйства, возмущающія человѣческую душу. Царскіе чертоги осквернены были безчинствомъ злодѣевъ; многія сокровища расхищены; пощажены только покои Софіи Алексѣевны [3].

18 мая, стрѣльцы, назвавъ себя *надворною пѣхотою*, провозгласили Царевича Іоанна первымъ царемъ, для совмѣстнаго царствованія съ Петромъ, и назначили правительницею государства Царевну Софію [4]. 26 того же мѣсяца, духовные и свѣтскіе чины и всѣ сословія, избравшіе Петра, просили его и Іоанна царствовать вмѣстѣ, и тѣмъ успокоить народъ. Государи согласились, и, по челобитью людей всего Московскаго Государства, вручили правительство сестрѣ своей Царевнѣ Софіи Алексѣевнѣ, на что благословилъ ее и патріархъ Іоакимъ. Сначала Царевна отговаривалась, но потомъ изъявила согласіе, и съ 29 мая, вступивъ въ управленіе государственными дѣлами, она стала присутствовать въ боярской думѣ, приказала боярамъ, окольничимъ и думнымъ людямъ являться къ себѣ съ докладами, и велѣла во всѣхъ бумагахъ писать свое имя рядомъ съ именами обоихъ Царей. Форма указовъ была слѣдующая: *Великіе Государи, Цари и Великіе Князья Іоаннъ Алексѣевичъ, Петръ Алексѣевичъ, всея Великія и Малыя и Бѣлыя Россіи Самодержцы, и сестра ихъ, Великая Государыня Благородная Царевна и Великая Княжна, Софія Алексѣевна, всея Великія и Малыя и Бѣлыя Россіи, указали и бояре приговорили* [5].

Достигнувъ верховной власти съ помощію стрѣльцовъ, Царевна поставила въ главѣ этого войска своихъ пособниковъ, князей Ивана и сына его Андрея Хованскихъ; они были назначены начальниками Стрѣлецкаго Приказа; бояре другихъ приказовъ также были замѣнены ея приверженцами [6]. Самыхъ стрѣльцовъ правительница наградила чрезвычайно щедро, приказавъ имъ выдать жалованье за двадцать лѣтъ, по пяти рублей на человѣка [7].

Кромѣ того, она позволила стрѣльцамъ поставить на Красной Площади столбъ, съ обозначеніемъ на немъ вины убитыхъ, и даровала имъ печатную грамоту, въ которой содержалась похвала за истребленіе ими будто бы злодѣевъ, и за возведеніе на престолъ Іоанна Алексѣевича [8].

Скоро однако Царевна убѣдилась въ горькихъ послѣдствіяхъ власти, незаконно присвоенной. Старый Князь Иванъ Хованскій, тайный послѣдователь капитонскаго раскола лжеучителей Аввакума протопопа, Никиты распопы или пустосвята, былъ избранъ этими фанатиками и разными бродягами въ коноводы съ тою цѣлію, чтобы искоренить православную вѣру и избить православныхъ [9]. Нелѣпаго раскола держались многіе и въ стрѣлецкихъ полкахъ. 5 іюля (1682), толпы раскольниковъ, неся передъ собою налой, образа, зажженныя свѣчи, устремились къ Успенскому Собору и ко дворцу, и громко стали требовать торжественнаго пренія о вѣрѣ на лобномъ мѣстѣ [10]. Князь Иванъ Хованскій всячески старался вызвать патріарха Іоакима съ духовенствомъ на площадь, гдѣ раскольники уже поджидали, чтобы убить святителя; но Софія Алексѣевна догадалась о зломъ умыслѣ, и велѣла патріарху и духовенству пройти въ верхъ (во дворецъ) къ Государямъ [11]. Вскорѣ явился въ переднюю палату князь Иванъ Хованскій, и снова сталъ, въ присутствіи Царей, вызывать патріарха на публичное преніе или на площади или въ Грановитой Палатѣ, угрожая, въ случаѣ отказа, такимъ же мятежомъ, какой недавно былъ утишенъ. По словамъ Хованскаго, ни Цари, ни Правитель-

---

(1) См. Жизнеописаніе Царицы Наталіи Кирилловны въ этомъ изданіи. — (2) Подробн. Лѣтоп. ч. IV стр. 87. — (3) Тамъ же, стр. 89—90.—(4) Тамъ же стр. 97—98.—(5) Собран. государ. грам. и догов. т. IV № 147. — Но послѣ заключенія съ Польшею вѣчнаго мира (см. ниже), въ грамотахъ и указахъ Царевну писали самодержицею: *Отъ Царей и Великихъ Князей Іоанна Алексѣевича и Петра Алексѣевича, и отъ сестры ихъ Великой Государыни, Благовѣрной Царевны и Великой Княжны, всея Великія и Малыя и Бѣлыя Россіи Самодержцевъ.*—(6) Подробн. Лѣтоп. ч. IV стр. 97.—(7) Записки Желябужскаго, по изданію Языкова, стр. 2. Въ запискахъ Сильвестра Медвѣдева, по изданію Сахарова, сказано,что каждый стрѣлецъ получилъ по *десяти рублей*, стр. 17.—(8) Подробн. Лѣтоп. ч. IV стр. 98.—(9) Тамъ же стр. 99—100.—(10) Тамъ же стр. 100—101. — (11) Записки Сильвестра Медвѣдева стр. 21.

ница не должны были сопровождать святителя, потому что ожесточеніе народа могло бы подвергнуть жизнь ихъ опасности (1). Царевна оказала въ этомъ дѣлѣ величайшую твердость духа. *Если бы и такъ*, отвѣчала она Хованскому, *да будетъ воля Божія; но я не оставлю Святую Церковь и пастыря ея* (2), успокоила патріарха и духовенство, и пошла въ Грановитую Палату, въ сопровожденіи Царицы Наталіи Кирилловны и Царевенъ Татіаны Михайловны и Маріи Алексѣевны (3).

Когда царственныя особы, патріархъ, духовенство, бояре, выборные солдатскаго, пушкарскаго и стрѣлецкаго войскъ заняли свои мѣста, ворвались, по призыву Хованскаго, пьяные раскольники, съ крикомъ и шумомъ. Правительница, не теряя присутствія духа, громко спросила бунтовщиковъ:— *Для чего пришли вы такъ дерзко и невѣжливо въ государскія палаты? Для чего осмѣлились, безъ царскаго указа и благословенія патріарха, учить расколу, ходя по улицамъ, соблазнять народъ, и теперь явились въ Кремль?*—«Хотимъ утвердить старую вѣру», возопили раскольники, вы приняли новую, а въ ней нѣтъ спасенія.» *Какая же старая и новая вѣра?* возразила Царевна Софія. Раскольники сказали, что ничего не знаютъ, и умолкли (4). Никита Пустосвятъ, которому Правительница запретила говорить, отошелъ въ сторону, и въ слѣдъ за тѣмъ раскольники подали Царевнѣ челобитную, *глупости и лживословія полну* (5). При чтеніи этой челобитной, пьяный Никита сталъ кричать и укорять патріарха и освященный соборъ; но, смущенный доводами Холмогорскаго Архіепископа Аѳанасія, бросился на него и едва былъ отнятъ однимъ изъ выборныхъ стрѣльцовъ. Между тѣмъ и патріархъ, взявъ въ одну руку Евангеліе а въ другую *Хрисовулъ* (Соборное Дѣяніе), сталъ доказывать раскольникамъ ихъ безсмысленное заблужденіе. Фанатики подняли шумъ и крикъ. Царственныя особы встали со своихъ мѣстъ, и плачущая Софія обратилась ко всѣмъ присутствующимъ, и особенно къ выборнымъ стрѣльцамъ: *Чего боитесь вы, и какъ позволяете мужикамъ-раскольникамъ приходить сюда, какъ будто они надъются на васъ! Пристойно ли въ Царскомъ Домѣ, въ нашемъ присутствіи, передъ патріархомъ, соборомъ и синклитомъ, кричать такъ неистово и досаждать намъ? Могутъ ли безумцы и невѣжды судить о дѣлахъ вѣры и поднимать мятежи? Посмотрите, они шумятъ, вопятъ и не слушаютъ насъ: вы позволяете имъ это, неужели вы съ ними за одно? Ежели намъ быть въ такой зависимости, то Государямъ и намъ нельзя оставаться здѣсь; мы поѣдемъ въ другіе города возвѣщать народу о такомъ непослушаніи и крамолѣ* (6). Выборные отвѣчали, что готовы служить Царямъ, какъ служили ихъ дѣду, отцу и брату, и рады положить головы свои за Вѣру и Церковь. Упрошенная ими Правительница, также вдовствующая Царица и Царевны возвратились на свои мѣста. По прочтеніи просьбы раскольниковъ, объявлено было, что они получатъ указъ въ другое время (7).

На другой день (6 іюля), Никита Пустосвятъ былъ взятъ выборными, по повелѣнію Царевны Софіи, и казненъ на мѣстѣ преступленія, а соумышленники его были разосланы, по наказаніи, въ разныя епархіи (8).

Но слѣдствія едва усмиренныхъ волненій обнаруживались во все лѣто. Стрѣльцы не переставали требовать выдачи бояръ, и наконецъ составили преступный умыселъ, побудившій Государей переѣхать (29 августа) въ село Коломенское (9). Съ другой стороны, ссора боярина Милославскаго съ князьями Хованскими открыла Правительницѣ, какихъ опасныхъ враговъ имѣла она въ этихъ боярахъ, столько ею возвышенныхъ. Милославскій донесъ, будто князь Андрей хвалился своимъ происхожденіемъ отъ королей литовскихъ, что онъ женится на Царевнѣ Екатеринѣ Алексѣевнѣ, и будетъ Царемъ Московскимъ. Царевна была весьма раздражена симъ извѣстіемъ, но рѣшилась не обнаруживать до времени своего гнѣва на Хованскихъ, а между тѣмъ приняла мѣры противъ ихъ замысловъ (10).

2 сентября (1683) найдено было прибитое къ переднимъ воротамъ Коломенскаго Дворца письмо, съ надписью: *вручить Государынѣ Царевнѣ Софіи Алексѣевнѣ*, содержавшее въ себѣ извѣтъ одно-

(1) Записки Сильвестра Медвѣдева стр. 21.—(2) Тамъ же стр. 25.—(3) См. Жизнеоп. Царицы Наталіи Кирилловны въ этомъ изданіи. — (4) Записки Сильвестра Медвѣдева стр. 25—(5) Тамъ же стр. 26.—Какъ строитель Московскаго Заиконоспасскаго Монастыря, онъ могъ присутствовать при преніи, и слышать то, что говорила Правительница.—(6) Тамъ же стр. 28. — (7) Тамъ же стр. 29.—(8) Тамъ же и Подробн. Лѣтоп. ч. IV стр. 105.—(9) См. Жизнеоп. Царицы Наталіи Кирилловны въ этомъ изданіи.—(10) Подробн. Лѣтоп. ч. IV стр. 106 и Записки графа Матвѣева стр. 41—42.

го московскаго стрѣльца и двухъ посадскихъ объ умыслѣ Хованскихъ на жизнь Царскаго Дома, о произведеніи во всемъ государствѣ мятежа, объ избраніи князя Ивана въ цари и о замѣнѣ новой вѣры старою. (1) 17 того же мѣсяца, по повелѣнію Царевны, князья Иванъ и Андрей Хованскіе были арестованы, привезены въ село Воздвиженское, и, по настоянію боярина Милославскаго, не желавшаго допустить обвиненныхъ до оправданія, казнены немедленно со своими сообщниками (2).

По возвращеніи Государей въ Москву изъ Троицко-Сергіева Монастыря, Царевна Софія снова вступила въ управленіе государственными дѣлами и повелѣла, по прежнему, писать свое имя въ указахъ и грамотахъ, а также изображать себя на оборотной сторонѣ большихъ монетъ (3). Начальство надъ Стрѣлецкимъ Приказомъ Правительница поручила Ѳедору Шакловитому, котораго возвела въ думные дьяки и окольничіе, наградила деньгами и отчинами. Онъ былъ главнымъ ея орудіемъ въ самыхъ тайныхъ дѣлахъ, то есть въ стрѣлецкихъ заговорахъ, имѣвшихъ цѣлію умыселъ на жизнь Петра (4). Другимъ приближеннымъ къ Софіи лицемъ былъ Князь Василій Васильевичъ Голицынъ, начальникъ Приказа царственныя большія печати и государственныхъ великихъ посольскихъ дѣлъ Оберегатель, пожалованный въ это званіе 16 мая, то есть на другой день мятежа. Но Князь Голицынъ, человѣкъ проницательный, лучше всѣхъ понималъ невозможность ослабить тѣхъ, которые держались стороны Петра, и, видя неблагонамѣренныя дѣйствія Царевны, сомнѣвался въ прочности ея власти. Онъ не находилъ другаго средства къ избѣжанію гибели, какъ предпринять какой-либо походъ, чтобы не разгнѣвать своими опасеніями Правительницы (5).

По тогдашнимъ отношеніямъ Россіи къ сосѣдственнымъ государствамъ не было повода къ разрыву съ какимъ-либо изъ нихъ. Польскій Король Янъ III Собіескій, находившійся въ самомъ затруднительномъ положеніи по случаю войны съ Турціей, которой онъ долженъ былъ уступить Подолію, искалъ союза съ Россіей, чтобы съ ея помощію развлечь силы султана, и возвратить утраченное. Дальновидная Правительница рѣшилась воспользоваться благопріятнымъ случаемъ для окончательнаго устраненія, со стороны Польши, притязаній на Смоленскъ, Украйну и Кіевъ. Послѣ двухлѣтнихъ переговоровъ, Янъ III согласился на требованія Софіи. 26 апрѣля 1686 года, польскіе послы, пріѣзжавшіе въ Москву, заключили вѣчный миръ, на основаніи котораго Польша отказалась отъ всѣхъ притязаній своихъ на Кіевъ, Смоленскъ, Черниговъ и пятьдесятъ шесть другихъ городовъ, тамъ завоеванныхъ, равно какъ и на всю Малороссію съ Запорожскимъ Войскомъ, до Чернаго Моря. Въ статьяхъ заключеннаго договора, постановленъ былъ оборонительный и наступательный союзъ противъ Турокъ и Татаръ, съ приглашеніемъ къ тому всѣхъ христіанскихъ державъ въ Европѣ. Тогда Царевна согласилась заключить союзъ и съ Австрійскимъ Императоромъ противъ Оттоманской Порты, для чего еще въ 1684 году пріѣзжали въ Москву имперскіе послы, и въ началѣ новаго (индиктіоннаго) 1687 года, отправила въ Вѣну ближняго боярина Бориса Петровича Шереметева (6). Вскорѣ потомъ, Царевна Софія приказала собрать двухсотъ-тысячную рать, и отъ имени Царей и своего объявить о войнѣ съ Турками. Въ воззваніи было объяснено, что Крымскій Ханъ, не смотря на мирные договоры, причинялъ оскорбленія нашимъ посламъ и гонцамъ, грабилъ украинные (пограничные) русскіе города, и что Турецкій Султанъ, къ которому русское правительство обращалось съ жалобою, какъ къ верховному господину Хана, не сдѣлалъ за то удовлетворенія (7). Главнокомандующимъ (дворовымъ воеводою) былъ назначенъ Князь Василій Васильевичъ Голицынъ. Вступивъ, въ началѣ мая, въ степь, Русскіе увидѣли, что вся трава была выжжена и еще горѣла; изнуренныя отъ недостатка корма лошади не могли везти пушекъ; истощились и продовольственные запасы, такъ что на военномъ совѣтѣ рѣшено было отступить. Армія не доходила даже до Перекопи. Только донскому атаману, Флору Минаеву, удалось разбить, у Овечьихъ Водъ, до пяти сотъ Татаръ и взять въ полонъ человѣкъ до пятидесяти.

---

(1) Записки Медвѣдева стр. 42—43,—Акты Археогр. Экспед. Т. IV стр. 368—369 и Записки Желябужскаго, по изданію Языкова, стр. 7.—(2) Записки Матвѣева стр. 45 и Подробн. Лѣтоп. ч. IV стр. 113.—(3) Записки Матвѣева стр. 48.—По выѣздѣ царской фамиліи изъ Москвы, указы писались только отъ имени обоихъ Царей, Іоанна и Петра.—(4) См. жизнеоп. Царицы Наталіи Кириловны въ этомъ изданіи.—(5) Записки Матвѣева стр. 50.—(6) Записки Желябужскаго, по изд. Языкова, стр. 17.—(7) Собр. грамотъ и догов. ч. IV стр. 533—534.

Не смотря на неуспѣхъ похода, Правительница щедро наградила какъ самого главнокомандующаго, такъ его товарищей и подчиненныхъ, золотыми медалями, платьемъ, кубками, деньгами и помѣстными окладами. На одной сторонѣ медали было изображеніе обоихъ Царей, а на другой Царевны-Правительницы. Даже всѣ солдаты получили по золотой или серебряной монетѣ (1). На военномъ совѣтѣ, происходившемъ 25 января 1688 года, въ присутствіи Царей, опредѣлено было вторично послать въ Крымъ такую же многочисленную рать какъ и въ первый разъ, то есть до двухъ сотъ тысячъ человѣкъ, и опять подъ начальствомъ Князя Голицына. Князь Василій Васильевичъ надѣялся овладѣть Перекопью врасплохъ; но, при самомъ вступленіи его въ степь, полчища Татаръ аттаковали и опрокинули русское передовое войско. Впрочемъ, вся армія успѣла подступить къ крѣпости на пушечный выстрѣлъ, и, пользуясь ночною темнотою, Князь Голицынъ рѣшился взять Перекопь приступомъ. Все было готово къ нападенію, какъ вдругъ данъ былъ приказъ отступить къ обозу. Въ послѣдствіи узнали, что главнокомандующій, повѣривъ ложнымъ обѣщаніямъ хана, потерялъ понапрасну драгоцѣнное время, а между тѣмъ войско, стоявшее въ знойное лѣто посреди степей, доведено было до совершеннаго недостатка въ водѣ и въ съѣстныхъ припасахъ. Такимъ образомъ и второй походъ кончился ничѣмъ. Князь Голицынъ, находясь еще подъ Перекопью и считая ее уже въ своихъ рукахъ, имѣлъ неосторожность писать въ Москву о своихъ предполагаемыхъ завоеваніяхъ, а Царевна Софія, не дождавшись подтвердительнаго извѣстія, приказала пѣть благодарственные молебны и преждевременно отправила въ Вѣну и въ Варшаву извѣстительныя грамоты о завоеваніяхъ Князя Голицына (2).

Этимъ собственно событіемъ и завершается правленіе Софіи Алексѣевны.

До сихъ поръ, она не могла, при всѣхъ своихъ стараніяхъ, удалить младшаго брата отъ престола. Между тѣмъ, Петръ достигъ уже совершеннолѣтія, созналъ свои права и требовалъ неоднократно, чтобы Царевна отказалась отъ участія въ правленіи. Случай къ явному разрыву брата съ сестрою скоро представился. Въ день крестнаго хода (8 іюля), въ храмъ Казанской Божіей Матери, оба Государя стояли въ соборѣ на своемъ царскомъ мѣстѣ. По выступленіи процессіи изъ церкви, Царевна, въ царскомъ облаченіи, пошла вмѣстѣ съ Царями. Петръ замѣтилъ сестрѣ неприличность такого поступка, не согласовавшагося съ древними обычаями; но Софія Алексѣевна не послушалась и продолжала шествіе. Юный Государь былъ такъ огорченъ ея упорствомъ, что не послѣдовалъ за крестами, а удалился въ Архангельскій Соборъ, откуда уѣхалъ въ Коломенское (3). Это чрезвычайно встревожило Правительницу; она почитала себя оскорбленною, и тогда-то Ѳедоръ Шакловитой дерзнулъ посягнуть на жизнь Петра, его родительницы, патріарха, бояръ и ближнихъ людей, чтобы, по совершеніи злодѣйскаго умысла, низложить Іоанна и объявить Государынею Софію (4).

Внезапный отъѣздъ Петра съ матерью, супругою и сестрою изъ Преображенскаго въ Троицкую Лавру, въ слѣдствіе предостерегательнаго извѣстія четырехъ чиновниковъ изъ Стремяннаго Полка, до крайности смутилъ Шакловитаго и его соумышленниковъ. Не меньше ихъ смутилась и Правительница, узнавъ, что, по призыву Петра, собрались въ монастырѣ служивые люди изъ ближайшихъ городовъ, и что всѣ именитые бояре и дворяне равномѣрно отправились туда же (5). Однако Софія Алексѣевна все еще надѣялась кончить дѣло миролюбиво, и потому упросила патріарха быть посредникомъ въ примиреніи ея съ братомъ. Іоакимъ, дѣйствительно, отправился къ Петру, но когда узналъ подробности замысла, когда убѣдился, что и самъ могъ быть низверженъ, тогда призналъ за лучшее не возвращаться въ Москву. Послѣ этого, Царевна рѣшилась сама ѣхать, съ нѣкоторыми изъ своихъ сестеръ, и, какъ бы для доказательства своей невинности, взяла икону Спасителя. Она остановилась въ селѣ Воздвиженскомъ, желая непремѣнно видѣться съ Царемъ, но Петръ прислалъ къ ней сначала комнатнаго стольника Ивана Бутурлина, а потомъ боярина Ивана Борисовича Троекурова съ рѣшительнымъ словомъ, чтобы она не являлась въ монастырь, иначе будетъ поступлено съ нею нечестно (6). Царевна поспѣшно воротилась въ Москву.

---

(1) Собр. грам. и догов. ч. IV № 188. — (2) Труды и лѣтоп. Общества исторіи древностей при Москов. Универс. ч. VII стр. 75—78.—(3) Подробн. лѣтоп. ч. IV стр. 135. — (4) См. Жизнеоп. Царицы Наталіи Кирилловны въ этомъ изданіи, и Подробн. лѣтоп. ч. IV стр. 136—137.— (5) Подробн. лѣтоп. ч. IV стр. 138—139. — (6) Записки Матвѣева стр. 54.

Вскорѣ потомъ, пріѣхали къ Правительницѣ бояринъ Петръ Васильевичъ меньшой Шереметевъ и стрѣлецкій подполковникъ Иванъ Нечаевъ, съ требованіемъ выдачи Шакловитаго, который укрывался въ ея комнатахъ. Царевна долго упорствовала, оправдывала начальника стрѣльцовъ; потерявъ наконецъ надежду спасти Шакловитаго, она приказала пріобщить его Святыхъ Таинъ, и со слезами выдала подполковнику. 7 сентября 1689 года Цари устранили Софію Алексѣевну отъ правленія, и повелѣли не писать ея имени въ указахъ [1]. Царь Петръ Алексѣевичъ приказалъ объявить сестрѣ, чтобы она добровольно удалилась въ монастырь; но Царевна не торопилась послѣдовать этому совѣту, и даже хотѣла, какъ говорятъ, уѣхать въ Польшу [2]. Видя ея упорство, Петръ послалъ въ Москву боярина князя Троекурова, съ непремѣннымъ повелѣніемъ отвезти Царевну въ Новодѣвичій Монастырь. Простившись со своими сестрами, Софія Алексѣевна принуждена была повиноваться волѣ своего царственнаго брата. Охраненіе ея Государь поручилъ комнатному ближнему стольнику, князю Ѳедору Юрьевичу Ромодановскому. Передъ монастыремъ поставленъ былъ крѣпкій караулъ изъ потѣшныхъ солдатъ Преображенскаго Полка [3].

Къ несчастію, Царевна Софія не успокоилась и въ стѣнахъ монастырскихъ. Не смотря на строгій присмотръ, она имѣла многихъ тайныхъ сообщниковъ, знала все, что происходило при Дворѣ, и не переставала строить ковы противъ Петра. Въ 1693 году, нѣсколько стрѣльцовъ подкопались подъ келью, гдѣ жила Царевна, проломали полъ, и подземнымъ ходомъ вывели заключенную, чтобы произвести возстаніе. Эта отважная попытка не удалась [4]. Въ 1697 году, когда отправленіе Петромъ въ иноземныя государства боярскихъ дѣтей раздражило приверженцевъ старины, Царевна поспѣшила воспользоваться столь благопріятнымъ случаемъ и опять вступила въ переговоры со стрѣльцами. Злоумышленники, руководимые думнымъ дворяниномъ Иванъ Цыклеромъ, окольничимъ Алексѣемъ Соковнинымъ и стольникомъ Алексѣемъ Пушкинымъ, условились зажечь домы по близости дворца и во время пожара убить Государя [5]. И этотъ умыселъ былъ открытъ. Наконецъ, въ слѣдующемъ году (1698), когда Петръ путешествовалъ за границею, Софія снова возмутила стрѣльцовъ, распустивъ слухъ, будто Царь скончался за моремъ. 18 іюня мятежники были разбиты Шепнымъ и Гордономъ подъ Воскресенскимъ Монастыремъ, а 25 августа Государь поспѣшно прибылъ въ Москву, и, по произведеніи слѣдствія, убѣдился въ виновности сестры своей. Стрѣльцы признались, что были въ перепискѣ съ Царевною, получая и отсылая письма запеченными въ хлѣбѣ, чрезъ посредство нищей старухи, и хотѣли зажечь Москву, истребить иноземцевъ и возвести на престолъ, до совершеннолѣтія Царевича Алексѣя Петровича, Софію Алексѣевну [6]. Въ первомъ порывѣ справедливаго гнѣва, Государь хотѣлъ наказать сестру за ея неоднократныя преступныя покушенія по всей строгости законовъ, но, по убѣжденію Лефорта, оставилъ это намѣреніе. *Она возставала на мою жизнь, когда ей не было и четырнадцати лѣтъ*, сказалъ Петръ своему любимцу.—*Пусть такъ*, отвѣчалъ Лефортъ, *но Вы не должны осуждать ее на казнь, если не почитаете месть дороже славы; Туркамъ и варварамъ свойственно обагрять руки въ крови близкихъ, христіанскому же Государю должно имѣть другія чувства.*—Тронутый монархъ, обнявъ Лефорта, сказалъ: *я прощаю ее*, и вмѣстѣ съ нимъ поѣхалъ въ Новодѣвичій Монастырь. Сильно упрекалъ Петръ Софію въ преступныхъ дѣйствіяхъ, заставилъ ее плакать и самъ не могъ удержаться отъ слезъ; не смотря на то, краснорѣчивая Царевна не хотѣла сознаться, опровергала самыя ясныя улики, и едва не увѣрила брата въ своей невинности. При выходѣ изъ монастыря, Государь, обратясь къ Лефорту, произнесъ: *Софія очень умна, но жаль, что у нея злое сердце* [7].

Царевна Софія Алексѣевна скончалась 3 іюля 1704 года, и погребена въ Новодѣвичьемъ Монастырѣ. Въ надгробной надписи начертано: *1704 года іюля 3 дня преставися раба Божія Государя Царя Алексѣя Михайловича и Государыни Царицы Маріи Ильиничны дщерь ихъ Софія Алексѣевна; отъ рожденія ей было 46 лѣтъ 9 мѣсяцевъ и 16 дней, во иночествѣ была 5 лѣтъ осмь мѣся-*

---

[1] Собр. грам. и догов. ч. IV стр. 611.—[2] Житіе и славныя дѣла Петра Великаго, Венеція, 1772, ч. I стр. 181.—[3] Записки Матвѣева стр. 57.—[4] Любопытныя и достопамятныя сказанія о Петрѣ Великомъ, собранныя *Я. Штелинымъ* стр. 26 и слѣд. — Штелинъ говоритъ, что это происшествіе разсказывалъ ему фельдмаршалъ князь Иванъ Юрьевичъ Трубецкой, который былъ тогда капитаномъ Преображенскаго Полка и начальникомъ караула въ монастырѣ. См. также Дѣянія Петра Великаго Т. I. стр. 82 втораго изд.—[5] Дѣянія Петра Великаго Т. I стр. 103, втораго изданія.—[6] Житіе и славныя дѣла Петра Великаго ч. I стр. 232—233.—[7] Дополн. къ Дѣяніямъ Петра Великаго Т. I стр. 570, втораго изданія.

цевъ и 12 дней: во иноческихъ наречено было ей имя Сусанна, а въ схимонахиняхъ переименовано и дано имя ей Софія (1).

Въ продолженіе семи съ половиною лѣтъ самодержавнаго правленія, Царевна Софія неоднократно имѣла случай обнаружить свой основательный умъ и государственныя дарованія. Писцовый наказъ о межеваніи земель, о разборахъ по сортамъ людей и войска, о распредѣленіи дворцовыхъ черно-слободскихъ мѣстъ и бѣломѣстныхъ дворовъ, корчемный уставъ и до ста пятидесяти указовъ о земскихъ и другихъ дѣлахъ, остались памятниками ея многосторонней дѣятельности и прозорливости. Самъ Петръ, всегда и во всемъ строгій и безпристрастный судья, отдавалъ справедливость ея уму и способностямъ. Все заставляетъ предполагать, что Царевна въ бесѣдахъ съ просвѣщеннымъ братомъ своимъ, Царемъ Ѳеодоромъ Алексѣевичемъ, и быть можетъ, подъ руководствомъ Симеона Полотскаго, обогатила свой природный умъ познаніями и ознакомилась съ ходомъ государственныхъ дѣлъ. Во многихъ случаяхъ, она шла наперекоръ древнимъ обычаямъ и закоренѣлымъ предразсудкамъ, тяготѣвшимъ въ допетровской Россіи надъ женщинами. Ободренная примѣромъ Царицы Наталіи Кириловны, которая стала являться народу (2), Софія Алексѣевна поступала еще рѣшительнѣе: она не только разговаривала съ боярами безъ застѣнчивости, но давала даже аудіенціи иноземнымъ посламъ, открыто выходила передъ народъ и стрѣльцовъ, и допускала къ себѣ людей чиновныхъ и простыхъ ратниковъ (3). Академія, основанная въ Москвѣ Царемъ Ѳеодоромъ Алексѣевичемъ, начала свою жизнь подъ ея покровительствомъ (4). 21 января 1685 года, Царевна утвердила дарованную сему высшему учебному заведенію покойнымъ Государемъ привилегію, которая была поднесена ей при стихахъ монаха Сильвестра Медвѣдева. Въ этомъ длинномъ привѣтствіи (оно состоитъ изъ *двухъ сотъ тридцати четырехъ* силлабическихъ стиховъ) изображается любовь Софіи Алексѣевны къ просвѣщенію. Они могутъ отчасти служить характеристикою Царевны, начертанною современникомъ (5).

Любительница театра, Царевна Софія Алексѣевна устраивала въ своихъ покояхъ драматическія представленія, и при ней, въ первый разъ, была разыграна первая недуховная драма, Мольеровъ *Лекарь по неволѣ*, переведенный при Царѣ Ѳеодорѣ Алексѣевичѣ. Полагаютъ, что она и сама занималась литературою, и даже писала драматическія піесы. Карамзинъ говоритъ, что онъ читалъ въ рукописи одну изъ драмъ Царевны, и прибавляетъ, что Софія Алексѣевна могла бы занять мѣсто между лучшими писательницами, если бы просвѣщенный вкусъ управлялъ ея воображеніемъ (6). Ей приписываются слѣдующіе стихи, вырѣзанные подъ гравированнымъ портретомъ князя В. В. Голицына къ гербу его, изображающему всадника на конѣ:

Камо (куда) *бѣжиши, воинъ избранный,*
Многажды славне честію вѣнчанный!
Трудовъ сицевыхъ и воинской брани,
Вѣчно ты славы дотекше, престани.
Не ты, но образъ князя преславнаго
Во всякихъ странахъ, здѣ начертаннаго,
Отнынѣ будетъ славою сіяти,
Честь Голицыновъ вездѣ прославляти (7).

По крайней мѣрѣ, не подлежитъ сомнѣнію, что дочь мудраго Царя Алексѣя Михайловича отличалась необыкновенною, по тогдашнему вѣку, любознательностію, и что умъ ея жаждалъ просвѣщенія. Тѣмъ больше должно сожалѣть, что до насъ дошли вообще немногія подробности о ея жизни. Раскольники-поморяне хвалятся, что у нихъ въ монастырѣ хранятся собственноручныя письма Царевны Софіи къ Андрею Денисову (изъ рода князей Мышецкихъ), преемнику перваго основателя поморскаго скита. Хотя содержаніе писемъ не извѣстно, но, по всей вѣроятности, переписка

(1) Древн. Вивліоѳ. ч. XI стр. 241.—(2) См. жизнеоп. Царицы Наталіи Кириловны въ этомъ изданіи.—(3) Опытъ повѣств. о Древн. Русскихъ *Успенскаго* ч. I стр. 109.—(4) См. жизнеоп. Царя Ѳеодора Алексѣевича въ этомъ изданіи.—(5) Древн. Рос. Вивліоѳ. ч. IV стр. 391—397.—(6) Соч. Карамзина т. I стр. 570, изд. *А. Смирдинымъ*. — (7) Труды и лѣтописи Общества исторіи и древн. при Москов. Унив. ч. VII стр. 84.

имѣла предметомъ козни противъ Петра, такъ какъ раскольники особенно были раздражены на великаго Государя-Преобразователя (1). Преданіе завѣщало лишь два характеристическіе случая изъ жизни Софіи Алексѣевны.

Однажды, въ великій постъ, Царевна ѣхала въ Новодѣвичій Монастырь. Увидѣвъ по дорогѣ плачущаго человѣка, который держалъ въ рукѣ челобитную, она остановилась, подозвала его къ себѣ и спросила, въ чемъ его просьба. Челобитчикъ отвѣчалъ, что онъ бѣдный и разоренный дворянинъ, подавалъ просьбу судьѣ Беклемишеву на богатаго помѣщика, виновника своего несчастія, но, вмѣсто правосуднаго разбора дѣла, былъ выгнанъ изъ приказа. Царевна немедленно послала за судьею, а челобитчику велѣла слѣдовать за своею каретою. Когда судья явился, Правительница стала ему говорить о священной обязанности блюстителя правосудія и о защитѣ неправедно притѣсняемыхъ. Судья со страхомъ ожидалъ окончанія рѣчи Государыни, но, услышавъ неправедный на себя извѣтъ, отвѣчалъ смѣло, что проситель есть извѣстный всѣмъ ябедникъ, никогда нигдѣ не служилъ, а занимается единственно ложными доносами, и, перенося дѣла изъ одного приказа въ другой, старается запутать ихъ до безконечности. Царевна спросила челобитчика, для чего онъ не въ походѣ? имѣетъ ли помѣстье? Узнавъ, что у него есть помѣстье, а въ службѣ не былъ за своими разореніями и убожествомъ, Софія Алексѣевна сказала: *Когда ты Богу и намъ не вѣренъ и за пожалованное тебѣ помѣстье служить не хочешь, то ты и ни въ чемъ ни грѣха, ни стыда не знаешь.* По ея повелѣнію, думный дьякъ Семеновъ навелъ справки во всѣхъ приказахъ о количествѣ дѣлъ просителя; оказалось, что ихъ было больше тридцати. Царевна приказала записать ябедника въ стрѣлецкій полкъ съ подтвержденіемъ, что если онъ и впредь будетъ продолжать свое постыдное ремесло, то, по уликѣ, подвергнется, безъ доклада, жестокому наказанію.

Другой случай. Одинъ дворянинъ подалъ просьбу на своего сосѣда въ томъ, что онъ, построенною мельницею, потопилъ будто бы у него нѣсколько десятинъ луга, поморилъ множество скота и причинилъ убытка до тысячи рублей. Правительница, разсмотрѣвъ челобитную, повелѣла спустить мельницу и вымѣрять потопленную землю. Оказалось, что было потоплено не больше полудесятины, и то осоки, а скота пало въ три года только двѣ овцы и одна корова. Въ слѣдствіе того, Царевна дала указъ, у отвѣтчика взять изъ его луговъ вдвое потопленнаго и отдать челобитчику, а съ челобитчика, взыскавъ весь лишній искъ, отдать отвѣтчику (2).

« По уму и свойствамъ души своей, говоритъ Карамзинъ, Царевна Софія достойна была называться сестрою Петра Великаго, но, ослѣпленная властолюбіемъ, хотѣла одна повелѣвать, одна царствовать, и наложила на историка печальный долгъ быть ея обвинителемъ» (3).

Я. Трупповъ.

---

(1) Полное историческое извѣстіе о старообрядцахъ, протоіерея *Андрея Іоаннова*. С. Пб. 1794 стр. 55. — (2) Дѣянія Петра Великаго ч I стр. 65, втораго изданія— (3) Соч. Карамзина, изд. *А. Смирдинымъ* т. I стр. 570.

Въ Типографіи II Отдѣленія Собственной Е. И. В. Канцеляріи. Печатать позволяется. С. Петербургъ, Іюня 20 дня 1853 г. Цензоръ *А. Фрейгангъ*.

Печат: д'Арленгъ. Съ портр: находящ: въ ИМП. Романовской Галлерее. Изд: Г. К. Фридебургъ.

Екатерина

ЕКАТЕРИНА ІОАННОВНА

Дочь Царя Іоанна Алексѣевича.

Родилась 24 Октября 1691 года.
Вступила въ супруже-
ство 8 Апрѣля 1716 года.

Скончалась 24 Іюля 1733 года.
Погребена въ Благовѣщенской Церкви С. Петер-
бургскаго-Александро-Невскаго Монастыря.

Печатать позволяется.
С. Петербургъ Іюня 16 дня 1856 года.
Цензоръ А. Фрейганъ.

Съ портр: находящ: въ ИМП: РОМ: Галлереѣ

Печат. д'Арленгъ. Изд. Г. К. Фридебургъ

Царевна Прасковья

ПРАСКЕВІЯ ІОАННОВНА

дочь Царя Іоанна Алексѣевича.

Родилась 24 Сентября 1695 г.
Скончалась 19 Октября 1731 г.

Погребена въ Московскомъ Вознесенскомъ дѣвичьемъ Монастырѣ.

Печатать позволяется
С. Петербургъ Марта 12 дня 1856 г.
Цензоръ А. Фрейгангъ.

Рис на кам. В. Ульрихъ.

Печ: д' Арменгъ. Компан: съ портр: ИМП. Романовской Галлереи. Издъ. Г. К. Фридебургъ.

Петръ

ПЕТРЪ ВЕЛИКІЙ

Императоръ и Самодержецъ Всероссійскій.

Родился 30 Мая 1672 года.
Вступилъ на Престолъ
28 Апрѣля 1682 года.

Скончался 28 Января 1725 года
Погребенъ въ С. Петербургскомъ-
Петро-Павловскомъ Соборѣ.

Печатать позволяется
С. Петербургъ, Января 19 дня 1855 г.
Цензоръ А. Фрейгангъ.

Печат: д'Арленгъ. Съ портрета наход: въ Москов: Новодѣвич: Монастырѣ. Изд Г. К. Фридебургъ.

Бабка вашего благословения пасынкою
царица

ЕВДОКІЯ ѲЕОДОРОВНА урожд: ЛОПУХИНА

въ монашествѣ

ЕЛЕНА.

Первая супруга Императора Петра I.

Родилась 30 Іюля 1669 года
Вступила въ супружество 27 Января 1689 г.

Скончалась 27 Августа 1731 г.
Погребена въ Московскомъ Вознесенскомъ дѣвичьемъ Монастырѣ.

Печатать позволяется
С. Петербургъ 26 Февраля 1854 г.
Ценсоръ А. Фрейганъ

ЦАРИЦА

ЕВДОКІЯ ѲЕОДОРОВНА,

ВЪ МОНАШЕСТВѢ ЕЛЕНА,

УРОЖДЕННАЯ

ЛОПУХИНА,

ПЕРВАЯ СУПРУГА ЦАРЯ ПЕТРА АЛЕКСѢЕВИЧА.

Евдокія Ѳеодоровна, урожденная Лопухина, происходила изъ древняго дворянскаго дома, ведущаго свой родъ отъ Касожскаго князя Редеди или Редеги, который былъ убитъ, на единоборствѣ съ княземъ Мстиславомъ Владиміровичемъ, въ 1022 году. Потомокъ Редеги, въ девятомъ колѣнѣ, назывался Василій Лопуха (1).

Съ половины XIV столѣтія, имя Лопухиныхъ является въ оффиціальныхъ бумагахъ, по болѣе извѣстное богатствомъ, чѣмъ по величію сана. Отецъ Царицы, (Ѳеодоръ) (2) Иларіонъ Авраамовичъ, служилъ, долгое время, воеводою въ разныхъ городахъ и только послѣ супружества дочери своей съ Царемъ Петромъ Алексѣевичемъ, былъ первый въ своемъ родѣ, пожалованный честью боярства. У него былъ одинъ сынъ Авраамъ Ѳеодоровичъ, казненный (9 Декабря 1718 г.) по суду надъ Царевичемъ Алексѣемъ Петровичемъ (3), и три дочери: Анастасія Ѳеодоровна, въ замужствѣ за Княземъ Иваномъ Борисовичемъ Троекуровымъ, Евдокія Ѳеодоровна, о которой здѣсь говорится, и Ксенія Ѳеодоровна, за Княземъ Борисомъ Ивановичемъ Куракинымъ.

День рожденія Евдокіи Ѳеодоровны съ точностію не извѣстенъ; одни полагаютъ его 30 Іюля 1669 г. (4), другіе—29 Мая 1670 г. (5) и наконецъ третьи – 30 Іюня 1670 г. (6).

О первыхъ годахъ ея молодости нѣтъ также ничего положительнаго; вѣроятно, впрочемъ, что подобно всѣмъ боярышнямъ древняго русскаго быта, она провела ихъ въ дѣвичьихъ теремахъ, въ патріархальной простотѣ, подъ надзоромъ мамушекъ и няпюшекъ, вышивая свое приданое и гадая о суженомъ. Безпечно проводя такъ дѣтство и первые годы юности, среди родительскихъ попеченій, Евдокія Ѳеодоровна никогда не воображала о той высокой и затѣмъ тяжкой долѣ, которая ей предназначалась въ будущемъ.

Родственныя связи Лопухиныхъ съ Князьями Троекуровыми, которые были всегда въ самыхъ дружественныхъ отношеніяхъ съ царственнымъ домомъ Романовыхъ, сблизили съ послѣднимъ и домъ Ло-

---

(1) Гербовникъ, Т. III, О. 1, № 8.—(2) Сталъ именоваться Ѳеодоромъ послѣ брака дочери своей съ Царемъ Петромъ Алексѣевичемъ. Журн. Мин. Нар. Просв.— (3) Жизнеоп. Царевича Алексѣя Петровича въ этомъ изд. — (4) Мальгинъ. Ядро Россійской Исторіи, стр. 523.—(5) Histoire impartiale d'Eudoxie Theodorowna, p. 2.—(6) Родословный Сборникъ Кн. П. В. Долгорукова, Т. II, стр. 58.

пухлыхъ. Необыкновенная красота юной Евдокіи Ѳеодоровны обратила вниманіе Царицы Наталіи Кирилловны и когда пылкость и мужественность 18-лѣтняго сына ея, Царя Петра Алексѣевича, побудили ее пріискать ему достойную супругу, то выборъ сей палъ на дѣвицу Евдокію Ѳеодоровну, бывшую тогда въ 20-лѣтнемъ возрастѣ.

Евдокія Ѳеодоровна была представлена Царю, и, вскорѣ послѣ того (27 Января 1689 г.), въ Москвѣ, отпразднована ихъ свадьба, съ большимъ великолѣпіемъ [1]. Обрядъ сей совершенъ въ церкви Св. Апостоловъ Петра и Павла, духовникомъ Царскимъ, Протопопомъ Меркуріемъ, въ 8 ч. по полудни [2].

Несмотря на то, что Царь Петръ Алексѣевичъ былъ двумя годами моложе своей супруги, первое время ихъ брачной жизни прошловесьма счастливо. Рожденіе двухъ сыновей: Алексѣя и, чрезъ 3 года, Александра, послѣ которыхъ у нихъ дѣтей уже не было, казалось, должно было еще болѣе скрѣпить ихъ взаимное согласіе, но судьба рѣшила иначе. Съ смертію Царевича Александра (1693 года), начался длинный рядъ несчастій для Царицы Евдокіи Ѳеодоровны, который, съ немногими отрадными минутами, окончился только ея смертью; впрочемъ, виновницею почти всѣхъ этихъ несчастій была сама Царица Евдокія Ѳеодоровна, какъ это и видно изъ ея жизнеописанія.

Частыя отлучки Царя Петра Алексѣевича въ Нѣмецкую слободу, гдѣ жили тогда сотрудники его великихъ дѣлъ Лефортъ, Гордонъ и многіе другіе, и за тѣмъ слухи о вниманіи тамъ Царя къ дочери виноторговца, дѣвицѣ Монсъ, были началомъ семейнаго неудовольствія; слезы и упреки встрѣчали Петра, при его возвращеніи изъ Нѣмецкой слободы. Князь Меншиковъ и Лефортъ, ближайшіе сподвижники Царя, подверглись также нерасположенію къ нимъ Царицы и даже ея оскорбленіямъ [3]. Какъ ни старалась Наталія Кирилловна внушить Евдокіи Ѳеодоровнѣ о привлеченіи супруга угожденіями и ласками, все было напрасно. Ослѣпленная Царица не внимала благоразумнымъ совѣтамъ и въ минуты ревности забывала часто, что говоритъ своему Царю и повелителю [4].

Не взирая на все это, Государь не обвинялъ свою супругу, и, приписывая ревность чрезмѣрной ея любви, извинялъ ее снисходительно до тѣхъ поръ, пока эти несогласія имѣли характеръ семейной ссоры [6]; но, къ несчастію, они вскорѣ приняли характеръ политическій. Обвиняя Нѣмцевъ и приверженцевъ нововведеній въ охлажденіи къ себѣ супруга, Евдокія Ѳеодоровна возненавидѣла ихъ всѣхъ и, подстрекаемая поклонниками старыхъ обычаевъ, въ числѣ которыхъ были ея родные и братъ Авраамъ Ѳеодоровичъ, не пропускала случая вредить имъ явно или тайно. Какъ ни больно было великому преобразователю видѣть столь грубое заблужденіе Царицы, но, уважая въ ней спутницу своей жизни, дарованную ему Богомъ, онъ великодушно щадилъ ее, надѣясь, что со временемъ она его пойметъ и оцѣнитъ.

Не сбылись однако эти ожиданія и вскорѣ Царь Петръ Алексѣевичъ встрѣтилъ въ своей супругѣ самую упорную противницу всѣхъ его великихъ начинаній, пользу которыхъ для Россіи могли тогда понимать только онъ и весьма немногіе.

Послѣдній стрѣлецкій бунтъ, въ которомъ участвовали почти всѣ приближенные и приверженцы Царицы Евдокіи Ѳеодоровны, открылъ, что сама Царица не была чужда козней, противъ Государя затѣваемыхъ; тогда только Петръ, съ сокрушеннымъ сердцемъ, рѣшился дѣйствовать по строгости законовъ, дабы тѣмъ еще болѣе доказать подданнымъ свое безпристрастіе.

Послѣ казни главныхъ зачинщиковъ, въ концѣ 1698 года, Царица Евдокія Ѳеодоровна была отправлена, съ окольничимъ Семеномъ Ивановичемъ Языковымъ [5], въ Суздальскій Покровскій монастырь, гдѣ, по указу Царя, съ нея сняли санъ Царицы и, по постриженіи въ монашество, наречено сей имя Елена [7].

---

(1) Голикова, Дѣянія Петра Великаго, Т. I, стр. 49.—(2) Сказаніе Русскаго народа, Сахарова, Т. II, кн. 6, стр. 100.—(3) History of Peter the freat by Gordon, T. II, p. 280—282. — (4) Busching's Magasin, T. III, s. 195. —(5) Basseville, Histoire de Lefort.—Голикова, Дѣянія Петра Великаго, Т. V, стр. 212.—(6) Записки Желябужскаго, Т. I, стр. 124.—(7) Дѣянія Петра Великаго, соч. Голикова, изд. второе, Т. VII, стр. 42. Манифестъ или объявленіе, которое чтено въ столовой палатѣ при освященномъ соборѣ Его Царскаго Величества, при министрахъ, прочихъ духовнаго и гражданскаго чина людѣхъ, лѣта 1718 Марта въ 5 день. Манифестъ этотъ сдѣлался библіографическою рѣдкостью; большая часть экземпляровъ его уничтожена по приказанію Императора Петра II. — Voltaire, Histoire de Pierre le Grand. ch. X. — Busching's Anmerkungen zu der deutchen Uebersetzung von Voltair's Geschichte des Russichen Reich's unter Peter der Grossen, T. II, s. 85—88.

Впрочемъ, заключенная въ монастырь, старица Елена пользовалась полною свободою до тѣхъ поръ, пока, по легкомыслію своему, не употребила ее во зло.

Вступивъ въ монастырь, противъ собственнаго побужденія, съ самыми печальными ожиданіями въ будущемъ, старицѣ Еленѣ тяжко было отказаться отъ свѣтскихъ наслажденій, а тѣмъ болѣе отъ царскаго величія. Убитая горемъ, съ затаеннымъ чувствомъ нерасположенія къ бывшему своему супругу, она искала утѣшенія въ бесѣдахъ съ архимандритомъ Спасо-Ефимьевскаго монастыря Досиѳеемъ, въ послѣдствіи Епископомъ Ростовскимъ, человѣкомъ вкрадчивымъ, честолюбивымъ и неблагонамѣреннымъ.

Досиѳей, замѣтивъ суевѣріе старицы, не замедлилъ воспользоваться ея слабостію и, подъ личиною участія къ бѣдственному ея положенію, увѣрилъ ее, въ видѣ предсказанія, что вскорѣ нестанетъ Царя Петра Алексѣевича и на престолѣ Всероссійскомъ будетъ царствовать сынъ ея, Царевичъ Алексѣй Петровичъ вмѣстѣ съ нею [1].

Обольстительныя эти надежды ласкали сердце легкомысленной старицы; она охотно всему вѣрила и, по убѣжденію Досиѳея, вскорѣ, скинувъ монашеское платье, облачилась въ свѣтское [2]; за тѣмъ, какъ бы по праву Царской супруги, она стала принимать къ себѣ кого и когда хотѣла, не подчиняясь монастырскому уставу и, поступая полновластно, велѣла на эктеніяхъ, не взирая на государево запрещеніе, поминать себя Царицею [3].

Въ этотъ же періодъ времени, и именно въ 1709 или 1710 году, она, чрезъ духовника своего Ѳеодора Пустыннаго и старицу Капителину, при ней находившуюся, познакомилась съ Генералъ-Маіоромъ Степаномъ Богдановичемъ Глѣбовымъ, бывшимъ въ то время въ Суздалѣ, для рекрутскаго набора. Глѣбовъ, какъ приверженецъ старины и самый жестокій гонитель нововведеній, не любилъ своего Государя; согласуясь такимъ образомъ съ чувствами бывшей Царицы, онъ пріобрѣлъ самое живое ея къ себѣ расположеніе, такъ, что забывъ приличіе монастырской жизни, она принимала его безвременно и въ послѣдствіи находилась съ нимъ въ перепискѣ.

Всѣ осмѣливавшіеся замѣтить старицѣ Еленѣ непристойное ея въ монастырѣ житіе, подвергались не только ея неудовольствію, но и гоненію; самоуправство ея дошло до того, что протопопъ Симеонъ и монастырскій управитель Сурминъ подверглись за то, по собственному ея распоряженію: первый — постриженію въ монашество, а послѣдній—удаленію отъ управленія монастыремъ [4]; послѣ чего никто уже не рѣшался дѣлать ей замѣчаній.

Между тѣмъ срокъ предсказанію наступилъ, но оно не исполнялось; тогда Епископъ Досиѳей, для отвлеченія недовѣрія, сталъ увѣрять старицу, что причиною неисполненія предсказанія были грѣхи ея родителя Ѳеодора Авраамовича.—Ослѣпленная блестящею своею будущностію и свободною жизнію въ монастырѣ, старица легко вдавалась въ обманъ и, по совѣту Досиѳея, въ теченіе еще многихъ послѣдующихъ лѣтъ, дѣлала большія денежныя и другія пожертвованія, для принощенія молитвъ [5], какъ за спасеніе души своего родителя, такъ и для скорѣйшаго исполненія предсказанія; но годы проходили, а предсказаніе не сбывалось.

Такъ наступилъ 1716 годъ; Государь былъ заграницею и въ это время вспыхнулъ заговоръ многихъ недовольныхъ, непонимавшихъ мудрыхъ преобразованій Великаго Монарха. Пользуясь его отсутствіемъ,

---

[1] Дѣянія Петра Великаго, соч. Голикова, изд. второе, Т. VII, стр. 45.—[2] Голиковъ, въ дѣяніяхъ Петра Великаго, Т. VI, стр. 23, говоря о суевѣріи Царицы Евдокіи Ѳеодоровны, разсказываетъ слѣдующій анекдотъ: «Однажды пришелъ къ Царицѣ какой-то монахъ, родомъ Грекъ, и разсказалъ, что возвращается отъ святыхъ мѣстъ и несетъ часть срачицы Пресвятой Богородицы, купленную имъ за дорогую цѣну; въ доказательство ея святости, онъ предлагалъ бросить ее въ огонь и она не сгоритъ. — Огонь былъ принесенъ, срачица брошена въ него, при Патріархѣ и многихъ высшихъ духовныхъ чинахъ, приглашенныхъ Царицею, и, къ удивленію всѣхъ, вынута не только цѣла и невредима, но и бѣлѣе прежняго; вслѣдствіи сего Царица дала за нее огромную сумму денегъ. Все это происходило въ отсутствіе Царя Петра Алексѣевича, по его же возвращеніи обнаружилось, что Царица была обманута. Срачица была изъ горнаго льна».—[3] Дѣянія Петра Великаго, соч. Голикова, изд. второе, Т. VII, стр. 42.—[4] Манифестъ или объявленіе, чтенное 1718 г. Дѣянія Петра Великаго, соч. Голикова, изд. второе, Т. VII, стр. 44. —[5] Тамъ же, стр. 45. Манифестъ или объявленіе, чтенное 1718 г. Марта 5 дня.

возмутители убѣдили Царевича Алексѣя Петровича бѣжать къ своему свояку, Римскому Цесарю, Императору Карлу VI и ожидать тамъ движенія дѣлъ въ Россіи въ свою пользу, или смерти Государя [1].

Съ радостію приняла старица извѣстіе о бѣгствѣ сына и, предполагая въ томъ исполненіе сдѣланнаго ей Досиѳеемъ предсказанія, съ нетерпѣніемъ ожидала благопріятныхъ для себя послѣдствій; но, къ счастію Россіи, заговоръ не удался: народъ и войско остались вѣрными своему долгу и присягѣ, а самъ несчастный Алексѣй Петровичъ, выданный Цесаремъ, былъ привезенъ въ Москву въ Февралѣ 1718 года [2].

Въ это самое время Государю сдѣлалось извѣстнымъ о непристойной жизни въ монастырѣ бывшей его супруги, старицы Елены. По приказанію его, произведено было о томъ изслѣдованіе и старица была привезена въ Москву, подъ присмотромъ гвардіи Капитанъ-поручика Скорнякова-Писарева [3].

Недоѣзжая Москвы, она, чувствуя свою вину, отъ 15 Февраля написала письмо Царю, гдѣ, винясь въ своихъ проступкахъ, униженно просила избавить ее отъ постыдной казни [4]. Письмо это осталось безъ отвѣта, но, какъ кажется, произвело желаемое дѣйствіе.

Вскорѣ открылись засѣданія двухъ отдѣльныхъ верховныхъ судовъ [5]. Первый, учрежденный надъ Царевичемъ Алексѣемъ Петровичемъ, переведенъ былъ въ Петербургъ [6]. Другой надъ старицею Еленою, распорядившійся взятіемъ подъ стражу всѣхъ ея приверженцевъ, остался въ Москвѣ [7]. Обвинительными актами противъ подсудимыхъ были: письма старицы Елены къ Степану Богдановичу Глѣбову, найденный у сего послѣдняго проектъ воззванія къ Русскому народу и письма Епископа Досиѳея къ Царевнѣ Маріи Алексѣевнѣ [8]. Напрасно Глѣбовъ не сознавался ни въ чемъ; виновность его была обнаружена и приговоръ воспослѣдовалъ скоро.

15 Марта совершена казнь надъ злоумышленниками; Епископъ Досиѳей, соборомъ Архіереевъ Россійскихъ и Греческихъ, лишенный святительскаго сана, исключенъ изъ иночества и, подъ мірскимъ именемъ Демида, вмѣстѣ съ Глѣбовымъ и многими другими, лишены жизни. Старица же Елена, по великодушію Царя, была предана духовному суду, который, даровавъ ей жизнь, назначилъ наказаніе монастырское и заключеніе въ Ново-Ладожскій дѣвичій монастырь [9].

Семь тяжкихъ лѣтъ провела она въ этомъ новомъ заключеніи, подъ самымъ строгимъ надзоромъ, но Провидѣніе готовило ей еще новое, болѣе тяжкое испытаніе.

28 Января 1725 года не стало Петра Великаго, и старица Елена узнала о его смерти только по послѣдовавшему приказанію новой Императрицы, перемѣстить ее въ Шлюссельбургскую крѣпость [10], гдѣ она была помѣщена въ большой деревянной башнѣ. Строгость не только извинительная, но даже необходимая въ тѣ смутныя времена. [11].

Забытая всѣми, сама едва помня свѣтъ, старица не надѣялась уже выйдти, когда либо, изъ этого заключенія и ждала только смерти, какъ избавленія отъ всѣхъ несчастій.

Вдругъ отворяются двери ея темницы, толпа придворныхъ наполняетъ ея комнату, одни поздравляютъ ее съ свободою, другіе подносятъ ей богатые подарки, Комендантъ проситъ перейти въ занимаемый имъ домъ и всѣ наперерывъ готовы предугадывать малѣйшія ея желанія. Пораженная столь неожиданною перемѣною, старица долго не могла опомниться и сознать совершившагося надъ нею очарованія. Наконецъ она узнала, что Императрица Екатерина I скончалась, и что на Всероссійскій Престолъ возсѣлъ внукъ ея, 12-лѣтній Императоръ Петръ II Алексѣевичъ.

---

[1] См. жизнеоп. Царевича Алексѣя Петровича въ этомъ изд.—[2] Тамъ же.—[3] Дѣянія Петра Великаго, соч. Голикова, изд. второе, Т. VII, стр. 42.—[4] Тамъ же стр. 42, 43. — [5] Webers veränderte Russland. T. I, s. 242. — [6] См. жизнеоп. Царевича Алексѣя Петровича въ этомъ изд.—[7] Дѣянія Петра Великаго, соч. Голикова, Т. VII, стр. 43, 44.—[8] Манифестъ или объявленіе, чтенное 1718 г. марта 5 дня.—Webers veränderte Russland T. I, s. 244 — 246. — [9] Büsching's Anmerkungen zu der deutschen Uebersetzung von Voltair's Geschichte, T. I, s. 85—88.—Materialen zu der Russischen Geschichte zeit dem Tode Kaisers Peters der Grossen, Schmidt Phiseldecks, Riga. 1777, T. I, s. 356—360. — Голикова, Дѣянія Петра Великаго, Т. VII, стр. 49. — [10] Mater. zu der Rus. Gesch. von Schmidt Phiseld. T. I, s. 356—360. Busch. Anmer. zu der deut. Ueberset. von Voltair's Geschichte, T. I, s. 85—88. —[11] Записки Берхгольца.

Юный Императоръ спѣшилъ успокоить свою бабку и первымъ дѣломъ его было узнать о томъ, гдѣ ей угодно будетъ избрать мѣсто жительства. — Царица Бабка пожелала жить въ Москвѣ [1]; тогда, по приказанію Императора, ей отведены были покои въ Кремлевскомъ Дворцѣ, назначенъ особый придворный штатъ, съ содержаніемъ 60,000 рублей въ годъ и Гофмейстеромъ при ней назначенъ Генералъ-Маіоръ Иванъ Петровичъ Измайловъ [2].

Не успѣла еще Евдокія Ѳеодоровна выѣхать изъ Шлюссельбурга, какъ Свѣтлѣйшій Князь Меншиковъ прислалъ къ ней просить милостиваго соизволенія на бракъ ея внука, Императора Петра II съ его дочерью. Давъ свое на то согласіе, Царица-Бабка [3] спѣшила отъѣздомъ, и вскорѣ она прибыла въ первопрестольную столицу нашихъ Царей, съ царскою почестію. Недолго однако она оставалась въ Кремлевскихъ чертогахъ. Тридцать лѣтъ безпрестаннаго уединенія и заточенія, отучили ее отъ свѣтскаго шума; она вскорѣ покинула дворецъ и удалилась въ дѣвичій Вознесенскій монастырь [4], гдѣ рѣшилась ожидать своихъ внуковъ.

Свиданіе это произошло почти чрезъ годъ. 9 Января 1728 года Императоръ Петръ II выѣхалъ изъ С. Петербурга въ Москву для коронаціи, и на пути своемъ, въ семи верстахъ отъ Москвы, занемогши 19 того же Января, онъ пролежалъ двѣ недѣли въ загородномъ домѣ Грузинской Царицы [5]. Здѣсь произошла встрѣча Царицы-Бабки съ внуками. Торжественно и умилительно было это свиданіе! Воспоминанія о сынѣ, о прошедшихъ страданіяхъ, такъ были сильны, что Царица-Бабка, заливаясь слезами, цѣлый часъ не могла промолвить слова. Къ сожалѣнію однако, вскорѣ послѣ того, холодность поселилась между Бабкою и внуками; причиною тому были, какъ полагать должно, неуживчивость Царицы и ненависть ея ко всѣмъ нововведеніямъ. Одинъ случай еще болѣе разобщилъ ихъ взаимныя чувства: 24 Марта 1728 года подкинуто было письмо на имя Государя, въ которомъ выхваляли поступки Князя Меншикова, находившагося уже въ ссылкѣ; по строжайшемъ розысканіи оказалось, что оно было написано духовникомъ Царицы Бабки [6]; виновный подвергся должному наказанію, и съ того же времени Евдокія Ѳеодоровна почти вовсе не являлась уже ко Двору. Въ оффиціальныхъ извѣстіяхъ сохранилось только свѣдѣніе, что она присутствовала при обрученіи Петра II съ Княжною Долгоруковою [7].

Удалившись отъ свѣта, съ сердцемъ, исполненнымъ самыхъ грустныхъ воспоминаній, Царица-Бабка и въ преклонныхъ своихъ лѣтахъ не наслаждалась также счастіемъ тихой уединенной своей жизни. 22 Ноября 1728 года сердце ея было поражено новымъ, печальнымъ извѣстіемъ о смерти Великой Княжны Наталіи Алексѣевны, на 15 году отъ рожденія, прекрасной, по отзыву всѣхъ современниковъ, какъ душею, такъ и наружностію [8], а 19 Января 1730 года, къ скорби ея и всей Россіи, скончался 14-ти лѣтній Императоръ Петръ II [9], подававшій самыя блистательныя надежды.

Смерть юнаго Государя, взволновавшая придворныя крамолы, побудила еще болѣе Царицу-Бабку уединиться въ Вознесенскомъ монастырѣ; тамъ ей сдѣлано было предложеніе вступить на престолъ послѣ кончины внука, но она съ благоразумною твердостію отвергла его [10], сознавая, что не шестидесяти-лѣтней слабой женщинѣ, проводившей половину своей жизни въ тѣсной монашеской кельѣ, было принять кормило правленія и укротить крамольныя партіи придворныхъ, возмечтавшихъ о себѣ такъ много, послѣ смерти Петра Великаго.

Съ равнодушіемъ смотрѣла Евдокія Ѳеодоровна на вступленіе на Престолъ Анны Іоанновны, которая, по пріѣздѣ въ Москву, обошлась съ нею весьма ласково [11]. Въ послѣдній разъ Царица-Бабка явилась ко Двору, въ день коронаціи Императрицы Анны Іоанновны, 28 Апрѣля 1730 года.

---

(1) Царствованіе Петра II, соч. Арсеньева, Т. I, стр. 15. — (2) Обзоръ главнѣйшихъ происшествій въ Россіи, съ кончины Петра Великаго до вступленія на престолъ Елисаветы Петровны, Соч. Вейдемейера. — (3) Material. zu der Rus. Geschichte, Schmidt. Phiseld. T. I, s. 356 и 360.—(4) Обзоръ главн. происшеств. въ Россіи, Вейдемейера, Т. I, стр. 48. — (5) Арсеньева, Царствованіе Петра II, Т. I, стр. 90—92. — (6) Тамъ же, Т. I, стр. 92 и 93. — (7) Реляція о высокомъ Его Императорскаго Величества обрученіи 30 Ноября 1729 года. — (8) См. жизнеоп. Великой Княжны Наталіи Алексѣевны въ этомъ изд.— (9) См. жизнеоп. Императора Петра II въ этомъ изд.— (10) Обзоръ главнѣйшихъ происшествій въ Россіи, съ кончины Петра Великаго до вступленія на престолъ Елисаветы Петровны, соч. Вейдемейера, Т. I, стр. 94. — Materialen zu der Russischen Geschichte seit dem Tode Kaiser Peters der Grossen. Schmidt. Phiseldecks, T. II, s. 5.— (11) Busching. Anmer. zu der deutch. Ubersetz. Volt. Geschichte Peters der Gros., T. I, s. 385—388.

Г-жа Рондо, жена Англійскаго консула, въ письмахъ своихъ [1], передаетъ это такъ: «До начатія «обряда коронаціи, Царица-Бабка тайно пріѣхала въ церковь; по окончаніи онаго, она оставалась тамъ « нѣсколько времени, пока подъѣхала ея карета; она не хотѣла въ тотъ день обѣдать во дворцѣ, по «причинѣ своего монашескаго платья . . . . Придворное обращеніе еще не забыто ею. Она уже по- «жилыхъ лѣтъ и очень полна, но еще сохранила остатокъ красоты. Ея видъ важенъ и скроменъ, а «въ глазахъ ея видна кротость и вмѣстѣ чрезвычайная живость; кажется, она проникаетъ въ сердца «тѣхъ, которые къ ней подходятъ.»

Въ слѣдующемъ 1731 году 27 августа, колоколъ Вознесенскаго монастыря возвѣстилъ Москвѣ о кончинѣ старицы Елены, на 62 году отъ рожденія [2]. Она похоронена въ Новодѣвичьемъ монастырѣ.

На правой рукѣ, у перваго отъ входа столба, стоитъ гробница, на которой поставлена надпись, вычеканенная на небольшой мѣдной высеребренной доскѣ, слѣдующаго содержанія: «1731 мѣсяца авгу- «ста 27 числа, преставися раба Божія Государя Царя перваго Императора Петра Алексѣевича су- «пруга его первая Евдокія Ѳеодоровна родилась въ 17 . . году, въ монахиняхъ Елена.»

Евдокія Ѳеодоровна была послѣдняя Царская супруга изъ Русскаго дворянскаго рода.

Сочувствуя вполнѣ страданіямъ Царицы Евдокіи Ѳеодоровны, нельзя однако не замѣтить, что она сама была виновницею всѣхъ своихъ несчастій!

---

(1) Lettres d'une dame anglaise, résidente en Russie, à son amie.— (2) Родословный сборникъ Кн. П. В. Долгорукова, Т. II, стр. 58.

Въ Типографіи Втораго Отдѣленія Собственной Е. И. В. Канцеляріи. Печатать позволяется. С. Петербургъ, 23 Ноября 1855 года. Цензоръ *А. Фрейганъ*.

Печат: д' Арленгъ.

Съ портрета находящ. въ ИМП. Романовск. Галлереѣ

Изд: Г.К.Фридебурга.

Ц. Екатерина

ЕКАТЕРИНА I АЛЕКСѢЕВНА

урожденная

СКАВРОНСКАЯ

Императрица Всероссійская

Вторая Супруга Императора Петра Великаго

Родилась 6 Апрѣля 1684 года
Вступила на Всероссійскій
Престолъ 28 Января 1725 года.

скончалась 6 Мая 1727 года.
Погребена въ С.Петербургскомъ-
Петропавловскомъ Соборѣ.

Печатать позволяется:
С.Петербургъ, 22 Сентября 1856 г.
Цензоръ А.Фрейгангъ.

Печат: В Дарлингъ. | Съ портр: находящ: въ Успенск: Александровск: монастр: | изд: Г.К. Фридебургъ

МАРѲА АЛЕКСѢЕВНА

ВЪ МОНАШЕСТВѢ

МАРГАРИТА

Дочь Царя Алексѣя Михаиловича и Царицы Маріи Ильиничны.

Родилась 25 Августа 1652 года
Скончалась 19 Іюня 1707 года.

Погребена въ Александровскомъ Успенскомъ женскомъ монастырѣ.

Печат: позволяется.
С Петербургъ Сентября 14. дня 1857 г.
Цензоръ А. Фрейганг.

Печат: д'Арленъ. Съ портр. наход. въ рукоп: Боярина Матвѣева. Изд. Г. К. Фридебурга

АЛЕКСѢЙ АЛЕКСѢЕВИЧЪ

сынъ Царя Алексѣя Михаиловича и Царицы Маріи Ильиничны.

Родился 5 Ноября 1654 г.
Скончался 17 Января 1670 г.

Погребенъ въ Московскомъ Архангельскомъ соборѣ.

Печатать позволяется.
С. Петербургъ, Сентября, 1855 г.
Цензоръ А. Фрейгангъ.

Печат. Гундризеръ. Съ фотографическаго отпечатка, сдѣланнаго съ натуры, по заказу издателя. Изд. Г. К. Фридебургъ.

ПАМЯТНИКЪ ИМПЕРАТОРУ ПЕТРУ I^МУ

Сооруженъ Императрицею Екатериною II^ю въ С.Петербургѣ, на Петровской площади 7 Августа 1782 года.

По проэкту составленному и исполненному иностраннымъ художникомъ Фальконетомъ, съ помощію дѣвицы Коллотъ, лѣпившей голову всадника и ваятеля С.Петербургской Академіи Художествъ Гордѣева, лѣпившаго змѣя.

Памятникъ изображаетъ Императора Петра I^го, *верхомъ на конѣ, вскочившаго на каменную утесъ и заставившаго конемъ попирающаго змѣя; лѣвою рукою Государь держитъ поводы, а правую руку спокойно простеръ долу. — Онъ представленъ въ лавровомъ на главѣ вѣнкѣ и въ фантастической одеждѣ, непринадлежащей собственно ни какой нацiи, но имѣетъ тунику, короткiе сапоги, и мантiю, покрывающую весь станъ, у лѣваго бедра длинный мечъ, на конѣ вмѣсто сѣдла медвѣжья шкура.*

На камнѣ сдѣланы золотыми буквами надписи:

Со стороны Адмиралтейства — Петру перьвому, Екатерина вторая, лѣта MDCCLXXXII.
Со стороны Правительствующаго Сената — Petro Primo, Catharina Secunda MDCCLXXXII.

Всадникъ, конь и змѣй, изъ литой бронзы, вышиною 17½ футовъ; подножiе изъ цѣлаго гранита, въ которомъ по справедливости содержится до 75 т. пудовъ вѣсу, и мѣрою: въ вышину – 13 ф., въ ширину, по нижней части – 21 ф., и въ длину 43 ф., считая въ томъ числѣ приставленные куски, къ переднему концу въ 9 ф. и къ заднему концу въ 6 футовъ.

Памятникъ обнесенъ круглою желѣзною рѣшеткою, въ видѣ копiй, острые концы которыхъ вызолочены; эта рѣшетка, съ гранитными четырегранными столбами, утверждена на каменномъ цоколѣ.

Разросшiйся кругомъ камня кустарникъ, очищенъ въ Маѣ мѣсяцѣ 1858 года, предъ освященiемъ Исаакiевскаго Собора и вся площадка внутри рѣшетки, вымощена дерномъ.

Печатать позволяется.
С.Петербургъ 27 Мая 1858 года.
Цензоръ А. Фрейганъ.

Печат: д'Арленгъ. Съ портрета наход. въ ИМП. Роман: Галлереп. Изд: Г. К. Фридебургъ.

АЛЕКСѢЙ ПЕТРОВИЧЪ

сынъ Царя Петра Алексѣевича.

Родился 19 Февраля 1690 г.
Скончался 26 Іюня 1718 года.

Погребенъ въ С. Петербургскомъ Петропавловскомъ Соборѣ.

Печатать позволяется
С. Петербургъ, Ноября 17 дня 1856 г.
Цензоръ А. Фрейганг.

Печат. д'Арленгъ. Съ портрет. находящ. въ ИМП: Романовской Галлереѣ. Изд. Г. К. Фридебургъ.

Анна

АННА ПЕТРОВНА

Дочь Государя Петра I и Государыни Екатерины Алексѣевны

СУПРУГА ГЕРЦОГА КАРЛА, ФРИДРИХА ШЛЕЗВИГЪ-ГОЛШТЕЙНЪ-ГОТТОРПСКАГО.

Родилась 27 Ноября 1708 года.
Вступила въ
Супружество 21 Мая 1725 года.

Скончалась 4 Марта 1728 года
Погребена въ С. Петербургскомъ
Петропавловскомъ Соборѣ.

Печатать позволяется
Петербургъ Января 21 дня 1858 г.
Цензоръ А. Фрейгангъ.

Печат: д'Арленъ. | Съ портр. наход. въ рукоп. Болрина Матвѣева. | Изд. Г. К. Фридебурга.

ДМИТРІЙ АЛЕКСѢЕВИЧЪ

сынъ Царя Алексѣя Михаиловича
и Царицы Маріи Ильиничны.

Родился 22 Октября 1649 г. | Погребенъ въ Московскомъ
Скончался 6 Октября 1651 г. | Архангельскомъ соборѣ.

Печатать позволяется
С. Петербургъ Сентября дня 1855 г.
Ценсоръ А. Фрейганъ.

Печат. д' Арленъ. Съ портр. наход. въ рукописи Боярина Матвѣева Изд. Г.К.Фридебурга.

СИМЕОНЪ АЛЕКСѢЕВИЧЪ

Сынъ Царя Алексѣя Михаиловича и Царицы Маріи Ильиничны.

Родился 3 Апрѣля 1665 г.
Скончался 18 Іюня 1669 г.

Погребенъ въ Московскомъ Архангельскомъ Соборѣ.

Печатать позволяется
С.Петербургъ 19 Іюля 1853 г.
Цензоръ А. Фрейганъ.

Печат: д'Арленгъ. Съ Современ: портрета, гравир: на меди Акад: Вортманомъ. Изд: г. К. Фридебургъ.

Анна

АННА ЛЕОПОЛЬДОВНА

Супруга Принца Брауншвейгъ Люнебургскаго

АНТОНА УЛЬРИХА

Родилась 7 Декабря 1718 года.
Вступила въ супружество 3.го
Іюня 1739 года.

Скончалась 21 Марта 1746 года.
Погребена въ Благовѣщенской
Церкви С. Петербургской Алексан-
дро-невской Лавры.

Печатать позволяется
С. Петербургъ Февраля
3 дня 1857 г.
Цензоръ А. Фрейганъ.

Печат. Гундризеръ. Съ гравюры Шмидта Изд. Г.К. Фридебургъ.

Елисавет

ЕЛИСАВЕТА ПЕТРОВНА

Императрица и Самодержица Всероссійская.

Родилась 18 Декабря 1709 года.
Вступила на Престолъ
25 Ноября 1741 года.

Скончалась 25 Декабря 1761 года.
Погребена въ С. Петербургскомъ
Петропавловскомъ Соборѣ.

Печатать позволяется
С. Петербургъ 11-е Ноября 1858 года.
Цензоръ А. Фрейгангъ.

Печ: д'Ардель. Рис: съ порт: ИМП: РОМ: Галлерей. Изд. Г. Фридебургъ.

Наталья

НАТАЛІЯ АЛЕКСѢЕВНА

Дочь Царя Алексія Михаиловича

Родилась 22 Августа 1673 г. | Погребена въ С. Петербургскомъ
Скончалась 18 Іюня 1716 г. | Александро-Невскомъ монастырѣ.

Печатать позволяется.
С. Петербургъ 13 Апреля 1853 года.
Цензоръ Кроловъ.

Печат: д'Арленгъ. Съ портр: находящ: въ ИМП. РОМ: Галереѣ. Изд: Г. К. Фридебургъ.

НАТАЛІЯ ПЕТРОВНА

Дочь Императора Петра I^го^ и Императрицы Екатерины I^ой^.

Родилась 20 Августа 1718 г. | Погребена въ С. Петербургскомъ
Скончалась 4 Марта 1725 г. | Петро-Павловскомъ Соборѣ.

[illegible] Декабря 1857 г.
Цензоръ [illegible]

Печат: Гундризеръ. Съ грав: Акад: Вортмана въ 1740 г. сдѣланной по портрету Глав: Придвор: худож: Каравака писавшаго съ натуры. изд: Г. К. Фридебургъ.

Анна

АННА ІОАННОВНА.

Императрица и Самодержица Всероссійская

дочь Царя Іоанна Алексѣевича, супруга Герцога Курляндскаго, Фридриха Вильгельма.

Родилась 28 Января 1694 года.
Вступила
на Престолъ 4 Февраля 1730 года.

Скончалась 17 Октября 1740 года.
Погребена въ С. Петербургскомъ
Петропавловскомъ Соборѣ.

Исправно повѣряется
С. Петербургъ, Іюля 17 дня 1858 года
Цензоръ А. Фрейганг.

Изд. Фридебургъ.

Печ: Дарленгъ.

Масштабъ

ПАМЯТНИКЪ

ЦАРЮ МИХАИЛУ ѲЕОДОРОВИЧУ и КРЕСТЬЯНИНУ ИВАНУ СУСАНИНУ

Сооруженъ въ Г. Костромѣ 14 Марта 1851 года на Сусанинской площади, по проэкту составленному ректоромъ Академіи Художествъ Демутъ-Малиновскимъ.

Бюстъ Царя, статуя Сусанина, барельефъ, гербы, капители и базы гальванопластическіе, Государственный гербъ и вѣнки около Губернскаго герба вызолоченные, колона и пьедесталъ гранитные, рѣшотка кругомъ памятника чугунная. — На пьедесталѣ кругомъ надписи:

съ правой: Ивану Сусанину,
за Царя,
Спасителя вѣры и Царства животъ положившему,
благодарственное потомство.

съ лѣвой: 1613 годъ.

на противуположной 1851 годъ.

УСЛОВІЯ ПОДПИСКИ:

Подписка на изданіе РОССІЙСКІЙ ЦАРСТВЕННЫЙ ДОМЪ РОМАНОВЫХЪ принимается двоякая:

	СЪ ДОСТАВКОЮ.	БЕЗЪ ДОСТАВКИ.
1) Съ платежемъ денегъ впередъ за 10 тетрадей:		
иллюминованныхъ	**13 р.**	**12 р.**
не иллюминованныхъ	**8 — 50 к.**	**7 — 50 к.**
2) Съ платежемъ денегъ за каждую тетрадь отдѣльно:		
иллюминованную		**1 р. 50 к.**
не иллюминованную		**1 — — — сер.**

Въ семъ послѣднемъ случаѣ для обезпеченія издателя надлежитъ внести за первую тетрадь двойну плату, такъ что послѣдняя тетрадь будетъ выдана безденежно.

Покупка тетрадей и рисунковъ на выборъ не допускается.

Гг. Иногородные, для избѣжанія дробныхъ расчетовъ благоволятъ присылать деньги не менѣе какъ 5-ть тетрадей т. е. 7 р. 50 к. или 5 р. прилагая на пересылку по почтѣ какъ за 10 фунт., тетради же б дутъ доставляемы къ нимъ по мѣрѣ выхода, по двѣ вмѣстѣ.

Подписка на изданіе «РОССІЙСКІЙ ЦАРСТВЕННЫЙ ДОМЪ РОМАНОВЫХЪ» принимается въ книжно магазинѣ Печаткина, на Невскомъ проспектѣ, въ домѣ Армянской Церкви.